

Вадим Соловьев

*Живите радостно
или
Сестрорецкая скорпишь*

ББК 84Р7-4 (Санкт-Петербург) С60

С60 **Вадим Соловьев**

«Живите радостно, или Сестрорецкая скоропись»,
/СПб., 2012 - 376 с.

ISBN 5-88485-202-9

В этой книге журналист Вадим Соловьев рассказывает о наиболее интересных эпизодах своей жизни, большая часть которой связана с Курортным районом и городом Сестрорецком.

Автор обладает собственным взглядом на события, происходившие за последнюю четверть века, поэтому ни в коей мере не претендует на истину в последней инстанции. Он просто фиксирует многочисленные факты, уже позабытые многими людьми или прошедшие мимо их внимания.

Калейдоскоп жизни глазами журналиста — что может быть увлекательнее и интереснее?

376 с, с илл.

(фотографии, рисунки, репродукции)

ББК 84Р7-4 (Санкт-Петербург)

Редакторы: *Николай Солохин, Нина Косматова*

Подбор иллюстраций: *Анна Кондратьева,*
Марина Пименова

Корректор: *Нина Солохина*

© *В.А.Соловьев*, все права на тексты

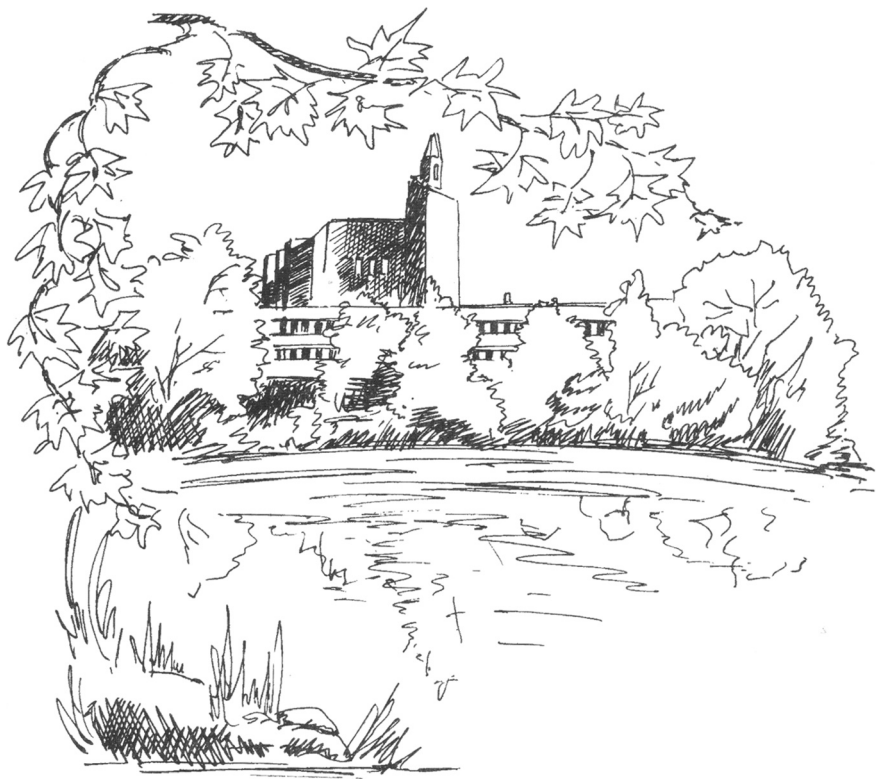
© Оригинал-макет: Борис Калашников

© Обложка и рисунок на стр.3: Марина Пименова

ISBN 5-88485-202-9

© СПб, 2012

Друзьям и недругам посвящается.
Автор

Господи, будь милосерден, спаси, сохрани
Наш маленький город
 под тяжело нависнувшим небом,
С запахом гари и дымом пропахшего хлеба,
Господи, будь милосерден, спаси, сохрани!

К ДЕЛУ ПРИЧАСТЕН

В Ваших руках оказалась книга Вадима Соловьева «Живите радостно, или Сестрорецкая скоропись» (СПб, 2012). Что ж, как один из первых ее читателей, поздравляю: читать ее интересно... Но здесь хочется говорить о другом – об авторе.

Вадим пишет в статье «По следам моей памяти» в книге Николая Солохина «Исторические миниатюры. Этюды о современности» (СПб – Сестрорецк, 2011):

«В моем журналистском становлении было несколько человек, сыгравших большую роль, прежде всего учительскую: Анатолий Степанович Ежелев, Александр Александрович Юрков и Николай Дмитриевич Солохин».

Люди названы известные, именитые. В таком «кругу» и мне не скучно. Однако хочется возразить автору сразу же. На мой взгляд, по существу, это неверно. За сорок лет нашего общения, я уяснил, что главным действующим лицом становления Вадима Соловьева в журналистике был он сам.

Да, Вадим Алексеевич Соловьев сделал себя сам. Читая книгу, Вы можете убедиться в этом. И «калейдоскоп событий глазами журналиста» раскручен по его сценарию самовито! Пишет он хорошо.

Хочется пожелать удачи и впредь на сложном литературном поле: признания читателей, что «человек не зря из дома вышел»

Николай Солохин

*Санкт-Петербург
16.01.2012*

Было...

Когда деревья были большими

...И вот эта самая дорога в Мельничном Ручье. Сразу после станции сворачиваю и иду, вглядываясь в дома. От платформы по улице Комсомола.

Бот он! Дом, полный детских и самых восторженных воспоминаний.

Переулок, заснеженный, а снег рыхлый, мокрый, но я смело сворачиваю, потому что очень хочу увидеть тот огромный бурлящий разлив, то просторное половодье, услышать тогдашний весенний гул, который так часто сопровождал меня во снах детства, увидеть те льдины, отрывающиеся от берега и кружащие в бурлящем море – они там, в конце переулка.

Но... стоп! Я жестоко обманут детским воображением – нет никакого бурного половодья, вообще нет никакого разлива в принципе, а есть канава, всего лишь канава, через которую я перешагиваю и на какую смотрю удивленно, потому что обманут, так жестоко и беспощадно обманут своей фантазией! Когда деревья были большими... Они у всех у нас в детстве были большими.

Я долго не могу встряхнуться от неожиданности, обескураженности. Наконец собираюсь с духом и прохожу на территорию своего детства, на меня удивленно и внимательно смотрит директор детсада:

– Вадик, это ты?

И тут же кричит какой-то сестре-хозяйке:

– Вадика помните, Соловьева? Пришел!

И мы долго сидим в кабинете директора, мне почему-то хочется плакать, и мы много говорим, очень говорим много,

вспоминаем мальчишек и девчонок, но и нет-то больше десяти минуло!

– Про Рашида ничего не знаете? Где он?

– Да, помним. Ты с ним дружил. Про Рашку ничего, а вот Серега Кузнецов артистом стал, в Москве, в «Современнике». Приезжал недавно. Бее ходил, удивлялся: в детстве все таким большим казалось, а сейчас крохотное.

Мы по-детски счастливы, по настоящему счастливы, когда в канавах - половодье, целый мир, необъятный, необозримый, свежий.

Но вот Рашку я уже никогда не увижу. И не найду. Темненький был такой, узбекский мальчик. Бот мы сидим вместе у телевизора, смотрим сказку. Избирательна детская память: отчетливо помню и комнату ту с телевизором, и сказку, какую смотрели – «Поющее звенящее деревце». И про Кота в сапогах.

И еще запомнилось из того времени: вместе с бабушкой и мамой мы сворачиваем с широкой улицы Комсомола к станции Мельничный Ручей, скоро поезд. Перед нами идет, согорбившись, руки за спину, старый бородатый мужчина. В каком-то сером сюртуке или ватнике, он идет, тяжело поднимая ноги. Л не могу оторваться от согбенной фигуры старика:

– Мама! Бабушка! А почему он руки за спиной держит? Ну почему?

– Как бы тебе помягче сказать... Ему так удобнее.

Что-то поразило меня в том старике, на всю жизнь. Шаркающая походка, руки за спиной, бредет по пыльной дороге. И ведь нет ничего в той сценке, абсолютно ничего нет, а вот запомнилась, стоит перед глазами и сегодня, привязалась картинка.

Страна такая, дороги такие пыльные. Поющее звенящее деревце. Подошла электричка.

* * *

Улица Чайковского, самое начало – от набережной Фонтанки, на правой стороне которой Летний сад, а левая – она родная сторона, солнечная, потому что из самого детства. В самом первом доме располагалась баня, та самая, в которой работала тетушка Аня банщицей, хотя всю жизнь мечтала быть народным судьей. Она мне об этом часто говорила, а книжка, которая странным образом единственная сохранилась на моих стеллажах до сих пор – «Суд идет», тети Аниной библиотечкой я пользовался всегда, все свое детство и юность.

А в соседнем доме жила наша большая семья. Предательски вычеркнула память номер квартиры – то ли 23, то ли 24, четвертый этаж (тетя Аля уточнила – номер квартиры 24). Больше чем полвека спустя судьба привела меня к этим домам на улице Чайковского: в бане оказался бизнес-центр, а в моем доме, как раз парадной, кафе, какое-то «Театральное», входа на лестницу уже не было вовсе, глухая стена. В кафе я посидел с ощущением какой-то непреодолимой грусти, и даже поговорил с буфетчицей, она вдруг рассказала, что иногда заходят бывшие жильцы подъезда, друг про друга спрашивают. Ностальгия.

Я вышел на улицу и пристально смотрел на узорчатый балкон на четвертом этаже, это был балкон большой комнаты, где жила бабушка и ее муж Алексей Иванович, и еще пять человек жили, в одной-то комнате, я эту большую квадратную комнату трепетно помню. И круглый стол помню, и как вокруг него на спине, встав на четвереньки, отец тети Али (на самом деле Валентины) катал меня и своего внука Витьку, двоюродного брата, который и не брат вовсе, а самый настоящий племянник – по очереди катал. Рядом с большой комнатой подлинному коридору было еще несколько соседских, а в торце была комната крестной. Крестная моя, Ольга Андреевна, страдала эпилепсией, случались тяжелейшие приступы, до тех пор, пока она не вышла замуж за дядю Колю. И только после замужества приступы прекратились, и то далеко не сразу.

Соседей в квартире было пятьдесят два человека. Это была большая коммуналка из тринадцати комнат. Рассказывали, что раньше этот дом считался казенным, а уже после переезда из него в самом начале шестидесятых, там устроили классы Мухинского художественного училища и мастерские «мухи». Как на самом деле и что точнее, я не знаю, но могу утверждать по рассказам старших, что когда это была большая коммуналка, то была дружная квартира, несмотря на скученность на кухне и общую густонаселенность. Все друг другу помогали, и лишь семья по фамилии Горб не пользовалась уважением: сразу после блокады она заняла комнату, принадлежащую нашей семье. Были многочисленные суды, и тетушка их преодолела.

В остальном же квартира была спокойной. Лишь об одной критической ситуации рассказывала мне мама, это когда вдруг стали пропадать с кухни и из ванной золотые и серебряные украшения, колечки, сережки и прочая блестящая лабуда. Соседи стали коситься друг на друга, действительно, было непонятно,

необъяснимо. Все разрешилось в один момент, когда мать увидела огромную крысу, которая схватила с подоконника на кухне серебряное колечко и шмыгнула в нору, где-то за батареей. И когда вскрыли полы, там оказалась целая горка блестящей шелухи, среди которой обнаружили все пропавшие кольца, сережки и часики. Мир в квартире был восстановлен.

* * *

Но воспоминания о квартире на Чайковской у меня все же больше связаны с образами о блокаде, навеванными рассказами старших. Как и всем ленинградским семьям, последняя война оставила свою страшную рану, свою выбоину.

Семейное придание гласит, что мой дед, Алексей Иванович, работал продавцом овощного магазина на Пестеля, я помню тот большой угловой магазин, потом там была булочная. А тогда время было еще довоенное, семья, как тогда говорили, если и не каталась «как сыр в масле», жила в относительном достатке, а семья, еще раз повторюсь, была очень большая.

У бабушки, Натальи Леонтьевны (а настоящее отчество ее – Львовна), в день начала блокады 8 сентября был день рождения, родилась она в 1888 году. Дед пришел к вечеру из магазина, сел за круглый стол в большой комнате и глухо сказал:

– Все. Как все. Точка. И никаких.

И семья переживала первые дни блокады как все, и последующие – как все, и ни крошки лишней, ни кусочка. Даже если было чуть и не так, то я хочу сохранить в памяти именно такую картинку.

Двое мужчин в семье умерли за неделю, всего за одну неделю, это были последние, предновогодние семь дней 1941-го. Сначала умер дед, Алексей Иванович, он лежал в большой комнате на столе. Через день умер Саша Соловьев, его сын, он лежал на другом столе совсем рядом. Перед самой смертью он просил пить, ему дали смоченную тряпочку и приложили к губам, он умер. «Как не хочется умирать» – последние слова.

Шурик Соловьев был очень красивым и молодым, он вернулся с финской войны, а в декабре 41-го замерз на невском льду неподалеку от Литейного моста – переход от Финляндского вокзала по толще льда казался проще и безопасней, но уже не было сил подняться, прохожие усадили на саночки и довезли до дома, подняли в квартиру. Уже и не встал.

И еще не вернулся с фронта его брат Ваня Соловьев, с Шу-

риком, рассказывали, были они – не разлей вода. Война разве-
ла навеки.

С детства меня водили на Большеохтинское кладбище, там
были похоронены многие родственники. Шурик Соловьев на
фотографии красив, всего-то 23 года. Еще на Большеохтин-
ском большая братская могила, где-то в одной из книг вычитал:
сюда свозили трупы замерзших горожан, вначале 42-го они ле-
жали здесь штабелями – до пяти тысяч человек одновременно,
и это была не самая большая толика таких же страшных гор
замерзших тел на Пискаревском...

Кому осталось навешать те родственные могилки? Да мне и
осталось...

* * *

Я не раз ловил себя на пафосной мысли, что величие Ленин-
града не столько в его архитектуре, красоте неземной, небес-
ной, сколько это в величии ленинградцев, прошедших блокаду.
Моему поколению в детстве было заложено понимание той са-
мой страшной на земле трагедии, блокадного ужаса осажден-
ного города. Можно говорить бесконечно, но все равно есть
вещи, которые не выразить словами, не передать. Муки и стра-
дания Ленинграда – они должны навсегда оставаться в генах
памяти коренных горожан.

Я много читал и читаю о блокаде, много слышал рассказов,
моя семья прошла через эту общенародную беду.

Маму девочкой вывезли из города, кольцо вокруг которого
вот-вот должно было замкнуться. Воскресным утром 22 июня
она была в пионерском лагере в Терийоках, ее приехали навес-
тить, тетя Аля рассказывала, что в самих Терийоках сразу чувс-
товалась какая-то напряженность, о начале войны уже было
объявлено, люди не знали, что делать, что предпринять. Тем
не менее, маму из лагеря в первый день войны не забрали, еще
не понимали всей опасности происходящего, а на следующий
день уже сами лагерные работники развозили детей по ленин-
градским квартирам. Очень скоро маму эвакуировали вместе с
другими детьми.

Многие же члены семьи остались в осажденном городе, тетя
Аля среди них.

* * *

...Потом блокадников предало государство, и предательство
это оказалось столь очевидным и позорным, что не требовало
лишних доказательств и рассуждений. И когда закрывали музей

обороны блокадного Ленинграда, и когда старательно замазывали правду о невыносимых страданиях ленинградцев. И когда 20 ноября 1975 года хоронили Ольгу Берггольц, напечатали некрологи только в день похорон – боялись, что ленинградцы выйдут на похороны, а так – не успевали, всего две сотни человек и было, а ведь этот человек – символ всего блокадного города! Почитайте у Даниила Гранина, там все понятно в его книге «Причуды моей памяти». А потом перечтите «Дневные звезды» Ольги Берггольц, прочитайте другие книги о блокаде, дневники современников, и вам станет ясно, как низко блокадников предали.

Цена победы оказалась слишком высока, цена спасенного города тоже, и дело не в том, что при обороне Ленинграда невероятное соотношение погибших (один к десяти – нападение и оборона, вместо одного к трем, как учат все стратегии мира), цену эту надо было обозначить достойно, навечно и твердо. И потом уж рассказывать о том, что только за первую блокадную зиму были расстреляны две тысячи человек, совершивших акты людоедства. Хотя об этом историки стараются стыдливо не говорить, но это – факты, и документы, что в годы войны в Разливе арестовали группу людоедок, совершавших свои преступления в поселках под Сестрорецком и в самом Сестрорецке, существуют (это были шесть женщин). Всех их, конечно же, расстреляли, но ведь умирали и от людоедства власти осужденные в камерах Сестрорецкого суда, который находился тогда в отобранной у верующих церкви святого целителя и великомученика Пантелеймона в Тарховке, людей же арестовывали за то, что они забивали остатки домашнего скота на своих подворьях. Судили и заталкивали в камеры, до Крестов было не довезти, невозможно было – не хватало бензина для транспорта... Вокруг храма в Тарховке, ныне восстановленного и игрушечного в красоте своей, погост, могилки на котором не обозначены, и украдены колокола, которые были здесь памятным знаком.

* * *

На Синявинскую улицу на Охте семья переехала жить, когда мне исполнилось шесть лет, был это 1959-й год. Отсюда через год вместе с Витькой я пошел «первый раз в первый класс», его школа находилась по соседству. Витьку я всегда называл и считал своим двоюродным братом, на самом же деле это было не совсем так, или совсем не так: его мама, тетя Аля приходи-

лась мне не тетей, а двоюродной сестрой, значительно старше по возрасту, но ровесника Витьку язык не поворачивался называть племянником: он был старше меня ровно на три месяца, родился 15 ноября 1952 года. Когда Витька получил свою первую двойку, мы, вырвав из дневника опасную страничку, усердно закапывали ее во дворе в землю, а нас звали с балкона на обед.

Мы жили на пятом этаже, в кирпичном доме, комната в коммуналке была угловой, а в квартире были еще две комнаты. Я жил с бабушкой, Натальей Леонтьевной, а остальная семья расположилась на этом же этаже, в двухкомнатной квартире напротив. Для меня двери той квартиры были распахнуты всегда. Сегодня из живших в той квартире уже нет никого в живых, я приехал в последний раз сюда после похорон мужа Лиды, тети Аниной дочери, Геннадия, его фамилия была Макаренко. В жизни он был для меня безусловным авторитетом, по выходным я любил его с Лидой теребить и требовать, чтобы вели в кино. Кинотеатр «Ладоба» был центром удовольствия, с Витькой мы захватили время, когда сами сооружали плоты и катались по воде в районе кинотеатра, которого тогда еще не было - наш квартал кирпичных пятиэтажек уже был окраиной. Но город стремительно рос, уходил новостройками в сторону Ржевки-Пороховых, пока не сросся с этим совсем уже старым, старинным районом.

В коммуналке на Синявинской в соседних комнатах жили еще две семьи - дядя Федя и тетя Сима, безвредные, в общем-то, люди. Во второй комнате с нами соседствовала семья Лядовых - тетя Тася, которая одна воспитывала сына Юрку и меньшую дочку Нину, Нинка была на целых два года старше меня, подруга по играм и долгим прогулкам. Это была настоящая детская дружба - от сбора конфетных фантиков и спичечных этикеток до походов по Свердловской набережной, до самого Металлического завода. Тогда еще завод назывался именем XXII съезда КПСС, я помню это название из громадных литых металлических букв на стене. Нина выросла до повара в какой-то столовой, а когда совсем повзрослели, дружба наша сама собой как-то прервалась, прекратилась, но все детство было наполнено теплыми, добрыми красками. Замужество у Нинки вышло неудачным, ее долговязого супруга я помню, форменный тунеядец, и брак распался, потому что был каким-то скоропалительным и непонятно кому нужным. А брат Нинки, Юрка Лядов, был

высок, плечист, обожал рыбалку и футбол. Женившись, чтобы смыться из дома, деловито собирался на рыбалку, потом возвращался через день или два, а «улов» я ему пару раз покупал в рыбном отделе магазина на шоссе Революции, сколько-то там килограммов. Его рассказы на кухне про рыбу, которая, «зараза, возьми и сорвись с крючка», были восхитительны и весьма разнообразны. Кроме жены и рыбалки Юрка любил футбол, где-то гонял мяч за какой-то заводской коллектив, но был явно могуч и способен на многое: однажды в квартиру приехал сам Артем Фальян, тренер «Зенита», и долго уговаривал Юрку заняться большим футболом, то есть тренироваться и играть за «Зенит». К удивлению, и даже сожалению всей коммуналки, он отказался. Больше всех сокрушался я, потому что уже пристрастился к футболу.

Коммуналка та, на Синявинской, конечно же, отрезок весьма значительный в моей жизни: это и детство, и юность. Здесь умерла моя бабушка, сюда я привел первую жену. Но о первой жене – или хорошо, или ничего. Поэтому ничего.

В той коммуналке я впервые столкнулся с грандиозной подлостью. Это когда умерла бабушка, в июле 75-го, на меня сразу же написали донос соседи – потомки дяди Феди и тети Симы (сами они уже не жили в квартире, переехали): хулиганю, пью, полный набор гадостей. Представьте себе изумление участкового, когда тот пришел разбираться, а я ему показал удостоверение «Комсомолки», милиционер долго вертел пальцем у виска и даже пригласил... в мороженицу. Потом я переехал на Петроградскую, а вся соседская семья кончила печально. Б ней умирали почему-то 8 марта, да и день рождения одной из дочерей, Лизы, был именно в этот день. Чуть было не отправился раньше срока на тот свет член это семейства Борис Иванович: когда я вышел из квартиры к родне напротив в новогоднюю ночь, всего на часик, а потом вернулся, то увидел коридор, набитый милицией и врачами. Врачи пытались морским кортиком разжать плотно стиснутые зубы соседа и никак не могли. Борис Иванович был отставным военным, раньше командовал подводной лодкой где-то на Тихоокеанском флоте и поэтому кортик в комнате был, именной, тут только я сообразил, в чем дело: оказывается, Борис, пока я был у родни в квартире напротив, зашел в мою комнату, увидел стакан с белой жидкостью на накрытом по-праздничному столе, решил, что водка, и хватил... пятновыводитель: я чистил серый пиджак, на который случайно

посадил жирное пятнышко, помазал его, протер и повесил пиджак на стул, а стакан с ядовитой жидкостью оставил на столе.

Что было! Глаза у Бориса дикие, навыворот - подводная лодка идет ко дну, бедный врач крутит в руках талмуд в тысячу страниц: БФ (клей) есть, растворители есть, а вот пятновыводителей - нет. Увезли Бориса Ивановича в реанимацию, через три дня встретил его поднимающимся по лестнице, зубы по-прежнему стиснуты. Шарахнулся...

После того случая довольно долго Борис Иванович не пил. Зазывал послушать свои морские байки, из которых я почему-то не запомнил ни одной, потом ударился в поэзию. С возрастом и не такое случается. Однажды постучал в стенку, позвал, и гордо продекламировал:

*Я вчера изловил таракана,
Обломал ему ног полудужье.
У него кровавая рана.
Бдительность – наше оружие.*

Шедевр военно-морского начальника запомнился навсегда.

Его жена Тамара, всю жизнь работавшая портной в Кировском театре, их дочь – повар на кораблях загранки, умерли с разницей в два дня, несколько лет назад, Тамара – у пивного ларька, дочь – дома.

* * *

Я вспоминаю бабушку свою, Соловьеву Наталью Леонтьевну, и помню слова дяди Володи Ткач о ней, очень правильные и очень добрые: «Она была истинно русской женщиной и очень мудрой».

Бабушка выглянула как-то в окно с пятого этажа, где была наша комнатка, и, увидев покрытые зеленой листвой деревья, перекрестила их и умиротворенно сказала: «Лес цветет!».

Она потом долго лежала, прикованная к постели старческим недугом, а я молил по ребячьи боженьку, чтобы жила моя бабушка как можно дольше и была бы здорова. С этими мольбами я засыпал многие месяцы детства...

* * *

Интернатское футбольное поле находилось сразу за школой и граничило с овощной базой, с другой стороны примыкавшей к станции Пискаревка. Футбольное поле для мальчишек – свя-

тая святых, и никого не смущало, что оно всегда было лишь земляное, на нем никогда не росло ни единой травинки. Главное – были настоящие футбольные ворота, с деревянными стойками и перекладинами, иногда на них натягивали сетку. Это случилось во время официальных соревнований, а такие состязания были почти всегда.

Я был довольно хилым, сухошавым мальчишкой, и по мощи вряд ли мог с кем-нибудь конкурировать, но в футбольных матчах участвовал непременно. Меня ставили в защиту, но однажды я поразил всех, обыграв всю команду по правому флангу, добежал до штрафной, переправил мяч на одиннадцатиметровую точку и... О, боже, Володька Бойцов приложился по мячу с такой силой, что снаряд, попав в перекладину, сокрушил ее, она с треском рухнула прямо на голову стоявшего на воротах несчастного одноклассника. Было много крови, но обошлось. В другой игре уже Володька умудрился засадить мне в голову, я рухнул, словно подкошенный.

Несмотря на страдания, футбол оставался нашей любимой игрой на все школьные времена. Я часто оставался на поле один, с угла штрафной тренировал удар по воротам – закручивал прямо в девятку, девять из десяти. Движком, толкающим всех в игру, был Юрка Крысанов, правая его нога была на несколько сантиметров короче левой, он хромал с детства. Но футбол обожал, и его прозвали Гарринчей. Именно он привил мне любовь к футболу, и именно с ним мы совершали первые набег на трибуны Кировского на матчи «Зенита», мы устремлялись на них гурьбой одноклассников. Потом были азартные поездки на переполненных трамваях и в автобусах на Крестовский остров, толкотня на кольце, двухкилометровый маршбросок к чаше стадиона, стотысячная ревущая и восторженная чаша...

Уже после школы, в 68-м, я оказался столь верным поклонником команды, что видел абсолютно все матчи команды в городе, да и питерского «Динамо» в тот год тоже все матчи видел. Еще играл с упоением Геннадий Орлов. А однажды в автобусе, самом обыкновенном автобусе на Финляндском, столкнулся лоб в лоб со Львом Бурчалкиным, и он дал мне автограф. Рыжий был выдающимся футболистом и кумиром мальчишек тех лет.

Лет через двадцать, когда в моей жизни было не все хорошо, мама моя, Ирина Алексеевна, представьте себе, поддеживала меня визитами на стадион, и даже стала разбираться в футболе,

уже игре на пятой кричала «Судью на мыло!» и ласковым словом «Мясо!» подбадривала московский «Спартак», который однажды переиграл «Зенит» 3:1, хотя наши тогда первыми открыли счет. Потом за спартачами ринулась толпа питерцев и гнала их по парку, а что уж там было можно только догадываться.

Но футбол – не драками, а волшебным действием на изумрудном четырехугольнике поля – впитался в кровь, от этой великой игры я всегда получал наслаждение, даже когда наши сдувались. За всю жизнь я так и не сумел догадываться в договорных матчах, но ведь эта маленькая главка – о футболе моего детства, а все, что в детстве – свято и непорочно. Благодаря великой игре, босоное детство мое, как и моих ровесников, было окрашено яркими, сочными, очень вкусными красками.

Бот уже почти ночь на дворе, аллея парка освещена фонарями, дождливый асфальт и мокрые желтые листья на нем, и ты в огромной лаве людей торопишься со стадиона, на трамвайное кольцо, а оно забито массой ревуших болельщиков, втискиваешься в трамвай, и катишь назад через весь город – на далекий проспект Мечникова... Что-то теплое в тех темных аллеях, что-то шемяще близкое.

Много лет спустя – сорок лет спустя, когда город прощался со стадионом им. Кирова, после матча с московским «Динамо», я задержался на пару минут на трибуне, последний раз взглянул на великую футбольную арену, и комок подступил к горлу, тысячи ленинградцев прощались со своими прошлым. Да что там греха таить – смахнул слезу, и тысячи людей испытывали тогда те же самые чувства.

* * *

...И вот после того, как мы, одноклассники, собрались в первый раз после тридцати четырех (!!!) лет разлуки, увидели друг друга и обнялись, прошли по коридорам интерната, заглядывая в свои классы, мы стали собираться каждый год, и это получилось как-то естественно, без особого напряжения. Собирались на квартире у учительницы нашей, Светланы Михайловны Голубковой, на Антонова-Овсеенко, дружно пировали – потому что даты встреч иногда подгадывались под день рождения учительницы – 15 января, собирались и много веселились, рассказывали о себе друг другу, много узнавали нового о своей нынешней жизни, и много из старой жизни открывалось тайн, какое великолепие удивительных историй и биографий!

А потом стали уходить из жизни, и получилось, что встретились вовремя, еще успевая повидать друг друга и обнять, в этом оказалась какая-то высшая справедливость. Но умер Серега Темнохуд, потом Болодык Бойцов, а жил-то он, оказалось, в соседнем доме на Большевиков и его все мы пришли хоронить, потом ушли Володя Голованов, Юрка Крысанов, потом умерла веселая и, казалось всем, беззаботная, Алиса Девлеткильдеева, хохотушка, но перед этим в один из последних дней августа 2006-го ушла от нас Светлана Михайловна, и мы собрались в крематории и попрощались с ней, тихо и печально, без всякой патетики, а потом поехали помянуть, в ее квартиру на Антонова-Овсеенко, и сидели, обнявшись, переживая самую большую общую нашу потерю, учительницу нашу.

А потом жизнь полетела, устремилась куда-то дальше, но мы все же по-прежнему встречаемся, каждый год, и договорились теперь иногда собираться в памятной и дорогой для всех нас квартире учительницы.

И это оказался самый большой урок нашей интернатской жизни – никогда не бросать друг друга.

* * *

Я родился в черную эпоху сталинизма.

Если быть точнее – на самом ее закате, а еще точнее - за две недели до смерти Сталина. 15 февраля 1953 года.

Уверяют, первые две недели новорожденный смотрит на мир «вверх ногами». Ученым людям, конечно, виднее. Еще говорят, что человек может помнить самое раннее из своего детства и даже младенчества. У меня ощущение первого воспоминания (именно ощущение) и первого восприятия жизни младенческое: я даже вижу себя на женских руках и крик свой слышу.

Отчетливо помню час моего крещения. Он был тоже в самом нежном возрасте. Таинство крещения совершалось в Спасо-Преображенском соборе, в него упиралась улица Пестеля, пересекая Питейный проспект, я четко ощущаю огромную серебряную чашу, куда меня готовы окунуть с головой и окунают, потом крестят и подносят ко рту просвиру. И кто бы ни говорил – маленький, мол, был, и помнить не можешь, отчетливо помню! Если человека долго преследуют стрессовые ситуации, так вот и благостные, благовейные – тоже. Память хранит исключительно избранные места, эпизоды, события.

Мама с юмором рассказывала, что священник, служивший

тогда в Спасо-Преображенском соборе, был необычайно красив, девчонки бегали слушать его службы, только бы смотреть на него. Мама тоже бегала. Грех, конечно, но не страшный ведь грех. Семья была набожной.

Здесь, может, время порассуждать и о «любви к отеческим гробам».

С самого детства меня водили на Большеохтинское кладбище, оно совсем недалеко от Синявинской улицы. Ходили мы туда всегда семьей, это я помню отлично. Сначала посещали могилку дяди Саши – мужа тети Ани, потом шли к нескольким могилам за ржавеющей от времени оградкой, где упокоились родственники, и мне почему-то всегда трудно давалось, кто кому приходится. Здесь могила Шурика Соловьева, писаного красавца, умершего в блокаду.

Теперь уже редко посещаю эти могилки. Большеохтинское кладбище в советское время перерезали лентой шоссе, я отлично помню, как родственникам похороненных на месте будущей трассы дали ровно год на перезахоронение останков родных. Тогда по городу прошла тихая, смутная волна недовольства – власти покусились на святое.

Кладбища, их история – неиссякаемая и интереснейшая тема для исследователей, но отношение к последнему приюту у нас в стране, в общем-то, безобразное, это видно невооруженным глазом.

Нет жизни без смерти, с годами проще смотришь на неизбежность. Великая Гурченко только и отдыхала, когда приходила на кладбища, она специально на них приходила, и это отнюдь не чудачество, это погружение в будущее, попытка обрести спокойствие. На старом, первом в Петербурге кладбище, Смоленском, среди старинных памятников и надгробных изваяний, испытываешь такое невесомое состояние – умиротворенности и пронзительной тишины, здесь во всем таинственность ушедших эпох.

Потом родственников стали хоронить на Южном кладбище. Там похоронена бабушка, там покоится дочка тети Ани Нина (по второму замужеству – Шоркина), она была двойняшкой Лиды (лежит на Северном), на том же Южном бабушка по отцу моей сестры Ани — Нина Васильевна, и муж ее, Алексей Иванович.

Приезжая на кладбище обхожу все могилки, хотя находятся они далеко друг от друга, в разных сторонах огромного погоста. И вот начинаю бывать все реже, так получается в жизни,

а любимую бабушку, Наталью Леонтьевну, хоронили 15 июля 1975 года, она дождалась, когда я вернусь из армии, этим и жила, наверное, дождалась и умерла. Я помню ее похороны, было очень много людей.

Маму, Ирину Алексеевну Кондратьеву, похоронил на Ковалевском кладбище, за девять лет до этого похоронили на Ковалевском вторую мою сестру, Ольгу. Долго я стараюсь приучить приходить хоть раз в год на могилку ее сына Пашку. Мне ясно одно: любовь к отеческим гробам надо прививать с самого раннего детства, сызмальства, потому что она и есть самая прочная ниточка, уводящая нас в прошлое семьи.

И есть повод посмотреть в небеса.

* * *

С мамой мы объездили достаточно красочных мест. Сначала, когда был совсем маленьким, я пару-тройку раз оказывался в пионерских лагерях, где мама работала, как правило, на кухне. Эти лагеря были на Карельском перешейке, сегодня я и не вспомню, какие именно, но точно был один из них на берегу Финского залива. Однажды в обед мы решили, что я не отправлюсь на тихий час, а после обеда пойдем за грибами.

Белые начали кучковаться прямо на территории лагеря, мы не вышли даже за забор. Грибов было много, а дальше, «за околицей», их оказалась вообще тьма-тьмушая. За какой-нибудь час мы собрали больше ста штук! Снимали боровички нежно, осторожно, стараясь не повредить грибницу. Но тот грибной променад запомнился совсем другим: я занес было ногу над ямкой, а в ней лежала настоящая мина времен войны! Занес ногу и остановился, подчиняясь какому-то инстинкту, нога так и зависла в полусогнутом состоянии. Я снаряды видел на картинках, это и тормознуло. Мама резко дернула меня за руку.

Вечером, когда пионеры-октябрята, и я среди них, уже спали, вдруг слышали взрывы – на место нашей страшной находки вызвали саперов, и они обанаружили не только «мою» мину, а еще несколько опасных снарядов. Я гордо, задрав нос до потолка, рассказывал в отряде, как чуть не подорвался на фашистской мине, и мне все завидовали.

Собирал я грибы с мамой и в Рошино, где она опять кухарничала в лагере, и куда я к ней часто навещался, и в Тарасово, за Зеленогорском, 15-й километр, там мама работала несколько летних сезонов. Тарасово было загородной вотчи-

ной ЛОМО, здесь по лесной дороге километра два до поселка, здесь были пионерский лагерь, база отдыха и тренировочное поле футбольного «Зенита», прямо на берегу какого-то озера. Футболистов в Тарасово я никогда не видел, а вот мимо домика легендарного гендиректора ЛОМО Михаила Панфилова, всего в километре от шоссе по лесной дороге, бегал часто. Бревенчатый дом, стога сена и поленицы с дровами во дворе, колодец – все было открыто любопытным глазам, да Панфилов и не прятался от людей, он их по-настоящему любил, поговорить с народом был совсем не прочь. Известен случай, когда Панфилов пришел в поликлинику на Чугунной улице (а поликлиника и больница славились на весь Ленинград), и тихо так, смиренно, сел в очередь, как обыкновенный посетитель. Врачи, увидев генерального на стульчике в очереди, чуть с ума не посходили, но тот наотрез отказался без очереди. И это лишь маленькая толика из великого множества рассказов о народном генеральном, его действительно уважали и искренне любили, я некоторое время работал в многотиражке ЛОМО «Знамя прогресса», и точно знаю, о чем говорю.

В Тарасово мы ходили за грибами каждый день, изыскивали с мамой треугольник в лесу, по которому и блуждали, однажды даже заблудились и начало темнеть, нервишки потрепали, но выбрались. Потом любимым местом стал второй километр за станцией Горьковская, это был проверенный маршрут, заходили в лес и снимали моховики с подберезовиками, белых там не было, а до Заходского далековато. Поездки такие за город мы совершали довольно часто и, оказавшись вдвоем в тихом лесу, или сидя на каком-нибудь поваленном дереве, мы размеренно рассуждали о жизни и наших делах. Уже потом, через годы, когда у матери стало нехорошо с ногами, и ей было за семьдесят, мы часто вспоминали наши чудные лесные вылазки, и мать сокрушалась, что вот возраст, и вот ноги уже не ходят, и не съездить в лес по грибы.

* * *

Из дальних поездок запомнились две. Одна была совершенно неудачная – в Хельсинки, шоп-тур, туда и обратно. В Финляндии дождь лил как из ведра, но по закону подлости при обратном пересечении финско-российской границы хлынуло солнце. Родина!

Еще дальняя поездка была в Крым, мать очень хотела уви-

деть Черное море, ну и повез я ее в Алушту и в Ялту. Стояла поздняя осень, сезон почти завершился, на набережной в Алуште убирали скамейки и зонты, уже никто не купался. Мы просто бродили по южному городку и лениво отдыхали, валялись дурака, что тоже иногда совсем неплохо, потом гуляли по набережной в Ялте, а на четвертый день поехали в Симферополь и встретили с ночного поезда Пашку, он-то на юг совсем не стремился, но, в конце концов, получил удовольствие, катаясь на лошадях по горным скатам крымских окрестностей. Здесь я и пугнул его на нервы. Мы вдвоем, и еще один мальчишка из частной гостиницы, где жили, забрались на «чертовом колесе» в самое поднебесье Алушты, а так как нас крутили всего троих в этот осенний день, то я загодя попросил смотрительницу аттракциона, остановить чертово колесо, когда мы достигнем небесного апогея. Что она, смеясь, и сделала, остановив вертушку, отправилась пить чай в зеленую будку.

Мы висели под небом Алушты и смеялись своему приключению.

Вернулись в Питер, стояла промозглая, скользкая, дождливая непогода. Так мы ухватили лишь последний кусочек южной осени.

* * *

Почему-то вспомнилось небольшое черное болотце на окраине деревушки Сяндеба за Олонцом.

Учился в техникуме, когда вдруг собрались в поездку на автобусе – устанавливать в деревеньке памятник ополченцам. Я совершенно ничего не знал о тех ополченцах Великой Отечественной, об их подвиге, об их бое на этом кусочке земли. Но помню огромную стальную стелу, которую торжественно открывали утром следующего дня после нашего приезда в деревню, она серебрилась, искрилась на солнце. Помню, что в деревушке мы не задерживались, днем двинулись в обратный путь. Но та поездка запомнилась на многие годы: рано утром я вышел на окраину Сяндебы и оказался в леске, березовом и прозрачном, я стоял на болотной кочке, вокруг – черная тихая вода, кружили, опадали желтые листья с тонких березок, и я застыл на этой кочке как вкопанный, очарованный, восторженный – тишина и красота были столь велики и чем-то необъяснимо значимы, в то же время хрупки и прозрачны.

Я часто вспоминаю то черное болотце на деревенской ок-

раине, ту манящую тишину карельского леса, то спокойствие, какое нам дарит природа, ту возможность единения, слияния с вечным творением свыше. Вот из таких кусочков, тряпиц бытия и ткется понятие Родина, а «моя Родина – СССР» – так это совсем непонятно, я за уральскими горами и в жизни ни разу не был. Нет, моя Родина – там, где родился и вырос, куда сердцем тянет. Места притяжения – вот, где Родина, места детства – вот где все, что в сердце.

Удалось ознакомиться с подшивкой «Ленинградской здравницы» за 1953 год. Ее случайно спас юноша из Зеленогорска, когда его бабушка уже собиралась вынести раритет на помойку. А собирал газету и подшивал ежегодно его дедушка Михаил Ефимович Прокопович, уж не сказать, что подвигло его к такому странному коллекционированию прессы сталинской эпохи.

О мальчишеской сметливости узнал журналист Сергей Кукушкин, познакомил с древней подшивкой и меня. Я, конечно, кроме некролога и плачей о Сталине, изучил номер газеты за 15 февраля.

Как потом отметил Кукушкин в статье о находке, в номере от 15 февраля (№20/1213) «представлен шикарный образчик «Холодной войны» – идеологическое противостояние СССР капиталистическому миру. На левой полосе разворота заголовки: «Сталинская забота о здоровье трудящихся» и «Советское здравоохранение на службе у народа». На другой половине – «В странах капитала – нищета, болезни, голод», «Сорок миллионов американцев лишены медицинской помощи», «9.000.000 психически больных», «Есть ли жизнь в Турции?». Материалы, в духе времени, мощно конкретизируют, усиливая впечатления читателя от увиденных заголовков».

В это утро родился я (и не в Турции), в 7.15 утра, но в газетах об этом не написали, ни через день, ни через два, ни через три.

Прошло чуть больше двух недель, как умер вождь «всех времен и народов» «великий» Сталин.

ЭТО БЫЛА ВЕЛИКАЯ СТРАНА. ОНА НЕ БРОСАЛА СВОИХ ДЕТЕЙ

Первая моя учительница Светлана Михайловна ГОЛУБКОВА умерла 26 августа 2006 года. Последний урок Светлана Михайловна провела в свой день рождения. Он был посвящен истории Храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

В один из последних дней сентября 2002 года – 34 года спустя – выпускники школы-интерната 66 на проспекте Мечникова в Санкт-Петербурге вновь сели за парты. Светлана Михайловна Голубкова, учительница, которая в далекие семидесятые вела ребят с первого по восьмой класс, начала урок. К этому необычному для всех уроку она долго готовилась. У сидевших за партами навертывались слезы.

Ей был 71 год, ученикам – почти всем по 50.

...И спросила нас Светлана Михайловна: какой день интернатской жизни запомнился больше всего?

Очень разные были ответы и, конечно же, очень добрые. Я рассказал: для меня воспоминания о школе, об интернате, почему-то начинаются с 12 апреля 61-го, когда в класс вошла учительница и торжественно объявила: «Человек в космосе!».

Именно так и никак иначе: мы, сумасшедшие, прыгали по партам, бесились, ликовали, в

сущности ничего не понимая, но уроки в тот день отменили. И когда я спрашиваю себя, почему память моя ведет отсчет школьных лет именно с этого дня и часа, отвечаю: в этот миг появилось чувство гордости и слово «Родина» перестало быть каким-то абстрактным и непонятным, конкретизировалось в имени Гагарина, в величии Человека и моей Страны.

Вечером прибежал домой, гордо выпалил своей бабушке: «Человек в космосе! И Бога он там не видел!». «Не долетел голубчик!» – сказала Наталья Леонтьевна и перекрестила меня грешного, еще долго потом молясь на образок. (Удивляясь услышанному- и пугаясь одновременно).

И еще воспоминание, очень яркое, и понятно мне почему. За классным окном брызжет солнце, на дворе синий-синий апрель, а Светлана Михайловна пересказывает нам «Филиппок» из учебника, ах, из какой красивой, потрясающе яркой книжки! И как волшебной, торжественно она пахла, как красиво блестела

обложка, какой голубизной сиял снег на картинках! Как потрясаяще это запомнилось и впиталось в меня.

Мы шли по коридорам интерната и все узнавали. И актовый зал, где проходил выпускной бал, а сейчас идут уроки танцев, и рекреации, и каждый закуток, и столовую, в которой нынче даже буфет, и спальни... Мы не ошиблись партами, рассаживаясь за них, это в принципе было невозможно, как невозможно забыть то время, каждому взрослому по особому дорожное, навсегда безвозвратное, но Судьба дала окунуться на миг в Детство –далекое, трудное, однако чрезвычайно счастливое, потому что нет в жизни счастливее школьной поры.

От нашей мальчишеской бо-соногой саранчи страдала округа - это правда. Мы не спрашивали сторожей, можно ли взять арбуз с овощебазы у станции Пискаревка, мы захватывали их десятками, эти арбузы, писаясь потом от души, огурцы похищали бочками, витаминный завод за больницей Мечникова «снабжал» нас ящиками с глюкозой в ампулах, эх, босота шкодливая, а ведь как чудесно! И девчонки перецелованные, затиснутые в школьные закутки. Как краснела Леночка Андропова, смугленькая наша отличница, с красным галстуком на шее, ах! Настоящая пионерка.

Не вернуть. Никогда. И вдруг ночной звонок (только вернулся из Сестрорецка) – неожидан-ный, потрясающий просто: Света Калачева, девчоночка в очках, решила вдруг всех найти, услышать, увидеть, собрать. Был озадачен и растерян, и все растеряны были - ведь столько лет прошло, все давно разминулись, разбежались, но давайте-ка, попробуем «строить цепочки», искать друг друга.

Удивительный первый результат: одноклассник Володя Бойцов живет... в соседнем доме, здесь, на Большевиков, мы семь лет ходим мимо друг друга, не узнавая, не отличая в толпе... И Юрка Крысанов рядом, и Толик Смирнов, да все рядом, а Светлана Михайловна на Антонова-Овсеенко, на соседней улице. Шок.

Я набираю номер телефона и слышу родной голос из детства, такой далекий, такой добрый, такой знакомый: «Ну, здравствуй, Вадик, конечно же, узнаю».

Светлана Михайловна потрясла всех:

«Я задам вам загадки про каждого из вас, а вы себя узнавайте».

Она любила всех нас, непослушных, хулиганистых-сорванцов, она так любила и так лелеяла, что в каждой загадке узнавался каждый. Черточки наших детских характеров Светла-

на Михайловна пронесла через всю свою учительскую жизнь, и это достойно нашего потрясения.

Потрясения и счастья — ведь нас любили. Нас любили все наше детство, не сложившееся в полную чашу, все мы были из неполных или трудных семей, у некоторых не было родителей совсем. Светлана Михайловна их нам заменила — и матерей, и отцов, это правда, это так, невозможно и не нужно оспаривать, потому что все мы были в тепле, в уюте и ласке, пусть совсем не по комфортным нынешним меркам существования, но это была наша эпоха, наше время и наша страна.

Это была Великая Страна — она не бросала своих детей.

...И всегда спокойный, рассудительный директор интерната Матвей Иванович Капустин, он хромал на одну ногу после войны, воевал на ней танкистом, рассказывали, выползал раненый из горящего танка, потому нас всех и берег, не ругал за проказы строго. Он умер несколько лет назад, и мы будем помнить его, Героя той войны и той Страны... А наша жизнь удалась, нет, не красной икрой по черной, а мелом по школьной доске — мы встали как в детстве — сфотографироваться у классной доски, обнявшись. Жизнь удалась, потому что столько лет спустя встретились, увиде-

ли друг друга, поцеловали Учительницу нашу, сколько было алых роз в этот субботний день 28 сентября, 34 года спустя...

А на банкете — не наговориться, не насмеяться и не наплакаться: бизнесмен, работники школ и торговли, повар, журналист даже. И брат с сестрой Головановы — Володя и Надя, и Володя Малихин (с ним в соавторстве писал в интернете первый рассказ, ужас какая фантастика), и Толя Смирнов, с ним после школы долго не расставался, увиваясь за одноклассницами же, а сегодня он тридцатый год кряду развозит по ночам молоко в детские садики и школы, и Володя Бойцов (такси), и Алиса Девлеткильдеева (повар) — да не перечислить мне всех, дорогих ровесников, с кем съел пуд соли и имел лиха...

Саша Папышев, балагуря, сказал на банкете:

— А сейчас поднимите руки, у кого есть дети и внуки.

И поднялся лес рук, и зарделась Таня Захарова, от гордости — пять детей!

Ни один ребенок не оставлен, не брошен никем из нас, это невозможно оказалось по жизни, потому что выросли в другой стране, в той далекой стране прошлого уже века.

Это была Великая Страна.

Она не бросала своих детей.

**Очерк написан
в октябре 2002 года**

Аты-баты, шли солдаты

У меня нервное, неоднозначное отношение к службе в армии, срочной службе, но и трагедии никакой. Тогда, в 73-м, еще не цвела махровым цветом дедовщина, хотя, первые ее проявления все же случались. Но вопроса «служить или бегать» не стояло, еще свежо было убеждение, что мужчина должен пройти все армейские тяготы и испытания. Восторга не было, но и боязни никакой, хотя девчонки, конечно же, лучше.

На службу меня призвали на два года позже срока, из-за беспомощного старческого положения бабушки, потом уже сложилась ситуация, когда «Комсомолка» переговорила с газетой «Пограничник» (располагалась она на четвертом этаже Большого дома на Литейном) и решили за меня, что отслужу в газете. Дали пробное задание: написать какой-то материал о том, как служат солдатики в казармах Новой Голландии, я отправился туда и ничего не понял, что мне рассказывали и показывали. Но ощущение не уюта, демонстративной неустроенности врезалось надолго. Настроения не прибавилось, но все равно сидело острое ощущение необходимости отслужить, тем более, рисовалась газета. С сотрудником «Комсомолки», который специально прилетел из Москвы, я даже посетил военкомат, обо всем договорились.

Облом случился в самый последний момент, когда на медкомиссии меня отказались приписать в погранвойска из-за не слишком зоркого зрения, сопли и вопли здесь уже ничего не значили. Ранним майским утром я сел в такси, совершил круг по Охте и присоединился к пьющей ватаге призывников. Помню поезд на

Мурманск, где беспробудно пили, как он тащился вдоль побережья Кольского залива и за окном плыли бьющие юной зеленью сопки.

Приписан я был в полк связи – привет техникуму радиоаппаратостроения! Но почему-то сразу пристроили писарем командира батальона. Его фамилия была Маслов. Деревня деревней, солдафон солдафоном, пил много, прямо в кабинете. Приехал как-то генерал, очередной проверяющий, ненароком шкаф открыл, а оттуда посыпалась гора пустых поллитровок. И так она звенела эта волшебная горка сосудов, так хрустально переливалась! Так и глаза генерала сверкали от гнева и удивления, я понял молниеносно: быть худу. Стоял руки по швам, обреченный солдатик, и уже ни о чем не думал, и тут раздался пропитый голос комбата Маслова:

– Рядовой Соловьев, трое суток ареста!

– Есть! – повернулся и вышел из кабинета, обалдевший от такой наглости, нарочно не придумаешь. И пошел с возмущением к замполиту, меня и убрали с писарской должности, направили малевать стенды в художку. Правда, это не избавляло от суровой обязанности по сигналу тревоги хватать комбатовский сейф и тащить в машину. На ученьях этот сейф зачем-то надо было из машины еще и вытаскивать. Ну да бреда в армии много. Выставив сейф на кочку, садился на него и смотрел на границу, норвежскую линию, как туда-сюда снуют на посадочных полосах натовские самолеты, сверкая серебряными крыльями и выказывая полную боевую готовность, вплоть до нападения на нашу великую Родину.

Родину я защищал в художественной мастерской, деревянном сарайчике, примыкавшим к санчасти, где был у меня товарищ из Питера – Коля Липецкер, добродушный здоровяк, с тонким чувством национального юмора и просто хороший товарищ. Он участвовал в ночной пьянке, посвященной моему дню рождения, а еще важным гостем на ней был художник Серега Севастьянов из Мурмашей, с которым мы когда-то учились в техникуме в Питере и который растил у себя под кроватью крокодила и разводил черепах. По иронии судьбы, несколько лет спустя мы поменяемся ролями: он с явным запозданием попал служить в военное училище на Петроградской и изредка бегал ко мне в самоволки, я жил тогда на Зверинской улице. А там, на севере, я убежал к нему в Мурмаши, это чуть больше двадцати километров от Мурманска. Однажды, набрав вина, мы устроились на

взлетной полосе местного аэродрома и надрались до чертиков, но разве без этого мыслима армейская жизнь, учить самолеты летать.

Так вот, той самой ночью, когда мы, несколько художников, никого не трогая и ни с кем не вступая в военные конфликты, пили себе на здоровье за Родину, как раздался сигнал тревоги. Серега рванул на улицу, пытался вынырнуть через дыру в заборе на волю, и здесь лоб в лоб столкнулся с особистом, тут уже нас повязали всех, по полной программе, пьяных, не сдающихся, но уступивших численному большинству отчего-то радостных жеребцов-офицеров. На утреннем построении меня выставили перед строем всего полка, как зачинщика ночных салютов, я стоял перед квадратами рот, и командир полка на чей-то шутливый выкрик из строя: «А где она, демократия?», скомандовал: «Шапку долой!» и, показывая на мою лысую голову, тыкнул в нее пальцем: «Вот она, демократия! 15 суток ареста!». Мне на всю жизнь запомнилось его остроумие, потому что действительно было смешно и даже поучительно.

Гауптвахта располагалась сразу за территорией части, было на ней чертовски холодно и промозгло – окон в общих камерах не было, морозы стояли за минус тридцать. Мы связывали шинели крючками и заваливались на ночь на лежаки, тесно прижавшись друг к другу, иначе просто было не выдержать и даже не выжить. На четвертый день понял, что не выдерживаю, падаю от холода, в общем, хана, и в этот момент вечером...

В этот момент вечером меня вдруг вызвали из камеры, передо мной оказался Коля Липецкер, санитар медсанчасти, в ночь захвата вместе отстреливались бутербродами.

– Быстро жуй! – приказал он, протягивая какой-то черный порошок. – Это грифель, сейчас подскочит температура, будешь чихать. Держись за живот, косим аппендицит, улыбаться просто невозможно.

Быстро проделываю манипуляции, Колька начинает причитать, бежит к дежурному офицеру:

– Это невозможно, недопустимо, нужна срочная госпитализация! Постановление Минздрава 36-го года, 1 декабря, никто не отменял: при первых же признаках немедленно в больницу!

Растерянный дежурный начинает метаться перед телефонами.

– Звоните дежурному по городу!

Через полчаса я в мурманском госпитале. Колька сопровож-

дает меня в санитарном транспорте: «Не улыбаться! Это невозможно, не может быть!».

Под струей горячего душа начинаю терять сознание: нестерпимо хочется спать после дикого холода и грязи. Дежурный врач ощупывает живот: «Ничего не пойму, то ли есть, то ли нет! В палату, но буду каждые полчаса поднимать!»

Я утопаю в белом белье и стремительно засыпаю.

Каждые полчаса меня кто-то будил и пальпировал живот. Ближе к утру:

– Раздевайся догола!

На каталке везут в операционную. Увидев красную надпись над дверью – «Операционная»!!! – вскакиваю:

– Резать себя не дам! По живому! Уже ничего не болит.

На своих двоих убегаю в палату, немедленно ухожу в сонное небытие.

Утром обход главврача.

– Та-а-ак! – протягивает врач, под белым халатом полковничьи погоны. – Симуляция? Говорят, неплохо, отыграл. Откуда?

– Из Питера.

– Координаты?

– На Синявинской, на Охте.

– Та-а-к! Интересно! В каком доме?

– В двадцатом.

– А я в четырнадцатом. Та-а-к! Еще интересней. Служишь кем?

– В полку связи. Художником.

– Та-а-к! Художником, говоришь? Художники мне нужны. Стенды в коридорах нарисуешь?

– Есть, товарищ полковник! Плохого слова не услышите, товарищ полковник!

– Та-а-к! Какая интересная у тебя болячка. Аппендицит так аппендицит. Будем наблюдать! Очень болит?

Замечательный был мужик! Жаль, подзабыл фамилию, ну да вспомню.

С утра до вечера рисовал я стенды в коридоры мурманского госпиталя, про поносы и прочие чудеса организма. Уловив, что я по садистски точно рисую человеческие внутренности, главврач попросил меня присутствовать на операциях (он был главным военным хирургом), сидеть в уголке тихо и вести зарисовки. На нескольких операциях я действительно был, потом что-то перерисовывал по атласу тела в его персональный аль-

бом, а он делал описание операции. Но однажды на операцию не допустил, запретил: поздно вечером в госпиталь привезли изувеченного под гусеницами танка солдата, через час главврач вышел из операционной, лицо его было бледнее бледного. Солдатик погиб.

Служба шла, стенды рисовались, за успехи в боевой и политической подготовке главврач начал готовить мои документы на комиссацию. Подходил к концу первый год службы, как бы уже и много. А тут пришел гонорар из петрозаводской военной газеты, ну мы с соседом по палате, служивым из летного 19-го полка, завелись, да так завелись, что оказались в больничных халатах прямо в гастрономе, в тупике на проспекте Ленина, аккуратно неподалеку от полка связи, тут, конечно, и замполит в дверях, глаза навывкат.

Проснулись в комендатуре, а оттуда уже накатанная дорожка – на гауптвахту. 15 суток на полную катушку, Коля Липецкер уже никак не поможет. На дворе март, конец месяца, а уже возили разрывать снег на мурманском военном кладбище – готовить дорожки к 9 мая, Дню Победы. В сугробе норы выроем – и спать. Теплее, чем на губе, между прочим.

15 суток позади, утром на прогулку, гоняют гусиным шагом (сидя на корточках). Вдруг солдатик, он отдельно ото всех, ого-рожен, взлетает на крышу губы – и будь таков! Классический, классный побег! Кричим часовому на вышке: «В воздух стреляй! Автомат разряжай, дурак!» Долго соображает, но выпускает очередь в небеса.

Всех загоняют в камеры. Через полчаса снова на плац, шеренгой становись. Боже мой, генералы, адмиралы, маршалы, генералиссимусы! Сталины, Берии, Брежневы. На парадах столько не видел. Генерал идет вдоль строя, усами шевелит:

- Срок? За что сидишь?
- За самоволку. Пять суток.
- Еще пять.
- Офицера послал на ... Десять.
- Еще десять.

До меня добрался.

- За пьянку. Пятнадцать.
- Еще пятнадцать.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Еле дождался, днем выходить, а тут этот долбаный побег, потерпеть не мог. Паренек сидел за самовольную отлучку из части, а когда решил покаяться–

ся и вернуться, и возвращался уже, по пути девицу околдовал, та, к несчастью, кассиршей в деревенском магазине, вместе выручку и «сдали».

До позднего вечера губа бунтовала, меня кинули в одиночку, метр на метр, как скотинку. В двенадцать ночи вызвали к дежурному офицеру, дуй, приказал, в часть. Ну, естественно, первым делом к Кольке Липецкеру, болеть. Несколько дней приходил в себя.

* * *

...Полк связи на тогдашней окраине Мурманска, запомнился больше веселыми, нежели грустными приключениями. Самым необыкновенным было, когда я за пару-тройку месяцев накопил гонорары из армейской газеты «Патриот Родины» и рванул в Питер – как патриот родного города на Неве. Трудно поверить, но выглядело все так: стоит рота на плацу на вечерней проверке, откликаюсь, и сразу же за забор, сажусь в автобус и дую через Мурмаши в аэропорт Килп-Ярви, морозно, снежно, это и помогло: покупаю билет на самолет, мимо патруля (тот совсем от холода ослеп) сажусь в самолет на Питер. Три дня куролесил, потом, уже в гражданской одежде (форма в чемоданчике) прилетаю назад в Мурманск, через дырку в заборе попадаю в свою воинскую часть, идет на плацу перекличка, и я в квадрате своей роты звонко выкрикиваю: «Здесь!». Как и не был в Ленинграде!

Потом вызвали в Петрозаводск, меня и Юру Хемеляйнена из Печенги, я с ним знаком не был, но знал, что там в пехотном полку служит парень из «Вечернего Ленинграда». Нас вместе вызвали в Петрозаводск: в редакции «Патриота Родины» застрелился майор, «белая горячка». В газете служили офицеры, нас пригласили временно заменить жертву пьянства и алкоголизма. На летучке, где нас представили офицерскому коллективу, сообщили, что мы в Петрозаводск на три недели, пока не подыщут офицера-трезвенника. Нас с Юркой все устраивало, еще бы, в первую минуту знакомства выяснили, что оба из Ленинграда, а у Юрки родственники есть в Петрозаводске, один из них – почетный железнодорожник. На летучке нам сразу сказали, что писать в газету ничего не надо, пользуйтесь, мужики, трагическим случаем, наслаждайтесь и отдыхайте.

Жили мы на квартире у какого-то родственника Юры, потом, дождавшись пятницы, почетный железнодорожник хемеляйниновских кровей сажал нас в кабинку тепловоза, мы раскрывали

чемоданчик, наполненный бутылками с бормотухой по 0,5, выпивали их за ночь пути с десяток. Через двое суток встречались и вновь отправлялись в Петрозаводск. Уж как мы благодарили офицеров из армейской газеты, проявивших к нам, рядовым солдатам, журналистскую солидарность. Мы к перу приравнивали штыки.

После армии я встретился с Юрой, чтобы на несколько минут вспомнить те бесшабашные армейские дни, и это было приятно. Руководил Хемеляйнен издательством Сельхозлитературы, а редакция располагалась в Доме книги на Невском.

И кто бы мог подумать, что совсем скоро мы поменяемся с Юрой местами. Он дембельнулся, а я оказался в Печенге, в том самом полку, пехотном, из которого Юра ушел на гражданку.

* * *

...Чтобы добраться до Печенги, из Мурманска всего три-четыре часа на поезде, но, во-первых, необходимо было пообщаться с Серегой Севастьяновым в Мурмашах, а это значило снова пить на взлетной полосе местного аэродрома. Во-вторых, известно – в Печенге сухой закон, а это накладывало свой трагический отпечаток на весь военный городок, бывший Петсамо.

Бывший Петсамо расположился на берегу реки, в трех километрах от советско-норвежской границы, где рыскал местный пограничный пес Алый, где-то за сопкой. Про границу рассказывали, что ее охраняет взвод норвежских вояк числом 12 лыжников, с нашей же, советской стороны, вдоль сорока километров рубежа целых три пограничных полка. Неподалеку был и 19-й летный полк.

В Мурмашах с Серегой мы задержались на нашей взлетной почти на целые сутки, и так или иначе я очутился в штабе 10-го пехотного гораздо позже.

– Фамилия! – рыкнул на меня офицер из строевой части.

– Рядовой Соловьев для дальнейшего продолжения службы прибыл! – отчеканил я и протянул предписание.

– А мы думаем, где потерялся! – рявкнул злой офицер. – 15 суток ареста!

Именно в эту секунду в штабной кабинет ворвался какой-то генерал, но точно не Жуков.

– Откуда и кем служил? В Мурманске писарем? Арест отставить. Карты рисовать! Немедленно! А то набрали чурок, вашу мать!

Так неожиданно я оказался в гуще штабных генеральских учений на базе нового для меня полка. Две недели ползал по расстеленным на полах в штабных кабинетах картам, рисовал с напарником какие-то синие и красные стрелки, все сводилось к плану захвата Норвегии за каких-нибудь сорок минут. С помощью авиации, конечно же. Обеды нам притаскивали в штаб.

Так я вместо гауптвахты стал писарем заместителя начальника штаба, ЗНШ, фамилия у него была красивая – Маглена, поэтому и запомнил, что редкая и красивая. Когда капитан Маглена уехал в отпуск, он дал мне ключи от своей квартиры в военном городке, чтобы я кормил его кошку. Кошку я решил не тревожить чрезмерной назойливостью и заботой, поэтому принес ей сразу таз рыбы из солдатской столовой, килограмм пять. И появился в квартире где-то через неделю. Кошка вылетела из рыбного ресторана с диким воем, круша все на своем пути, на улицу, и проветривал квартиру от запаха гнилой рыбы дня три.

Кошка исчезла с концами. И это было самым поганым и самым для меня страшным. Кого-то из солдатиков уговорил подсобить за стакан одеколона, и мы стали лазать по подвалам ближайших домов. И в одном из них все-таки случилось чудо: в кромешной тьме на мое плечо прыгнула оголодавшая стерва. К приезду капитана Маглени она у меня была вычищена, вымыта любимым шампунем капитана, и ходила по квартире строевым. О страданиях любимицы и ее дезертирстве командир Маглена так и не узнал.

Капитан был, кажется из Молдавии родом, мужик неплохой, любил поговорить за жизнь. Только все время удивлялся, что очень быстро у меня заканчиваются краски и тушь, и был прав: по сговору с другими солдатами я часто умалял запасы чертежных жидкостей, выливая их в сортир. Мы искусственно создавали дефицит, выбивали командировку в Мурманск, за красками. Солдаты скидывались, я с двумя канистрами отправлялся на целый день в командировку, закупал краски, тушь, прочие чертежные штучки, но главной целью поездки было, конечно, посещение гастронома, одну канистру заполнял водкой, другую вином, заливал отверстия олифой и затыкал тряпкой, чтобы патруль не совался, и всегда срабатывало.

Потом, понятно, пару дней-ночей гуляли-колобродили. И однажды догулялись: в радиорубку, как некогда в художку в полку связи, ворвались офицеры и всех арестовали. Гауптвахта находилась прямо на территории полка, под землей, гово-

рили, что в одной из камер, в одиночке, здесь когда-то сидел сам Юрий Гагарин, уверяли, что он служил в соседнем летном попку. Правда это или нет – не знаю до сих пор, но камера та, под землей, одиночная, всегда называлась гагаринской, в нее меня и воткнули. Там на стене действительно была нацарапана надпись «Через тернии к звездам», и я очень загрустил, что мой полет будет продолжаться целых полмесяца. И был очень несказанно обрадован, когда утром меня привели в штаб и вручили направление в другой пехотный полк, на этот раз в городе Кола, это ровно посередине между Мурманском и Мурманшами. Надо ли говорить, что мой радостный светлый путь вновь лежал через взлетную полосу аэродрома в Мурманшах. Аэродром был в те годы почти заброшен, иногда трудилась лишь взлетная полоса, где мы с Серегой удобно полулежали с гранеными стаканами в руках (почти по Родену).

Надо сказать, что во время службы-гульбы в Печенге, я ночевал не в казарме, а вместе с оркестром, музыкантский домик находился за территорией полка, на берегу реки. Я числился по штатному расписанию барабанщиком, а так как слуха у меня сроду не было, и кроме валторны, мне непонятной еще с интернатской поры, я в руках никакого музыкального инструмента не держал, то при природном наличии музыкальной глухоты, в военном билете моем была весьма пикантная запись про барабанщика.

Музкоманда была дружным коллективом, каждый день поднимались на сопку за грибами, набирали полные корзины минут за пятнадцать, жарили себе сами. В солдатскую столовую не ходили. Но запомнилась музкоманда одним питерским жлобом по кличке Слон. Он был толстый и рыжий, весь в веснушках, славился своей жадностью, патологической жадностью. И вот однажды мы над ним жестоко подшутили, поспорив, полезет ли он в туалетную яму метра на два-три вниз, если мы кинем туда банку сгущенки. И он полез. Вылез по уши в говне, и потом эту банку сгущенки жадно сосал при полном молчании ошарашенных мужиков. С тех пор зрительным воплощением жадности для меня всегда оставался именно этот давний, дикий, но реальный случай из жизни советского солдата, ефрейтора, пердящего на базе. Видел я муд...в, так вот этот -в первом ряду.

Итак, меня в очередной раз переправили служить в другой полк. На новом месте без всяких комментариев определили по художнической части, и снова начались какие-то стенды и

стендики, чертежики и карты. На вечерней проверке, после переклички, командир взвода, лейтенантик или прапорщик, командовал: «Выйти из строя! Шаг вперед!» и по их особому списку вперед выходило до десятка человек. Брали канистры и – строем, с песнями! – выдвигались за территорию полка, в ночь и вьюгу, ведь всего километрах в двух-трех был пивзавод. По команде перелезали через забор, потом переваливались обратно, груженные канистрами с пивом, и опять же – строем и с песнями! – шагали в полк. Пиво, добытое таким вот командным и контрабандным образом, офицеры и прапорщики употреблять не воспрещали, считали бонусом. Меня же мучила совершенно другая идея: приближался дембель, близилась неизбежная дембельская работа. Приказали рисовать портрет Ленина, через диаскоп. Лико святого предполагалось громадных размеров, три на три, наверное. Я уговорил командиров отправить меня в подвал одного из жилых домов Колы, там находилась мастерская моего друга-оформителя Сереги Севастьянова.

Там и жил я месяца два с Серегой на пару, работать не торопился, Ленин, всегда живой, появлялся на фанере медленно, но верно, меняя прищур и цвет глаз. И когда пришло, по моим подсчетам, время дембеля, вызвал грузовик и прибыл в сопровождении вождя мирового пролетариата в полк.

И впал в ступор: полковая демобилизация случилась двумя днями ранее.

Я шел по тающему от жары асфальту в сторону Колы, прикатил в Мурмаши, и мы целый день прощались с Серегой на ставшей давно родной взлетной полосе глухого аэродрома, вечером сел в Мурманске в поезд, а 13 мая (75-й год) был уже в Питере, и какое это было счастье для моей бабушки, Соловьевой Натальи Леонтьевны, которая дождалась, и умерла через два месяца, но дождалась!

О Боже, как любила она меня, дурака.

Как хоронили космонавтов

Десять лет спустя, после запуска в космос Гагарина, в 1971-м, мне еще раз пришлось близко «прочувствовать» прикосновение к тайнам века: в самые последние дни июня я находился в Киеве, где и оказался-то совершенно случайно: поехала компания провожать нашего товарища Борю Михайлова на Московский вокзал, он уезжал поступать в киевское политехническое училище, и надо же, у Бориса оказались на руках два военкоматовских бесплатных билета на поезд, а напарник его в последний момент не стал рисковать судьбой и не явился. Мы шумной компанией выпили прямо на платформе, я махнул рукой и сел в поезд вместе с Борькой. Так мы оказались в Киеве, целый день бродили по городу, излазили весь Крещатик и прочие места, потом, наконец, пришли к училищу. Борис прошел через проходную и его... больше не выпустили. Я без денег.

Правда, без денег был несколько минут. Вижу, через высокий забор сверточек летит, там деньги на билет. Приезжаю на вокзал, а тут люди все кругом говорят: космонавты погибли, сразу трое, трагедия.

Мне все равно как в Питер возвращаться, поехал через Москву. Приехал утром 1 июля, в этот день в ЦДСА (Центральном доме Советской Армии) проходила панихида по погибшим космонавтам Георгию Добровольскому, Владиславу Волкову и Виктору Пацаеву. Был четверг, это я уже установил по источникам, а пишу эти строки в день 50-летия со дня первого полета в космос Юрия Гагарина, ровно полвека спустя после того всемирного значения события, о котором я рассказал чуть выше, то есть пишу эти строки 12 апреля 2011 года.

Много лет спустя приоткрыли тайну: на самом деле в космос на «Союзе-11» должен был лететь совсем другой экипаж – Пеонов, Кубасов и Колодин. Смена состава произошла за десять часов до старта: у Кубасова нашли затемнение в легких. Экипаж отстранили от полета в полном составе, больше всего расстроен был Павел Колодин: Пеонов и Кубасов уже в космосе летали, были кавалерами Золотых Звезд Героев. Колодин в буквальном смысле слова плакал. Стартовал корабль 6 июня. И мог ли Колодин предположить, что меньше чем через месяц он будет плакать уже в прощальном зале ЦДСА.

Панихида была долгой: с полудня до позднего вечера. Приехали Брежнев, почти все космонавты. После смерти Сталина это была первая многокилометровая очередь людей, пришедших попрощаться.

С вокзала я заехал к знакомой красавице в «Комсомолке», Тане Ивкиной. Впрочем, Ивкиной она стала чуть позже, а в тот момент была Илларионовой. Мы виделись с ней в Таллине, это отдельная веселая история. А тогда она сказала, когда сообщили, что пойду на прощание: «С ума сошел, очень возможна давка». Я лишь рассмеялся.

Встал в очередь. Она размеренно, неторопливо двигалась в сторону Дома совармии. Часов в пять вечера, когда до входа в ЦДСА оставалось метров двести-триста, кто-то крикнул, что в пять часов доступ закроют. И случилось страшное – толпа рванула вперед. Началась давка. Вдоль улицы стояла цепь солдат, солдатики стояли, сцепившись руками, выполняли приказ. Виднелись цепи конной милиции. Так как солдаты стояли вдоль, то вторая, правая сторона улицы была совершенно пуста и свободна.

Сзади напирали. Кто-то крикнул, чтобы цепляли под руки – сосед соседа. Я еще тогда ничего не знал о давке в день похорон Сталина, это потом смотрел и читал Евтушенко.

Была жара. Солнце высоко парило в небе.

– Детей в будки!

Ребятишек стали передавать друг другу, поверх голов, пихать в телефонные будки, которых я видел две, девчонку посадили и на саму будку. Колыхалась людская волна. Справа сцепился руками с мужчиной, слева была девчонка. И вдруг мужчина, стоявший передо мной, начал медленно оседать, потом резко сделал попытку встать крепко на ноги, плечом надавил мне на грудь. Я начал терять сознание, видимо, здорово побледнел.

– Вы что, ослепли? – закричапа девчонка солдатам в цепи. И неожиданно ударила одного из них по щеке. Тот растерялся, отпустил напарников, солдатская цепь порвалась, я вылетел на свободный тротуар, и последнее, что видел – висящих студентов на высоком ажурном заборе.

То, что это студенты мединститута, который оказался поблизости с ЦДСА, узнал, когда очнулся на скамейке институтского парка. Студенты делали мне искусственное дыхание и еще что-то. Какая натура, какая практика!

Я еще долго, ошалелый, сидел на скамейке, изнеможенный и выжатый, как лимон. Студенты оказались веселыми и компанейскими ребятами, они взялись проводить меня на Ленинградский вокзал. Самое ужасное, что когда меня откачали, давка еще продолжалась, солдатская цепь вновь сомкнута, такие железные объятия для толпы.

Окончательно оклемался лишь поздней ночью, в Бологом.

Такой вот «полет в космос». Мог улететь навсегда.

Анька, Ольга и поезда

Отцы у меня и моих младших сестер – Ани и Ольги – были разные. Своего отца я не знал, помню только отчима.

Аня, младше меня на семь лет, росла в семье родителей моего отчима. Их дома на набережной Свердлова уже нет – снесли. Нечасто, но я бывал в доме сестры. Дед, ее работал в такси, бабушка Нина на моей памяти была домохозяйкой, старушка безвредная. Жили небогато, но тогда почти все так жили.

У Ани, как и у меня, был период, когда она находилась в интернате, в том же, что и я, 6-м на Мечникова.

Сестра работала в лаборатории Ленэнерго, когда я уговорил ее работать в газете – заниматься рекламой. Газеты менялись, и сегодня она рекламой не занимается, на ней все бухгалтерские дела. Я даже не знаю, правильно ли, что подбил ее на газетные дела. Может, и зря. Но с сестрой я чувствую себя спокойней и уверенней – особенно в бухгалтерии.

Сестру свою, Аньку, я очень люблю. Ругаю ее за то за се, про себя ругаю, а люблю.

Второй сестры, младшей, Ольги, уже нет в живых. Ее убил сожигатель, в пьяном угаре и припадке ревности. Произошло это все на Введенской, мне позвонила наутро соседка, и сообщила о трагедии. Когда ее хоронили на Ковалевском, был страшный мороз, минус тридцать.

Я взял опеку над ее двумя пацанами. Олегу на тот момент было 15, Пашке – 12. Сперва они жили со мной, но потом Олег решил жить отдельно, и так как в квартире, где он жил, соседом был его крестный, который мог за ним приглядывать, так и поступили. Я учил Пашку работать на компьютере, верстать газеты и даже книжки, теперь он настоящий специалист. Но не могу сказать, что из них получились настоящие мужики, каких хотел увидеть. Мне всегда почему-то казалось, что девочек воспитывать легче. Они послушнее.

* * *

Именно на поезде «Москва – Санкт-Петербург» 27 июня 1997 года должна была ехать моя сестра Ольга проводником, но в последний момент отказалась от поездки, такое с ней случилось, когда надо было решать какие-нибудь срочные дела. Но, может быть, сработало мистическое предчувствие – именно в этом рейсе случилась страшная беда: в одном из вагонов произошел взрыв. Потом, как помнится, в газетах не столько говорили о взрыве, сколько о внезапно возникнувшем пожаре в одном из вагонов. Поезд долго стоял, пока соображали что к чему, оказывали помощь раненым и пострадавшим.

По чистой случайности в том самом московском поезде возвращался домой в Сестрорецк вместе с 13-летним сыном подполковник медицинской службы Олег Николаевич Борисов, он работал тогда на Полевой улице в госпитале пограничников. Госпиталь считался медицинским учреждением высокого уровня, с современным и довольно навороченным медицинским оборудованием. До того подполковник Борисов прошел Афганскую войну.

Когда по вагонам побежала проводница, спрашивая, есть ли среди пассажиров врачи, Олег Николаевич, не раздумывая, предложил помощь и устремился в вагон с пострадавшими. Любопытно, что пока состав стоял, многие пассажиры из других вагонов так и не поняли, что произошло, паники никакой не было.

Борисов сразу понял сложность ситуации: в вагонах не оказалось должных медикаментов и даже перевязочных бинтов. Российская безалаберность.

– Хотя бы простыни! – командовал Борисов, рвал простыни и наволочки на куски – для перевязки.

Поезд тронулся и остановился в Малой Вишере, сюда уже

приехали машины «скорой». Одного парня спасти не удалось, вынесли мертвое тело.

– Пап, представляешь, если бы мы ехали в том вагоне? – спросил сын, когда Олег Николаевич вернулся в вагон.

– Нам крупно повезло, – только и ответил отец. Кого и как провидение уводит от несчастий? Не знаю.

Через несколько лет, в железнодорожную катастрофу попала вторая моя сестра – Аня...

* * *

...Железнодорожное происшествие, довольно крупное, коснулось и моей сестры Анны: 13 января 2001 года в 13 часов 2 минуты произошла трагедия в поселке Белоостров, вернее, на подъезде к нему со стороны движения электрички из города, на 29 километре перегона Левашово-Белоостров. На переезде произошло столкновение с автопоездом «Скания», огромных размеров фура была битком набита аудио-видеотехникой, при ударе прицеп отбросило на расстояние 80 метров.

Один человек погиб, в момент столкновения он находился в тамбуре электрички, курил, 10 пострадавших были срочно госпитализированы в сестрорецкую больницу⁹⁴⁰ (семь человек отделались ушибами, трое оказались на больничных койках).

Среди пассажиров поезда находился фотокорреспондент зеленогорской газеты «По случаю» Леонид Федоров, его фотографии обошли потом все местные и некоторые городские газеты; еще в одном вагоне была моя сестра, она рассказывала:

– Я ехала в одном из последних вагонов. Поезд резко затормозил, погас свет, оборванные провода ударили по стеклу – этого испугалась больше всего. В первую минуту никто ничего не понял. Выглянув в окно, кто-то сказал: «Да ведь это вагон от нашего поезда валяется!» И на самом деле – вагон лежал на обочине.

Из опрокинутого вагона не было слышно никаких звуков. Затаив дыхание, мы смотрели в окна. Один из мужчин сказал: «Давайте помогать!» Мы выбрались. Никакой паники! Через дверь, которую удалось открыть, принимали пассажиров. Потом машинисты утверждали, что на переезде шлагбаум был открыт.

Видеотехнику разбросало по снегу на десятки метров, потом говорили разное: одни утверждали, что никто не трогал упакованные коробки, другие – что на дармовшинку налетели как пчелы на мед. Не знаю.

Ну, а проводничьи истории, они из самых веселых. Я парил поэзией собственного производства:

*Стою на полустаночке
После обильной пьяночки,
А мимо пролетают поезда,
А рельсы, как и водится,
У гастронома сходятся.
Ах, где мои похмельные года?*

Жена удивилась, и даже почему-то обрадовалась, что, кроме профессии журналиста, в жизни я познал еще несколько дел, пусть и весьма краткосрочных. Уже в довольно зрелом возрасте жизнь кинула меня зарабатывать в другие города и веси. В Рязани «выпекал» панели на домостроительном комбинате, был и хлебопеком, в Оренбурге клал плитку на стены кинозала «Союз» и крыл плоские крыши многоэтажек. Но запомнилась попытка стать проводником в поездах, это приключилось в Питере, и был отличный пример перед глазами – младшая сестра Ольга. Она проводником поездов дальнего следования каталась много лет, ей нравилось, она хорошо зарабатывала, тянула, оставшись одна, без мужа, двух пацанов, моих племянников Олега и Пашку. Денег хватало.

В очередной раз, наслушавшись сестру, я поступил на двухмесячные курсы проводников, известные курсы на улице Шкапина. К удивлению, мне очень понравилось, особенно если учесть, что я не технарь по природе своей, всегда считал себя чистым гуманитарием. Опыт в далекой юности, когда учился в техникуме и когда перестал понимать все на свете, говорил, что и здесь будет трудно. А оказалось крайне интересно, я увлекся. Были понятные предметы, такие как «пассажирские перевозки» или «билетное дело», «сигнализация», а были посложнее, «электрооборудование вагонов», например, здесь уж приходилось мозгами шевелить.

И вот однажды, когда очень нужны были деньги, а сестре не нужны и пропадало из-за рейса в Иваново ее какое-то свидание, я быстро договорился о подмене. То есть, в ее вагоне должен был ехать я, предупредив бригадира поезда. Сговорились.

Был конец лета, билеты не достать ни туда, ни обратно, вообще никуда. На перроне Московского стал запускать в вагон

всех страждущих, с одним, правда, условием – чтобы толпились и мучились в тамбуре, а в вагон ни ногой. Дисциплинированных зайцев набралось не меньше десяти, куш хороший. И не очень опасный: еще на последнем занятии по билетному делу преподаватель искренне призвал не скрывать безбилетных пассажиров от ревизоров, а честно отстегнуть им долю за каждую безбилетную «Зайцеву» голову. Так всем хорошо – и они доедут до места назначения, и неприятностей никаких. Проверено жизнью.

Сложность поездки заключалась в другом: два последних вагона были отцепными, то есть на какой-то там станции их отрывали и дальше, в Иваново, поезд шел без них. Прицепляли к составу их вновь лишь на обратном пути. Мой вагон, вернее, вагон сестры, был в том поезде предпоследним, как раз отцепным.

Ехали мы, ехали, радовались, не нарадовались друг на друга: я на левых пассажиров, а те на меня, тоже левого. Но один «заяц» все-таки попросил организовать ему поездку до самого Иванова. Не ссаживаться же на полпути.

– Давай водку и жди, – говорю. – Пойду договариваться.

И пошел. И договорился с каким-то проводником впереди прицепного вагона. Водочки бутылочку с ними раздавил, все в порядке, двинулся назад.

А вагона уже и нет! Отцепили!

Шок преодолел быстро. Деньги в кармане, выхожу на ближайшей станции, беру билет назад в сторону Питера до станции отцепления. Через пару-тройку часов приезжаю, нахожу оторванные от состава вагоны, один из них мой, вернее, сестры, РЖД отдыхает.

– Что творилось! – ужасались проводники из хвостового. Поезд встал, перрона нет, надо по лесенке пассажиров выпускать, тебя след простыл. Скандал европейский. Мы, конечно, подстраховали, жалоб и неприятностей жди.

Выпили. Утром следующего дня вернулся поезд, уже из Иванова, подцепили вагоны.

В Питере я сестре доложил, что поездкой очень доволен, и на закуску рассказал правду о потере вагона в лесах.

Через день сестру разбирали в депо проводников, вернее, разбирали сразу несколько жалоб, поступивших от негодующих пассажиров. Так и так, описывали страдания пассажиры, бородастый проводник куда-то испарился и мы выгружались, ломая

ноги, выпрыгивали из вагона на лесном полустанке без помощи бородатого, просим расстрелять.

За недочеты проводников всегда наказывали по полной. Особенно, когда теряли вагоны.

Подобные истории с завидной регулярностью случались на южном направлении, когда поезд шел в Адлер с часовой остановкой в Сочи, здесь проводники почти обязательно кидались искупаться в море, думая, что успеют, и случалось, нередко, опаздывали. Поезд приходил на конечную станцию Адлер без проводников. А значит. А значит, они не могли не только высадить пассажиров в пункте прибытия, но и принять новых в обратный путь!

Сестра не растерялась, она ответственно заявила, что бороду не брила, она у нее никогда не росла, а в жалобах пишут про мужика, пассажиры просто перегрелись, у них массовые галлюцинации и психоз. Логично. Так и вывернулась.

И надо же, поверили.

Солохин

Писать о хорошо знакомом и очень значимым в твоей жизни человеке, наверно, и есть самое непростое депо в писательстве. Ведь хочется сказать много, много рассказать.

В моей журналистской жизни было несколько настоящих людей, сыгравших в моем становлении корреспондента, потом журналиста, свою роль, прежде всего учительскую. Среди журналистов это Анатолий Степанович Ежелев, Александр Александрович Юрков и Николай Дмитриевич Солохин.

Ежелев немного возился со мной и с Наташей Дьяченко в «Смене», Юрков – в «Комсомолке», а вот Николай Дмитриевич Солохин был самым требовательным учителем, самым въедливым и беспощадным, совсем не ленился возиться со мной, с моими бездарными опусами

Работал Дмитрич в «Невской заре», знаменитой всеволожской районке, которая то и дело занимала призовые места в различного рода конкурсах и соревнованиях местной прессы союзного масштаба (надо же!), редактором тогда там был Валент Киселев, человек для меня, юного писаки, недостижимый. А вот к Солохину я ездил в редакцию с удовольствием, только поначалу с некоторой опаской. Добавлю, что катал на электричке из города, ну да сто верст не крюк.

Солохин без жалости перечеркивал мои опусы, а я, притулившись на стульчике возле его рабочего стола, внимал мудрым наставлениям гуру. Дмитрич неторопливо объяснял, что не получается в заметках и почему, как надо делать правильно, чтобы читалось и нравилось читателю. Потом давал мне задания – съезди в деревеньку такую-то, на станцию такую-то (все во

Всеволожском районе) и напиши про то, да про это, и не путай сено с сенажом. Я задания старательно выполнял, привозил из деревенок по несколько крохотных заметок, да и те Дмитрич перелопачивал, доводил до ума. Мне это нравилось, я увлекся.

Он же пригласил участвовать в литературном объединении «Ладога» при газете, но я ни на какие литературные пробы способен не был. Хотя посещал ладожские посиделки в редакции по вечерам с большим удовольствием, интересно было общаться с молодыми талантами, больше, конечно, поэтами.

Удивительная, потрясающая школа слова! Как молоды мы были. А сегодня уже некоторых ребят нет и в живых. Но звучат, звучат их голоса и песни. В июне мы обязательно уезжали на берег Черной речки, в сторону Ладожского озера, жгли костры и читали стихи, пили вино и жарили шашлыки. Конечно, была гитара.

А потом провожали кого-то в армию, Толю Иванена, например. О таких поэтах потом говорят «самобытный», а на самом деле он много больше. Позже жил в Финляндии, где пробыл несколько лет, там я имел с ним как-то короткую встречу зимой. Потом ностальгия замучила, он продал купленный вначале 90-х участок леса под Выборгом, купил квартиру в Пушкине, хорошую, и уютную, недалеко от вокзала. Поэт он чудесный, талантливый.

Солохин по-настоящему ценил и оберегал таланты ребят, развивал их, всячески способствовал. Учеников у него было много, молодежь тянулась к нему. Все просто – он был мудр. Он был мудр, будучи совсем не старым, однако тайну его отношения к жизни я не постиг до сих пор. Впрочем, отправная точка моего осмысления, помнится: я стоял на Литейном мосту совершенно расхристанный от очередной любовной драмки, а мимо возвращался из Всеволожска Дмитрич (жил он тогда на Чайковского). Вот тут-то он и дал мне жару, что, во-первых, пить стыдно в моем-то девственном возрасте, во-вторых, он в молодости не пил, а сидел...

Я протрезвел мгновенно. Мой кумир – сидел в тюрьме!

– Вот как, молодой человек, – и Солохин двинулся с моста.

Я стоял ошарашенный и недоуменно смотрел вслед кумиру.

Сегодня Дмитричу за восемьдесят, да и государство задолжало шесть лет. Николай Дмитриевич никогда не рассказывал подробностей лагерного сидения и быта, те давние события в его рассказах проскальзывали редко. Подробно же рассказал

о давнем студенческом деле его товарищ по несчастью Михаил Молоствов, человек в политике ставший довольно известным – его избрали в начале 90-х в первую Госдуму. «Опрокинули» Дмитрича и товарищей из госуниверситета в 1958-м, поводом стало чтение рукописи «Статус-кво» - аналитической статьи Молостова об экономике Союза, всего-то в четырех экземплярах, ну и сели группой товарищей (Молоствов-Гаранин-Солохин-Козлов). Срок Солохину утрясли лишь с помощью Верховного суда (Ленгорсуд сначала дал 4 года, затем 10), в итоге – 6 лет. В своей книге «Записки вольнодумца» Михаил Михайлович Молоствов написал о Солохине:

«Солохин побывал в Тайшетских лагерях (Озерлаг), где участвовал в лагерных беспорядках (неповиновение конвою, когда колонна з-к села на дороге и отказалась идти), отсидел на штрафном в Дубровлаге, а после на той же «тройке»... Солохину удалось вернуться в Ленинград и устроиться на работу в районную газету Всеволожского района. Зачем были посажены эти люди, все это время не мог понять никто, с приходом же перестройки дело стало выглядеть совершенно бессмысленным. В октябре 1988 года Верховный суд РСФСР полностью реабилитировал всех четверых».

Узнавание Солохина для меня всегда упиралось в трудную тему, впрочем, не запретную, просто Дмитрич сам накладывал на нее табу, по умолчанию она не поднималась. Лишь однажды зашел разговор, когда Дмитричу захотелось увидеть товарища, уехавшего жить в Германию, я имел возможность помочь ему с билетами на самолет.

В предисловии к своей книге избранных сочинений «Исторические миниатюры. Этюды о современности» (я помогал в ее издании в 2011 году), Солохин пишет, что в детстве, когда его семья сразу после войны приехала жить в Ленинград, он часто приезжал в Сестрорецк к своему дяде на дачу. Дача располагалась на берегу озера Разлив, в местечке, которое называется сегодня Перепадской набережной. Это место отлично видится из окна моей квартирки в Сестрорецке, вот ведь бывает как. Нечасто, но Дмитрич приезжает в гости.

Солохину отмечали 80 лет совсем недавно, в декабре 2010-го. Собрались гости в небольшом ресторанчике в Озерках, а 5 января прошло чествование юбиляра во Всеволожске, в Доме культуры. Это было очень правильное место для торжественного вечера, ведь Всеволожск в его жизни сыграл значительную

роль. Вместе с журналистом Игорем Венцелем, в 2004 году ушедшим из жизни, они издали краеведческую книжку «Всеволожск», а потом, много лет спустя, Дмитрич ее переиздал, это хорошее, добротное чтение. На чествовании в Доме культуры было много журналистов из самых разных газет, я тоже выступил, сказал, что у Дмитрича очень много последователей, талантливых прозаиков и поэтов, журналистов – его учеников, и все его любят, а это главное.

Мне никогда не забыть электричек, зеленых электричек из юности, между Всеволожском и Финляндским, когда мы вместе возвращались в город. Дмитрич всего за полчаса пути очень много успевал рассказать нам, своим юным спутникам, и так мы выросли, так мы учились, это было здорово и оказалось на всю жизнь.

Фонарев

Редакция многотиражной газеты «Красная заря» находилась в одном из производственных зданий завода на Выборгской стороне, только вход в нее был вне территории, с небольшого стометрового переулочка, начало он брал от проспекта Карла Маркса и упирался в набережную Невы. Начинался он напротив техникума радиоаппаратостроения.

Я поступил в техникум сразу после восьми классов, исправно учился в нем ровно два года – до тех пор, пока в голову вбивались общие дисциплины, с третьего курса начались спецпредметы, сразу и подсел. В группе, в которой я учился, готовили специалистов дальней связи, потом ее почти в полном составе направили в Большой дом на Литейном технарями, насколько, правда – не знаю.

Я же быстро проложил дорожку в редакцию заводской газеты, здесь мне было интересней и понятней, но писака я был пока никакой. Почему-то я сразу же вбил себе в голову (и абсолютно правильно вбил), что в журналистике главное – практика, круг людей творческих. Все такие люди казались мне тогда крайне интересными, необыкновенными и талантливыми. Собственно, это почти так и было на самом деле.

Редактором многотиражки служил Семен Израилевич Фонарев. Дядька тучный, практически лысый и очень симпатичный человек. Всегда энергичен и щедр на выдумки. Не помню, уж как часто выходила газета, наверное, раз в неделю, традиционная многотиражка на четырех полосах. Помню только, что статей в газету часто не хватало, вроде и пили немного. В редакции работали Стас Паникаровский, Сергей Алехин и девча-

та – Люда Кременецкая и другие. Я подвизайся нештатником, с меня спросу никакого и топку чуток.

Редактор проявил чудеса находчивости настоящего советского человека, ничего удивительного, что он стал замминистра печати Израиля всего через пару десятков лет! Жил там по соседству с Шаинским, травы-травы-травы зеленеют.

Семен Израилевич был человеком поистине щедрым. Видя мое вечно бедственное денежное, вернее, безденежное, состояние, он выписывал мне ежемесячно по двадцать рублей гонорара, надо ли говорить, что желание писать заметки и статьи в многотиражку многократно возрастало! Стипендия в техникуме была равна этой же сумме.

И вот в очередной критический для газеты момент, когда снова сдавался номер, опять ни строчки, ни запятой не было, я решил редактора отблагодарить: написал полстранички про то, как у моего лучшего друга по техникуму, Сереги Севастьянова из северных Мурмашей, дома у тетки на Конногвардейском под кроватью живет настоящий крокодил, который питается, скот, настоящими сардельками. Войдя в фантастический раж и упиваясь хулиганством, я добавил: и это еще не все, так по комнате еще ползают тринадцать черепах. Назвав заметку «Крокодил Гена», давась от смеха, вошел в кабинет к Семену Израилевичу.

– Да ну! – воскликнул редактор восторженно. – Не может быть!

И тут же дочертил в заголовок: «...и тринадцать черепах!».

Под таким заглавием заметка и вышла на следующий день в свет, и я бегал от Сереги по коридорам техникума целый день, пока не выставил штрафную бутылку водки.

А самую поразительную историю много лет спустя мне рассказал Серега Алехин, с которым я сдружился, и долгие годы потом поддерживал теплые отношения. Однажды спросил Сергея, почему он не напишет какие-нибудь крохотные воспоминания о встречах с Сергеем Довлатовым.

– А зачем? – спокойно спросил Алехин в ответ. – Он был в моей жизни, просто был и все.

И рассказал мне несколько интересных и, понятно, очень веселых историй из жизни Довлатова, поведал о том, как однажды был в командировке вместе с ним в Таллинне, и что из этого вышло.

Я удивился, но и оценил позицию Сергея: человек совсем не

хочет спекулировать знакомством с известным и популярным писателем.

– Ведь ты же не пишешь! – сказал он мне.

– Я? Я-то его не знал!

– Ты за водкой ему бегал, как самый молодой, когда он в «Красную зарю» приходил.

А я и не помню. Забавно. Вот что значит – пить с кем попало.

Впрочем, всего через несколько лет наши пути чуть было причудливо не скрестились. Но это уже из другой, более поздней, оперы.

Что делали в газетах, когда места много, а печатать нечего?

Такое бывало. И довольно часто, особенно в малотиражных газетах, когда нужна конкретика, окруженная определенными темами и территориями.

Получались и легкие номера. Казус случился в редакции газеты «Красная заря», когда встревоженный Семен Израилевич Фонарев попросил сотрудников и меня, внештатника, прийти в редакцию как можно раньше на следующий день. Часов этак, в восемь утра.

Было 21 апреля 1970 года. На следующий день страна планировала стоять на ушах, отмечая столетие со дня рождения, конечно же, Ленина. А тут газета не готова, ни одной строчки в заголовке!

– Короче! – на утренней летучке сказал Фонарев. – На первую полосу ставим портрет Ильича. Лысого, как я сам, но – Ильича.

Он уверенной, не дрожащей в столь ответственный момент рукой, сдернул со стены за своим редакторским креслом портрет вождя мировой революции.

– Портрет сдадим в цинкографию.

Покосился, пошуршал левой рукой по корешкам книг в редакторском шкафу.

– Ага. Крупская, все еще вспоминает... Алехин, Сережа, посмотри что там она про него... На две полосы, вторую и третью, выдергивайте и перепечатывайте, срочно. Машинистку руками не трогать! Так-так... Ну, последнюю полосу уж как-нибудь сварганите! За дело! Товарищ Паникаровский, внести новизну в подписи. А то все у вас Кувалдин да Молотков, Молотков и опять Кувалдин. Никакой фантазии.

Номер был готов через пару часов и успешно доставлен на

Фонтанку, в типографию.

А вот из той же почти оперы. Собирает сотрудников газеты «Знамя прогресса» (ЛОМО) Юрий Васильев.

– Друзья! Коллеги! С нами давно нет Сергея Довлатова, а надо что-то придумать этакое, ведь гимн страны теперь имеет слова, указка пришла – всем газетам печатать. А как нам в таком стандарте выглядеть лучше других? Как, спрашиваю я вас, дорогие мои и талантливые. Бот Гейзер, корреспондент, что предлагаете?

Почесал за ухом. Отвечает:

– Предлагаю, Юрий Васильевич, кроме текста, слов гимна, так сказать, напечатать ноты, так сказать...

– Все евреи умницы! Молодец, Гейзер! Учись, Соловьев! Ты еще не еврей?

Газета вышла на 12 полосах, это был первый в стране еженедельник-многотиражка, чем редактор и партком ЛОМО очень гордились. И еще тем, что в здании на Чугунной, 44 до революции был публичный дом, поэтому и лесенка в трехэтажном особнячке витиеватая, крученая, как панталоны у дореволюционных несознательных жириц любви.

Газета вышла, редактор радовался как ребенок, потирал руки – ну кто еще во всем городе догадается напечатать не только слова, но и ноты произведения союзного масштаба. Смольный, конечно, заметит, отметит.

Вдруг звонок из парткома:

– Да что же вы, .ляди, делаете! Бегите по цехам, тираж собирайте! Еврейская провокация! Секретари партячеек уже час у рабочих из рук газеты вырывают, команда сверху «Изъять»!

Не еврей Соловьев. Еще не еврей! Ага!

Ноты вверх ногами на первой полосе, вот ведь как выпендились!

– Короче. Тираж будем перепечатывать. Гейзер – без премиальных три месяца! ...Коль не уволят.

Не уволили. И Сереге Пархуте, ответсеку, с рук сошло. Где-то, в другом конце города, усмехнулся Довлатов. Вот уволили меня, и терпите.

Логиновы

Пионерский лагерь под Толмачево, или в самом Толмачево, под очередным советским названием «Дружба», оказалось, сыграл в моей жизни весомую роль, и неизвестно как бы она и пошла-покатилась, если бы не знакомство в этом самом лагере с ровесником по имени Илья. Фамилия его была Логинов, жили, не тужили, мы в одном отряде, причем великовозрастном. Само собой, играли в футбол, гоняли мяч по бурому полю.

К одному из родительских дней был придуман, конечно, футбольный турнир, это значит, чтобы родители видели: детей развлекают по полной программе, растят их здоровыми и радостными. А как еще!

Отлично помню, как гоняли мяч, я с Ильей играл в одной команде, но вот на горизонте появились родители Ильи – мама шла нагруженная сумкой, отец же еле поспевал, сильно хромя и опираясь на палочку. Илюха выбыл из игры.

Тот пионерский лагерь я помню плохо, только въезд в него, весь в ельнике. Ели росли огромные и необычайно пушистые, с темно-зеленой хвоей, пахли как-то густо и смачно.

Минуло лето, наступила осень, я ходил в восьмой класс, приезжая по выходным на Синявинскую к бабушке. И вот однажды в квартире раздался звонок, я открыл дверь и побледнел – на пороге стоял мой враг, один из мальчишек, с которым я что-то не поделил. «Как он посмел!» – вскипело в голове.

– Чего тебе надо? – чуть ли не закричал я гневно.

Мальчишка испуганно, в каком-то недоумении посмотрел на меня. И только через минуту я понял, что здорово ошибся –

передо мной стоял не вражеский мальчишка, а Илья. К стыду своему, я обознался, но тут же нашелся:

– Я всех так встречаю, проходи!

Ничего себе, «нашелся»!

Испуг у нового товарища, впрочем, быстро прошел. Жил он совсем неподалеку, на Большой Пороховской, одна трамвайная остановка по Среднеохтинскому. Впрочем, какие трамваи, сами бежали как угорелые.

С Ильей я сразу как-то подружился. У него был младший брат, Олег, а родители были поэтами, Тамара Александровна Никитина и Юрий Иванович Логинов. Добрые, всегда отзывчивые люди, жили они совсем небогато, скорее, бедно, мальчишеской нашей дружбе никогда не препятствовали. Дом на Пороховской всегда был полон, и таким вот образом образовался некий кружок из юношей, живущих рядом, на соседних улицах. Были Боря Михайлов, Коля Виноградов, Васька Герасимов, Виталик Бормотов. Девушки в нашей компании появились позже, уже когда я пришел из армии, когда команда дружно перебралась для встреч и ночных посиделок в другой дом Ильи – в комнату на Гангутской, где раньше жила его бабушка.

То, что кампания подобралась на славу, было для всех нас самих непреложным фактом: мы по-настоящему дружили, знали друг о друге все, и встречаться как можно чаще было настоящей, влекущей и искренней потребностью. С годами мы Борю Михайлова все-таки потеряли из вида, он пошел куда-то по комсомольской линии, куда-то в небеса, да так и пропал в небесах-то. Коля Виноградов очень рано умер, нелепо, за праздничным столом, Виталик Бормотов помогал его матери до конца жизни, много лет спустя хоронил и ее. Виталика, вернее, его веселую фамилию, Вася Герасимов увековечил в одной из серий «Улиц разбитых фонарей», дав эту фамилию врачу-убийце, конечно, ради прикола, Васька тогда подвизался на сценариях этой многосерийной ментовской лабуды. Но лабуда приносила деньги, Василий старался, и как только трезвел после этих самых денег, сразу брался за ум и садился за компьютер. А вы-то думали, почему менты у нас такие несуразные. Впрочем, Вася Герасимов мужик настоящий, плавал в Антарктиду, это не каждому дано и не у каждого в жизненной биографии.

Все ребята, кто собирался на Пороховской, а затем на Гангутской, попали в самую, что ни на есть благодатную почву. Большого везения и быть не могло – культурный слой этой са-

мой почвы оказался своевременен и важен для каждого из нас, и через всю жизнь мы несли и проносим те литературные познания, какие в нас вложили Тамара Александровна и Юрий Иванович. В этих домах всегда звучали стихи, без стихов было невозможно, чтение их было каким-то обязательным обрядом, что ли. Так было на Пороховской, и в доме на Ударников, где в одном подъезде жили некоторые писатели и поэты, например, Элида Дубровина или Юрий Чистовский, и где трагически ушли из жизни Тамара Александровна и Юрий Иванович.

Не всегда стихи читали подолгу, совсем не всегда, даже иногда «на дорожку» уходящему гостю. Но всегда с любовью.

Тамара Александровна, лиричная и мягкая в поэзии, была такой и в жизни, Юрий Иванович поэт жесткий, рифмы его бывали резки, стихи патриотичны и трагичны, больны по сути, он писал о болевых вещах, он страдал сам и заставлял, именно заставлял, а не приглашал сопереживать других, потому что по иному было неправильно – так он считал.

Хотя... Он выпивал и все болезненней и трагичней становилась ситуация. Трагедией и завершилась.

* * *

Интересно, что все наши встречи и собрания за столом, когда читали стихи и рассказывали друг другу о событиях жизни, были совершенно спонтанными и никогда не планировались, например, сегодня поговорим о поэте таком-то, а завтра о том-то, и посвятим пару часов его творчеству. Илья с детства начал писать стихи, писал их много, чувствовалось влияние родителей, правильнее сказать – работа родителей с сыном, потому что в стихах Ильи чувствовались не отдельные нотки, а фундаментальные послы из поэзии родителей, а их поэзия эта была трудной, как нелегкой была судьба этих двух замечательных поэтов.

Читал Илья хорошо, никогда равнодушно, голос у него был терпким, уверенным и утверждающим, не терпящим возражений. Он умел отстаивать свои стихотворные находки, строчки и рифмы, когда спорили. Был даже какой-то снобизм, в самом хорошем смысле этого слова, и тогда все, что он делал, казалось ему единственно правильным, и это было уже хорошо, позволяло ему прорываться вперед.

Много лет спустя, он написал лучшую свою поэму – «Сад», ее читал он сам по радио России под музыку Сибелиуса, читал

вдохновенно, и когда смотрю ее глазами на книжных листах, понимаю – это лучшее, что он написал, самое трагичное о чуждоте и своего детства.

Илья хорошо играл на гитаре, неплохо пел и мало было легковесных песенок. Такой была атмосфера нашего юношеского круга при ночных свечах на Гангутской. И ночи эти, казалось, никогда не кончатся, но это и была самая настоящая жизнь, столь откровенная и столь важная, это потом появились девушки и жены, постепенно нарушившие наше мужское братство.

* * *

Ночные бдения на Гангутской, такие теплые и дружеские, сопровождались винными натюрмортами, но всегда на первом месте оставались стихи и пение под гитару. Там, на Гангутской, я впервые увидел и Ирину, будущую жену Ильи, это случилось в первый же мой день освобождения из армии, я прикатил из Мурманска и даже не успел переодеться в гражданку, ее еще надо было и покупать, пришел к Илье, где вечером он и представил свою невесту.

Девушки в нашем содружестве тоже были недалеко от поэзии, привязались к ней, понимали и впечатлялись. Все это крепilo товарищеские, дружеские и любовные (позтапно) узы, и свечи на столе в полумраке совсем уж крохотной комнатки на Гангутской, это навсегда сопровождавшие всех нас в жизнь свечи.

Что интересно: абсолютно все из того юношеского круга посвятили себя творческим профессиям, и лишь один из нас – Виталик Бормотов – остался технарем, но досталась ему на всю жизнь привычка, несомненно достойная подражания – посещать выставки и литературные мероприятия, совершать длинные вылазки в самые отдаленные и ближние пригороды, мне кажется, именно такие вот люди истинно культурны и нефальшивы, именно они становятся носителями традиций подвижничества. Не попала на творческую стезю Наташа Тараканова, много лет спустя, став муниципальным депутатом, она стала гонять чиновников с неподкрепленной ничем верой в победу.

Потом Илья с Ириной надолго уехали на Чукотку.

Илья уже нет на свете, его не отпустил проклятый север. Он умер в тот момент, когда билет навсегда в родной Питер, после тридцати лет разлуки с ним, был в кармане. Это была чудовишная, вопиющая несправедливость, и не только потому, что Бог забрал к себе навсегда поэта неординарного и не выдуманного,

а настоящего, и Ирина... на нее больно было смотреть после девяти мучительных дней переправки тела самолетами из Певека в Питер через Москву, это само по себе было ужасно. Я до сих пор не могу найти оценку тому давнему решению совсем молодых и счастливых Ильи и Ирины – уехать на север, они-то думали, что ненадолго, на несколько лет, а оказалось на три десятка, и до сих пор я ближе к тому, что это было неверное решение, по большей части ненужное. Впрочем, у Ильи и Ирины были свои соображения и обстоятельства, они в данном случае важнее. Илья оставил после себя несколько поэтических сборников, его псевдоним – Юрьев, стихи там твердые, жесткие, как у отца, я бы применил к ним слово «ядренные», в ракурсе крепости и выточности строф и рифм.

Из поэмы «Сад»:

*Нет войны, да дети сиротеют.
Активисты делят что-то, делят,
– Все никак не могут поделить.
Мир-то мир, да масла нет в лампаде...
Знать бы место, где придется падать:
Загодя соломку постелить.*

Эта поэма, написанная на переломе 80-х-90-х, посвящена Анатолию Иванену, еще одному из самых замечательных сегодняшних поэтов Петербурга, в наготе живущего в Пушкине после нескольких лет ближнего финского зарубежья – не прижился ингерманландец, потому как Всеволожский, и слякотная дорога от Хитолово до станции Юкки как-то ближе к детству, корням и калошам.

У нас всех есть калоши из детства, которые и не стоит скидывать, менять их на лакированные штиблеты.

* * *

Странно, но я очень смутно помню похороны Ильи. Помню Ирину и Дашу, их дочку, на них было страшно смотреть. Горе оказалось слишком велико, слишком непонятно, необъяснимо. Казалось, как им оправиться после всего, как жить? Держался Олег, младший брат, прилетевший из Екатеринбурга вместе с женой Мариной, где они дуэтом работают в Театре музыкальной комедии вот уже много лет. Их отъезд, в другой и дале-

кий город казался мне более понятным и объяснимым. Олег и Марина, вместе со своим пацаном Гошкой, почти каждый год заезжали ко мне в гости, когда наведывались в отпуск в Петербург.

Ирина переехала в Петербург навсегда, долго ждала квартиру в строящемся доме, конечно же, проблемном, но все-таки выстрадала ее, где и живет с Дашей. Даша пишет стихи, и это неудивительно, уже выпустила первый сборник.

Тамара Александровна Никитина и Юрий Иванович Логинов похоронены на том же кладбище, где и их сын Илья, на Северном. В могилу мамы поэтов подзахоронены урны, а прощались с ними в крематории. Это были одни из самых трагичных похорон, какие помнят поэты Петербурга.

Тамара Александровна и Юрий Иванович погибли в один и тот же час, задохнувшись в дыму от пожара в квартире на проспекте Ударников, такова цена непотушенной сигареты: Юрий Иванович крепко заснул. Тамара Александровна пыталась выбраться из задымленной квартиры, ее тело обнаружили в коридоре у самого порога, не смогла открыть дверь, сказались не только неожиданность случая, но и совсем недавний инсульт. Она не так давно выписалась из больницы в Озерках, когда приехал Олег из Екатеринбурга, мы вместе были в больнице. Потом дело пошло на поправку и в день трагедии, за несколько часов до нее, мне позвонила Тамара Александровна, голос ее был бодрым и твердым, я был радостно шокирован таким чудесным преображением здоровья. Удивлен я был действительно приятно, обрадован, ведь думал, что со здоровьем у Тамары Александровны гораздо хуже. Я сказал, что сегодня, 14 октября, выборы в Сестрорецке, я кандидат и поэтому еду в Сестрорецк, где пробуду допоздна, а через пару дней обязательно приеду в гости на Ударников.

Вернувшись из Сестрорецка, с матерью сел в кухне, чтобы рассказать ей: проиграл всего-то два голоса, но она обрушила на меня весть о пожаре и случившейся вечером трагедии, я долго не мог придти в себя и поверить.

Шок постиг многих литераторов города. Логинов и Никитина не были первыми именами в поэзии Петербурга, но их присутствие в литературной жизни города было ощутимо, в их доме бывали многие писатели и поэты, в их квартире начинались многие из них. Совсем неудивительно, что на прощание в крематории собрались десятки человек. Перед этим прошло отпе-

вание в церкви Ильи на Пороховых. В минуту, когда ровно в четыре часа объявили, что можно заходить в зал для прощания, случилось необыкновенное: именно в этот миг в небе появились две радуги, именно две, говорят, это редчайшее явление. Я такое видел впервые в жизни. Несколько десятков литераторов замерли. Это не случайно, говорили они, мы провожаем очень хороших людей, двоих, радуги их встречают, а небо готово принять. Было очевидно, что о радугах будут вспоминать и помнить очень долго многие. Так и вышло. Об этом чудесном божьем явлении говорили на поминках в ресторане, потом писали в своих воспоминаниях, например, Татьяна Лапшина, поэт и художник, к которой Логиновы очень тепло относились всей большой семьей.

Вспоминая этих замечательных людей, сыгравших в жизни многих столь значительную роль, хочу сказать и еще об одном странном, но существенном мистическом обстоятельстве. Собираясь тут или там, в самых разных местах и компаниях, чтобы помянуть ушедших поэтов, многие рассказывали о том, что буквально накануне или даже в день смерти Тамара Александровна звонила им. Кто-то уверял, что в том или ином случае этого просто не могло быть. Мне же кажется, так и было. Никто не стремился обмануть других и не обманывал: это было послание свыше. Я понял это, потому что слишком ясен и тверд был голос Тамары Александровны в тот роковой день, когда мы в последний раз говорили по телефону.

Помню: я был очень удивлен ее бодрым и чистым голосом и рад этому.

Но она прощалась...

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Тамара НИКИТИНА

КОМАРОВО

Никто не увидит
ни нервов сплетенных, ни крови.
Деревья стоят —
еще зелены легкие кроны.
Поэты рисуют стихи
на песке в Комарове,
И дождик стучит, словно сердце,
весомо и ровно.
Как странно казаться счастливой,
такой молчаливой!
Оглохшей, охрипшей,
обломанной елью стучаться
В застывшие стекла,
в тот дом на бугре у залива,
С потерянным летом
меж солнцем и мглою, прощаться.
Всегда не хватает
Не грусти-веселья, а суток
И мига творения —
над всем и над всеми паренья...
Поэты рисуют судьбу на песке...
И рисунок
Не смоят ни волны, ни дождь, ни ревнивое время.
1985, Комарово

ЛИСИЙ НОС

Олегу Логинову

Станцию назвали — Лисий Нос.
(Почему не Хвост, не Лапа Лисья?)
Дождь затих, и ветер вдаль отнес
Влажные заржавленные листья.
Рыжие промокшие леса,
Веток растревоженная стая.
Где ты обитаешь тут, лиса, —
Мудрость и находчивость людская?
Я устала, не хватает сил
И себя побасенками пичкать.

Помню, в детстве, дед мне приносил
Щедрые гостинцы «от лисички».
Ягоды, орехи да грибы.
Ничего я не едала лучше!
Что же мы считаем коренным?
Разве только хитрость — лисья сущность?
Я ее люблю, мою лису!
Хвост трубой, мелькнула у залива...
Благодарность позднюю несу
За гостинцы те в тот год счастливый.
На пожар тоскующих берез
Подойдет зима на мягких лапах.
Чутко ловит острый Лисий Нос
Несолёный наш приморский запах.
Хорошо здесь постоять в тиши,
Только электричка вскрикнет глухо.
...Спит лиса, на камни положив
Древнее недремлющее ухо.

КАПКАН БЕДЫ

Вадиму Соловьеву

Грибы набухли солодом,
А ягоды не сладкие...
Заковыляли к городу Медведи косолапые.
От гари и от голода,
От почвы измочаленной
Они стремились к городу —
Спасенье в людях чаяли.
Их встретили охотники
Нежданным строем выстрелов.
Медведь-вожак нахохлился,
Встал на дыбы — не выстоял,
Метнулся неуверенно
И рухнул, пулей встреченный...
Отчаянно, потерянно
В моем сознание мечется —
Меж ельником и городом
В капкан беды зажатая
Медведица матерая...
Куда ж ей?! — с медвежатами.

Юрий ЛОГИНОВ

ПОВТОРЯЕТСЯ ВСЕ...
(ИЗ ОСЕННЕГО ЦИКЛА)

Т.Н.

*Сквозняк октябрьский шастает, как пьяница,
Сам по себе, все время не в себе...
Я ж не имею права на беспамятство,
Привержен я единственной Судьбе.
И Ты!... мы вместе! — мы вдвоем заполнили
Вселенский Дом И одиночеств глушь,
Шары мечты И шаровые молнии
Любовью задышающихся душ.
Ветрами Века от роду вскормленные,
Приветствуя безжалостный клинок,
Бывали мы и сами непреклонные:
Разили нас! — И мы сбивали с ног,
И вновь — Октябрь... и Троицкий, и Невский,
А город, полный жизнью, словно мертв!
Я знаю: Откровенничать тут не с кем!
Хамелеонов сброд и — держиморд.
И снова, Желтым Дьяволом означенный,
Ревет он сдуру в ржавую дуду!..
Иду я мимо, Сквозняком прохваченный,
Лишь не навлечь бы на Тебя беду.*

Такая газетная карусель

...И вот это самое, казалось бы, необыденное событие: редакцию попросили из техучилища восвояси, никак не смогли согласиться на третью бутылку арендной водки, плюс Козырицкий газету заглушил по факту. Довольно не банальное событие в начале перестройки, и я стою в одной из комнат теперь уже бывшей редакции, окна нараспашку, ветер гуляет по комнатам и коридорам, листки рукописей летают по воздуху, фотографии раскиданы по полу, бумажный какой-то коллапс, безысходно трагический. Я ловлю летающие бумаги, и, собрав как можно больше под мышку, прихватываю тяжелую подшивку за какой-то там давний год и бреду через площадь Свободы, мимо заводского клуба, через футбольное поле на Морскую, в промзону «Курортэнерго», где уже находилась редакция «В курортном городе...». Дотащившись, скидываю все в кучу, рассматриваю фотоснимки – а они уже редкие, из жизни завода... которого тоже скоро не будет.

* * *

Это было действительно какое-то необыкновенное время, когда для бешеной собаки сто верст – не крюк. Я вставал легко, рано утром и из своей коммуналки на Петроградской мчался на станцию Черная речка, на электричке – в Зеленогорск. Самое удивительное, что вся редакция «Здравницы» жила где угодно, но только не в самом Зеленогорске, в Ленинграде – да, в Рошино – да. От вокзала до Ленина, 23 минут десять ходу, поднимаешься на третий этаж (вход со двора), и здесь уже кто-то успел раньше, но лишь при полном корреспондентском сбо-

ре ставился вопрос ребром, прямо и неумолимо: кто сегодня за пивом? В редакции хранили, как зеницу ока, несколько дежурных трехлитровых банок, и уж не припомнить, кто из нас и по какому принципу отправлялся на другой конец города в стекляшку-пивбар, рядом храм, еще не возвращенный народу, в пивнушке еще надо было отстоять очередь, и лишь иногда за освежающим питьем ходили в ларек неподалеку. Всегда получалось – на одной трехлитровой банке не останавливались, пивная карусель стала вечным спутником редакционных будней. Редактор, Василий Федорович Морик, пивному безумию не препятствовал, в конце концов, это никак не отражалось на работоспособности коллектива, наоборот. Писали все много и со вкусом, это скоропись возрастная, очевидно, многописание характерно для журналистов до сорока, это потом вдруг как-то неожиданно меняются оценки происходящего вокруг, рождаются апатия и пофигизм, даже в отношении собственного труда. Кризис журналистского возраста. В конце концов, журналистика – лишь ремесло, умение складно излагать события, а глубоких выводов никто от тебя и не требует, даже хорошо, что ты покладистый и сероватый, грамоту тебе, только вот беда, непреодолимой силы – продвинутый читатель, он-то все видит, и фальшь твою видит, и лукавство, и ты как журналист становишься ему неинтересен, потому как сам залез в профессиональную могилку, но ведь никто и заставить не может быть некрофилом – не правда ли?

* * *

А теперь о значении и предназначении бутылки водки в истории прессы.

Конец господства КПСС над маленьким, но довольно свободлюбивым коллективом «Здравницы» пришелся на ноябрь 92-го года и имел довольно банальное предшествование, характерное для того лихого перестроечного времени.

Где в августе, в редакции на улице Ленина, на этот раз в доме 18, куда при переходе захватили свинцовую статуэтку Ильича, чтобы шелкать ею орехи, в кабинете Василия Федоровича Морика состоялось историческое редакционное собрание. Уж и не вспомнить, кто был его инициатором, но собрались все дружно, как на банкет. Василий Федорович бодро восседал за главным столом, по стеночкам расставили стулья и повели дискуссию на тему, кто такой и что такое для нас РК КПСС в данный политический момент, и правильно ли, что редакция

– орган РК, когда все в стране крушится и рушится, да и премии меньше стали.

На собрание сошлись 12 человек, я это отчетливо помню, и даже кто-то вел протокол, кажется, Алка Соловей, корректор. Особенно бурных споров не было, как-то даже не вставал вопрос и о дальнейшем финансировании газеты (действительно – кто, если не Совет народных депутатов?). Дружно, в едином порыве, проголосовали за исключение из учредителей РК КПСС, решено было оставить только Совет, как орган власти, ближе остальных подкравшийся к народу. Голосование было открытым, результат почти предсказуем: 11 голосов «за», 1 – воздержался. Воздержался Максим Сахновский, как старый и опытный, матерый еврей, да простит меня еврейское сообщество за намек о великой национальной черте, но перед самым голосованием Максим Абрамович весьма внушительно показывал всем своим видом и комментариями, что будет голосовать «против» КПСС, врага еврейского народа. Впрочем, при общем раскладе это не имело значения, больше удивил Василий Федорович, его позиция оказалась куда уверенней и тверже. Потом же, когда редакторская жизнь Морика пошла сикось-накось, он не раз признавался приватно: от жизни ожидал всего, что угодно, но совсем не того, что когда-нибудь грохнется КПСС, он-то думал, да не думал даже, а был убежден, что КПСС – это навечно, а оказалось вон оно как... И тяжело вздыхал.

Но это было гораздо позже. Казалось бы, уже ближайший номер газеты должен был выйти, где под шапкой слова «орган РК КПСС» должны были быть вычеркнуты навечно. Ан, нет! Газета как выходила, так и продолжала выходить с проверенными десятилетиями выходными данными. И неделю, и вторую, и месяц, шел уже второй... В редакции начали тревожно роптать: почему не выполняется решение собрания, ведь оно законно! Морик уходил от ответа. Но в воздухе витало: такое отношение к мнению журналистов недопустимо, вот-вот что-то должно выстрелить.

Произошло все буднично и неожиданно. Приближался день 7 ноября. Я купил бутылку водки и пришел в кабинет к редактору. Рабочий день ведь закончился, газета – праздничная – почти готова к печати, Василий Федорович, уткнувшись в бумаги, рисовал макет. Выпили-закусили, потрепались, сходил за второй. Выпили-закусили, потрепались, Василий Федорович перевел разговор на тему собрания. Замечу: в то время я, как и

абсолютное число журналистов газеты, придерживался демократических позиций, мы все были увлечены и всполошены преобразованиями в мозгах, потому и сообщил Василию Федоровичу, что в редакции не понимают и отказываются понимать невыполнение редакционного решения.

Василий Федорович энергично замахал руками: «А ну их!...», резким движением разорвал черновые полосы номера.

Дальше произошло что-то невообразимое:

– Где эта карикатура из «Комсомолки» – чугунная баба разбивает кремлевскую стену? Давай сюда! Вот пишут: коммунисты украли 5 миллионов рублей! Тащи заметку! В набор! «Орган РК» – вычеркнуть! На свалку истории! Наливай!

Двое суток райком не выходил на связь, никак себя не проявляя и никак не реагируя на потерю газеты.

Гегемония КПСС в районе на этом закончилась.

А самой примечательной и чудесной была фраза из заметки на первой полосе, заметка называлась «В интересах людей»:

«Отныне и навсегда мы будем выражать волю Советов, что и было заложено в отношении средств массовой информации Октябрьской революцией».

Пожалуй, правильно рассказать, как ушли из жизни, вернее, погибли один за другим редактора газет «Здравница» Василий Морик и Виктор Калашников. Несмотря на разницу в возрасте, оба еще были далеко не старыми.

Морик родом с Украины, больше жены любил разве что сало, его то ли с родины присылали, то ли в магазинах покупал, он с удовольствием угощал салцем своих коллег. Угошал он действительно с радостью, весь светился и смеялся как ребенок, под рюмочку водочки лучшей закуски не могло и быть. Иногда ловил себя на мысли, что Федорыч испытывает чуть ли не национальную гордость, угощая салом друзей-знакомых, да так оно и было на самом деле. В конце концов – вполне национальный продукт, имиджевый.

Жил Морик в Рошино, на четвертом этаже банальной хрущевки-пятиэтажки, в скромной то ли двушке, то ли трешке, сейчас не помню. Несколько раз приезжал к нему в гости, естественно, при этом выпивали под его традиционное салце. Жена у Федорыча была учительницей, сын рос откровенным балбесом и, как часто случается в интеллигентных семьях, покатился не в ту сторону. Василий Федорович семейные неурядицы не афишировал, о них мало кто знал вообще. А правда в том, что сын в

старших классах подсел на наркотики, без них не мог. Узнал я о семейной беде не от самого Морики, а от его жены, она буквально просила, молила, чтобы ей помогли в беде. Но, как чаще всего случается, было поздно. Запоздало и я узнал о несчастье, в семье уже развернулась трагедия.

Сынок В.Ф. вместе с приятелем, таким же наркоманом, решили ограбить квартиру, которая находилась как раз под квартирой Морикив этажом ниже. Сплели веревки из простыней и решили спуститься на этаж ниже, на балкон, таким образом войти в квартиру, обчистить ее и через дверь выйти на лестницу. Так и стали делать. Приятель спустился на балкон, следом стал спускаться и сын Федорыча, веревка оборвалась, парень рухнул вниз с третьего этажа. Сломал то ли руку, то ли ногу, то ли то и другое вместе, на «скорой» его срочно отвезли в первомайскую больницу. И тут у парня обнаружили запущенный гепатит. Стали проверять семью, гепатит, обнаружили и у Федорыча. Его увезли в Боткинские бараки, я звонил жене, интересовался, когда можно навестить, потом понял, что навешать уже не надо, поздно, через несколько дней он умер.

Через день наступал новый, 2000-й год, день прощания выдался очень морозным, на рошинском кладбище было красиво, деревья заснежены и молчаливы. Надо отдать должное тогдашнему главе Зеленогорска Юрию Гладунову – он и в годовщины иногда посещал могилу редактора.

Морик для «Здравницы» был пусть и небольшой, но эпохой, редактор талантливый, газету он делал с азартом и со вкусом.

Когда к власти пришли демократы (в кавычках, конечно же, демократы), Морик сразу же лишился своего редакторского поста. На специально собранном заседании т.н. Малого совета, Морики отстранили от должности (раньше критиковал Кривенчеко, вот и отыгрался Анатолий Николаевич), и в судьбе редактора началась самая сложная и нехорошая полоса, зарабатывал Федорыч от случая к случаю, издавал (я ему помогал) какую-то там рошинскую газету «Наш край», непостоянно и ненадежно.

А хороший был мужик. Работал я у него когда-то в газете «Трудовая доблесть» на заводе «Северный пресс» в Питере, сразу после армии, предприятие закрытое. Как-то попросил меня Морик получить из ремонта его часы и завезти к нему домой (жил он тогда на ул. Куйбышева в Питере), у меня по пути их украли, то ли в метро, то ли в троллейбусе. Расстроился Федорыч, по рюмочке с ним пропустили, ну и забыли. Отходчивый

был мужик. Три раза меня из редакции выгонял, только трудовую портил, через пару дней снова брал на работу, я убеждал: в трудовую-то ничего не чиркай! Вобщем, пьянство – поганая штука, давно так думаю.

Еще трагичнее смерть Виктора Калашникова, именно он сменил на посту редактора «Здравницы» Морику, когда того постыдно сместил Кривенченко. Самое любопытное, что Виктор тоже жил в Рошино, неподалеку от Василия Федоровича, только у него был деревянный дом, но увидел я от него лишь остов после страшного пожара. Пожар случился, когда Витьки не было дома, он провожал старшую дочь на станцию, а вернулся – дом горит ясным и синим пламенем. Среди прочего сгорел и устав газеты в единственном экземпляре. После пожара непонятно было, что делать: то ли дом восстанавливать, то ли продавать участок после пожарища. Жил тогда Виктор уже со второй, совсем молодой женой, в Петербурге, и у нее родилась дочурка. Обратился к генеральному «Курортэнерго» Литовке, предприятие купило вагончик для временного пользования. Там Витька частенько и жил, зализывал раны.

На самом же деле, настоящая трагедия только подбиралась. Я лучше других понимал всю правду и природу случившейся затем смерти. Жена Виктора Люда жила в совсем крохотной двушке на Хасанской, теща была до безумия жадной женщиной, Витьку, с его-то открытостью, душой нараспашку, это коробило и оскорбляло, а тут еще братец жены – наркоман хренов, по карманам у Витьки шарил, деньги таскал, вот и не выдержал, скрылся в своем сарайчике в Рошино.

Наступала осень, сестрорецкие депутаты выхлопотали ему комнату в общежитии на Борисова, начал он обустраиваться. Я с мамой своей приехал, подарили шторы, серебристые такие, красивые, повесили. Да не работал только чертов сортир! Из-за него и не переезжал Виктор из Рошино, ждал, когда починят.

И вот утром телефонный звонок, голос у Витьки пьяный, говорит, что трясет, я призываю собраться с духом и ехать домой, к жене, или в Сестрорецк. «Еду!» – отвечает. И пропал.

Не знаю как, но я первый почуял беду. «Люда, – говорю его жене, – гони в Рошино!». Уже вечером: «На работе его нет, в Сестрорецке нет, проверь больницу в Первомайском». Звонит туда, а там человек без сознания. Накануне депутаты поехали в Рошино, все кусты оползли, даже на кладбище были... Как потом оказалось, не дошли метров двадцать до места трагедии.

В больнице оказался именно Виктор. Он был в коме. В стационаре продержали несколько часов, вроде соображает: «До дома-то дойдешь?». «Дойду!». Отпустили, свободных мест все равно не было. Через кладбище шел, там ударили по голове, ограбили.

В первомайской больнице в коме Виктор был несколько дней. Повезли на томографию в Питер, здесь пробыл в коме сорок пять дней. Андрей Вишневский звал поехать в больницу, прощаться.

– Глаз у меня плохой, – говорю, не поехал.

Виктор умер в октябре, 19-го. Хоронили в лесу, на кладбище за Смолячково, широкий, просторный погост.

Витька, Витька... Не всегда и не всем удается вырваться из пьяного угара, никого я в этом никогда не виню, потому что сам прошел эти круги чертовы, спасибо Литовке – выташил, больше пятнадцати лет не пью. Но не вернуть погибших, молодых, много не сделавших на этой земле.

Пока дочке Виктора не исполнилась три годика, Люде помогали депутаты деньгами, было хорошее подспорье. Потом она уехала куда-то в деревню, то ли под Орел, то ли под Курск, там как-то сразу родила еще двоих. А старшая дочка, Ольга, та самая, которую он провожал на станцию в Рошино в день пожара, стала, как я знаю, журналисткой.

* * *

Могут объективно упрекнуть: много говорю про пьянство, как оно разъедает журналистов, крушит судьбы.

Может быть. Поэтому завершаю:

Корреспондент «Здравницы» Боря Базанов умер в январе 2000 года, в день своего 50-летия. Жил он в Горелово. Рассказывают, в каком-то деревянном коммунальном бараке. После того как отметил юбилей, решил опохмелиться, ему было плохо, очень плохо, ночью вышел в коридор, стучался в комнаты к соседям, просил на выпивку, ему не дали, и он умер на пороге у входной двери.

ОН УБИТ

*Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!*

И.Северянин

Он убит. В нашей стране невозможно сосчитать какое это по счету убийство. И не то, чтобы за последнее безумное десятилетие, да в этом году — какое по счету оно? И мы, товарищи, коллеги Виктора Калашникова по журналистскому цеху, его собратья по перу, уже не можем гарантировать, что назовем имя убийцы или убийц нашего товарища и друга. Даже когда будем искать виновников его трагической смерти.

Виктор Калашников умер перед полуночью в минувшую субботу, 19 октября. Это были сорок пятые сутки, когда он находился в коме, но в последние дни врачи уже не оставляли никаких надежд на благополучный исход, хотя недели две назад забрезжила маленькая призрачная надежда, что все еще может обернуться в лучшую сторону. На связи с Областной больницей на Луначарского в Санкт-Петербурге каждый день находились депутаты Муниципального Совета Сестрорецка, журналисты и друзья Виктора. Делали все, что от них зависело. Просто не все в этой жизни зависит от земных наших страданий, страстей, переживаний, надежд.

Я внутренне был готов писать этот прощальный очерк уже много дней после трагедии, но еще утром 19-го в Александро-Невской лавре молился и просил Бога сберечь Виктора. Но Виктор умер, когда часовая стрелка заканчивала свой суточный бег. И этот очерк, который я не хотел и боялся писать, все же писать пришлось...

* * *

Он был весь какой-то стремительный и не всегда предсказуемый. Помню его появление в Сестрорецке, в редакции «Ленинградской здравницы» на Приморском шоссе. Редакция тогда находилась в здании техникумища, занимала несколько комнат на втором этаже, и для районных журналистов тогда еще только начинался ее новый перестроечный период: менялось название газеты, было много споров и предложений — какое имя дать изданию, которое станет правопреемником старейшей газеты района. Газету переименовали в «Петербургскую здравницу», она потом еще несколько раз меняла названия, но всегда подразумевалась необходимость преемственности традиций «Ленинградской здравницы», которая издава-

лась с 37-го года. Не случайно именно в марте года нынешнего праздновался 65-летний юбилей «Здравницы».

Это был лучший праздник какой-либо газеты в нашем районе за все годы. Помню, как Виктор боялся и переживал, чтобы ничего не случилось, и торжество не сорвали. А его откровенно хотела сорвать власть исполнительная — в сегодняшней статье я не собираюсь делать никаких реверансов в сторону тех, кто его не любил, кто старался нивелировать роль «Здравницы» в жизни района, прежде всего — общественно — политической. Потому что в ТУКАР делалось все возможное, чтобы газета не могла встать на ноги, в полный рост, если хотите.

* * *

Но есть какое-то знамение выше. Праздник газеты состоялся — спасибо всем, кто помог его организовать. Может, в последние годы это был один из лучших праздников и для самого Виктора. Потому, что для них не было ни предпосылок, ни условий.

В году 93-м молодая псевдodemократическая поросль во главе с Кривенченко быстро разобралась с Василием Федоровичем Мориком, уволив его с поста редактора газеты — тот имел несколько свое, особое мнение по поводу политических раскладов в районе и роли

в этом раскладе круга кривенченковцев. «Здравницу» пытались поставить под себя — логотип издания дорогого стоит. Он и сегодня дорого стоит, в чем и причина трудных лет газеты, последних лет.

Виктор Калашников писал легко. У журналистов есть такое понятие — «легкое перо». Это когда журналист не вымучивает строки своих статей, когда берет в руки карандаш или авторучку и пишет спокойно, непринужденно. Но такое состояние должно совпадать с состоянием души, с биением сердца, если хотите. У Виктора оно не всегда совпадало, он поступал проще: откладывал перо и бумагу в сторону. Он не насиловал себя, не предавал. И не предавал товарищей.

Здесь очень интересная у Виктора была философия, мне кажется, на подсознательном уровне. Он никогда не говорил высокопарными и выпренными словами, но философия была очевидна для его ближайших друзей — живи не по лжи. Виктор, безусловно, был лукав, если хотите, в нем не умерло мальчишество, но он был как-то по-особенному и весело лукав. Его устные рассказы за праздничным столом, сдобренные кристально точным юмором, приводили всех в дружеский восторг.

Он давал такие саркастичес-

ки точные оценки окружающим, неординарно трактуя, казалось бы, простые их действия, что хотелось с ним соглашаться. Мы, журналисты независимых изданий, любили с ним поспорить, в тоже время, выискивая вместе зерна истины.

* * *

Василия Федоровича Морики, который руководил «Здравницей» почти двадцать лет, хоронили на заснеженном кладбище в Рожино в один из последних дней декабря 2000-го года. Уходила эпоха районной журналистики, неровная и сложная эпоха. Когда я говорю, что «Здравница» пережила свои лучшие времена, находясь долгие годы под РК КПСС, то это сущая правда. Но ведь и условия были у газеты другие, «Ленинградская здравница» была монополистом в районе. Виктору Калашникову, после изгнания с редакторского кресла лжедемократами Василия Морики, пришлось работать совершенно в других условиях. Прежде всего, экономических, потому что денежные мешки (или «тузы», как любил писать Виктор), всегда хотели иметь карманную прессу, лизоблудствующую и раболепствующую. Не удивительно, что первый удар пришелся по обновленной «Здравнице» — печально известный Вячеслав Козырицкий, будучи главой района, моментально перекрыл финансиру-

ние газеты. Я тогда работал в Санкт-Петербурге, в редакции рекламной газеты «Бизнес-экспресс», и помню как на Литовский, 1 приехали журналисты «Здравницы» и мы стали искать выход. «Здравницу» мы спасли, сохранили ее, и она выходила по-прежнему и независимо от желания или нежелания власти (а, значит, боевой и честной), и так продолжалось больше года, пока ее не узурпировал все тот же депутат Кривенченко — к сожалению, экономические условия перестали складываться, и речь опять шла о сохранении издания как такового. И только после того, как газету удалось соучредить с Муниципальным Советом Сестрорецка, положение начало стабилизироваться, выравниваться.

Власть муниципальная понятиям и воззрениям Виктора соответствовала более всего, это было правильно и для него естественно. Его старались втянуть в разные политические игры, от претензий на газету теруправления он отрекся как мог, он возмущался, когда в нетерпимых им «Вестях», по наглому подписывались заметки его фамилией, вместо подписи «пресс-служба МС». Он имя свое старался беречь, а имя редактора Калашникова — достойное в районной журналистике имя, его уже не вычеркнуть из ее истории многомесячной борь-

бы газеты с вороватой четой Козырицких, когда независимая «Здравница» писала правду и газете верили, а читатели оставались с ней в самые сложные для журналистов годы.

* * *

С Виктором легко было говорить на понятном для журналистов языке — о чести, достоинстве профессии, о значении журналистского ремесла в нашу странную и пузырящуюся от сомнений жирующих чиновников эпоху, которые вообразили, что прессу можно купить как некий субъект торга. Виктор был близок, повторяю это, не к «официальным пиарщикам» из администрации, а именно к кругу товарищей по перу, отвечающих за свои слова и дела в газетном овале района — именем и честью. Мы в праздники собирались вместе, пусть и нечасто, но неформально проводили собрания районной журналистской организации, и мнение Виктора что-то для нас да значило — он был душой родственной. Совсем не случайно, а осознанно, и даже предполагая недовольство некоторых депутатов Совета, он предложил выпустить совместный выпуск газет «В курортном городе С.» и «По случаю» под основным логотипом «Здравницы», это была его смелая идея, понятная нам и ему, и так бы, возможно, и случилось, но последний разговор с Виктором по

этому поводу у меня состоялся утром 4 сентября, но через несколько часов с Виктором случилась трагедия.

Это я отвечаю на вопрос тем, кто так и не понял, с кем дружил Виктор, с кем был вместе в последние месяцы общей журналистской работы в районе, и какие взгляды и позиции были ему близки.

* * *

Я знаю, что кое-кто попытается сегодня спекулировать на смерти Виктора. Потому что уже не раз меня спрашивали, не связана ли трагедия с его профессиональной деятельностью, ведь сегодня профессия журналиста опасна, это действительно так, потому что честные журналисты противостоят всему тому беспределу, который творится сегодня в стране.

Отвечаю: нет, смерть Виктора никоим образом не связана с его работой, здесь совсем другое, и для того, чтобы рассказать правду о причинах гибели журналиста, нашего товарища и друга, в ней надо еще разобраться. Мы должны выяснить роль роцинской милиции во всем случившемся, роль врачей одной из роцинских больниц. Возможно, это врачебная халатность, и если так — преступная, связанная с неоказанием помощи. Возможно, нет интереса у роцинской милиции «копать правду» и тогда придется дока-

пываться нам, его друзьям. Но в любом случае, мы имеем дело с убийством — об этом говорят и травмы головы, одна из которых оказалась смертельной после удара тяжелым предметом, и признаки ограбления налицо — пропал дипломат с документами, и поведение некоторых людей, связанных с событием после того, как оно уже случилось. Опять же — сегодня мы только на стадии размышлений, в попытках понять, почему на одной из окраин поселка было найдено окровавленное тело Виктора Калашникова, помещено в реанимацию Первомайской больницы как неизвестное, а затем опознано его женой... Мы будем искать ответы на вопросы.

Сейчас же я о другом. Все десять лет работы Виктора редактором власть пыталась его уничтожить как честного и смелого журналиста. Совершенно не понимая, что каноны профессиональной честности, порядочности в такой профессии как журналистика если главенствуют, то любое давление на журналиста как личность бесполезно в принципе и обречено на неудачу. Я знаю, о чем говорю, потому что не было более трудных лет у моей газеты «В курортном городе С», когда ее вознамерились три года назад уничтожить господ с площади Свободы. Не вышло. Не могло

случиться так и с газетой Калашникова.

Всего один эпизод, который это доказывает.

Осенние выборы 2001-го года в Муниципальный Совет Сестрорецка оказались чрезвычайно грязными — теруправление во главе с А.Бегловым делало все возможное, чтобы в новый состав Совета не прошли неудобные для исполнительной власти кандидаты (предыдущий Совет был распущен судом). Понятно, что на газету, уже ставшую муниципальной, стали оказывать беспрецедентное давление. Я бы не утверждал, кабы не стал невольным свидетелем. Дело в том, что Виктор в то время жил у меня в квартире, так складывались его обстоятельства, а звонившие просто не знали, что звонят в квартиру на мой телефон. Подготовив грязные материалы про некоторых кандидатов (тех же Игоря Романькова и Володю Матвеева), они требовали печатать их в «Здравнице», торгуясь или просто суля деньги. А так как звонившие понятия не имели, что я в этот момент сижу с Виктором за одним столом, то и позволяли себе то, что позволяли — в два часа ночи в истерике заливался депутат ЗАКСа Кривенченко, грозя Виктору неприятностями за непубликацию компромата, наутро — один к одному — звонок из ТУКАР. Все кончилось, когда на очередные

угрозы мне пришлось ответить самому. Грязные публикации были «отменены». Но факт, что Виктор Калашников не поддался на посулы, не испугался угроз («С редакторства снимем!») место имел.

Это я не потому пишу, что сегодня уже развернулась борьба за место в Законодательное собрание, это уж так, к сожалению, совпала эта прощальная статья о Викторе с сегодняшней ситуацией... Это я потому, чтобы все знали — Виктор не поддавался, честь профессии берег и совесть свою журналистскую не отдавал на поругание разной там нечисти.

У него было немало верных друзей и люди, которые окружали, его уважали или любили. Только я видел, как загорались глаза Виктора, когда говорили о Литовке — ведь именно Евгений Петрович Литовка со своими товарищами по депутатскому корпусу инициировал ситуацию, когда газету решили сделать муниципальной. Это означало, что самый трудный и многолетний период в жизни старейшей газеты района закончился. И именно с этого времени Виктор стал чувствовать себя уверенней и спокойней. Он окунулся в работу с головой, потому что был в принципе сторонником именно муниципальной, народной власти. И было бесперспективно, как бы кому не хотелось,

вырывать его из круга независимых журналистов района, он каждой клеточкой существа своего чувствовал, как гадко и низко давление на людей, стремящихся говорить правду.

Он сохранил свое достоинство и достоинство профессии. Профессии, которая предполагает разные перспективы. Знаю, открывались неплохие предложения в саратовской «Комсомольской правде», где он начинал в юности, более благостной была бы его личная судьба, если бы шел на поводу у нашей районной власти.

Не поддавался. Потому что знал — трудно не только ему. Трудно и мне, и Кате Кирилловой. И знал, что если что-то не так, мы окажемся рядом.

Судьба подарила Виктору год спокойной и в принципе интересной для него работы рядом с депутатами Сестрорецкого Совета. Это правда. И спасибо всем депутатам, которые сделали в последний месяц все возможное и невозможное, чтобы спасти Виктора от смерти.

* * *

Не случилось. Какое-то горькое знамение все-таки окутало последний год его жизни. Сгорел дом в Рощино, который только построил и начал в нем жить с молодой женой Людмилой. Но почти сразу после этого родилась младшая дочь. Депутаты договорились о комнате

в сестрорецком общежитии и Виктор отремонтировал ее, чтобы переехать жить в Сестрорецк осенью. Ему многие старались помочь и помогали, но есть вещи, не зависящие от нас...

Впрочем, если не все, то очень многое от нас все-таки зависит. Если журналиста не угнетает, не давит власть, как в последнее десятилетие было в нашем районе (при Козырицком и Беглове, в этом они друг друга стоят), он сделает много созидательного и полезного для общества. Но и в оппозиции журналист созидатель — таков канон профессии, которую мы выбрали, и выбрал в своей жизни Виктор. Его нежелание полностью подчиняться любой власти было в нем очевидно для знавших его, в противном случае он бы изменил предназначению дела, которое делал. Власть имущим это не может быть понятно по определению. Но понятно нам, кто работает в газетах и стремится показывать жизнь без прикрас, указывать на ее неприглядные стороны. Виктор был конструктивен всегда. Он не мог совершить измены и совершить подлость ни при каких обстоятельствах.

Этого не поняли те, кто долгие годы стремился либо уничтожить «Здравницу», либо свести на нет усилия редактора.

Последние десять лет старейшей газеты теперь уже не-

разрывно связаны с именем Виктора Калашникова, как предыдущие двадцать лет — с именем Василия Федоровича Морица. Который тоже жил в Рощино, так сложилось, недалеко от Виктора.

Перелистывая страницы «Здравницы», исследователи нашего района будут сталкиваться с их именами, которые под статьями. Мне же хочется сказать, что на долю Виктора Калашникова выпал самый трудный период старейшего издания района, и он хранил газету как мог.

Сохранил.

* * *

Мне больно и непросто было писать сегодня этот прощальный очерк о друге. Виктор останется в моей памяти навсегда. Но лучше бы я писал о нем по-другому. О его бесшабашности и в то же время удивительной надежности, о его счастливых минутах, которые, конечно же, в жизни были.

А пришлось о том, как его убивали. Неизвестные негодяи на окраине поселка, в котором Виктор жил и был по-своему счастлив. О том, как медленно пыталась убить его власть.

Не убила.

Будем помнить тебя, Виктор!

20 октября 2002 года

Первые похороны Шлиппенбаха

И все-таки: следует самым старательным образом сохранять воспоминания о людях известных, знаменитых. В этом плане неплоха, хотя и весьма традиционна, книга воспоминаний Николая Андреевича Шлиппенбаха. В ней сохранены интересные фрагменты семейной истории, рассказано немало об известных людях, таких как Вернадский, Петрункевич или Бакунин. «Путешествие во времени далеко и близко» – так назвал Николай Андреевич свои воспоминания.

В книге нет воспоминаний о Серее Довлатове, и совершенно зря: он с ним дружил, стал героем одного из его рассказов «Шоферские перчатки», том самом, где Шлиппенбах снимал тогда мало кому известного Довлатова в роли Петра Первого на кинокамеру. Рассказ смешной, сама ситуация была веселой, и где-то уже на исходе жизни Николай Андреевич решил сделать зарисовки о Довлатове, о своей с ним дружбе.

3 сентября 2005 года в Москве в центре Мейерхольда прошел вечер памяти Довлатова, была его дочь Катя, которую Николай Андреевич хорошо знал и о которой порой рассказывал. На том вечере Николай Андреевич и поведал публике весело и смешно о сценическом опыте Довлатова. Сам же писатель Довлатов рассказывал так:

«Наконец, Шлиппенбах махнул рукой. Камеру он держал на подобие алебарды. Затем поднес ее к лицу.

Я потушил сигарету, вышел из-за угла, направо – к мосту. Оказалось, что когда тебя снимают, идти нелегко».

И так далее. А между тем, подробное описание этой истории, которую Николай Андреевич все-таки записал и опубликовал в

одной из наших районных газет, не менее искрометно и весело, даже более чем – вот такие случаи и украшают наши воспоминания о знаменитостях! И никакой спекулятивности, а доверительное отношение к читателю, которому интересно.

Я как-то услышал реплику в одной из дискуссий: мол, читателю совершенно не надо знать никаких подробностей из личной жизни знаменитостей. Чушь! Человек раскрывается в деталях – мое давнее убеждение, он и интересен этими деталями. Оппоненты уверены: читайте книги писателей, наслаждайтесь, этого хватит сполна.

Ну, конечно же, нет. И еще раз – нет.

* * *

...Николая Андреевича Шлиппенбаха я хоронил два раза.

Он умер 14 января 2010 года, прощались с ним на Сестрорецком кладбище, таким было его последнее желание. Трагизм того январского месяца был необъясним: кроме Николая Андреевича в те печальные дни ушли из жизни сразу три Почетных гражданина города – краеведы Ольга Григорьевна Растворова, Владимир Дмитриевич Яковлев и бывший начальник милиции Владимир Николаевич Демидов. Всех я неплохо знал, а Владимиру Дмитриеву Яковлеву помогал выпустить его замечательную книгу «Мой Сестрорецк». Все смерти были неожиданны, кроме одной: Николай Андреевич Шлиппенбах долго и тяжело болел к этому времени. Когда его жена Зоя, которую я знал по совместной работе в «Сестрорецком инструментальшике» как Кулагину (и с которой понаписал в соавторстве массу веселых заметок), стала говорить о том, что Николай Андреевич не может подойти к телефону, мне вдруг стала понятна неизбежность быстрого конца. Он случился, и было отпевание в часовне Александра Невского на сестрорецком кладбище, и могила на окраине последнего приюта, и замерзшие комья земли, гулко падающие на крышку гроба – был страшный мороз.

Шлиппенбах страдал сердцем, оно было у него изношено очень давно, он перенес несколько инфарктов. В начале девяностых, когда я работал в «Инструментальшике», у него случился, кажется, уже четвертый по счету инфаркт, он говорил мне, что именно я должен закрыть ему глаза, когда умрет. Но Андреич выглядел крепко и упорно не умирал. Если бы...

Если бы однажды, вернувшись домой из Сестрорецка на улицу Кошевого, я не услышал от матери, что звонили и сообщили,

что Шлиппенбах умер. Я был в шоке, как мы бываем в шоке от подобного рода трагичных известий. Опустившись на стул, спросил, кто звонил. Не знаю, ответила мать, трубку снимал Олег, племянник. Олегу лет шесть. Подзываю. Толком ничего сказать не может.

Ночью плохо спал, жалел Андреича. Утром решил ехать в Сестрорецк через Горскую, здесь полулегально строга́ли гробы, на дворе стоял 92-й год, год тотального дефицита и бартера, когда и гробы были товаром, который сразу и не достать. В Горской, в какой-то там мастерской, гробы клепа́л знакомый предприниматель Л., профиль его бизнеса был иным и связан с прокладкой труб, но, кто помнит те годы, знает – замерли все производства, что движется и не движется, люди занимались бог знает чем. Вот он и занимался грободеланием, до лучших времен.

Я поехал через Горскую, договориться о гробе, если что, купить домовину. В мастерской стоял стол, рядом пару человек клепа́ли гробы. Мы раскупорили бутылку водки, помянули Андреича, пусть ему земля будет пухом, и так далее, все слова в таких случаях. И в это самое время, как в самом дурном детективе, в мастерскую ворвались четыре мордоворота, страшные и агрессивные, на рожах все ошибки природы.

– Та-а-ак, сколько вас здесь? Четверо? – пересчитал нас один из бандюганов. – И гробов четыре штуки. Всем по штуке, если завтра увидим, что ящики шлепа́ете.

Передел сфер влияния в стране был в самом разгаре, а уж в таком деле как похоронное, передел свирепствовал особо. Все было ясно без лишних слов. Инициативы моего знакомого в области ритуальных услуг не имели никаких перспектив.

Выпили. Неожиданно приехала Галина Николаевна Бойко, начальник похоронного бюро. Приехала за гробами. Их загрузили в автобус, и мы двинулись в Сестрорецк, в сторону кладбища.

Надо сказать, с Галиной Николаевной у меня были напряженные отношения.

В эту самую минуту по правую сторону за окном автобуса, который проезжал как раз мимо проходной завода, лежало белоснежное поле под весенним солнцем, я смотрел в сторону озера, птички киви по нему не прыгали – не скакали, и вдруг...

Глянув в лобовое стекло, я увидел, все мы увидели, как дорога в сторону теруправления переходит...

Ну, конечно же, живой и здоровый Николай Андреевич Шлиппенбах.

Автобус резко затормозил, гробы посыпались.

– Долго жить твой Шлиппенбах будет, журналист Соловьев. Так вот и пиши: птичка киви прыгает-скакает по снежку...

Я вышел из автобуса.

– Привет, Андреич! Ну, ты даешь! – сказал я, и больше ничего не сказал.

Николай Андреевич прожил после этого случая (слава Богу!) еще очень и очень долго, почти двадцать лет. Он объездил пол-Европы, после того как родственники по легендарной линии рода Шлиппенбахов признали его, они пригласили его в поездку по заграницам, где жили потомки славного, еще Петром отмеченного воинского рода, ведь «сдается пылкий Шлиппенбах...» из пушкинской «Полтавы» – это о его предке, мужество и доблесть которого по достоинству оценил сам самодержец земли Русской.

Профессор Бурсов

Вот история, характерная для начала перестройки. С похожими сталкивались многие коллеги по перу.

Время сумбурное, непонятное, трясиное, наружу вылезало худшее, что было в людях. Так казалось тогда, в начале девяностых. Оказалось же, болотные, трясиные качества человека, его поступки – лишь прелюдия к тому долгому безумию, бесконечной безнравственности, какие предстояло пройти.

В редакции «Здравницы» раздался телефонный звонок из Зеленогорска, звонила литературный секретарь известного профессора Бориса Ивановича Бурсова. Он был известен преподавательской деятельностью в университете, где я когда-то учился. Мы читали его работы – «Жизнь Гоголя... Пушкина... Достоевского».

Литературный секретарь рассказала: профессор сидит в съемной квартире на проспекте Ленина в Зеленогорске, ограбленный бандитами из милиции, обманутый и обессиленный от борьбы с мафией. Вернее, ни с какой мафией он не боролся, а попросту был обманут, выкинут из питерской квартиры, под угрозой теперь и его дача в Комарове денег нет, ничего нет, что делать – непонятно. Понятно лишь, что лит-секретарь, которая и звонила в редакцию, его оберегала как могла, да не уберегла.

Я приехал в Зеленогорск. Поднялся в квартирку, на второй или третий этаж, не помню. Для меня, книги профессора читавшего и худо-бедно их знавшего, было не все равно. Борис Иванович сидел в комнате... без ботинок.

– Их попросту нет! – сокрушалась секретарь профессора.

Я спросил про размер и вышел из квартиры на улицу, нашел ближайший обувной на проспекте Ленина, купил пару обуви.

Потом мне поведали историю, как на шикарную квартиру на канале Грибоедова в Петербурге положил глаз нехороший милиционер, он умудрился втереться в доверие не только к профессору, но запудрить мозги и секретарше. Теперь ни сбережений, ни драгоценностей, ни квартиры. А тут еще и из второй квартиры выселили – на проспекте Ленина, из писательского дома, его квартира находилась под квартирой Виктора Конечского, этажом ниже.

— Когда выселяли, вещи выкидывали на лестницу, все видела Татьяна, жена Конечского, – рассказывала секретарь.

С дачным домиком в Комарово тоже начинались какие-то неприятности, секретарша рассказывала о «наездах» зеленгородских ментов. Время было глухое, темное, удивляться нечему. Возраст профессора, 90 лет, заставил действовать решительно.

Я написал очень большую и гневную статью «Круговая порука зла», «Здравница» печатала ее в трех номерах подряд. Обращался в статье к мэру Петербурга Собчаку, к милиейскому начальству города, требовал защитить известного профессора. Газету отправил в ГУВД Петербурга. Не стал ждать результата, а позвонил председателю Союза писателей Ивану Сабилу, представился, коротко поведал о происходящем, попросил, чтобы на очередном писательском собрании он дал бы мне выступить перед писателями. Уж на их-то авторитет я надеялся, как на победный.

Иван Иванович вскоре позвонил, пригласил в Дом писателей на Воинова. В конце писательского собрания дали слово. Вышел на трибунку. Передо мной сидело человек сорок писателей и поэтов, среди них много известных людей. Рассказываю о Бурсове. Все его прекрасно знают.

— Если вы сегодня не поможете Бурсову, не поднимите голос в его защиту, ровно через год в этом зале будете сидеть без ботинок, – заворачиваю речь последним аргументом.

И что началось! Началось то, чего совершенно не ожидал: никакого единодушия! Одни кричали (именно кричали), что никогда в жизни не сделают ничего, чтобы помочь Бурсову, другие – что он человек старый и надо быть милосердными. Я ничего не понимал. Понял только, что значительная часть писателей имела на Бурсова нечто, чего не могла забыть и простить, даже

несмотря на его старческий возраст. Никакой подноготной, конечно, я не знал и не узнал до сих пор. Отчетливо помню – вышел из Дома писателей оглушенный всем произошедшим, с очень тяжелым сердцем и каким-то камнем на душе. И долго не мог отделаться от этой непонятной мне тяжести.

Но надо было продолжать действовать, через день или два я направился в Пушкинский дом к его директору Скатову. Весь седой, но удивительно статный, Николай Николаевич встретил меня в своем большом кабинете и внимательно выслушал. По-ведал я ему и о реакции писателей.

– Вот что вам скажу, молодой человек... Бурсов человек нехороший, не буду объяснять почему, но к его возрасту мы должны быть снисходительны и постараемся помочь. Я сегодня же переговорю с Лихачевым, мы напишем обращение к Собчаку.

Очень скоро позвонили из ГУВД, пригласили на Захарьевскую.

– Вот! – показал мне следователь мое же письмо в ГУВД, в верхнем углу красовалась резолюция самого Собчака. – Посмотрите, что пишет мэр: майора милиции такого-то из органов внутренних дел немедленно уволить. Но это не его ведомство!

– Ну и как же вы поступили?

– Уволили! Но в статье вашей разобрались, вы все правильно написали, в милиции попадают и такие. Собчак дал команду Козырицкому предоставить Бурсову первую же освободившуюся квартиру в Сестроречке.

И в местной чиновничьей газетенке действительно появилась об этом заметка. Профессор стал ждать квартиру.

Не дождался. Умер через год или два. Его библиотека из дачного домика в Комарове почему-то оказалась в одной из зеленых школ. А один из томиков Евтушенко с пометкой «из библиотеки Бурсова» я несколько лет спустя выудил с книжной полки в редакции у одного гаденыша, взял почитать на память.

Какая тайна скрывалась за неприятием писателями Бориса Ивановича Бурсова – я не знаю. Я делал в той истории только то, что требовала журналистская совесть. И таких историй было в ту пору довольно много, с подобными сталкивались и коллеги. Тогда и вырабатывалась гражданская позиция многих моих товарищей по перу.

Меркурьев, Дворецкий, Дмитриев

Я оказался последним журналистом, кто брал интервью у Василия Меркурьева, так уж вышло. Молодой диктор Ленинградского радио Алексей Алексеев очень хотел, чтобы я сделал небольшое интервью для газеты «Говорит и показывает Москва». Алексей предупредил, что Василий Васильевич болен, но пока есть возможность его навестить, это надо сделать.

Жил Меркурьев на улице Чайковского, на втором этаже небольшого особняка, кажется зеленого цвета. Вместе с Алексеем поднялся в квартиру, где нас встретили несколько женщин. Они остались в передней комнате, здесь на стене висел большой и известный всему миру портрет Всеволода Мейерхольда, его я многократно видел в разных журналах. Мы прошли в небольшую спальню, в ней практически ничего, кроме кровати и двусторчатого шкафа не было. Василий Васильевич лежал высоко на подушке, мне показалось, дыхание его было трудным. Очень оживился, когда мы достали и поставили на тумбочку рядом с кроватью бутылочку коньяка (Алексеев настоял).

– Ликер «шасси», – пошутил я негромко.

Фильм «Небесный тихоход», который был любим миллионами людей и годами не сходил с советского телеэкрана, пришел в голову сам собой. Снятый в 1945 году, его не восприняли кинокритики, протестуя против легковесной подачи военной тематики, но музыкальная комедия, в которой блестяще играли вместе с Меркурьевым Николай Крючков и Василий Нешипенко, была восторженно встречена зрителями, для них и снималась.

Я не припомню сути того интервью, но точно помню, как Меркурьев воодушевленно твердил, что хочет играть в «Гамлете», а ведь плох был и совсем не вставал с постели... Когда я попросил его фотографии, сказал: «Откройте шкаф, выбирайте!». Я

открыл одиноко стоявший вдоль стены шкаф, он был битком набит фотографиями, целая гора, которая стала рассыпаться и сыпаться на пол. Выбрал несколько штук.

Уходя, миновали переднюю комнату, в которой и стали свидетелями неприличной перепалки между женщинами. Они... уже делили имущество. Мы торопливо попрощались и вышли, а потом Алексей Алексеев мне рассказал, что кроме троих детей и двух племянников, Василий Васильевич, сразу после войны, возвращаясь в Ленинград, подобрал двух девочек, то ли брошенных, то ли потерявшихся, и его и без того большая семья увеличилась. Такой это был человек, человеческий.

Буквально через несколько дней после публикации интервью, Василий Васильевич Меркурьев умер. Случилось это почему-то в Москве, что для меня совершенно непонятно, ведь за несколько дней до этого большой актер был в совершенно болезненном состоянии. Случилась беда 12 апреля 1978 года, рассказывают, что когда над гробом его звучал любимый им шалашинский романс «Уймись, волнения, страсти...», по щеке покойного скатилась крупная мужская слеза.

...В том же году, по-моему, случилось пообщаться с известным в ту пору драматургом Игнатием Дворецким. Для той же газеты надо было взять интервью, по телевидению анонсировался один из его девятнадцати спектаклей, кажется, «Человек со стороны». Игнатия Дворецкого в тот период ставили в театрах много и довольно охотно, его не миновала ура-патетика тех самых советских времен, от которых он настрадался в свое время по полной шкале гугаговских ценностей, отрубив восемь лет в лагерях Колымы. Много лет спустя Дворецкий выступал на совещании молодых писателей на Соловках и именно о том моменте, со слов его старого друга, Михаил Веллер напишет о драматурге: «маленький, лысенький, толстенький, но очень авантажный (любящий: баба, водка, по морде)».

Любящий «водка», так это абсолютно точно. Вместе с фотокорреспондентом Мишей Новаком мы поехали в Комарове в Дом творчества писателей, предварительно договорившись о встрече. Шел ливень, гремела гроза, наша электричка в сторону Зеленогорска встала и как вкопанная простояла два или три часа где-то на полпути к Комарове мы безнадежно опаздывали, и все-таки под проливным дождем достигли незатейливой дачки в Доме творчества. На первом ее этаже, весь тоже до нитки промокший, стоял Игнатий Дворецкий и, буркнув «я два часа

здесь стою», пригласил нас подняться в небольшую комнатку на втором этаже. Сразу же усадил за стол и выставил сначала две, потом три бутылки водки.

– Сначала интервью, – неуверенно произнес я.

– Какое интервью? – удивленно переспросил Игнатий Моисеевич. – Вы что, за интервью сюда ехали?

– Ну да. Вот на следующей неделе телетрансляция вашего спектакля.

– Вредят, – сказал драматург сокрушенно, – ох, вредят. Не любим мы, авторы, этих показов, народ из театра уводят. Поэтому лучше выпьем.

Пили много и долго, опять долго и опять много. Человеком Игнатий Моисеевич, впрочем, оказался весьма симпатичным, приветливым, о давних лагерях не рассказывал. Милый и добрый еврей, которому «пятый пункт» полжизни испортил, и звали его совсем не Игнатий, а Израиль Моисеевич, о таких говорили «скрытый еврей». Но хороша судьба еврея, похороненного на кладбище в Комарове. Умер Дворецкий от воспаления легких после перенесенного инфаркта в 1987-м.

...И грех мне не вспомнить еще одного большого артиста, с кем столкнула журналистская судьба того времени – Игоря Дмитриева. Тогда артист готовился к своему пятидесятилетнему юбилею, я должен был подготовить интервью и встретился с ним в Доме искусств на Невском, 88. Мы закрылись с ним в какой-то совсем небольшой и квадратной комнатке, он долго, очень долго – почти целый час, репетировал при мне разные этюды, показывая как это все непросто и потогонно. Репетировал он вдохновенно, ни на минуту не теряя самого главного своего артистического качества, отмеченного современниками – аристократизма, врожденного и неизбывного. Потом я был в гостях у Игоря Борисовича дома на Школьной улице, были гости, студенты-театралы, он сам готовил коктейли и угощал гостей, в углу комнаты стояла большая деревянная икона – от пола до потолка, сотворенная под старину, он очень гордился, что она у него есть, ее подарили ученики. Эту самую икону украли много лет спустя, об ограблении писали в газетах. А потом Игорь Борисович, проживший замечательную актерскую жизнь, умер, и это была большая потеря для всего театрального мира. Его по-настоящему любили, его игрой восторгались, и она была достойна этого восхищения.

Петя не Бог

Большинство из нас любят людей – и искренне ими восхищаются – неординарных, необычных, и сразу как-то мистически веришь им, и в то, о чем говорят, веришь безоговорочно. Петр Мамонов, актер и музыкант, в дни перед своим шестидесятилетием уверенно сказал: «Человек вечен», и не стал даже объяснять почему.

Мамонов гениален, это великий юродивый сцены, музыкант, не вписывающийся ни в какие стандарты рок-музыки, это явление свыше.

О своей группе «Звуки Му», сказал:

– Группу разогнал по гордости – да. Я ж талантливый. И пока я думал, что талант – это я, я всех и гнал. А потом я понял, что талант – это Бог, а я – Петя.

Просто и гениально, как все у Мамонова. Абсолютно беспощадный к себе: «Я тварь дрожащая».

Петя будет на небесах.

Два раза я видел Мамонова в концертах. Застал еще «Звуки Му» на гастролях в Питере, а лет двадцать спустя смотрел мамоновский «Шоколадный Пушкин», Петя постарел, но все ему кричали из зала «Петя!» Он свой.

Талант можно воспринимать или нет, принимать или нет, но отнять божий дар невозможно. Обвинять в бездарности (и напротив), конечно же, оценочная категория. Но в поэзии для меня есть Евтушенко, даже со своими политическими прихлопами и притопами, в прозе очень многие писатели есть, кто ближе, кто дальше. Но на первое место (с возрастом) выступило мемуарное чтение, свидетельства времени.

«Врагов народа» публично требовали расстрелять Бабель, Тынянов, Маршак, Платонов, Олеша, Зошенко, Гроссман и десятки других писателей. Я называю фамилии тех, кто в представлении интеллигенции были антисталинистами» – это я цитирую Анатолия Рыбакова, его «Роман-воспоминание». Комментировать подобное трудно, почти невозможно.

Человек вечен, это не только по Мамонову, это по Всевышнему, по его главному таинственному замыслу, а первой задачей жизни, думаю, является выдавливание из себя по капельке всего нехорошего, что накопилось или попало в душу, даже если незванно, негаданно. Есть в жизни очень трудные вещи, они случаются, но случаются не случайно.

Человек вечен, он летит к совершенству, там, высоко в небе. Душа его летит, и мир не кончается.

За что Родину люблю

На границе с Польшей возникла серьезная заминка с документами на Пашку: ему не было шестнадцати и таможенники куда-то отправились уточнять правду о моем опекунстве. В остальном же с выездом проблем не было.

Ночь мы провели уже в Мюнхене, Мариенплац зачаровала, пивная, где когда-то истерил Гитлер, не обошлась без нашего визита. Одна из девчонок из туристической группы, глотнув лишку, рванула выплясывать прямо на столе — в красной футболке с желтой надписью «СССР». Откуда не возьмись, появились вездесущие фотографы и стали нашу девчонку снимать, даже просили позировать, пообещав, что завтра будет в газете. Но назавтра мы уже были в Италии — Венеция, Болонья, Флоренция, Рим. Во Флоренции Пашка уговорил меня купить ему такую же красную футболку с надписью «СССР», я и раньше ему обещал, когда ходили на футбол вместе, а здесь у девчонки есть, а у него нет, вот во Флоренции и купил — цена та же. Я специально говорю о цене, потому что именно с ней связана анекдотичная ситуация, случившаяся мгновенно после нашего приезда в Монако. Только выгрузились из автобуса, как Пашке подлетел весьма солидный и не менее говорливый итальянец и стал тыкать в футболку пальцем. Просил продать, и при этом был настойчив до неприличной назойливости.

— Пятьдесят евро! — показывал иностранец на футболку. — Пятьдесят!

Я двинулся на защиту Пашки.

— Шестьдесят! Семьдесят! — приставал к мальчишке итальянец.

Я махал рукой: нет! Видел, как напрягся Пашка, как ему жалко футболку, если я, на правах старшего, соглашусь продать. Пашка опустил глаза.

– Переведите: Родина не продается! – попросил я стоявшего рядом гида. Та с удовольствием перевела.

Итальянец очумело посмотрел на нас. Он уже был готов и сто евро дать, а это русских почти четыре тысячи! Но вопрос был закрыт, а Пашка чрезвычайно доволен.

Побрели на пляж, я задержался в японском саду – его подарила жителям Монако Страна восходящего солнца в честь какого-то юбилея. Жара стояла невыносимая, соседняя Франция уже горела и дымила лесными пожарами, я укрылся в тени сакуры. Запомнился музей Ива Кусто, и девчонка из отдела сувениров на втором этаже. Девчонка была из Харькова, Ольга, живет во французской Ницце и на работу в Монако ездит каждый день. Надо же, о родине не скучает, вышла замуж.

В Ницце из нашего автобуса вышла девушка, поблагодарила экскурсантов-попутчиков за хорошее настроение, возвращаться в Россию не собиралась, так просто удобней выехать из страны, меньше проблем, сообщила она. Точно так же один из нас остался в вечном Риме навечно. Турфирма платит за невозвращенцев штрафы, но уговоров вернуться назад и не чудить – не было. Случаи для турфирм обыденные.

В Каннах Пашка сгорел на пляже. Сгорел основательно, так, что в Париже даже не смог ехать на Эйфелеву башню, отлеживался в отеле, страдал. Я его понимал, потому что в Киеве в юности сгорел точно также, на берегу Днепра. Неделью меня оттирали спиртом, спасли.

Во Франции очень понравился совсем крохотный городок Сен-Поль де Ванс. На огромном зеленом холме всего три мощеные улицы и все они стекаются к местному кладбищу, оно находится на самом обрыве. Здесь нам показали могилу великого художника Марка Шагала, на черной горизонтально лежащей плите много камушков. Экскурсовод просила обратить внимание на даты жизни и смерти упокоенных на этом красивом погосте. Нетрудно было понять: здесь возраст умерших, почти у всех, 95. Нам объяснили феномен необыкновенной аурой места, над холмом будто стоит невидимый и целительный воздушный столб, который и дает такое долголетие жителям городка, которых, впрочем, здесь нет или не видно совсем, на улицах одни магазинчики с неподъемными для нормальных россиян ценами на предметы искусства.

Лион видел только ночью, из окна автобуса, показался мне желтым городом в сталинском ампире, но так ли это – не знаю,

знаю лишь об особом отношении к шелку в этом городе, где культивировали изготовление именно этой ткани. В Париже разочаровал Лувр, по сравнению с Эрмитажем – беднота, условная, конечно. А так о Париже осталось впечатление как о мраморном городе с чудесным местечком Монматр, собором Парижской Богоматери и велосипедным «Тур де Франс» – это было особенно ярко и впечатлительно. Кричал: «Вперед, Сестрорецк!», хотя наших ребят там не было. И еще парижская подземка. О, это нечто! Негры с барабаном в полвагона, медными трубами и тромбоном, какие-то прихлопы и приплясы – утонченная Франция отдыхает, думаю, уже несколько десятилетий, толерантная европейская столица. Петербург, Рим и Париж – великие, конечно же, города, по красоте, в архитектуре. В Риме с Пашкой я потерялся, отстал от экскурсии, пока заморожено любовался фонтаном Триволи, думаю, это одно из самых чудесных мест в Европе. Колизей, особенно Ватикан – впечатлили. Сикстинская капелла в аренде у японцев на пятьдесят лет, грамотно – ведь не уташат ее японцы.

Ночью отмучили Бельгию, без остановок, и, когда вернулись в Калининград, ночью уже, оказались в гостинице «Турист». С третьего удара кулаком по деревянной коробке еще советских времен телевизору включилась программа «Россия».

Первая фраза, какую услышали с экрана, звучала так: «Пора отовестись к выборам!».

Утром в ресторане попросили кофе. Принесли ячменный напиток с сахаром.

За что и люблю Родину.

Почему Сестрорецк

Первое впечатление о Сестрорецке получилось мимолетным, но ярким: вместе с мамой я возвращался после лета в Тарасове мимо Сестрорецка. Погода была отменная, солнечная, близился вечер, и вот автобус помчал мимо «муравейника». Он и обратил на себя внимание своей архитектурной нестандартностью, выделяясь в ряду длинных панельных пятиэтажек вдоль шоссе. Вечернее солнце било в окна необычного дома, оранжево-красные отблески атаковали буквально все этажи.

Захотелось побывать в Сестрорецке еще. Конечно, в детстве доводилось, пусть и нечасто, бывать на пляже в Курорте, да и в Солнечном. Но вот интерес к Сестрорецку-городу возник именно тогда, в один из последних дней августа, это я точно помню.

И я стал приезжать в Сестрорецк. Все мне здесь нравилось почему-то больше, чем в Зеленогорске. Зеленогорск мне казался какой-то вытянутой сосиской, пусть и симпатичной. В Зеленогорске есть масса своих преимуществ и прелестей, это дело вкуса. Сестрорецк же – иное, это более понятный и интересный урбанизм, да и городок заметно больше, чем северный сосед.

Деревянный Сестрорецк остался далеко в прошлом, закончился в начале 60-х, того городка я совсем не знал и не ведал, однако представляю очаровательный аромат его провинциальности. Минуло время, пришла пора обновления, и город стал обрастать хрущевками-пятиэтажками. В шестидесятых строилась вся страна. Надо сказать, что Сестрорецку очень повезло не только с талантливыми планировщиками и архитекторами, такими как Серов, это по его проекту в городе появилось множество неординарных зданий, но и с властью – predisполкома Виктором Станиславовичем Капустинским и секретарем райкома партии Виктором Михайловичем Михайловым. Огромную

роль в рождении города новостроек играл и во все времена градообразующий Инструментальный завод, во главе которого стоял директор Михаил Иванович Васильев, ровесник революции, как о нем любили писать в газетах (упорно приписывая ему в лучших советских традициях дату рождения – 7 ноября 1917-го. На самом деле Михаил Иванович родился немного раньше — 25 октября, но это совсем не меняло дело). Человек в жизни города он действительно легендарный, много лет руководил заводом, работал в исполкоме, заведовал Обществом охраны памятников, помог создать краеведческий школьный музей в Разливе, а библиотеке им. Зошенко преподнес в подарок пиджак земляка-писателя, которого знал лично. Вот с этими тремя именами и связана крепко-накрепко история района шестидесятых-восьмидесятых, когда Сестрорецк строился и рос, за плечами же Капустинского и Михайлова еще и строительная история нескольких санаториев и пансионатов на побережье залива. Ничего удивительного и крайне справедливо, что именно эти три человека и стали первыми почетными гражданами города. Михаила Ивановича Васильева уже нет в живых, он прожил 93 года, и помню трепетно относящуюся к супругу и его спокойствию жену — Юлию Александровну: вот она стоит на крылечке дома на Володарского и говорит мне добрые слова о нем. Она умерла на несколько лет раньше...

Уже работая в Сестрорецке, в году 97-м, я напечатал в своей газете статью, в которой и предрек сам себе, что обязательно буду жить в Сестрорецке и в этом городе буду счастлив. Слова неминуемо материализовались, но только после смерти мамы в декабре 2008 года, уже потом я переехал жить из Питера в Сестрорецк в высокий кирпичный дом на берегу Шипучки, и из окна дома моего сияет Храм первопрестольных апостолов Петра и Павла, чудесным образом вернувшийся из советского небытия, вечером он озаряется мягкой желтой подсветкой, и почти каждое утро перезвон церковных колоколов...

К общей беде нашей, старинный, и даже совсем недавний Сестрорецк уничтожается, облик его, сам курорт извращаются, бестолково и бесповоротно – из-за алчности пирааний от строительного бизнеса, из-за ненасытности лысых чиновников-шуриков, таких хватало во все времена, и наплевать им на историю края, на природу, на экологию, им на все и на всех давно наплевать.

Напишем книгу о Сестрорецке!

В самом первом номере «В курортном городе С.» (напомню, что вышел в свет 15 февраля 1997 года) появилось обращение к читателям – «Напишем книгу о Сестрорецке!». Очень многим жителям была непонятна и даже обидна странная ситуация: книг о таком богатом историей городе как Сестрорецк было довольно мало, вернее сказать, совершенно не было, если не считать выпущенную к 275-летию Инструментального завода историю и небольшую книжонку Давиденко «Сестрорецк», написанную явно по партийному заказу, что для начала 60-х было совершенно нормально. Хоть так. Были еще мелкие брошюрки о районе, но о них мало кто знал. Полный застой и отстой!

Чтобы издавалось что-то о Сестрорецке, нужны были подвижники, такие краеведы как Георгий Волков из Песочного, который подготовил рукопись об истории края, печатал краеведческие статьи в «Здравнице», или Борис Ривкин и Владимир Яковлев. Не было денег. Рукопись Яковлева «Мой Сестрорецк» я впервые увидел лет за десять до ее издания. Прошло много лет, и лишь когда сформировалась муниципальная власть, оказалось возможным создание целой «сестрорецкой библиотеки».

Тогда же было понятно, что ситуация должна созреть, а вызревать она начала неожиданно и не с той стороны, откуда ждали.

Меня разыскала предприниматель Татьяна Смирнова, она руководила Домом быта на Володарского. К ней обратилась известный музыковед Софья Михайловна Хентова (кто не знал ее в Ленинграде-Петербурге? Да все культурные люди!) с просьбой помочь издать книжку о Дмитрие Шостаковиче, его жизни и работе в Комарово и в Репино.

Хентова написала о Шостаковиче множество книжек, в музы-

кальном творчестве этого большого композитора была докой. Татьяна Смирнова согласилась помочь с деньгами, редакцию попросила книжку сверстать. Неожиданно быстро удалось вовлечь в дело других предпринимателей, совсем небольшими суммами, и вот так, вскладчину, при поддержке Нины Васильевны Кукурузовой такая книжка вскоре вышла. Называлась она «Дмитрий Шостакович: Здесь хорошо!» В книжке было несколько фотографий из архива композитора, которые никогда не печатались ранее.

Не обошлось без казуса. В печать книга должна была сдаваться 19 августа 1998 года, т.е. (так получилось)... в день дефолта! И вот я с версткой приезжаю в типографию, утро, никто ничего толком не понимает, такой финансовый катаклизм! Директор типографии в растерянности, а договор уже подписан, но печатать книжку по сдаваемым деньгам – работать себе в убыток.

С грустью (с обеих сторон) пересчитали обесцененные утром деньги, и выпустили всего 600 экземпляров, книжка, правда, получилась очень хорошей. А вот Софья Михайловна обиделась, далеко не сразу поняла, какую злую шутку сыграл дефолт с тиражом, и на меня рассердилась. Поняла нескоро, звонила и долго извинялась, просила выпустить ей какой-то двухтомник, но здесь был обижен я. Татьяна Смирнова помогла музыковеду напечатать еще одну небольшую книжку – про Соловьева-Седого, и это было с ее стороны благородно. Неблагородно и неблагодарно поступили с ней и ее бизнесом наши наблюдатели с площади Свободы: началась какая-то бандитская то ли возня, то ли война за здание, в котором находился Дом быта на Володарского. Татьяну разорили, преследовали, поджигали ее автомобиль, отправляли в дурдом, она запила горькую, потом работала киоскером на проспекте Большевиков рядом с домом, где я тогда жил.

Не знаю, удалось ли Татьяне подняться вновь, очень бы хотелось верить в лучшее. А Софья Хентова умерла, оставив большой и яркий след в музыковедении прошлого столетия.

* * *

Судьба подарила мне знакомство с Владимиром Дмитриевичем Яковлевым осенью 1997-го, когда редакция «В курортном городе С.» находилась на Морской улице, в расположении сестрорецкого участка «Курортэнерго». Владимир Дмитриевич

пришел и показал небольшую рукопись, отрывок из будущей своей книги «Мой Сестрорецк». Главка, отпечатанная на пишущей машинке, сопровождалась самодельными схемками, что где находилось в Сестрорецке и окрестностях в те давние-давние годы. Просил помочь издать. Б то время для издательских дел не было никакой возможности, газета сама становилась на ноги, было не до жиру. Но в голове я наличие такой интересной рукописи, конечно же, отложил. Как прекрасно знал и об исторической рукописи краеведа из Песочного Георгия Ивановича Волкова, с ним я несколько раз встречался, просьба была такой же. Я пытался найти для волковской рукописи спонсора-предпринимателя, сначала даже получилось, но в последний момент что-то не срослось. Очень жаль! Сегодня рукопись краеведы из Песочного использовали для издания об истории поселка.

Владимир Дмитриевич сразу же расположил к себе, он с удовольствием рассказывал о вещах, которые мало кто знал. Рассказывал он проще, чем зубр сестрорецкого краеведения Борис Еремеевич Ривкин. Перед Ривкиным можно и нужно снять шляпу – это человек-кладезь, человек-сосуд, неиссякаемый источник исторических фактов, аргументов, курьезов из прошлой жизни нашего города. Собираательством документов и артефактов он занимается десятки лет, живет в мире своих находок и поисков, своим любимым делом Борис Еремеевич счастлив, таких людей боженька метит, специально готовит для архивных дел. Волков и Яковлев, да еще, конечно же, Михаил Иванович Васильев, бывший директор Сестрорецкого завода, тоже из их числа.

У Владимира Дмитриевича мне не раз доводилось бывать дома, он всегда рассказывал что-нибудь этакое, а еще была у нас общая страсть – любовь к футболу. Он тогда ошарашил меня историей про то, как в далеком 1935-м году в Сестрорецке сборная СССР играла против нашего города на заводском стадионе, показал фотографию игроков перед матчем. Удивительный раритет! Сборная возвращалась из турне по Швеции, в Белоострове на таможне засыпалась с каким-то контрабандным шмотьем (так мне рассказывал Владимир Дмитриевич), и вот либо - либо... Лучше, конечно же, отдохнуть пару дней в санатории «Сестрорецкий курорт» и сыграть товарищеский матч. У заводского футбольного поля собрался весь город. То ли 6:2, то аи 6:3 в пользу сборной, очевидцев уже не осталось, а история вошла в разряд легенд.

Еще в юности Владимир вычитал в книге «На Олонецкой земле», что в 1724 году царь Петр Первый вывез из карельского города мастеровых, среди которых были фамилии Лапотниковых, Фирфаровых и Яковлевых. Это исторический костяк Сестрорецка, корни, разросшиеся в известные всем династии. Ну и стал Володя копаться в корнях, увлекся потихоньку краеведением, а еще фотоделом, С фотоаппаратом по городу и окрестностям бегал, понял вовремя – уходит эпоха, резные дома-игрушки погибают, они горят, их безжалостно сносят. Так и стал собираться архивы, толстенные папки. Еще раньше почувствовал радость обладания старинными открытками с видами Сестрорецка, и пошло-поехало.

Работал на заводе, с ним был эвакуирован в Новосибирск, о рабочих династиях знал из первых уст.

* * *

Еще мне рассказывал, как вскрывали гроб с телом легендарного Сергея Ивановича Мосина, когда решили перенести прах на Сестрорецкое кладбище, крышку гроба подняли прямо у вырытой могилы (там, где сегодня 433-я школа, раньше было церковное кладбище). Всю территорию окружили цепью солдат, Володя сквозь цепь все и видел. Свидетелем был и Виктор Михайлов. Мосин лежал как живой, и вдруг рассыпался в прах, у всех на глазах.

Яковлев рисовал схемы сестрорецкого погоста, где отмечал могилы известных людей. Потом одна такая схемка была в его книге. А так как Владимир Яковлевич особой частью своих краеведческих изысканий считал истории знаменитых спортсменов города, футболистах, хоккеистах, лыжников и конькобежцев, то очень сокрушался, что могила известного конькобежца Александра Паншина всеми позабыта-позаброшена. А ведь это самый первый чемпион России по бегу на коньках – 1889 года! В том же году он выиграл первенство мира в Амстердаме. Закончил свою жизнь великий конькобежец трагически. Жил он на улице Мосина, аккуратно рядом с баней, жена ему открыто изменяла, Паншин повесился.

Прошли годы, родилась муниципальная власть в Сестрорецке, окрепла, и Андрей Вишневский – сам ярый спортсмен, услышал историю от Владимира Дмитриевича, и сегодня могила Александра Паншина ухожена, положен камень, восстановлен крест.

А потом наконец-то издали и книгу. Ее появление стало огромным событием в жизни города, у книги был чудесный секрет – написана она очень простым языком, без всяких изысков, описывались в ней не только исторические события, но и неизвестный старинный быт сестроречан, приводились редкие фотографии уже не существующих домов и улиц.

Он оставил после себя золотой кирпичик в истории Сестрорецка, сказал я, прощаясь с удивительным человеком у его гроба.

Это действительно так – кирпичик из чистого золота! И пусть в книге погрешности, друзья-краеведы поправят, но блеск литературного золотого слитка останется навсегда. И мне как-то радостно, что над изданием этой замечательной книги трудился я всей семьей, вместе с сестрой Аней и племянником Пашкой, который и верстал со мной по ночам эту книжку. А теща, Алла Александровна Гайдина, стала ее внимательным корректором. Работали над изданием и Николай Дмитриевич Солохин, и Яна Храмцова, с которой мы позже написали «Историю Сестрорецка в рассказах для детей», а жена Марина ее замечательно рисовала.

* * *

До замечательной книги Яковлева и после нее было еще немало изданий, связанных с Курортным районом и Сестрорецком. И в их подготовке мне часто помогал Борис Калашников – настоящий знаток своего дела.

К обязанностям Бориса обычно относится дизайн, верстка и подготовка макета к печати, но он часто помогал мне и найти нужное слово в заголовке, и исправить неточности в тексте, и подобрать лучшую иллюстрацию. Его основательный, творческий подход к делу связан как с научной подготовкой (Борис – кандидат химических наук), так и с широким кругозором и непреходящей с годами любознательностью. Обычно, если я тороплю его, он говорит: «Не могу работать плохо, а быстро и хорошо не бывает».

Попробую перечислить только некоторые из сестрорецких изданий, которыми он занимался. Это газеты «Здравница», «В курортном городе С», «Вести Курортного района», альбом «Помним. Верим. Храним» (составитель Яна Храмцова); книги: четырехтомник «История Сестрорецка и его окрестностей», двухтомник «Непокоренный рубеж», «Солнечное – Оллила – Раййоки» и многочисленные брошюры.

Работать с Борисом постоянно у меня получилось только последние годы. Раньше он часто отказывался, ссылаясь на занятость более интересной ему работой, например созданием интернет-сайтов для клубов, ресторанов, гостиниц, интернет-магазинов, трудовых агентств или оформлением изданий по искусству, дизайну, туризму, экономике.

Разбираться в том, что можно делать на компьютерах, Борис начал еще в конце 80-х, когда купил свой первый простенький домашний компьютер, на котором умудрялся писать программы и даже продавать их на радиорынке прямо на дискетах.

Из-за фанатичного увлечения компьютерными технологиями, он навсегда бросил химию и несколько лет считался безработным. Непрофильный кандидатский диплом ему так и не пригодился и был неуважительно заброшен в пылящийся в углу пакет. Теперь требовался диплом программиста или дизайнера. И как только новый диплом оказался в его руках, Борису повезло – его взяли в Вычислительный центр Мэрии Санкт-Петербурга. Несмотря на громкое название, это было ничем не примечательное учреждение, медленно освобождавшееся от «доперестроечного» стиля работы.

– этом учреждении Борис проработал три года, добившись всеобщего уважения и должности начальника бюро (правда, с одной подчиненной) - ведь он всегда стремился не начальствовать, а работать сам. А потом, в поисках более интересной работы, пустился в «свободный полет».

Неожиданно мы узнали, что в направлении исследования всеобщей виртуальности он пошел значительно дальше детально освоенных им интернета и 3D – заинтересовался эзотерикой, загадками вечной жизни души после смерти физического тела. Как любой христианин, я тоже искренне убежден в бессмертии души, но нам редко выпадает случай поговорить на эту тему. Борис даже утверждает, что с потусторонним миром можно связаться с помощью компьютера и другой электронной техники, услышать и увидеть души умерших и даже записать, а потом воспроизвести их голоса и образы. И говорит, что такие записи у него есть. Но мы с Аней почему-то опасаемся их услышать...

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ СЕСТРОРЕЦК. НУ И ШТО?

...И быть бы Сестрорецку блистательным курортом, кабы не чреватая разрушением курортного имиджа урбанизация, бездарно уничтожающая пронзительную красоту побережья, мешковато-денежными коттеджами гнетающая перевозданность очаровательных этих мест.

Ностальгия по Блоку, который в июне-июле 1907-го отдыхал на северном курорте:

*Что сделали из берега
морского
Гуляющие модницы
и франты?
Наставили столов,
дымят, жуют,
Пьют лимонад.
Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух
сплетнями.
Потом
Погонщики вывозят
их в кибитках,
Кокетливо закрытых
парусиной,
На мелководье...*

Блок со своим поколением в придачу был все-таки везучим: какое море голубое, какие сочны и пряный воздух начала рошлого века! Восстановят ли потомки порушенную, а значит поруганную могилу Петра Авенариуса, великого для на-

шего края железнодорожного гения, соединившего в конце уже позапрошлого века стальной веткой вельможный Санкт-Петербург с пристанищем Петра, каким был для него Сестрорецк со своим парком Дубки и летней своей резиденцией, из которой он и отправился в роковую бурю 1724-го, где под Лахтой спасал рыбаков и, тяжело простудившись, умер – не прошло и года?

Ох, не знаю! Уж очень причудливый этот Сестрорецк, и аура над ним не только живших и работавших в нём знаменитых оружейников-мастеровых, и эхо саркастически смеющегося Зоценко, дом которого, продан новорусским «франтам», а у могильного памятника (!) было отрезали воришки голову на цветметаллы, таже участь постигла и табличку скульптора Онежко на библиотеке имени Зоценко, пока органы не вернули и то и другое. Да и баня, что знаменита зоценковсой шайкой, шагала все последнее десятилетие с шайкой (людской) по жизни: вечные приватизации да ремонты.

Грустно, господа!
Зато обросли камнями-памятниками, которые, правда, ничуть не хуже собачки Аветисяна в Зеленогораке, может, даже значительнее.

И Петр Первый повернут все-таки в сторону Смольного, это километров на 50 вперед, далеко, значит, и знатный оружейник Сергей Иванович Мосин видит перспективу улицы своего имени. Памятники хороши, вот они-то и напоминают не только о былом величии, но и с укоризной смотрят на настоящее города.

Ведь Сестрорецк сегодня не город мастеровых, не город-курорт в первозданном своем значении, а грустно стремящийся не потерять свою тогу провинциальности оноворусивающийся кусок черного передела.

И озеро Разлив, вошедшее мировую историю гидростроения как первое на земном шаре рукотворное озеро, ныне уже болото, в северную часть которого устремляются за клюквой, и парк «Дубки» уже не в силах отстаивать свои дубы и кустарники – все гибнет, ну и что, то памятник всемирного наследия на скрижалях ЮНЕСКО под номером 25.

Ну и што? Время – вперед!

Што это теперь стоит?

Петр Первый малость запутался, очаровавшись красотой сестрорецкой дуги.

«Дубки» (так же как в Лахте и Лисьем Носу) замышлялись Петром I, чей дворец стоял тут у моря, как корабельная роща. Для мачт раскидистые дубы оказались оказались не

пригодны, получился парк. До сих пор тут есть дубы, которым более 280 лет» («Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов», Д.А.Засосов, В.А.Пызин). Вот и Ленина В.И. в Разливе – злые языки еще недавно поговаривали – собираются продать. 35 тысяч долларов за музейный комплекс, вместе с пеньком («Государство и революция») да шалашом. Жирующая новая буржуазия победила Ленина. Делит теперь Разлив на куски, до ленинских мозгов ей далеко.

А Леонид Андреев, Максим Горький, Леонид Собинов и великий Шаляпин, блистательно олицетворявшие сестрорецкий курорт начала пошлого века, они уже далеке, «на горьковском дне», и если рукописи не горят, то уже даже и не продаются, а пластинки великих певцов заезжены новой эпохой, где-то там, на крымском берегу, остался еще камень, с какого пел Шаляпин, да и берег уже не наш, украинский, ну, хоть пока не турецкий. Чем и живем. А беседка Шаляпина в «Сестрорецком курорте» совсем покосилась.

*Времен Андреева
и Горького
И горькой дружбой
их времен
Стоят их дачи
над пригорками,
У каждой башенки балкон.*

[illegible]

Игорь Западалов... У нас почти не читают стихов. У нас считают замусоленные

баксы, вождественно кроша
блистательное прошлое чуд-
ного, Богом данного людям
края.

А реквием по Сестрорецку обязательно осветят праздничным осенним фейерверком, в День города.

Пли!

**«В курортном городе С.»,
2003 год**

Вещий сон

Всегда и во все времена люди относились к вещим снам как к чему-то необыкновенному, таинственному и загадочному. В них верят безоговорочно или не верят вовсе. Это одна из загадок человечества и далеко не самая простая. Наталья Петровна Бехтерева верила в Бога и доверяла вещим снам, а уж к такому великому авторитету как она, невозможно не прислушаться. Тот, кто отмахивается, рискует впасть в окончательное и бесповоротное невежество.

Как сны снятся каждому, так и вещие сны посещают всех, только не все их могут правильно понять, объяснить. Но это то великое Непознанное, которое вокруг.

Вот пример из моей жизни, настолько убедительный, что вряд ли требует особых объяснений.

Приснился сон, который совершенно отчетливо отпечатался в памяти, сразу после пробуждения. А так ведь знаем: чаще всего сны моментально куда-то там улечиваются, только открываешь глаза. Здесь же многократно повторялось содержание сна. Во-первых, оно было довольно пугающим. Во-вторых, сон оказался тем самым случаем, который взволновал и встревожил.

А приснилось мне Ковалевское кладбище под Петербургом, где похоронена моя мама. Ее могилка находится на довольно далеком участке, там много хоронят и до сих пор. Зимний день. Я откуда-то сверху наблюдаю, вижу, как на большой деревянной платформе лежит огромное белое яйцо, сама платформа над землей находится невысоко, на резиновых колесах. Все это метрах в ста от могилы матери: я вижу заснеженный участок и

могилку с памятником и оградкой, причем участок почему-то чистый, соседние могилы не бросаются в глаза. Я вижу памятный камень, который сам устанавливал еще совсем недавно, лицо улыбающейся с камня мамы. На край платформы забирается какой-то человек, в зимнем тулупе, он упорно пытается вернуть на место выпадающую дольку скорлупы. То есть: яйцо не имеет гладкой поверхности, оно как из долек-чешуек, горизонтальных ромбиков. И от одна из долек выпадает, а человек в тулупе, еле ее доставая, старается вернуть дольку на место, и вставляет-таки в общий ряд, или правильнее сказать, в общую структуру поверхности необычного огромного яйца. Я откуда-то сверху наблюдаю за всем происходящим и вижу, что по углам платформы стоят с винтовками три солдата (четвертый угол скрыт), в серых шинелях с погонами синего цвета и в фуражках с такими же синими околышами. Их шаровары завернуты в кирзовые черные сапоги. Мне совершенно понятно, что это сотрудники НКВД из далеких тридцатых годов. Платформа готова двинуться в путь, я четко понимаю – в сторону от могилы матери.

Пробудившись, сразу рассказываю сон Марине и теще Алле Александровне, но я никогда не имел привычки рассказывать сны. И именно в этот день мне необходимо было ехать в Сестрорецк на прием к врачу, я наблюдался у участкового.

Принесли кардиограмму, которую сделал за пару дней до этого. Врач удрученно посмотрела и констатировала: инфаркт на ногах, и была в растерянности. Где-то упустили. Ни о каком срочном оперативном вмешательстве речи не шло, рубец стал заживать. Начали тщательно все проверять, но все-таки подталкивать на операцию.

Надо ли говорить, какой шок испытывает любой человек после того, как он перенес инфаркт. Все самые печальные и траурные мысли не помещаются в одной корзинке. Но мне стал абсолютно ясен смысл увиденного сна. Он был вещим! Большое белое яйцо на платформе – однозначно обозначало сердце, выпадающая долька из скорлупы – ранка на нем, а человек, стремящийся эту дольку вернуть на место, конечно же, врач!

Только вот причем здесь солдаты в форме НКВД? На этот вопрос я не мог найти сколь-нибудь вразумительного ответа, как ни старался.

И тут, ровно через десять дней, неожиданно нашлась разгадка. Ко мне домой пришла Лена Лапицкая, журналист, в это время уже работавшая на местном кабельном телевидении. Надо было

обсудить вопрос о рекламе, разговорились же, понятно, обо всем, и куда уж деться от болячек. У кого что болит, тот о том и говорит.

– Хочешь, позвоню в медицинский центр ФСБ, там лечили мою маму и отца? И я там проверяюсь, и многие знакомые там наблюдаются.

Я хлопнул рукой по колену. Вдруг все встало на свои места. Вот откуда он, образ сотрудников НКВД!

Так я попал на десять дней в Центр аритмии сердца на Крестовском острове, причем, согласился лечь на обследование мгновенно: ведь солдатики по углам платформы из вешего сна готовы были к движению (это я четко ощущал, наблюдая «картинку» сверху) в сторону от могилы мамы, и мне стало совершенно очевидно, что все закончится хорошо.

И все закончилось хорошо. Я даже бросил курить. Потому, что, наконец, въехал. Выкурил две сигареты подряд, смял полную пачку сигарет, бросил в урну, со злостью на самого себя и ругая себя же самыми отборными словами. Никогда не мог поверить, что брошу курить, да еще так резко. Хана.

Затем случилось то, что случается со многими, пережившими инфаркт: стал много читать книг о жизни после жизни, о том самом, потустороннем мире. Не секрет, что такие книги успокаивают и многих даже окрыляют. Именно так произошло и со мной.

Я верю в жизнь после жизни. Вечную, там, на небесах.

Алла Александровна

Уходила из жизни Алла Александровна, мама моей жены, теща. Умирала мучительно, особенно последнюю неделю, но держалась мужественно. Стадия онкологии, когда нет никакой надежды, но про боли стала говорить за двое-трое суток до смерти.

В семье все понимали, и жена Марина, и Алина, но даже в таких предсказуемых случаях беда все равно приходит внезапно.

Алла Александровна была добрейшей души человеком, прежде всего человеком, а потом уж – прекрасным институтским работником, где много лет работала корректором и редактировала научные труды по гидрологии. Отпевали Аллу Александровну на Смоленском кладбище, пришло много бывших сослуживцев, и стало очевидным, как ее любили.

Похоронили прах Аллы Александровны в семейную могилу на Шуваловском кладбище, где первые могилы – казака Степана Яковлевича, умершего в Парголово в 1943 году, его сына – Александра Степановича, деда Марины. Когда жена перелистывала семейный архив, нашла копию свидетельства, из которого следует, что деда ее крестили граф Воронцов и девица Шувалова из старинного дворянского рода.

Через несколько часов после смерти матери, ночью, когда Марина смотрела в окно, она увидела, как линия на Васильевском пересекает казак, его башлык развевался в ночи. Марина позвала меня. И я бы не поверил, если бы не увидел своими глазами: в ночи уже скрывался почти парящий в воздухе казак.

Род Гайдиных – казачий род исстари, Гайдины – терские

казаки, прадед жены годами верой и правдой служил графу Воронцову-Дашкову, царскому наместнику на Кавказе, сопровождал его семью во всех делах и поездках за границу, редкие старинные фотографии свидетельствуют об этих страницах семейной хроники. Имел Воронцов дом и в Петербурге.

Частые ночи напролет мы оставались с Аллой Александровной на кухне и не могли наговориться. Она была потрясающим рассказчиком, а я благодарным слушателем. Она много помнила, нередко вспоминала блокаду, но самый яркий для меня ее рассказ – как в 1944-м вернулась в Ленинград еще ребенком, и как вез ее на в кабине грузовика шофер по Невскому, на Галерную, и как ревела она белугой, увидев вновь родной город, из которого увезли, спасая... И вот я отчетливо вижу ту зареванную девчушку, девчоночку того поколения из войны. Сердце сжимается.

И навсегда запомнятся ночные посиделки с тещей, ее удивительные воспоминания о том, как лично Корней Чуковский в письме отрецензировал детские стихи Марины, или как однажды при перелете из Чекмента в Москву, она оказалась рядом с Сергеем Павловичем Королевым, и великий Конструктор забавлял маленькую Марину, потом же случился казус – во время посадки самолета Маришка потеряла сознание, Королев забил тревогу. Это уже потом Алла Александровна узнала, что это был генеральный Конструктор, а тогда у трапа его встречали черные машины и вся делегация, его сопровождавшая, была в черных плащах. Когда же много лет спустя она открыла «Известия» и увидела некролог, ахнула – это и был Королев.

А Расул Гамзатов? О, он был даже влюблен в Аллу Александровну...

Семейная жизнь с мужем у Аллы Александровны не сложилась, она, конечно, могла прожить свою судьбу по иному, выйдя замуж вновь, но не вышла, сосредоточив внимание на родителях, брате Владимире и Марише. Семейные ценности в семье почитались и главенствовали, у Аллы Александровны осталась целая бумажная «простыня» с генеалогическим деревом. Ей снились родные, каждую ночь. Она с ними жила в каком-то ином мире – том мире, в существовании которого я всегда старался ее убедить. И она охотно соглашалась.

Где вы теперь, дорогая Алла Александровна, с кем? Там, на небесах?

Сегодняшнее поколение ветеранов должно сделать последний рывок к сохранению памяти о войне, о блокаде ленинградцев: скоро, очень скоро, уже завтра станет непростительно поздно.

Самая жесткая, самая правдивая и самая жестокая книга о блокаде – Даниила Гранина и Алеся Адамовича, страшный документ о ленинградском подвиге.

Я совсем немного написал о том, как встретили блокаду в моей семье, как умирали и как ее пережили, как и кто выжил. Работая с депутатами Совета над книгой «Блокада. Сестрорецкий рубеж», я понимал всю ответственность за дело и всю важность. Потом удалось издать небольшой сборник «Блокадный метроном», где всего несколько сестрорецких авторов – Ольга Растворова, Владимир Яковлев, Николай Шлиппенбах (замечательная поэма в стихах!) и живущий ныне пенсионер Рашид Алиев: они своими рассказами и воспоминаниями дополнили блокадную историю жителей нашего Сестрорецка. И когда появляются такие рукописи, надо с благодарностью принимать ту шепотку памяти, какую передают эти люди. Анна Григорьевна Хургина, пожилая сестроречанка, дала мне прочитать свою рукопись о блокаде, о том, как была в Ленинграде ребенком и вывезена из него в Сибирь, и как голодными глазами смотрела на жующую на крылечке хозяйку дома, куда поначалу поселили ее семью, и та ела жадно, не обращая внимания на маленькую голодную Аню. Не рассказы о голоде потрясли – их тысячи, этих рассказов о голодных и изнеможенных детях Ленинграда, потряс вот именно такой случай – полной сердечной и душевной атрофии, нежити. Семья Ани сразу переехала в другой дом, к людям бедным, но, оказалось, сердечным и очень добрым, и в них спасение России и было, и есть...

Перелистываю подшивки газет и нахожу рассказ Алины Пименовой (дочери жены, теперь уже Алины Соловьевой) про ее прадеда, Александра Степановича Гайдина. В блокаду он работал на заводе «Большевик», семья жила на Красной (теперь Галерной) улице, голодала, Александр Степанович вырывался домой не каждый день. Добираться приходилось пешком, это около двадцати километров, чтобы поделиться с родными последней крошкой хлеба. Однажды не мог встать, и его на блокадных, знаменитых блокадных саночках, жена отвезла на завод, где его положили в стационар. И он выжил. А в 1943

году в составе делегации Александр Степанович был отправлен в далекую Воркуту, чтобы просить для осажденного Ленинграда дополнительный уголь. И когда эти страшные, изможденные люди-дистрофики вышли на сцену городского Дворца культуры, зал молча встал, отдавая дань мужеству ленинградцев, а потом... потом шквал аплодисментов. Дополнительные эшелоны с углем ушли в Ленинград.

Дома у жены хранятся газеты с рассказом об этом подвиге. Александр Степанович Гайдин был награжден многими орденами и медалями, в мирное время стал Лауреатом Государственной премии.

Вот такие воспоминания мы и должны хранить, всегда и вечно.

Площадь Свободы

Мессия Кривенченко

Вот о ком хочется порассуждать основательно: об Анатолии Кривенченко. Кровь от крови – из нашего сестрорецкого болотца. Вернее, сам он из Песочного, и родители здесь жили, но после того, как Анатолий оказался в Сестрорецке, жизнь этого городка, как и всего района, без него немыслима и четверть века уж точно без него не представляется.

Я был первым журналистом, кто упомянул его имя в газетах. Дело катилось к демократическим переменам и в актовом зале ПТУ проходило очередное заседание Клуба избирателей Сестрорецка – общественного образования совершенно нового, но уже тогда крикливого и весьма агрессивного. Забавное было время, перестройка только начиналась, предстояли выборы первого райсовета на демократической основе, это когда каждый мог, если хотел, а коли не очень хотел, то все равно мог: т.н. демократы дружно поддерживали друг друга, подталкивали под локотки в будущую власть. Был конец 90-го года, время говорильни, явления, безусловно, полезного, однако с катастрофическими последствиями. Сегодня трудно вспомнить, о чем орали в тот вечер в зале училища, но было жарко, за мной сидел молодой паренек, как потом оказалось с заставы Инструментальщиков, он очень активно вскакивал с места, что-то кричал, размахивал руками и что-то доказывал залу, он многим тогда понравился, мне тоже. Тогда и появилась первое упоминание его имени в моей передовице в «Здравнице» от 4 января 1990 года – «Голоса и гласность».

Писал я о Кривенченко за эти годы много, писал разное, и хорошее и плохое, любил поерничать, что уж греха таить, депутат он и в Африке депутат, мишень для критических стрел бесприкрытая. Но хотел бы отметить главное: критику и ерничество над собой он принимал стоически, весьма достойно, нечасто

срываясь и пускаясь в тяжкие. Это одно из лучших его качеств, пришедших с политической зрелостью: в конце концов, каждый избранник неизбежно выставляет свою жизнь на всеобщее обозрение и должен терпеть. Среди многих его поступков хороших, говоря высокопарными словами, на благо общества, некоторые откровенно отвратительны, думаю, он и сам себя корил не раз. Но это жизнь. В ауре Сестрорецка Анатолий Кривенченко персонаж, безусловно, яркий, я бы сказал, как красный галстук на пестрой рубашке Евтушенко. В нем все – и благородство, и пороки, умеренная честность и неумеренный обман. И ведь не пьет! Ну, то есть – не алкоголик, рыбак.

* * *

Кривенченко стал председателем райсовета на 21-й день так называемой демократической сессии в 1990-м. Демократической ее обозвали не только потому, что шла она по новым правилам, чем-то и впрямь напоминающим демократические процедуры (когда слово давали практически всем желающим и нежелающим депутатам в зале), но и потому, что числом в один голос из ста десяти на том большом районном сборище победили обновленцы, олицетворением которых и стал мессия Кривенченко. Он вел себя активно, сессия вообще была интересная, тогда коммунисты получали под-дых публично и под гром аплодисментов, бедный секретарь райкома КПСС Михайлов однако боролся, окруженный номенклатурным рядом партработников и руководителей-хозяйственников. До серьезной дискуссии дело не доходило, да и ее и не могло быть, были гам и крики, это и предполагало новую демократическую революцию.

Новыми веяниями оказалась охвачена вся страна, журналисты не были исключением, скорее наоборот, встали в первые ряды проходимцев. Никто не мог предвидеть тех громадных бед и несчастий, какие накликali т.н. демократы на нашу страну.

В числе заблудших оказался и я, да еще в первых рядах, что касается района. В то самое время мне стало совсем неинтересно работать в городских газетах, я уже тогда отторгал всякую зависимость от начальства, удачно или нет – второй вопрос, но принципы самостоятельности в себе старался приветствовать. И на местном, районном, уровне, это получалось кратко успешней. Я очень быстро пришелся ко двору «Здравницы», этому способствовал праздношатающийся и временами трезвый

коллектив, вскоре стал одним из ведущих перьев этого издания. Газету эту я полюбил на всю жизнь. Пить бросил, а газету люблю.

Итак. Строчить по номенклатуре стали всем коллективом, с явным креном в демократическую хрень. Писали много и дерзко – Наташа Шмитко, Валерий Шумилин, Максим Сахновский, Оля Михайлова, стреляли фотоаппаратами Миша Новак и Альфред Паулаускас. Альфред оказался вообще человеком интересной судьбы, детство провел в фашистской Германии, и много лет спустя мне довелось его допросить:

– У нас в школе портреты Ленина висели на каждом углу, а у вас...

– Гитлер в каждом классе, – спокойно отвечал Альфред. И это звучало как-то необычно. – Я был пионером из Гитлерюгенда.

На той весенней сессии райсовета, первой в перестройку, я сидел в зале каждый божий день – был по-настоящему увлечен дембезумием. Страну начинала одолевать шиза, но, известно, спохватились поздно. На сессии я был единственным не депутатом, кому давали слово с трибуны, я за время сессии выступил три раза. Это третье мое выступление и помогло избрать Кривенченко председателем райсовета. Так как за два дня голосования депутаты не могли отдать предпочтение кому-то одному, я попросил слова и сказал буквально такое: – Вы посмотрите налево. Налево сидит уходящее прошлое. – (Сидели рядом Михайлов, Капустинский, Литовка, Поляков и другие директора).

– А вот в центре зала сидит молодой и красивый Кривенченко. Встань, Анатолий.

Кривенченко вскочил с места как ужаленный.

– Вот наше будущее.

Через несколько минут состоялось голосование. Кривенченко победил одним голосом. Так и случилось это несчастье.

С нашим будущим группа товарищей пила на его квартире всю ночь. Водкой торговали по талонам, но мы достали. Проходя мимо вокзала, Анатолий пообещал снести оттуда всю уличную торговлю.

* * *

Кривенченко успел сделать кое-что хорошее для Сестрорецка и района. В особенности, когда стал депутатом Законодательного собрания. На местном же уровне, пока возглавлял райсовет, была непрекращающаяся борьба. Сначала с Кохом, потом с Козырицким, затем с Васютинским. Надо сказать, иногда борь-

ба случалась праведной, например, его неприятие Козырицкого поддерживали все. Посаженный в кресло главы Собчаком, Вячеслав Владимирович довольно быстро потерялся в системе реальных координат, да и не мог не потеряться в них недавний повар, и Ленин был не прав – не каждая кухарка может управлять государством. Действительно, не может. Одна из юристов, близкая к тогдашнему главе, рассказывала: «Я ему писала карандашом резолюции на документах, которые требовали его подписи. Он потом обводил их авторучкой, а то ведь ничего не понимал». Такая вот клоунада...

Надо сказать, Кривенченко преследовал Козырицкого системно, создавая последнему нервную дрожь и оторопь при виде революции. («От цвета революции слепнешь?» – спрашивал меня в армии особист по фамилии Стяжкин, сын знаменитого Стяжкина, возглавлявшего психбольницу для заключенных в Питере). Примерно так же рассказал о Кривенченко Кох в своей книжке «Ящик водки», весьма похабной, впрочем: «Меня уволил Кривенченко».

Кривенченко всегда был неплохим политическим ассенизатором, в самом благородном понимании этого слова. Потом, правда, сам начал курвиться, незаметно для себя, ну да испытание властью не все и проходят. Правда, после своего поражения на очередных выборах в ЗАКС, на мою тревогу – не запил бы, Анатолий потом рассказал:

– Сутки был в шоке. А потом посидел, подумал, где был не прав, где переборшил.

И никакой истерики. Обидно, но без истерик.

Кривенченко бывает гораздо лучше, чем о нем писал часто в газете даже я, но без толчков в боковину он застыл бы как студень, а обществу это не нужно. Без Кривенченко Сестрорецку скучно, и не только скучно, но и неправильно в принципе. Он доморошенный футболист, будущее ветеранского «Зенита».

* * *

Сотканный из противоречий, Кривенченко именно поэтому один из самых интересных персонажей Сестрорецка, и если бы его не было, надо было бы придумать, в крайнем случае, даже родить. В тоже время, Анатолий Николаевич – великолепный представитель метушегося среза гиперактивной части общества. Беда лишь в том, что эта самая часть часто не ведает, что творит, заблуждается, но от ошибок не может и не хочет

освободиться. Партийные пристрастия Кривенченко – яркое тому доказательство, однако, надо отдать должное Анатолию Николаевичу, участвуя в политической жизни бок о бок с каким-нибудь политиком, он не покидал его никогда – до политической (или иной) кончины. Так было с генералом Лебедем и его Конгрессом русских общин, когда Анатолий Николаевич крутил в игры патриотов, так происходило и с Сергеем Мионовым, несмотря на очевидные популистские перлы последнего, так было с экономистом Сергеем Глазьевым. Труднее понять отношение нашего доморожденного политика, футболиста и рыбака к Юрию Болдыреву, бумажному борцу с коррупцией, потому что в ЗАКСе Кривенченко именно ему и удружил, когда как карточный домик рассыпался болдыревский блок.

Несмотря на неоднократные расхождения и схождения мои с Анатолием Николаевичем, мы приросли друг к другу, как распаренные и слипшиеся прутья банного веника. В период очередной политической размолвки, ему исполнилось 50, здесь уж как посмотреть – то ли «еще молодой», то ли «хана». На день рождения, тем не менее, он меня пригласил, и я с интересом и удовольствием поехал в ресторанчик на пляжном берегу в Репино. Гостей было много, весьма высокого полета. Прибыла делегация из ЗАКСа, человек десять депутатов, глава райадминистрации Беглов, начальник милиции Чичин, настоятель Зеленогорского храма отец Викентий. Были директора некоторых сестрорецких предприятий и три журналиста – я, Витя Калашников и Катя Кириллова из Зеленогорска, которая печатала тогда прикольную газету «По случаю». Катя девчонка талантливая, со своим мнением, многим она нравилась, потому что была неординарна, и газета такая же.

Мы, журналисты, сели вместе за один стол, Витька быстро напился, а я вообще не пью.

Выступило много приглашенных. В разгар торжества пришла телеграмма из Канады от губернатора Яковлева, зачитали, похлопали в ладоши. Потом говорили депутаты из Законодательного. Добрые слова сказал Сергей Тарасов. Выступил Беглов. Кривенченко попросил, чтобы пару слов сказал я.

Ну, я и сказал. Так, что кому надо было, понял все, а кому не надо – ничего не понял.

Мои едкие стрелы были направлены в адрес Александра Беглова, главы района. Я говорил о том, что есть чему поучиться – как душировать прессу, именно у чиновников нашего края.

– Надо чтобы газеты были как у администрации – поздравительные открытки на скрепочках, – говорил я, меня было не остановить, я завелся, меня понесло. Заковцы с непониманием слушали, Беглов бледнел с каждой секундой моего спича.

Я закончил и сел за свой стол, Александр Дмитриевич встал и приказал сотрудникам администрации покинуть зал. Они все уехали, тихой сапой.

Сидевший за соседним столом Литовка схватился за голову. Начальник РУВД Стас Чичин только и сказал в перерыве:

– Ну даешь!

Пьяного Витьку Калашникова с захмелевшей Катей повезли на машине Тарасова – кого в Зеленогорск, кого в Рошино. Меня Кривенченко просил остаться на ночь в ресторане, но интеллигентный Михаил Амосов и чертовски занудная Наталья Евдокимова довезли до города.

Целую неделю было веселое настроение. Редко я бывал сам собою доволен, в этот же раз всю неделю сам себе нравился.

* * *

Расхожее и укоренившееся утверждение, что «короля танцует его свита», не совсем верно. Если бы свита делала короля, многое на свете было бы совсем по-другому, более счастливо и радостно. Но и отрицать влияние «свиты на короля» не следует. Полезней приглядеться.

У Анатолия Николаевича Кривенченко было (и остается) много друзей. Много спутников, много пособников.

Ольга Яковлева, женщина прекрасная, мягкая по натуре, отходчивая, в то же время образец крепости во взглядах и верности делу. Даже, если это последнее дело – потому что верность партии (любой) и есть последнее дело. Впрочем, если искренне верить, то как бы и оправдан подвиг сестрорецкой Жанны д'Арк, так я давно величаю Ольгу, причем, с любовью, без всяких на то приколов. Такие организаторы, как Ольга, думаю, в чести были бы в любой партии, да хоть бы в «Единой России». Но вообще-то клоню к тому, что без этой, еще раз повторюсь – необыкновенной революционерки, Анатолию Николаевичу пришлось бы oh как туго в местном, да и не только местном, политическом болоте.

Ему повезло – ему, а не Ольге, что живут они в одном доме и в одном подъезде на улице Инструментальщиков. Получилось, что лидер районных «справедливых» всегда под контролем.

Я не случайно, решив упомянуть друзей из окружения Анатолия, прежде всего, останавливаюсь на Ольге Яковлевой. Это настоящий друг и товарищ, да и партиец верный. По политическому закону жанра, «Справедливая Россия» когда-нибудь (и очень даже скоро) грохнетя, канет в небытие, так как это случилось с Конгрессом русских общин, с партией «Родина», с невнятным движением «За достойную жизнь». Кстати, я присутствовал на том самом съезде партия «Родина», когда она кончалась, у самого изголовья, я попросил Кривенченко побывать с ним на съезде, и по оказии поехал в Москву под чужой фамилией и даже голосовал чужим мандатом. Уже во время съезда в зале были слегка пьяные кандидаты, а потом в гостинице пьяными были все, абсолютно все, не пил лишь Кривенченко и мы уехали срочно ночным поездом в Питер. Дело было в Новомосковском.

После съезда кто-то бегал из банкетного зала через коридор в другой зал, где шел банкет партии Горбачева, прибегал и докладывал: «У нас стол богаче!», вот в таком все роде. Вокруг Глазьева, лидера «Родины», целый день вытанцовывали три педараса с намалеванными губами и на каблучках, впрочем, думаю, это была провокация. Кривенченко стало даже неудобно за подобный сюжет, но он-то при чем?

В том коридоре случился необычный момент: в перерыве я каким-то образом оказался один на один с Горбачевым, он был совершенно без охраны. Первой моей реакцией было... руки за спину, я потом думал – почему, на каком-то генном уровне, наверно. Минуты две мы смотрели друг на друга, Михаил Сергеевич был в бело-голубой курточке, очень легкой, он был в ней каким-то светлым. Ощущения у меня такие: я буквально почувствовал теплые волны от Горбачева, это было физическое ощущение, притягательность этого человека, его аура были настолько отчетливы, что я поразился таким ощущениям. Когда я рассказал в газете об этом, многие посмеивались, но я написал о том, что ощутил, и совершенно не берусь оценивать политическую сущность последнего президента СССР или его судьбу, герой или предатель. У меня ко всем нашим президентам совершенно одинаковое отношение: опять мимо!

Выборы в ЗАКС осенью 2011 года Анатолий Николаевич вопреки всем прогнозам выиграл. Будет теперь ему и нам всем пять лет счастья!

Палочка Коха

На сестрорецком горизонте в перестроечное время блистал Альфред Кох, или попросту Алик. Он был на своем посту перед пришествием в район Козырицкого, персонажа почти неадекватного, но об Алике. В период его руководства я называл его Альфредом, отчество – Рейнгольдович – почему-то автоматически застревало в горле.

Кох появился на горизонте внезапно, совершенно непредсказуемо, в разгар первой сессии первого, так называемого «демократического», райсовета в 1991 году. Та сессия длилась 21 день и побила рекорды подобных сходняков во всех районах тогда еще Ленинграда. После нескольких переголосований на должность председателя Совета был избран Анатолий Кривенченко, молодой, но уже усатый. По тогдашним правилам после собственного избрания он имел право предложить кандидатуру на должность предисполкома, и он ее выдвинул - никому неизвестного Ленского, с которым Анатолия связывали какие-то давние отношения, может, в лапту дружили. С какого-то высокого потолка, но при тайной поддержки Смольного, где уже верховодил Собчак, была предложена и еще одна, никому неизвестная, кандидатура – Альфреда Коха из Ломоносова. Ему и годков-то было всего 26.

Среди нескольких других кандидатур голосовали в итоге за две – Ленского и Коха. Прагматично настроенной части депутатского корпуса, какую бы мы сегодня назвали консервативной, очень не хотелось идти на поводу у новоиспеченного

крикуна Кривенченко, и только потому они приговорили кандидатуру Ленского и избрали predisполкома Коха.

Кох жил в Ораниенбауме (Ломоносове) и встал вопрос о его житье-бытье в подопечном теперь уже курортном Сестрорецке. И тут депутаты, чьи решения в ту несуразную пору были определяющими, встали грудью: не пушать в Сестрорецк! И не пустили. Альфред Рейнгольдович переехал жить в Сертолово, сбоку припеку от Сестрорецка. С Кривенченко отношения у Алика сразу же не сложились, да и не могли сложиться из-за длительных головокружений от властной эйфории у Анатолия. Крыша от полученной власти сразу же поехала, но такое, врачи утверждают, случается, ничего страшного, если ненадолго. Что уж тут поделать.

Но о Кохе.

Любопытно, что при всей кажущейся открытости и простоте этого молодого человека, который приходил на работу в администрацию в кедах и спортивных тренировочных штанах, почему-то искренне убежденный, что каждая дама-сотрудница в короткой юбке для того, чтобы ему «дать», Альфред носил в себе нечто такое, что было недоступно многим, некую тайну. Это было несколько иное понимание экономики и порядочным людям невидимые перспективы обогащения. Но жажда обогащения сквозила в его разговорах и даже публичных выступлениях, Альфред представлял т.н. «экономистов» новой формации, когда молодые люди успешно учились делать деньги из воздуха. Не случайно Кох уже терся в компании себе подобных, таких как Греф и Чубайс, это плеяда молодых авантюристов и экономических аферистов надолго вошла в историю ограбления страны. Читая откровенно похабную книгу-признание «Ящик водки», в этом убеждаешься лишний раз; в одном из пяти томов есть циничные воспоминания Коха и о нашем Сестрорецке. Кстати, Кривенченко он называет именно тем человеком, который удружил ему со снятием с должности.

В тот период в коридорах исполкома на площади Свободы шла неприкрытая войнушка между двумя «демократическими» кланами – Кривенченко с одной стороны, а Коха с другой. Войнушка продолжалась с переменным успехом, но внезапно прекращалась, когда на горизонте появлялись общие интересы.

Одним из таких интересов была попытка договориться с одним из американских предпринимателей и продать на корню санаторий «Сестрорецкий курорт», тогда еще только рождалась

новая экономическая фразеология типа «привлечение инвестиций». Однажды меня, как журналиста «Здравницы», пригласили на показ санатория американцу, и мы с площади Свободы двинулись в путь. Было несколько депутатов райсовета во главе с Кривенченко, был Кох со своим заместителем Барановым, про него я потом писал статейку под забавным названием «Под бой барабанов приедет Баранов». Погода стояло пригожая, солнечная, все располагало к путешествию по территории санатория. Американец сладко причмокивал губами, когда видел старый главный корпус санатория, восхищался аллеями и дорожками санаторного парка, дойдя же до нового корпуса на берегу, нервно замахал руками: «Это надо снести, это неприлично! Оставим только старые постройки, их можно реставрировать!».

Вышли на пляж. Дул слабый ветерок, в небе купалось солнце. Американец был доволен.

Все уже ушли довольно далеко, на песке оставался лишь господин Баранов.

– Да пошли же! – позвал я его.

– Тихо! – друг проговорил он, и прижал палец к губам. – Невозможно.

Поймав мой недоуменный взгляд, показал под ноги. Он упорно не поднимал ботинок с песка, точь-в-точь как в кино с Вициным, стоящим на десятирублевке. Потом, наконец, поднял. Под ботинком на песке сжался использованный презерватив.

– Мы не можем позориться при продаже! – облегченно выдохнул Баранов и только после этого устремился догонять делегацию.

Я залился смехом. Увидеть чиновника в столь пикантном и нелепом положении не каждому удастся. Есть все же плюсы у журналистского ремесла.

Разговор с американцем продолжился на следующий день в Мариинском дворце. Помню отчетливую усмешку на лице того самого американца при виде наших суматошных и сумасшедших городских парламентариев.

Слава богу, сделка сорвалась, санаторий оставили в покое.

У Альфреда Коха мне довелось несколько раз брать интервью, разговаривать с ним было легко и довольно любопытно. Помню, как в период кризиса с продовольствием в городе, когда Петербург посадили на карточки, Кох спрашивал меня в своем кабинете:

– Вот, Соловьев, скажи, сколько у тебя дома сегодня карто-

шки?

– Как сколько? Ну, килограмма два-три, не больше.

– Ну и дурак. А у меня мешок! – и как Чапаев на меня дурака смотрит, ласково так и по-доброму.

С тех пор у меня вопросы: как молодежь делала деньги на пустом месте?

Впрочем, скоро выяснилось, что Алик каждый месяц раздавал (говорили – продавал) резервную тысячу талонов на продукты нужным ему людям. Было даже возбуждено уголовное дело, о нем написали в городских газетах, но – случались уже и тогда чудеса! – Коха вдруг забрал к себе в КУГИ Анатолий Чубайс, наше рыжее экономическое все – и дело вдруг куда-то пропало, испарилось, как и не было его вовсе.

Впрочем, нельзя сказать, что Кох не оставил нам капельку добра. Оставил. Когда хотели прихватизировать «Курортэнерго», его директор Евгений Литовка ринулся в Смольный, там ему стало плохо с сердцем. Петровича прямо из штаба очередной русской революции отправили в больницу, а Кох «Курортэнерго» помог сохранить, потом его уже приватизировал коллектив и лучшие годы этого предприятия были еще впереди, с гендиректором Литовкой во главе.

Рассказывая о Кохе, невозможно не вспомнить о памятном для всей страны дне путча, красном дне календаря в новейшей истории – 19 августа 1991 года. Коха не было в Сестрорецке несколько дней, хотя должность его – предисполкома – предполагала непереносимое присутствие в городе. Все всполошились: где командир-начальник? И никто ничего не мог сказать.

Между тем, была назначена внеочередная (чрезвычайная) сессия райсовета, депутаты должны были определиться – они за белых или за красных, за путчистов или против переворота. В Москве была ситуация суматошная, мало кому понятная (вернее, неясная никому).

В Сестрорецке – Коха не найти, а Кривенченко, председатель райсовета, в отпуске, уплетает сало в Украине. Назначили сессию на 22-е число, чтобы Кривенченко успел вернуться. Он, действительно, сало выплюнул и на такси рванул в Сестрорецк, ведь власть отобрать хотели. Кох же появился в самый разгар сессии – и его сразу казнить на трибуну. Был он весь какой-то помятый, как обычно, в спортивных штанах и кедах.

– Я по телевизору о путче узнал, сразу в КГБ пошел, позвонил в дверь – (помещение КГБ располагалось рядом с теруправле-

нием на площади Свободы, дверь напротив выставочного зала «Федор») – и прямо на крыльце спрашиваю: что делать? Мне сказали: ничего не делать! Вот и отправился я в Москву, – рассказал Альфред депутатам.

Версию о поездке в Москву в дни путча Альфред Рейнгольдovich описывает и в своей книге «Ящик водки». Но тогда, в 91-м, этой версии мало поверили. Пару дней злые языки обсуждали, что Кох якобы заперся со своей любовницей на Угольном острове, там и куролесил – дом сгорел, вот после пожара и явился на сессию. Так или не так, гадать не буду, в те дни было много чудовишной неправды. Те же самые «демократы» требовали на всех углах отчета – где был и что делал в ночь путча, предъявляли претензии всем подряд. Еще немного, и виселицы бы наставили на каждом углу. Запомнились угрозы в адрес районного прокурора Виктора Пальшина, ему пришлось публично объясняться, с той же трибуны на сессии, только вот стоило ли?

* * *

Мне же запомнился день путча таким.

Я жил на Введенской (б. Олега Кошевого) и уже собрался выйти из квартиры, но тут дернул чорт включить телевизор, чего я никогда по утрам не делаю. Увидев умирающих в тоске лебедей, сразу понял – что-то не то.

– Мам, – говорю, – не вернусь дня два-три – не волнуйся, надо понять, что происходит.

И вместо Сестрорезка поехал к Мариинскому дворцу. Уже на входе увидел тусующиеся группки людей, у некоторых были лица радостные, они даже не пытались скрыть свое торжество – вот, мол, вам, демократы, теперь будет по полной программе!

Пресс-центр Мариинского на первом этаже был закрыт, через несколько минут подошел Дмитрий Мезенцев, руководитель пресс-службы (будущий иркутский губернатор и кандидат в президенты двадцать лет спустя). Медленно стал открывать дверь.

– Что делать будем? – спросил.

– Работать. А что?

– Переворот.

– Какой переворот?

Рассказываю: балерины летают по телевизору. Мезенцев побледнел, схватился за телефонную трубку.

- Звоню Собчаку домой! Через минуту:
- Не отвечает. Арестовали.

Так и ушел из пресс-центра, совет получил – работать по-прежнему, никакой паники. Ринулся в Сестрорецк.

Приехал вовремя: уже собрались депутаты, входившие в Малый совет. Обсуждали вопрос: как реагировать на ситуацию, как ее оценить. Депутаты Борис Осипов и Бронислав Лукосяк требовали обозначить события в Москве как переворот, кто-то молчал, не давая никаких определений происходящей в стране буре. Владимир Плотницкий минут сорок доставал депутатов, как ему поступить – запретить продажу водки в магазинах или оставить как есть, но так и не добился установки – делай, как знаешь.

Эта дискуссия запомнилась потому, что казалось абсолютно абсурдной – в стране такое, а мы про водку.

Я и Лукосяк присели на скамейку напротив теруправления. Памятника Петру в проекте тогда не было.

– Уходим в подполье! – сказал Броня,

Он именно так и сказал: уходим в подполье. В какое такое подполье, где оно, не пояснил.

Однако! На таких вот людях и держится, слава Богу, страна.

Преподаватель истории Бронислав Викторович Лукосяк умер прямо в школе, 541-й, где учительствовал.

А я тогда опять поехал в Ленинград, к Мариинскому дворцу. С журналистским удостоверением пройти в зал заседаний было проще пареной репы.

Зал был полон. На трибуну поднимались депутаты и настаивали, чтобы раздали оружие всем, кто готов защищаться, оружие есть в подвалах и должно хватить. Речи были революционные, патетические, чувствовалось – все устали, однако никто не собирался расходиться, многие готовы были обороняться с оружием в руках, даже без обеда и выходных.

Интересно, но сегодня, двадцать лет спустя после тех грозных событий, мне кажется, что все, что я видел в Мариинском дворце 19 августа 1991 года, к чему прикоснулся и был участником, представляется совсем не героическим, а так и только так и могло быть.

Площадь перед Мариинским была полна народу, приехал Собчак. Я столкнулся с ним в коридоре, когда он шел к уже приготовленному и распахнутому настежь окну, с подоконника он и выступил перед зрителями. Я вышел в толпу, и вместе с

ней слушал пламенную речь мэра, и не было никакой боязни, даже когда говорили, что танки вошли в город и приближаются к площади.

Через три дня с путчистами было покончено. И оказалось, что Сестрорецкий райсовет – единственный во всем Ленинграде, кто в своей резолюции внеочередной (чрезвычайной) сессии назвал вещи своими именами, переворот – переворотом, и не признал действия путчистов законными.

Туз козырной оказался крапленным

*Мэр у Мары украл кораллы,
Слеза у Мары течет из моргала.
Жалко Мару - проморгала кораллы.
И чтоб громыгнуть мэра
Точает она парабеллум.
Умна Мара. Хитер мэр.
Кораллы профукать уже успел...
Проба пера.*

Более комедийной (трагико-комедийной) персоналии на посту главы района, чем Вячеслав Владимирович Козырицкий, придумать сложно. В нем, казалось, воплотились все чиновничьи пороки – от оскала хищника до курьезной жажды всевластия. Он был воплощением образа самодура-барина, однако в некоторых случаях ему нельзя было отказать в предпринимательской хватке. Но последнее качество ни при каких обстоятельствах не могло привести его на районную вышку.

Грустно известный Юрий Титович Шутов в своей книге «Собчачье сердце» рассказывает о феномене Козырицкого: когда Собчак и Шутов (на тот момент помощник мэра) возвращались, кажется, из Выборга, они остановились перекусить в кафе «Волна» на берегу в Репино, вот тут-то и встретились воровскими глазами два человека, которые поняли друг друга моментально, это была любовь с первого взгляда (почти дословно цитирую Юрия Титовича). Вскоре Козырицкий стал главой района, он и потеснил Альфреда Рейнгольдовича Коха.

Надо сказать, Вячеслав Владимирович стал главой после многотрудных поварских успехов. Даже заведовал общепитовской точкой, вместе с женой Марой Григорьевной. Марой Григорьев-

евной она звалась только в народе, а по документам значилась Марой Рачиковной. Женщина хваткая, активная и, безусловно, способный бизнесмен. По сути она и сделала из повара Славики того Вячеслава Владимировича, каким он стал.

Провернув телешоу, где в него, как в порядочного бизнесмена, бандиты кидали гранатами, мешая строить магазин агрофирмы «Волна» на берегу репинского пляжа, Козырицкий становился все известнее, вместе с супругой, открывал один магазин за другим. Со складом одного из них, на улице Коммунаров в Сестрорецке, мне удалось ознакомиться даже лично, когда нашей компании журналистов не продали водку (был день рождения Шлиппенбаха), хотя ее завезли в магазин на наших глазах. Дружно вызвали ОБХСС, приехал Евгений Хипов, человек в милицейских кругах Сестрорецка известный, и мы тут же обнаружили на распечатанных складах десятки ящиков неучтенного спиртного.

Так или иначе, но Вячеслав Козырицкий стал районным главой. Сразу приобрели известность его привычка не расставаться с зубочисткой ни при каких обстоятельствах, на людях и нелюдях, еще одной страстью была любовь к белым шарфам. Но белые шарфы любят многие, я и сам неравнодушен.

Так вот, представьте себе знакомство нового главы с жителями. В Сестрорецке с ними он встречался в кинотеатре «Курортный». Расхаживал по сцене, справа налево, слева направо, белый шарф плескался на его могучих плечах:

– Я... Да я, кроме прочего, советник президента Ельцина! По экономическим вопросам! Я не реже, чем два раза в месяц с ним встречаюсь в Кремле, беседую, советы даю. Мы будем жить при коммунизме, будем!

Зал восторженно гудел, аплодировал, чуть ли не стоя.

– Правда, у Бориса Николаевича с головой что-то в последнее время... плохо с головой у президента...

Надо же случиться, что в эти самые минуты я стоял у двери в зал, на лестнице, перекуривал. Рядом со мной оказался мужчина в шляпе, в черном длинном плаще и белом же шарфе через плечо.

– Ничего, для первого раза неплохо, в остальном подкорректируем, – сказал мужчина и вопросительно посмотрел на меня.

«Конец танцам», – подумалось мне.

Это начало времен беззакония, оно наступало, ломая привычные устои и правила, неслось дикой шальной волной, и люди

порядочные, просто люди, которым политика по барабану, оказывались в водовороте непредсказуемых событий, уже понимали и чувствовали – что-то не так происходит вокруг, нечесно, грубо и грязно.

Вячеслав Владимирович надеялся на поддержку во всех своих начинаниях. Бороться с его дурачеством было равносильно почти бесперспективным сражениям с ветряными мельницами. Это вскоре поняли и депутаты райсовета, среди которых существовала устойчивая группа противников Козырицкого, возглавлял ее, естественно, Кривенченко. О чем потом издал книжечку, довольно объективную, правда, напечатана она была к очередной выборной кампании. И то было хорошо и правильно.

В борьбе с Поваром, как его привык именовать весь Сестрорецк, депутаты одерживали небольшие локальные победы. Однажды они занялись визиткой Козырицкого, самой обыкновенной – на ней было обозначено, что он советник президента Ельцина по тем самым экономическим (коммунистическим) вопросам, о которых говорил со сцены кинотеатра. После долгих запросов в администрацию Президента, оттуда, наконец, ответили, что такой не числится и о таком ведать не ведают. Вячеслав Владимирович утерся и поехал дальше чудачить.

Самым большим политическим чудачеством стало создание т.н. программы «Новый Петербург». Ему ее действительно составили некие «ученые», над программой даже можно было порассуждать, и некоторые газеты (например, созданная мной «Сестрорецкий обозреватель») стали на полном серьезе расписывать райские кущи, в каких окажутся жители района, если эту его программу одобряют и поддержат. Обсуждали... без текста самой программы, но мне удалось уговорить Козырицкого (сопротивлялся долго!) напечатать ее, чтобы люди знали о чем. С тяжелым вздохом Козырицкий согласился, я повез документ в типографию, и при подготовке в печать вдруг наткнулся на главу о структуре районной власти, в которой черным по белому закреплялось... пожизненное главенство господина Козырицкого. Тут уж и я стал заикаться. Ну, допустим, дурак Козырицкий, но не до такой же степени! А получалось – «до такой». Я взял и вымарал главу из программы, на свой страх и риск. Потом многие сестрорецкчане говорили: зря так поступил, эту главку и надо было оставить, люди бы сразу поняли, какой у них идиот. Я до сих пор не пойму, как относиться к тому моему маленькому греху.

Но именно появление программы «Новый Петербург» привело к событиям, которые вскоре привели к развалу, а затем и закрытию «Сестрорецкого обозревателя». Редакция (а в ней работали 12 человек) разделилась на два лагеря. Одни из нас «приветствовали» программу, другие понимали как бред. В числе сторонников авантюры были Шлиппенбах и Курбатов, писатель, давний друг Николая Андреевича, поэт Михаил Юхно, среди противников – я, Юра Налетов (потом много лет работавший в газете «Новый Петербург» – не в программе Кзырицкого), фотокор Миша Новак и другие ребята. Сторонников и противников – шесть на шесть. Сторонники утверждали, что программу надо широко рекламировать, противники возмущались, что в каждом номере появляется до пяти-семи статей в защиту абсурда. Ничего мудрее не придумали, как то, что третейским судьей должен стать сам Кзырицкий, удивленный глава назначил встречу коллективу. Никто не мог предсказать, чем закончится дело. Утром Кзырицкий встретился с Виктором Михайловичем Михайловым, спросил его мнение, тот ответил – вылетит Соловьев, газету можно закрывать, она не выдержит экономики (я отвечал за финансирование). Узнав о предстоящей встрече (откуда – не знаю) из Александровской примчался Володя Кореньков, директор школы Олимпийского резерва, говорил примерно тоже самое. Об этих попытках заступиться, спасти газету, я тогда ничего не знал и никого об этом не просил, но чувство благодарности к Виктору Михайловичу и к трагически погибшему в автокатастрофе много лет спустя Владимиру Кузьмичу, я испытываю до сих пор.

Дальше произошла сцена, которая на всю жизнь врезалась в память. Писатель Константин Курбатов изложил позицию лагеря сторонников:

– Вы, Вячеслав Владимирович, за жесткую вертикаль власти, это следует из вашей программы, а Соловьев – он за демократию, и как же вы будете возглавлять район пожизненно?

У Кзырицкого изо рта не выпала – выскочила зубочистка. От удивления с минуту держал рот полуоткрытым.

– А я-то думал – у журналистов демократия, а вы сами себя...

Вердикт был вынесен в пользу сторонников. Зубочистка удовлетворенно заерзала во рту главы.

В это же день из редакции были уволены пять человек. Налетов Юра, как ответственный секретарь, уволен не был, но

потребовал, чтобы и его освободили. Поступок Юры порадовал всех. Уволил Шлиппенбах и мою мать, Ирину Алексеевну, которая трудилась в газете обыкновенным курьером и отвозила в парголовскую типографию газету на сдачу.

Николай Александрович Костецкий, председатель суда, позвонил Шлиппенбаху и попросил не заниматься ерундой, все равно всех в редакции восстановит. Но мы не вернулись, как и предсказывал Михайлов, газета закрылась ровно через два месяца. Литовка от имени директоров озвучил: «Давали деньги под Соловьева». Надо честно сказать, крупные хозяйственники лучше других понимали, что происходит, любовью к Козырицким не пылали...

Не пылали любовью и жители. Стараясь укрепиться во власти во всех ипостасях, муж делегировал Мару Рачиковну кандидатом в депутаты ЗАКСа, и та чуть было не проскочила, Кривенченко отбил судебную атаку. Потом рассказывали (может, это просто радостная народная сплетня, живите радостно!), как Мара бегала по двору белоостровского особняка и «искала Славу, а Слава в бочке с рассолом из-под огурцов прятался, крышкой накрылся, такая у него могучая белка была!». Ни утверждать, ни опровергать событие из семейной жизни Козырицких я не буду, пишу о том, что слышал от людей и как воспринимал те давние события сам. Богатые тоже плачут.

Весть о том, что в городе возбудили уголовное дело против Козырицкого (хищение 400 тысяч бюджетных рублей через некий внебюджетный «Рефорс-фонд») вызвало у сестрорецкой общественности ожидание светлого конца главы как главы. И действительно, тот вскоре исчез с горизонта, утверждали – удрал в Америку, но много лет спустя...

Много лет спустя корреспондент «Здравницы» Максим Сахновский столкнулся с Козырицким в электричке и глазам своим не поверил. Мы было усомнились фантазиям Максима, если бы буквально через день Козырицкого не задержали в Песочном, оказалось, за ним рыскает Интерпол. Продержав за милицеской решеткой несколько часов, Козырицкого (говорят – по звонку из Москвы), выпустили. Выяснился прелюбопытный случай: сын Вячеслава Владимировича, заканчивал школу и стал говорить громко, что хочет в армию, в Чечню, вот папаша и психанул, вернулся тайком в Россию.

Козырицкого выпустили, очень скоро одна из центральных газет объявила, что Вячеслав Владимирович возглавил фонд по

компенсациям пострадавшим во время войны советским гражданам (или что-то вроде этого), у него появился доступ к громадным финансовым средствам из Германии. А ровно через два месяца последовало сообщение об отставке Козырицкого из фонда. Еще бы...

Сегодня за высоким каменным забором в Белоострове живет сын безумного бизнесмена, по периметру забора белые шары-фонари.

Кстати. Никто не знает: Вячеслав Владимирович стал прообразом одного из персонажей неопубликованного полностью романа сестрорерцкого эколога Вячеслава Беликова с великолепным названием «Что-то не так». Первая часть романа была издана журналом «Нева», а уже полностью он был набран и сверстан в нашей редакции, подготовлен к печати, но когда эта часть работы была завершена, Беликов после тяжелой болезни умер.

Но я о Козырицком. Справедливости ради, надо сказать, что не все его проекты были идиотичны. Например, Козырицкий с удивлением смотрел, как жители Лисьего Носа сопротивляются проекту строительства Диснейлэнда, протестуют, перекрывая железную дорогу.

– Ну и пусть по Парижам ездят! – махнул рукой.

Говорил о платной шоссейной дороге в Курортном районе. До этой обираловки недолго осталось.

* * *

Мыслительное скольжение Вячеслава Владимировича Козырицкого, очень часто было достойно Олимпа курьезов.

С фотографом Мишей Новаком мы приехали в Зеленогорск брать интервью для газеты «Зеленый мир» – международного экологического издания. Беседа проходила в старинном доме на берегу ручья Дранишник, в здании бывшего исполкома. Разглагольствовал Вячеслав Владимирович с большой охотой, он любил покрасоваться перед прессой. Много рассуждал об экологических потребностях курортной зоны, как ее надо развивать, беречь и лелеять. Когда же спросили, знает ли многоуважаемый глава, как называется ручей, на бережку которого и стоит убежище его власти, Вячеслав Владимирович растерялся: не знает, никогда не задавал себе такого вопроса... Мы пояснили – ручей называется Дранишник.

– Здесь будет представительство ООН! – облегченно и как-то

чересчур восторженно нашелся Вячеслав Владимирович («Мэр сразу двух городов, Сестрорецка и Зеленогорска, в мире тако-го нет, а у нас есть!» - его любимый козырь).

Вонючий ручей вился вокруг здания старого исполкома, где когда-то было финское казино, если проще – публичный дом.

...В подшивках газет можно найти и фотографию легендарной визитки, которую Вячеслав Владимирович как бы невзначай подсовывал в ту пору предпринимателям и просто нужным людям:

*«Козырицкий Вячеслав Владимирович.
Мэр г. Зеленогорска
Глава администрации г. Сестрорецка
Руководитель программы «Новый Петербург»
Член экономического совета Правительства Российской
Федерации
Советник Президента России».*

Вскоре на имя председателя Санкт-Петербургского горсовета А.Н.Беляева пришло письмо от государственного инспектора Юрия Болдырева, где он сообщал, что это туфта, в Москве о таком парадоксе впервые слышат.

Добавлю от себя: туфта была великолепной, не оценить невозможно, туфта, достойная Остапа Бендера!

* * *

Стоит подробнее рассказать, как удалось сохранить «Здравницу» от произвола чинуш во главе с Козырицким.

Газета была неудобной для Славы и его жены Мары Рачиковны (в миру – Мары Григорьевны). Ведь газета выступала против очумелой политики этих хапков.

Козырицкие, под семейным крылом своей агрофирмы «Волна», затеяли и содержали к тому моменту газетку-проститутку, которая подленько поливала грязью «Здравницу» и даже соорудила провокационную заметку про то, как «Здравница» якобы разорилась. Сделали так специально, чтобы ушли подписчики.

Ситуация оказалась сложной. В редакцию стали наведываться налоговые инспектора, требовать финансовые документы, отключили свет и телефоны. Пидарас из зеленогорской газетенки сладостно потирал руки, видя наезд на главных своих конкурентов. Но не зря говорят, что на хитрую жопу есть игрушка с винтом.

На Лиговский в редакцию «Бизнес-экспресс» той осенью 94-го

приехали Морик, Калашников, Сахновский и Паулаускас. Посидели, подумали, что делать. Я сразу же согласился предоставить все возможное – верстку, сдачу газеты в типографию и т.д. Позвонили в ЗАКС Кривенченко, узнали, что еще не скурвился, он согласился газете помогать финансами, используя свои депутатские рычаги. Это было весьма благородно.

Мы переучредили «Здравницу» и под обновленным названием «Здравница Санкт-Петербурга 2», где учредителем стояло мое и Антоши Шилова АОЗТ «Бизнес-экспресс», уже в декабре вышли в свет. Появлению газеты предшествовал и специальный выпуск, где коллектив «Здравницы» выступил с обращением к читателям. Козырицкие были в шоке, а зеленогорская газетка-шавка вскоре объективно умерла. Обновленная «Здравница» под учредительством АОЗТ просуществовала год и два месяца. Потом сами ребята попросили самостоятельности, им было трудно, но газету они вытягивали. И лишь потом, четыре года спустя, когда состоялся первый муниципальный совет, Евгений Петрович Литовка предложил вернуть газету в более масштабном варианте, сделав историческое для района издание органом представительной власти. В этом был смысл, прежде всего – сохранения газеты как исторического издания не только Сестрорецка, но и всего района в самых разных его ипостасях и реконструкциях.

Это сегодня так вот просто описать наезд на газету в нескольких незатейливых абзацах. А в те годы это была трудная борьба за издание, его существование, за честь журналистов. Прошло много лет, целых семьдесят, и в кафе собрались журналисты отметить ее день рождения. И чтобы такая вот значительная дата состоялась, приходилось и бороться, и в судах стоять, и даже голодать. Ведь журналисты тех лет, скажем прямо, жили впроголодь, а газету делали.

И вот ей 75.

* * *

Однажды в здании теруправления появилась команда мастеров, которая стала срочно вставлять кодовые замки на двери всех туалетных комнат. У крепыша Козырицкого появился свой туалет с кодовым замком, беда лишь в том, что номер кода он постоянно забывал, приходилось обращаться за экстренной помощью к знающим людям.

И те приходили по первому зову.

Тридцать восьмой километр

День 15 июля 1993 года стал одним из самых страшных в истории Сестрорецка: погибли в ДТП на 38-м километре Приморского шоссе, на развязке, сразу пять человек. Маршрутка, набитая пассажирами до отказа, шла из Песочного в Сестрорецк, в ней находились сразу несколько депутатов Сестрорецкого райсовета. Они спешили, опаздывая на утреннее заседание внеочередной сессии, по злой иронии судьбы, как раз той, на которой должны были отрешить от должности главу района Козырицкого – уже вынудили к такому повороту событий и Собчака. Собственно, это был венец многомесячной борьбы депутатского корпуса с сомнительным главой района, борьбы, в которой, по сути, все депутаты были по одну сторону баррикад. Сама же сессия была внеочередной.

Большинство депутатов сидело в зале администрации с самого утра, готовые к формальным, по сути, слушаниям и принятию столь значимого для района решения. Кривенченко перебирал какие-то бумаги, сидя в президиуме, но сессию не начинали, все ждали, когда прибудет из Песочного группа депутатов. Из 110 депутатов в то время, десять или одиннадцать человек были из этого поселка.

Время шло, заседание не начиналось. Кривенченко стал куда-то звонить, или ему кто-то позвонил.

– На 38-м километре случилась беда, есть жертвы. Сессия откладывается.

На улице шел мелкий, противный дождь. Я стал ловить машину, чтобы рвануть на место происшествия, и не нашел ни одной. Узнав первые данные, стал звонить в «Санкт-Петербургские ведомости», заместителю редактора Александру Юркову. Тот попросил уточнять ситуацию. На следующий день на первой странице газеты появилось сообщение о трагедии.

Но уже вечером, о сестрорецкой беде знал весь Петербург: с места катастрофы вел репортаж Александр Невзоров в своих «Секундах».

– Погибли, может, самые лучшие, самые достойные, – говорил он в микрофон, а за ним лежало, покрытое белой простыней, тело погибшего Николая Моисеевича Бакштановского.

Знающие люди сочли подобные слова неистового репортера крамольными, кошунственными: ведь буквально на следующий день должен был состояться суд по иску Бакштановского к Невзорову по поводу одного из его репортажей.

Гроб с телом Николая Моисеевича установили на втором этаже в Белом зале администрации, проводы были торжественными и я бы сказал даже помпезными. Похоронили его неподалеку от входа на Сестрорецкое кладбище, на пригорке. И каждый год 15 июля депутаты еще долго приходили на могилу товарища.

Маршрутка из Песочного налетела на страшную трубу, которая торчала из кузова впереди идущей машины, не видно было красного сигнального флажка. Среди погибших были известные в Сестрорецке люди: кроме депутата Бакштановского на месте гибели сотрудник ГУВД (бывший работник ОБЭП Сестрорецка) Сергей Милосердое, заведующая яслями-садом №25 Мария Ульянова, погиб водитель «рафика» Владимир Штаферов. Через четыре дня после трагедии в больнице скончалась врач сестрорецкой детской поликлиники Светлана Львова.

Тогда о трагедии много говорили и писали, и не только районные СМИ, которые на тот момент представляла практически одна «Здравница». С большой публикацией выступили и всероссийские «Известия». Подробно описывая трагедию, газета рассказала и эпизод, как под колеса грузовика чуть было не попал пятилетний сын Кривенченко Денис. Кривенченко был на тот момент уже раскрученным политиком, борцом якобы за справедливость, и случай с малолетним Денисом органично вписы-

вался в контекст «угроз народному герою». Много лет спустя, остыв основательно, можно задаться очевидным вопросом: у кого это такая дурь в голове, чтобы на ребенка – грузовиком? Но Кривенченко даже не пытался опротестовывать очевидную чушь, а подыгрывал: все, что играло на имидж новоявленного политика – хорошо.

В те самые дни трагически погиб (нашли убитым) брата Бориса Григорьевича Осипова, депутата оппозиционного местной власти, но он не спекулировал бедой.

Душегубы от демократии

Первые уродливые признаки «демократии местного разлива» стали проявляться быстро: уже через год, через два после победы на первых выборах в райсовет. И вскоре позорным решением Малого совета был растоптан несогласный с политикой «демократов» редактор «Здравницы» Василий Морик. Дальше – больше: депутаты стали воевать с новыми главами исполнительной власти.

Надо сказать, что борьба выглядела праведной, да и была часто таковой, например, с Кохом и позже с Козырицким. Но еще был руководителем и Евгений Александрович Васютинский, человек с ярко выраженными задатками крепкого хозяйственника, с опытом. После ухода с поста predisполкома Капустинского руководитель именно такого склада и требовался. Однако для разбушевавшихся и упивавшихся мнимой властью депутатов любой человек у руля исполкома был как красная тряпка для стада быков. Начались и внутренние войны, когда кривенченковский костяк с воодушевлением стал делать попытки избавиться от несогласных, таких как сотрудники милиции Третьяков и Куликов, чекист Буренов и примкнувший к ним Сафонов, МЧС (все – силовики, вышел какой-то закон о неучастии их в представительной власти). Все они, как и многие другие депутаты, уже были по другую сторону баррикад Кривенченко.

Васютинского решили изничтожить, весьма изошренно подготовив внеочередную сессию, на которой и решали его судьбу.

Очень точно прокомментировал сюжет бывший predisполкома Виктор Станиславович Капустинский: «Ведь сумели же собрать досье на Васютинского еще до его прихода в район...» Как припечатал.

Было понятно: в райсовете очень серьезный водораздел, обнаружили всего на два голоса больше «за снятие», а Собчак (как потом рассказывали) очень внимательно прочитал мою статью в «Сестрорецком инструментальшике» «Внеочередная конфликтная или «светская» болезнь кривизны в демократии», с результатами голосования как юрист вообще не согласился, и Евгений Александрович на посту остался. После этого поработал в должности главы недолго, давала знать тяжелая болезнь, он ушел и вскоре умер.

А демократы-депутаты бушевали, все с кем-то боролись, люди же страдали, не получая от избранников помощи, они сами себя дискредитировали. И уже районная пресса забеспокоилась, все больше стала критиковать, явление совершенно нормальное и необходимое. А что еще с истериками делать?

Некоторые из них стали творить невидимые темные делишки, по нынешним меркам, правда, все баловство. Доверие прессы было утрачено напрочь. Оставалось наблюдать за первыми проявлениями шизофрении, в которую был ввергнут не только Сестрорецк, а вся страна, на многие годы вперед.

Одним из первых сигналов к переориентации журналистского сообщества района стало появление новой газеты «Сестрорецкий обозреватель». Она готовилась уже за два месяца до закрытия заводского «Инструментальшика», завод стремился к кончине, все кругом рушилось, люди увольнялись сотнями, это трагично сказывалось на судьбах очень многих сестрорецких семей. Сверху запустили страну в рынок, но она оказалась униженной, растерзанной, оскорбленной и обворованной.

«Сестрорецкий обозреватель» мне пришлось создавать лично, это был самостоятельный проект, независимый от власти, ею нефинансируемый, несмотря на то, что редакция заняла помещения (две больших комнаты) на третьем этаже администрации. Редактором стал Николай Андреевич Шлиппенбах, я, кроме писанины, занимался финансированием – искал спонсоров, директора предприятий шли навстречу. Помогали и Литовка (Курортэнерго) и гудков (хлебозавод), Давыдкин (Спецтранс) и Федюнина (Водоканал), отношение к независимой газете было доброе.

Все изменилось, когда к власти пришел Козырицкий и начал пропагандировать свою программу «Новый Петербург». Тот еще перец, я с трудом его убедил, что говорильня должна быть подкреплена изданием и общественным обсуждением программы.

Газета в итоге провалилась.

К тому времени Козырицкий уже заваливал и «Здравницу», создав ручную газетенку в Зеленогорске.

«Обозреватель» ровным счетом так и не запомнился, ни журналистам, ни читателям. Только были многодневные муки, когда по ночам выклеивали по строчкам газету, техники не было, допотопное оборудование, а когда перешли в нормальную типографию, газете близился конец. Неплохой, в общем-то, проект был задушен самими участниками, своими руками, своими подхалимажем и низкопоклонством перед главой, дураком и вором.

Матлахов

Откуда начинаются гонения на поверженных, измывания над ними, то, что называлось во все времена «охотой на ведьм»? При этом так называемы «демократические силы» оказываются не менее жестокими и изощренными в своей мстительности?

Знаменитое «Что ты депал в дни путча?» каким-то черным всполохом пролетело и над Сестрорецком, «герои», на самом деле чудом оставшись «при делах», терроризировали районного прокурора Пальшина, руководителей предприятий, организаций, гневным ором с трибуны брызгали слюной, требовали расправы.

Это поведение полных политических муд..в – история так ничему и не учит.

С приходом к власти т.н. демократов в нашем районе началось «раскулачивание» руководителей районного масштаба. Пускали и сами же проверяли слухи про какие-то особняки Литовки, на Петровича было грустно смотреть, про других достойных людей. Директор овощебазы Смолокуров, мужик добрый и старательный в своем деле, говорил мне с явным облегчением: хорошо, что дача под Ломоносовым, вне досягаемости узурпаторов. Хрена им с огурцом соленным.

Шутки шутками, заскоки заскоками, а иные случаи приводили и к серьезным последствиям. Самая ужасная история случилась с директором районных теплосетей Александром Гавриловичем Матлаховым.

Один рабочий котельной (в нашей больнице) объявил откры-

тую войну директору. Еще бы: депутат, карты в руки, Кривенченко за спиной. Обвинили Матлахова в строительстве коттеджа в Разливе на деньги предприятия. Сюжет в том, что решение о строительстве 60 коттеджей (не для Матлахова же!) принял совет трудового коллектива, это же самый совет выделял часть прибыли на строительство коттеджей, в том числе и руководителю, которого – внимание! – сами же избрали абсолютным большинством голосов, именно тогда начинался горбачевский бардак по выборам директоров. Хорошо, если выбирали самых достойных, специалистов, а если нет? Кого винить в развале промышленности, закрытии заводов и фабрик в стране?

Сестрорецк практически миновала чаша ошибок. Люди выбирали тех, кому верили, на кого надеялись. Выбранного на общезаводской конференции Николая Федоровича Гейгера директора СИЗ характеризовали как человека, успешно получившего трехгодовую практику менеджера в Германии. Были разные критерии в разных коллективах, но никто не хотел свои предприятия разваливать, продавать и хоронить. Наоборот, на руководителей опирались.

Матлахов в теплоэнергетике к тому моменту проработал больше четверти века. Человек инициативный, он предлагал коллективу добиваться не строительство панельного дома, очередной серой многоэтажки, а коттеджей. Выбил участки в разных концах – и в Зеленогорске, в Песочном, в Белоострове и под Сестрорецком. В Разливе Александру Гавриловичу власти подсунули участочек, на котором стояла развалюха, ее надо было еще и снести. Ну и снес. И начал строиться.

То, что Матлахов использовал возможности руководителя и немного перебарщивал при строительстве вполне возможно, спорить не буду. Это тогда его недруги и натравили ОБЭП на Матлахова, его на Каляева вызвали и арестовали, дома провели обыски. Три дня держали ошеломленного в камере, пока прокурор не вмешался, не приказал выпустить, не нашли никакого преступления.

Эта гадкая история, даже если Александр Гаврилович где-то и переборщил, показала, насколько оказались мерзопакостны сами по себе т.н. «демократы» местного пошиба. Матлахов еще долго трудился руководителем предприятия, но с каким настроением... Кстати, затеявший скандал депутат сам вписался в рамки коттеджного строительства от Матлахова, уж и не знаю, построил свое счастье или нет.

После трагической гибели Александра Гавриловича, много лет спустя, с не менее ужасной ситуацией столкнулся его сын Дима. Он пообещал администрации района расселить ветхий дом в центре Сестрорецка, чтобы построить на его месте приличный коттедж, продал для этого в Питере квартиру, купил жилплощадь ветхой старушке из не менее ветхого дома, а потом вдруг чиновники стали утверждать, что когда-то, много лет назад, были неверно оформлены разрешительные документы на дом. Ну не везло же семейству Матлахова!

А Александра Гавриловича убили в 2001-м молодые подонки, когда он возвращался из кафе «Усадьба», поздним вечером, в подъезде «Бастилии», куда его заташили стаей. Отобрали телефон, ограбили и раздели. Всех подонков удалось найти и задержать, отсидели малолетки по полной. А хорошего человека уже не вернуть, никогда.

Еще одна трагедия

Самая страшная трагедия 96-го года произошла на глазах сестроречан.

5 апреля, когда десятки людей были на улицах – кто-то возвращался с работы домой, кто-то шел в магазины, кто-то гулял в центре города. Был солнечный весенний вечер, ничто не предвещало беды. И вдруг люди, находившиеся в самом центре Сестрорецка, на улице Володарского, увидели, как на огромной скорости со стороны привокзальной площади мчатся белые «Жигули», скорость эту было можно определить даже на глаз – километров больше ста. Машина едва не врезалась в автобусную остановку, в стоящих на ней людей, затем чуть не сбила фонарный столб и, еле увернувшись, рванула дальше.

Лучше бы врезалась и разбилась всмятку! Потому что еще через несколько десятков метров, на повороте на Набережную Сестры, на дикой скорости «Жигули» сбили женщину, которая несла ребенка на руках. Женщина погибла на месте, в последнюю секунду успев откинуть как можно дальше малыша.

Машина не затормозила, на огромной скорости помчалась дальше по Володарке и, вывернув на Приморское шоссе, стала уходить в сторону города. На перекрестке с улицей Мосина была сбита еще одна женщина, лишь на короткое время она пришла в сознание, но некоторое время спустя, тем же вечером, умерла в реанимационном отделении 40-й больницы.

Был приведен в исполнение план «Перехват», преступники блокированы и задержаны в районе Разлива. Двое находившихся в машине подонков оказались скотски пьяными. Это были сотрудники ГАИ Приморского района, но в тот же день оттуда их уволили, их арестовали и отправили в «Кресты».

Погибшими оказались Татьяна Александровна Петрова, бухгалтер 40-й больницы, и Анфиса Ивановна Бударина, пенсионерка, много лет возглавлявшая отдел техконтроля на инструментальном заводе. Обе были хорошо известны сестроречанам, хорошие были женщины, добрые и отзывчивые.

К делу были привлечено внимание всего Сестрорецка, несмотря на то, что почти все газеты города сначала позорно о случившемся молчали, скорее всего, потому, что преступниками оказались сотрудники милиции, а предательского пласта «оборотней в погонах» тогда еще не видели или не хотели видеть. А зря! Уже тогда всюду стали проявляться определенные тенденции: в нашем случае одного из арестованных вдруг освободили из тюрьмы, отпустили под подписку о невыезде, тот и скрылся. А скрылся, значит, и не сказать достоверно, кто виноват. Предатели в погонах спасли от правосудия двоих подонков, рассыпали дело. В результате таких историй и стала копиться ненависть народа к милиции, вскоре тема «оборотней» стала первополосной для газет на многие годы вперед, и через десять лет доверие к милиции исчезло вовсе.

О трагедии в Сестрорецке мне все же удалось написать в нескольких питерских газетах, но реакция была никакой – началось торжество эпохи беспредела и бессердечия.

Я очень хорошо знал Анфису Ивановну Бударину, ее семью. Человеком она была радушным, хорошей хозяйкой и милой женщиной, вместе с дочерью Леной растила внучку Таню. Муж Анфисы Ивановны когда-то был секретарем парткома на заводе Воскова, но однажды его нашли мертвым в собственном гараже. И какая-то беда тяжелым роком нависла над хорошей семьей. Погибла Анфиса Ивановна. Потом пропала Таня, которую я знал еще замечательным ребенком, красивой и талантливой девчушкой, но выросла, связалась с парнем, там были вино и наркотики. Лена нашла пропавшую дочку уже не живой. Лена живет одна, болеет, но мужественно держится – за что же столько несчастий и страданий на долю одного человека?

Очень хорошего человека, добавлю я.

Спекуляция на беде

Про то, как журналисты фальсифицируют ситуации, преследуя неблагоприятные цели. История – одна из многих сотен, тысяч, но эта по-своему цинична.

В мае 1999 года в Сестрорецке должны были пройти традиционные авторалли, которые организовывал Александр Ваймер на базе своего спортивно-технического клуба. Дело почетное для района – ведь намечался двухдневный этап чемпионата России. Соревнования должны были пройти на трассах района, большое число участников со всех концов страны.

Но рано утром 21 мая, накануне открытия очередного этапа ралли, в автокатастрофе погиб единственный сын исполняющего (на тот момент) обязанности первого вице-премьера правительства Юрия Маслюкова Дмитрий. Трагедия случилась на 755-м километре Выборгского шоссе недалеко от Дома отдыха «Чародейка». Японский спортивный автомобиль «Сибару» на огромной скорости врезался в осветительную опору, налетел на дерево и полностью сгорел.

Так случилось, что в тот самый день мне удалось увидеть выпуск практически всех информационных и новостных программ большинства телеканалов, явно обнаружилось: только один из них – НТВ – упорно сообщал,

что... «возможно, трагедия – заказное убийство» (утром),

что... «следователи рассматривают также версию о заказном убийстве» (днем),

что... «не исключена версия заказного убийства, но она маловероятна» (вечером).

Ни на одном другом телеканале подобной интерпретации не возникало.

Дмитрий, впервые прибывший для участия в авторалли «Сестрорецк-99» только накануне, конечно, не ведал, по какой извилистой дороге он решил погоняться на тренировке. Причем, на скорости свыше 150 километров в час, где такая на шоссе запрещена. Не могли ведать об этом и не существовавшие в природе киллеры.

Абсурд в комментариях «независимого» телеканала был очевиден. Как очевидна и злонамеренность: если нелепость обозначилась сразу после утреннего выпуска новостей (не могла

не проявиться), зачем муссировать горькую тему целый день, вплоть до момента, когда показали самолет с прилетевшим отцом погибшего?

Объяснение только одно: кому-то очень хотелось, чтобы Петербург закрепился в сознании россиян ярлыком «криминальная столица России».

«Бред!» – сказал мне полковник Никита Сафонов, в то время возглавлявший ГО и ЧС района, когда я ему рассказал о комментариях НТВ. Группа спасателей под его руководством извлекала тело Дмитрия Маслюкова из обломков покореженного и сгоревшего автомобиля.

И сколько таких спекуляций по всей стране? Самый здоровый ума лишится.

Хорошков

Почему и как в моё журналистское ремесло вписалась тема милиции, многим интересно, подразумевая, конечно, одно – сегодня милиция «не та», совсем «не та», и о которой я так хорошо пишу в своих статьях и даже книжках.

Вопрос неспроста, а истоки кроются в журналистской юности, когда в газете Ленинградского оптико-механического объединения – в первом в стране заводском еженедельнике «Знамя прогресса», я вел полосу «Право и мораль». Вот тогда и навострился писать очерки и заметки о нарушителях общественного порядка, пьяницах и прогульщиках, делал репортажи из зала суда. В те времена, советского (почти уже юрского) периода, подобные опусы воспринимались читателями как острые, злободневные, они и привлекали внимание. Пошекотать нервы читателям мне откровенно нравилось, ну я и шекотал.

Весь редакционный коллектив (с подачи ответсека Сереги Пархуты, который и привел меня в еженедельник, и который много лет потом гордился своим попугаем-пацифистом, встречавшего всех гостей кличем «Люди, берегите мир!», такой вот воспитанный был пернатый чудак), так вот, весь коллектив с нетерпением ждал, когда в очередной раз в вытрезвитель попадет рабочий какого-то там цеха по фамилии Весна. И когда он попал в семнадцатый раз, то и заголовок у статьи был залихватским: «Семнадцать мгновений Весны». В том, кажется, году я получил почетную грамоту как журналист, написавший лучшие газетные материалы на тему борьбы с алкоголизмом. Городской нарколог, вручая грамоту на каком-то торжестве, увидев меня, молоденького, спросил: «И откуда ты все знаешь?». Это как у

больного здоровья. Я ли не веселился в те годы! Напомню, что по наследству мне достался редакционный стол Довлатова, за которым я с этим самым пьянством и нарушителями боролся.

На самом деле – я очень любил детективы, про сотрудников угро нравились особенно. Вот и выискивал, что-то поострее да попикантнее. Когда много лет спустя стал работать в «Здравнице», в Зеленогорске, а потом в Сестрорецке, появилась возможность писать о милиции и об уголовном розыске чаще, милиционеры всегда шли нашей пишущей братии навстречу, сами подкидывали те или иные интересные темы и случаи. Стали регулярно появляться очерки о борьбе с преступниками, в самом начале девяностых это были материалы о серьезных преступлениях в районе, много тогда было убийств, а уголовный розыск оказался на острие борьбы с самым настоящим врагом. А еще был у газеты необычный нештатный автор, пенсионер Иосиф Яковлевич Голянд, он в тридцатых годах работал в легендарном МУРе агентом, любил вспоминать про черных, красных, серых и прочих кошках.

Потом, когда милиция стала разваливаться, в результате очередных и никогда не прекращающихся реформ и трансформаций, последним островком надежды уголовный розыск и оставался. Я же с интересом и огромной охотой писал о подвигах сестрорецких ребят – Станиславе Чичине, Владимире Хорошкове, Володе Шелехове, многих других. Героем среди них был и Володя Казаков, начальник угро в самом начале 90-х, он рано умер, очень рано, это была большая потеря. Когда Казаков умирал в больнице, товарищи принесли ему слушать Высоцкого, он уходил под его песни.

Начальники милиции были разные. От советского поколения, закончившегося на Владимире Борцове и Борисе Дубровском с замполитом Александром Третьяковым, до Валерия Кожаккина и Валерия Марченко (трагически погибшего в 2000-м), а затем Александра Куликова и Станислава Чичина – руководителей совсем иной формации, которых объединяло весомое преимущество: они вышли из уголовного розыска.

Много позже свела меня судьба с генерал-майором милиции Анатолием Лаврентьевичем Бахваловым, я бывал у него дома на Кирочной в Петербурге, когда работал над книгой его мемуаров «О себе, о людях, о времени». Бахвалов проработал 17 лет в руководстве ГУВД, много лет в должности заместителя начальника Управления, был фигурой грозной и авторитетнейшей

в милицеских структурах, и даже после ухода на пенсию, его многие вспоминали с трепетом, в этом мне приходилось убеждаться самому. Но это был настоящий милицеский начальник, с большой буквы Начальник! И мало кто видел, с каким негодованием, и в тоже время горестью, он говорил о современной милиции, о ее развале, о потере нравственных ориентиров в правоохранительных органах. Много было у меня откровенных с ним разговоров, в самом конце жизни он обижался, что я совсем редко к нему приезжаю в гости. После выхода его мемуарных записей, предназначенных, прежде всего, для узкого круга и изданных крохотным тиражом всего в 500 экземпляров, мы обменивались своими книгами: Анатолий Лаврентьевич мне дарил свои – о власовской армии, это была его тема, потому что сразу после войны он входил в следственную группу по расследованию предательства генерала, он обладал многими знаниями и документами о самой громкой измене в годы Великой Отечественной. Анатолий Лаврентьевич написал документальную книжку и художественный роман, надо ли говорить, что его исследования пользовались большим читательским спросом. А я привозил книги, изданные в Сестрорецке. Да и относился ко мне Анатолий Лаврентьевич по особенному. По чистой случайности я помог найти на Украине им потерянную родственную нить, которую он долгие годы безуспешно пытался обнаружить и давно уж не чаял успеха.

Не скажу, что я тревожил своими визитами пожилого генерала часто, скажу лишь, что он не любил, когда я к нему обращался «товарищ генерал», просил звать его дедом.

Но такие как он – последние могикане советской милиции, причем, самой лучшей, самой достойной ее части. Стремительный развал органов не оставил никаких надежд на справедливое общество всей стране. Люди, пытавшиеся сохранить честь и достоинство, сотнями и тысячами покидали органы МВД.

А самым ярким примером сохранения лучших милицеских традиций стал Клуб ветеранов уголовного розыска Петербурга и Ленинградской области. Он был создан 15 лет назад, одним из его организаторов стал начальник сестрорецкого угро Владимир Стефанович Хорошков, живет он в Разливе. Чрезвычайно мягкий и застенчивый человек, он стал одним из главных зачинателей объединения ветеранской элиты уголовного розыска, а газету «В курортном городе С.» сделали даже членом этого весомого коллектива. На одном из ветеранских встреч

я поразился, сколько их - легендарных питерских сыщиков, за плечами которых самые громкие и резонансные дела!

К уголовному розыску я отношусь с большим пиететом. Бот почему наша газета приветствовала приход на должность Курортного УВД Станислава Чичина, который честно и много трудился в угро Курортного района и за плечами которого (вместе с друзьями, конечно), десятки раскрытых тяжких преступлений и задержанных преступников – убийц и грабителей. И не случайно в 2010 году по предложению начальника РУВД Чичина ветераны милиций Курортного района своим председателем Совета избрали бывшего сыщика – Владимира Стефановича Хорошкова.

При помощи Чичина и Александра Третьякова, который обнаружил большой пласт документальных материалов и сохранил, удалось издать книгу о сестрорецкой милиции, об ее истории, и ее людях. Книга бесценна уже тем, что она фиксировала мало кому известный факт: в Сестрорецке, на Оружейном заводе, в конце февраля 1917 года и была рождена советская милиция (первый милиционный отряд). А так как уже много лет днем рождения милиции считался 1918-й год, от него и считали все милицейские годовщины, то замполиту Александру Третьякову дали медаль за находку таких документов, которые он передал в Центральный музей МВД, и менять ничего не стали.

* * *

И особо о Хорошкове. Это замечательный по всем меркам человек.

Б 2000-м году в его жизни произошел поворот, который вряд ли был предполагаем в пору милицейской службы. Летом того года в похоронном деле Петербурга был совершен поистине грандиозный переворот, когда, порешив максимально избавиться от похоронной мафии, в дело на уровне всего Петербурга пришло много отставников МВД.

Произошла смена команд на кладбищах, потом Хорошков был назначен генеральным директором Государственного унитарного предприятия, возглавив похоронную службу на уровне города, и убедил губернатора Яковлева поменять печи для сожжения умерших в крематории города, дабы не позорить печальное дело невзоровскими показами ужасов, которые действительно имели место быть. Губернатор согласился, Хорошкову удалось сначала закупить четыре самых современных чешских крема-

ционных печей, позднее были закуплены все 16 печей, и последнее действо с телом умершего человека стало происходить достойно.

Я не собираюсь вешать лапшу на уши и говорить о том, как нравственно и хорошо налажено похоронное дело в городе сегодня, отнюдь. Истоки бед в другом, они очевидны и непреодолимы, они в нравственных пробоинах наших душ. Но вот когда в самые печальные минуты жизни приходится обращаться к Владимиру Стефановичу за помощью, все происходит удивительно корректно и никаких, абсолютно никаких, проблем. Ритуальная кампания Хорошкова находится на 1-й Советской, дом 8. Здесь корректны даже в тонкостях: никогда не скажут «до свидания!», а скажут «прощайте!». Как не отвечают в аптеках на твое «спасибо!» словом «пожалуйста!».

Хорошковы в похоронном деле, конечно же, есть, но их всего... Ну, еще люди, которые рядом с ним.

* * *

...Это был один из самых неожиданных репортажей в моей журналистской практике.

С Владимиром Стефановичем Хорошковым мы оказались на территории петербургского крематория. Он возглавлял Ритуальную компанию силовых структур.

– Хочешь увидеть, как сжигают? – спросил меня Стефанович.

– Боже упаси! – задержался я нервно. – Вот водитель ваш хочет.

– Вы... ты... Вы с ума сошли! – взмолился водитель Стефановича и стал креститься.

– Три ночи потом не спать, – говорю Хорошкову.

– Ты журналист или нет? Должен видеть! Перекрестившись, набираюсь смелости.

– Пошли!

У входа в один из цехов кремации (их всего два) нас ждали. Для пушей храбрости я сообщил встречавшему начальнику смены, что первый, сожженный в Питере, человек носил фамилию Соловьев, он был рабочим какого-то завода. Этот факт мне врезался в память с детства, когда увидел в какой-то книге его портрет – так однофамилец вошел в историю, Сразу предупредил: последним не буду, так как все родственники предавались земле.

Потом выяснил, что много лет заблуждался: рабочий Соловь-

ев действительно был первым сожженным, но в одном их крематориев Питера уже другого времени. А самый первый крематорий был построен на углу Камской улицы и 14-й линии Васильевского, в здании, где когда-то был сахарный завод. А затем баня. Крематорий открылся 14 декабря 1920 года, однако просуществовал недолго. Сооруженная в авральном порядке печь для сжигания трупов (на дровах!) оказалась совсем неэффективной и довольно быстро вышла из строя, превратив в прах тела меньше трехсот человек, в основном почему-то красноармейцев. На белогвардейцев дров уже не хватало.

В цех я вошел в сопровождении Хорошкова. В идеально чистом помещении стояло восемь печей для кремации тел, в цехе не было видно людей. Потом понял, что сооружения, блестящие серебряным оттенком, и есть эти огненные чудовища, где пламя пожирает останки. На передней стенке печи установлено табло, на нем прыгали какие-то цифры.

– Температура сжжения – 900 градусов, никакого смысла нет ее увеличивать – результат тот же. Печи работают на газе, автоматика регулирует процесс горения, никаких сбоев. Через час десять прах поступает в специальный контейнер, который установлен под каждой печью. Так что ошибка при выдаче праха родственникам исключена полностью.

Мне показали печи с другой стороны. Там на каталках уже стояли готовые к сожжению восемь закрытых гробов, перед кремацией их не открывают. Специальная электронная система производит взвешивание, данные моментально поступают на компьютерное табло печи, весь процесс горения регулируется. Печи, а в крематории в двух цехах их 14, работают круглосуточно, остановки только санитарные.

Я заглянул в смотровые окошечки двух печей. Бушевало пламя. Здесь, извините, без подробностей.

Спросил: когда же рабочие сходят с ума? Ответили: в зависимости от того, какой телеканал смотрят. У них есть для этого комната с телевизором. То есть, чисто теоретически – рабочий цеха может месяцами не видеть тел умерших. Гробы перед отправкой в печи не открываются, дальше за всем наблюдает компьютерная техника. Суперсовременное оборудование, чистота и порядок, как в большом операционном зале больницы. И никакой невзоровщины. Все ужасы в далеком-предалеком прошлом. Культура погребений движется вперед, технологии совершенствуются.

А души? Любящие души обязательно встретятся. Там, высоко-высоко, в небесах.

Чтобы обрести спокойствие, мне надо было это увидеть своими глазами. И я увидел. Я не хочу быть сожженным, я хочу быть предан земле, рядом с мамой. Просто хочу заверить других, кому суждено после смерти быть кремированным: все, что происходит с телом умершего человека в последний момент – происходит достойно, культурно, с уважением к памяти.

Прокурор поколения PEPSI

С адвокатом Романом Леоновым меня свело одно знаковое обстоятельство. Дело не в начавшейся борьбе с Shura bald из администрации района, который своими дурными глазками читал про себя статьи в газете и еще не понимал – против него начинается большое журналистское расследование, которое может стоить ему кресла, а уж потери чиновничьего авторитета тем паче. Я и не помню, кто посоветовал мне встретиться с Романом, это теперь и неважно, но встреча оказалась весьма счастливой.

Мы встретились в кафе на Васильевском острове, долго пили кофе и говорили. Роман предложил напечатать некий материал о деятельности районной прокуратуры, которая достала своим беззаконием. Как адвокату, ему приходилось сталкиваться с негативными ситуациями постоянно.

Забавно, что буквально за неделю до этого меня пригласил для разговора прокурор района Владимир Аркадьевич Ребо. Разговор шел о недавней публикации о деле некоего Александра Паскипарти, которого больше 15 лет тому назад кинули с квартирой зеленогорские менты. Владимир Аркадьевич мне много говорил о давности лет, что даже при вновь открывшихся обстоятельствах ничего не доказать и поэтому газете надо за что-то там извиниться, правда, непонятно за что. И почему-то вдруг стал пугать меня лишением лицензии. Повеяло проказами Shura bald из администрации.

Такой поворот событий мне не очень понравился. И разговор с Романом Леоновым случился очень кстати. Мне даже кажется, подобных случайностей в жизни не бывает.

Короче. Прокурор получил то, чего добивался: в газете появилась большая статья (на целую газетную полосу) под все говорящим названием «Прокурор поколения PEPSI». Это было интервью с адвокатом Леоновым, в котором раскрывались тайные пружины давней войны между прокурорскими района и местной милицией. Роман рассказал о деле участкового Зайцева, который курировал Солнечное, и не совсем верно провел действия после кражи какой-то там шелухи из одной дачки. И против него возбудили уголовное дело! Абсурд очевиден. Потом последовал спровоцированный нечистыми помыслами обыск в кабинете начальника УВД Стаса Чичина, информация об этом оказалась вкинута в интернет. Ситуация напрягалась. Вот и появилось интервью с адвокатом Романом Леоновым, очень кстати, надо сказать, появилось.

Роман рассказал, как провоцируются дела нашими доблестными прокурорскими работниками. Например, приходит помощница прокурора в техучилище, благо то находится в одном здании с прокуратурой, собирает учащихся и просит каждого написать о каком-нибудь известном преступлении. Поясняет, что надо для... статистики. Как попросили, так и написали. Помощник прокурора почитала, отобрала самые толковые заявления, а их авторов озадачила переписать заявления на официальный бланк. Пачку этих заявлений г-н Ребо тут же направил в УВД для возбуждения уголовных дел. Представляете, сразу возбудить десяток «глухарей», статистика раскрываемости куда большего района рухнет. Последует однозначный вывод – УВД завалило работу, раскрываемость падает.

Зато написаны детско-подростковые сочинения на тему «Как я провел этим летом». В одном из них рассказывалось: была на пляже, пришла домой, мобильного телефона за три тысячи нет, украли, ущерб значительный.

Милиционеры судорожно проверяют факт. А его и не было. Девочка все выдумала. И мамаша подтверждает – никакого телефона у дочурки вообще не было.

Вот рельеф прокуратуры, мышцы гибкие спины.

Статью читал прокурор города. Еще тот скандал. Знающие люди говорят, встречался «тет-а-тет» с начальником ГУВД. Поговорили о чести мундиров. Вскоре молодой прокурор из нашего района был отправлен «на повышение», в другой район.

А честь участкового, капитана Зайцева, адвокат Пеонов отстоял. Дело уголовное в суде рассыпалось, прокуратура, конеч-

но, не извинилась, а Чичин повысил мученика в звании. Теперь он майор.

Так и растим милицейские, теперь полицейские, кадры. Сначала надаем по головам, потом погоны повесим. Очень эффективная реформа.

Ситуация эта весны 2009 года. Полковник полиции Станислав Чичин возглавляет теперь полицейских в Петроградском районе. Обманутый, но упертый в поисках справедливости гражданин Паскипарти, наконец-таки стоит в Зеленогорском суде и много лет спустя все-таки доказывает, что восемнадцать лет назад столкнулся с мошенниками из зеленогорского вытрезвителя, которые лишил его квартиры. И не только его. Я выступал в суде как журналист на стороне Паскипарти. Удивительно, что человек не на кладбище, надо помочь. С судьей, кажется, повезло.

Впрочем, повезло или нет – не правовые предпочтения. Но человеческие – точно.

Комар

В самом начале мая 2010 года из Германии пришло сообщение, что умер криминальный авторитет Юрий Комаров (Комар) и это случилось как-то совершенно неожиданно. Новость облетела многие информационные сайты в интернете, в Курортном районе она даже обсуждалась, и не только в милицеских кругах. Многие, опять же неожиданно для себя, поняли, что в истории района перевернута какая-никакая, а страничка – для большинства, конечно, трагического толка.

В советское еще время Комаров отсидел в тюрьме, и не единожды, а вот в перестроечное и следующее время – ни разу. В некоторых некрологах отмечалось: имел поддержку местной исполнительной и законодательной властей, правоохранительных органов. Столь необычное признание источники обосновывают тем, что Данилыч имел связи с крупным милицеским руководством города Зеленогорска, сын одного из руководителей местной милиции работал на Комара. Впрочем, совсем неудивительное сочетание для того страшного времени.

Данилыч (Комар) крышевал трассу Петербург-Выборг, облюбованную мажорами, и это было вполне предсказуемым делом в нашем Курортном районе. О мажорской нелегкой судьбе на нашей трассе великолепно рассказал в «Легендах Невского проспекта» Михаил Веллер. И если бы было просто смешно! Набрав силу, Данилыч довольно быстро пошел в гору. Бывший повар и борец, он стал активно вкладывать деньги в спортив-

ные залы и комплексы, кафе и рестораны, открыл в Зеленогорске ресторан «Глория». Контролировал не только Зеленогорск и Сестрорецк, но и район метро «Автово», под его участие попали кемпинги и базы отдыха, ну, а крышевание трассы стало помпезно именоваться работой с иностранным бизнесом.

Без проблем районный лидер малышевской ОПГ, как и другие коллеги по ремеслу, конечно же, не жил. И если долгое время ему удавалось сдерживать тамбовцев и казанцев, положивших глаз на район, то после того, как постреляли нескольких его телохранителей в 95-м и умер «третейский судья» Бондаренко Свиляр, контроль все-таки перешел – к чеченцам...

Перевернутая страничка в истории района, главным действующим лицом которой больше двух десятилетий был Юрий Данилович Комаров, он же Комар, тем не менее, оставила у многих неоднозначное впечатление. Хорошо известно, что Комар никогда не участвовал в наркобизнесе и мог отрубить руки попавшемуся по пути наркодиллеру. Отрицательно относился и к занятиям проституцией – нехарактерные для криминальных авторитетов качества. Я слышал даже мнение, от уважаемого в районе человека, что Юрию Даниловичу гораздо легче будет на небесах, чем целому сонму чиновников.

В этом плане мне вспомнился разговор в коридоре Сестрорецкого суда, состоявшийся наутро после убийства в Петербурге другого криминального авторитета – Владислава Кирпичева (Кирпича). Охоту за ним сотрудником милиции много лет показывали по телевизору – и как арестовывали, и как сажали, тем не менее, на каком-то подсознательном уровне добропорядочные граждане ощущали, что Кирпич сильнее ментов... духом. Это как-то подспудно сквозило практически в любом телесюжете о нем. И вот вопрос в коридоре суда так и повис в воздухе: был ли он сильнее, и чем? Представьте себе: помощник прокурора района, начальник милиции, чиновник из администрации (в таком составе мы случайно и столкнулись в коридоре) пришли к спонтанному выводу - в многолетней битве победил Кирпичев.

Такое бывает. Я не даю, да и не могу давать оценок криминальному миру начала 90-х – просто-напросто его не знаю, это по части специалистов из угро и Андрея Константинова, который, безусловно, выдающийся журналист в данной теме и выбранном им деле. Однако скажу необычную вещь: жалко, что журналисты упускают возможность пообщаться с такими людьми, как Комар, дабы полнее осмыслить и понять их суть и

сущность. Лишь однажды я столкнулся с Комаровым в одном из ресторанчиков на побережье, меня даже не представляли ему – он итак знал, кто я...

Однако. Однако. Шанс проговорить возможное интервью был упущен – он мягко и неслышно удалился.

Кстати. Был симпатичен и элегантен, неожиданно симпатичен и элегантен.

ЭД

В девяносто третьем случились два громких трагических события: одно из них – гибель депутатов и известных всему Сестрорецку людей в маршрутном такси на 38-м километре Приморского шоссе, второе – стрельба в казино в санатории «Сестрорецкий курорт», где участником стал известный тогда всему городу предприниматель Эдуард Колесников. Очень долгие годы его сестра Светлана не верила в гибель брата. И даже десять лет спустя в Курортном РУВД висело объявление о розыске пропавших без вести, среди которых была фотография и Эдика.

Время было смутное, бандитское, в Петербурге, как и во всей стране, царил беспредел, криминальные разборки следовали одна за другой, каждый день газеты сообщали об убийствах предпринимателей и бизнесменов. Криминальные разборки коснулись и Сестрорецка.

Колесников создал некое коммерческое акционерное общество по продаже земельных участков – под коттеджное и дачное строительство. Участки находились даже не в районе, а где-то в области, в сторону Выборга. Общество называлось «Стандарт. XX век», офис расположился в здании ПТУ на берегу озера.

Дело двигалось успешно. В клиентах недостатка не было. Особую пикантность истории предавал факт, что (по слухам) одной из покупательниц была жена Собчака Людмила Нарусова. Не могу утверждать, что это правда, несмотря на то, что мне об этом рассказывал сам Эдик.

С Эдом у меня сложились прекрасные отношения. Его офис

находился на этаже, где в тот момент занимала целый коридор и «Петербургская здравница» (газета была уже переименована), за две бутылки водки в месяц. Что делать, если не было денег – расплачиваться спиртным!

Я часто заходил к Эдику поболтать о том, о сем. Парень он был приветливый. Не скрывал, что бизнес движется успешно, гордился, что никогда не отказывал пенсионерам в помощи.

А здесь сыр-бор с газетами. Отошел в мир иной «Сестрорецкий инструментальщик», уже не подавал признаков жизни «Сестрорецкий обозреватель». Газеты начинали учиться выживать в новых условиях рынка. Никто ничего не умел, никто ничего не знал, и как начинать не знал, и как газетное дело разогреть. «Обозреватель» был все-таки первым спонсорским экспериментом, я его и затевал, поэтому попытка создать еще что-то менее зависимое от власти выглядела оправданной и естественной. Увлеч идеями Эдика и он стал спонсором новой газеты – «Бизнес-клуб». Уж очень надоела ему местная власть во главе с Козырицким и приспешником Барановым (и.о.), которые ставили палки в колеса. Поэтому такие заголовки как «Под бой барабанов придет Баранов» были вполне в порядке вещей. Или «Козырики на каждый день».

И так далее. Пикантность придавали отрывки из бестселлера Юрия Шутова: «На правах вечного пионера-шалуна у нее есть муж Славик, с огромным задом и взглядом ворика...»

Объективности ради скажу, что Козырицкий и Баранов (в должности заместителя главы района) досаждали не только Колесникову, но и десяткам других предпринимателей, которые по наивности и мечтали о честном и достойном бизнесе. Напомню, время для предпринимательства было еще звонкое, пионерское. Тому, кто старался что-то делать честно, делать это не давали и власти, и бандиты.

Эдик вынужден был набрать охрану, бандитские наезды осточертели. Только вот охранников брал без разбору. Менялись сторожа как перчатки, много пили, мало за делом смотрели, однажды решили поразвлечься, стреляли из окон по коровам, которые почему-то паслись возле здания ПТУ. Прилетел ОМОН от Козырицкого, стрелявших свернули в минуту. Такая вот хрень.

Эдик сам ходил вооруженный, любил в руках повертеть свою пушку. Ему, видимо, становилось как-то спокойнее.

Бизнес Эдика процветал, на свою беду решил расширить.

Закупил три тонны эстонской картошки, решил торгануть с наценкой в три процента. Народ был бы доволен. Вот тут-то его и пригласили на стрелку авторитеты, в санаторное казино.

Эдик позвонил мне днем на Петроградскую, спросил совет – ходить или нет. Конечно же, нет, ответил я. Закройся в офисе, на звонки не отвечай, не дергайся и никуда не ходи.

– Хорошо, – сказа Эд. – Никуда не пойду.

Но пошел. И только вошел в казино, сразу открыл стрельбу, запустил в братков гранату. Шум, дым, гам.

Утром мне кто-то позвонил, спросил, знаю ли где Эдик, что-то не отвечает. Стал звонить – молчит. Потом мне опять звонят – в санатории стрельба была, есть труп.

Тогда позвонил в уголовный розыск, подтвердили, попросили приехать. Приехал быстро, мне положили на стол очки – знаю ли чьи? Эда, ответил я. Понятно, сказали в угро, труп в подвале больницы.

Но это не Эд! Это директор овощного магазина на Володарского. Я попросил отвезти меня в подвал, убедиться, что это не Колесников. Меня отвезли.

Сразу после стрельбы в казино, Эда вытащили на площадь перед входом, затолкали в багажник какой-то машины. Тут он и обронил очки, которые мне показали следователи.

Дело осталось «висяком». Потом, много лет спустя, мне рассказали в угро, что убивали в лесу Эдика страшно, «лучше не спрашивай»...

Потом приехали другие ребята, заменили Эда в его таком бизнесе. Как они рассказывали, земельные операции «Стандарта. XX век» не были мошенническими, как то хотели преподать чиновники, те же Козырицкий и Баранов. Землю удалось дооформить, те, кто деньги вложил и из предприятия не вышел, получили свои наделы.

Эдуард Колесников был наивным романтиком перестройки и перестрелки, это его и сгубило, но, сколько погибло по всей стране?

Трагедия с Эдом произошла 6 августа 1993 года.

Им на все и на всех наплевать

Весь 2000-й год был для муниципальной, только что родившейся власти, драматичным. Под надуманным предлогом, используя заявления, якобы написанные парочкой сумасбродных дамочек, суфлером которых был один из руководителей района, Сестрорецкий суд отменил результаты выборов в муниципалитет – сразу по нескольким депутатам. Станным образом, именно они и подписали публичное, опубликованное в газете Заявление с требованием вернуть сестроречанам закрытый родильный дом на улице Володарского. Решение суда наша газета назвала позором районного масштаба.

В тот год сильно было давление на газету со стороны администрации, господина Беглова. Дошло до того, что пришлось обратиться за помощью к тогдашнему председателю Петербургского Союза журналистов, последовал моментальный звонок Беглову, и тот притих. На какое-то время давление на газету прекратилось, но отношения остались натянутыми, как тетива.

Я решил соприкоснуться с чиновниками на абсолютно законных основаниях – делать запросы в ТУКАР (так тогда шифровалась курортная чиновничья вольница). Осенью подготовил сразу 12 запросов, чтобы не скучно было, официально их оформил, их официально зарегистрировали. Стал ждать. Почти на исходе месяца поинтересовался у заместителя главы Виталия Наумен-

ко, как движется творческий процесс. Мы встретились в присутствии юриста.

Ну а дальше случился диалог, который стоит частичного воспроизведения, настолько он показателен и хорош.

Из статьи «Им на все и на всех наплевать...», «В курортном городе С.»:

«...В.Н.Науменко:

– Ответов на ваши запросы, я полагаю, не будет. Александр Дмитриевич, скорее всего, примет политическое решение.

– Это как?

– Это значит никак. Необходимо поставить крест, раз и навсегда, чтобы больше ни с какими запросами не сошлись. Никогда!

– Но ведь в статьях – заботы и боль жителей, их проблемы.

– У теруправления и без этого много проблем. А на каждый ваш запрос нужно несколько страниц текста. Мы только тем и должны тогда заниматься, чтобы ответы писать.

– Вы обязаны это делать, есть законы.

– Знаете, сколько стоит одна бумажка, чтобы ее только на ксероксе вывести? Два рубля 50 копеек. А вы план работы по благоустройству просите, там страниц десять. И потом вы будете в этом плане копать, вам что-то не понравится, вы мусолить начнете – то не так, да это не так.

– А как?

– Нам не надо запросов. У нас много работы.

– У меня мало?

– Вы сами себе такую профессию выбрали. И потом – мы уже ответили на ваши вопросы. В фельетоне.

– Позвольте?!

– Про писающего мальчика в газете «Вести».

– Простите. Это такой своеобразный ответ на публикацию в «Новой газете»? Я-то здесь причем? Может, вы будете со мной общаться через другие СМИ? На запросы нашей газеты отвечать в «Смене»? Или еще где? Почему не в «Коммерсанте»? Хочу в «Коммерсанте»!

– Я же говорю: Александр Дмитриевич Беглов на днях примет по вашей газете политическое решение. Чтобы раз и навсегда.

– Хочу политическое решение в письменном виде. Я его напечатаю...

– Ну, ладно. Вот для примера возьмем один из запросов. По благоустройству.

Достает из письменного стола... чтобы вы думали? Готовый ответ на запрос. Подробный. Действительно, страниц 10. Вижу подпись в сопроводилке. В.С.Хаткевич. План по благоустройству приколот. Говорю:

– Вот видите, вы отреагировали на запрос. По закону. Так и должно быть. Давайте в газету.

– Не дам. Я думаю, Александр Дмитриевич примет политическое решение.

– А если газета подаст в суд? Будет защищать свои права, права читателей?

– Ну и подавайте! Сами знаете – это и полгода, и год, суды у нас так работают. Долго-долго будем судиться. Давайте лучше еще раз про какой-нибудь запрос, на примере.

– Давайте. Про роддом.

– Александра Дмитриевича подставили, он о закрытии роддома ничего не знал.

– Александр Дмитриевич не знал, что на вверенной ему губернатором территории происходят такие вещи? Меня и жителей не на шутку интересует, что будет с роддомом, собираются его ремонтировать или строить новый. Когда начнется строительство?

– Никакого роддома не будет вообще! Не-бу-дет!!!

– Я правильно вас понимаю: Александр Дмитриевич Беглов дезинформировал все население? Через телевидение, через газету администрации, через нашу газету, наконец, мы делали перепечатку из «Вестей».

– Александр Дмитриевич будет иметь бледный вид... если роддома не будет.

– В «Комсомольской правде» было напечатано сообщение, что в больнице №40 открыта палата для родовспоможения. Почему же «Скорая» возит женщин рожать в Кронштадт или в город? Вам известно, что врачи «Скорой» принимают роды в транспорте, необорудованным для этого?

– Вы мне документы на стол положите!

– Я-то положу. Два рубля 50 копеек лист. Скажите, зачем население дезинформируют? Кому отдадут здание?

– Не знаю.

– А население хочет знать и имеет на это право.

– Теруправление не будет работать на имидж журналиста Соловьева.

– А депутатов Совета? Они выступили с Заявлением на стра-

ницах газеты по поводу закрытия роддома, обозначили ситуацию как безобразие.

– У нас много работы. Каждая бумажка – два с половиной рубля! А мы должны только тем и заниматься, что ответы вам писать.

– Обязаны! Закон еще никто не отменял!

– В этом же законе есть статья «Право на отказ». Это когда про нас сообщают ложные сведения, мы можем не отвечать.

– В нашей газете про теруправление были ложные сведения? Когда и какие? Подавайте в суд!

– Я же вам сказал: ждите решения!

Такая интересная, отметим этот факт, дискуссия длилась в кабинете зам. главы теруправления В.Н.Науменко около часа. Надо отдать должное Виталию Николаевичу – за корректность, выдержку и определенного рода мужество.

Уходя из кабинета, я сказал:

– Жду решения Александра Дмитриевича. Лучше политического. Еще лучше – если это будет правильное политическое решение.

...Им на всех и на все наплевать».

Замечательный диалог!

* * *

В конном клубе, что некогда располагался в поселке Солнечное, а потом был, конечно же, снесен под очередной бизнес-комплекс, мне рассказывали, что Виталий Николаевич не ездил за взятками лично, присылал свою жену Марину. Ну, врут же, врут, сволочи! Виталий Николаевич был мил в беседах, корректен и учтив, белый шарфик носил через плечо, как Козырицкий, а тут такое!

Его предшественник господин Белугин, писали в газетах, брал лошадами в парке «Дубки», депутат Кривенченко даже решил поддержать стойло Белугина, переслав туда миллион из народного бюджета. Декларировали, на крышу, а, может, кто и проел.

Должность заместителя главы (строительство, инвестиции, земля, спорт) какая-то уж очень гадкая. Я вот с bald Shurik (лысым Шуриком) больше года на эту тему дискутировал. Он долго не соглашался: хорошая должность, а в Смольный на уровень отдела не пойду. И не пошел. Теперь вот, наверно, уйдут. А ведь хорош был бы на своем посту, каналья!

Shura bald (Шурик лысый)

Коротенькая история про «оборотня в погонах» столетней давности. Она бесстрастно зафиксирована в газете «Биржевые ведомости» 7 октября 1911 года.

Сестрорецкий обыватель Волков оскорбил словами пристава 3-го стана Санкт-Петербургского уезда. Волкова судили и приговорили к тюремному заключению сроком на 6 месяцев. С исполнением приговора жена осужденного и ее трое малолетних детей остались буквально без средств к существованию. 5-го октября Волкова, не имея сил переносить страдания голодных детей, отравилась уксусной эссенцией.

Прошло сто лет, а в Сестрорецке по-прежнему находятся сволочи-чиновники, которые, ворую бюджетные деньги, беря взятки и откаты, еще и судятся, предъявляя к обидчикам миллионные иски за поруганные честь и достоинство, которых, конечно же, нет и в помине.

* * *

– Пришли ко мне в кабинет и шантажируют: мы от Мирыча!

Так, или примерно так, начал было историю оправдания своего грехопадения чиновник в должности одного из заместителей главы администрации по прозвищу Лысый Шурик (bald Shurik).

От Мирыча (говорят, криминального авторитета) за такую-то искренность можно и в лоб получить, но отчаянная борьба за собственную «честь, достоинство и неподкупность» не позволяла вести себя иначе. Шурики – не редкий, но характерный тип чиновников, потерявших ориентиры в болоте административных и чиновничьих координат, в которых они существуют.

В одной очень уважаемой газете спустя год после трения в

мозгах Bald Shurik (Лысый Шурик) так примерно и изложил корреспондентам начало своих невзгод, которые ему устроила газета «В курортном городе С». В уважаемом на всю страну издании даже не поняли, что именно такими публикациями в защиту чиновников-уродов падает и заслуженный авторитет самого издания.

О сути. Она такова – Шурик надоел всему району своими беспардонными и часто противозаконными решениями на вверенном ему посту зама, который отвечает ни много ни мало, а за инвестиции и строительные мероприятия. На таких вот местах чиновники и становятся негодьями, беря взятки направо и влево, уверовав в свою безнаказанность. Они становятся хищниками, для которых тюрьма – будущее.

Но не так-то просто отправить такого Shura bald по этапу, класс нуворишей уже давно соорудил непрошибаемые оборонительные рубежи, фортификации здесь – милиция, прокуратура, суды. Поэтому роль газетчиков – не дать разгуляться чиновничьей нечести, хоть как-то ее приструнить.

Наш конкретный Shura bald успел начудачить сразу на многих фронтах. То он подписывал (не подписывал) гаражные сестрорецкие территории, то чудил с берегом от Лисьего Носа до Сестрорецка, подобострастно выжидая, какому прокремлевскому ставленнику помочь отписать земли и воды Финского залива (правда, здесь он сошка мелкая, на его лысину плевали с высокой колокольни), то принимал недостроенные дома, снисходительно смотрел, как надстраивают незаконные этажи на одной из высоток Сестрорецка, и так далее и тому подобное, несть числа гадких поступков чинуши в перьях.

Кстати, в газетных публикациях мы обвинили лысого и в том, что он катается на лодке, не по меркам финансовым купленной. На чем и сгорел, принявшись утверждать, что лодка-то не его, хотя этот факт немногим был интересен.

Куда смешней поход в прокуратуру этого, не побоюсь сравнения – дурака, который попросил суровое ведомство проверить его карманы на коррупционную емкость, там повертели пальцем у виска. Еще он, не утруждаясь умственным напряжением, указал на некоего предпринимателя, будто тот угнал у него машину. Здесь уже смеялась вся прокуратура, потому что предприниматель, которого имел в виду доносчик и на которого пытался свалить все свои беды, мог без особого ущерба для своего сундука купить таких машин несколько.

Эмоции дрожащего от страха Shura bald довели его до провокационного интервью в своем рабочем кабинете, в котором он резал всю правду-матку про невидимого врага-предпринимателя и оболгавшую его газету.

Дураков надо учить, и с помощью сестрорецкого адвоката Романа Леонова Сестрорецкий суд определил ему рубль (100 копеек) штрафа – то есть отхлестали лысого по воровской физии от имени всех читателей. Смеялись все.

Но урод бы не был всамделешним, если бы остановился. Кто-то подучил занять агрессивную позицию и идти в атаку, и Shura bald стал засыпать суды исками против газеты. В Сестрорецкий суд, который более информирован о пагубной роли bald Shurik и ему подобных в районе, подавать иски побоялся. А попытка создать уголовное дело против газеты, которая обозначила его изображение на игровой карте «шестеркой червей», провалилась. А вот в другом районе города лысый выиграл дважды, якобы за оскорбление и неправду про его помпезные деяния.

Позор, которым bald Shurik накрыл всю чиновничью братию Сестрорецка, очевиден.

Кончит Shura bald очень скоро – на параше в удаленном северном городке необъятной России, это правильная участь подобных негодяев. Будут там ему и строительство, и инвестиции.

Юридической чистоты ради, подчеркну: данная небольшая главка является плодом литературной фантазии, и ни в коей мере не касается человека, о котором ты, дорогой читатель, подумал или догадался. Выкинь из головы непотребные аналогии, соотнеси описанную ситуацию не к отдельно взятому чиновнику, а ко всему чиновничьему классу как таковому.

* * *

Как должен себя вести журналист во время подобной «вендетты»? Одно дело, когда газета обеспечена финансами и исключаются проблемы, от которых у издания пухнет голова. Тут уж не до борьбы с коррупцией, если вообще журналист должен с ней бороться. Ведь можно, в конце концов, скинуть себя нравственное бремя, переложив все на плечи силовых и правоохранительных структур, им по штату положено. Только беда в том, что в наше время зачастую эти самые структуры и прикрывают безобразия. Увы, опыт местного значения.

Финансовая стабильность любого издания гарантирует уверенную линию их поведения. Та же «Новая газета» вряд ли ис-

пытывает серьезные проблемы с деньгами. Но даже мне пришлось столкнуться с ситуацией, когда для критической статьи про одного довольно крупного чиновника из нашего района, пришлось купить газетную площадь по цене рекламного блока. Что же говорить о газете районного масштаба, где глава только бровью поведет, и она сразу становится неинтересна рекламодателям. К чести Виктора Кузьмича Борисова, это его не касается. Ему, конечно же, неприятно, когда о подчиненных ему чиновниках газеты пишут плохо, но поисками конструктивных решений конфликтов он занимался всегда. И это одно из лучших качеств, какое он вынес из партийно-номенклатурной школы советского времени.

Итак, что же районщики? В борьбе с коррупционером, да еще лысым, чиновники газете хотели приписать сведение с ним личных счетов. Только никто не мог пояснить – каких? Вторая версия гласила, что газета выполняет чей-то заказ. Она интересней, хотя бы потому, что газета администрации – «Вести Курортного района», заказная по сути своей от первой до последней строчки.

И все же. Только гласности бояться нечистые на руку. К их числу относятся далеко не все чиновники, что вы, это не так. Однажды корреспондент моей газеты отказалась идти работать пресс-секретарем к главе района Нине Васильевне Кукурузовой, честно признавшись, что в коридорах администрации народ претерпевает одни лишь беды. Хотя это не так. Нина Васильевна, человек мудрый, очаровательная женщина, поняла все правильно, она всегда была миролюбива и внимательна к людям. В критическую для газеты минуту я к ней обратился за помощью и Кукурузова решительно помогла. Занимала она тогда должность руководителя банка «Санкт-Петербург».

Если газета хватается за руку того или иного чиновника (речь не обязательно о взятке, речь может просто о нерадении), это совсем не значит, что все остальные чиновники кидаются защитить его своими мощными спинами. Совсем нет. Могут и помочь в дальнейших действиях, такое тоже бывало, и не только в случаях с моей газетой.

Попытки поставить на место bald Shurik привели к необычным и заманчивым предложениям завершить скандал значительными суммами денег, таких предложений было даже несколько. Но у нас были бы хреновые прокуратура и следственный комитет, если бы увидели в непристойных предложениях коммерческий

подкуп. Во всех этих приключениях достойна позиция адвоката Ромы Леонова. Он даже однажды дал по мягкому месту прокурору района Р., которого вскоре удалили в иной район великого Санкт-Петербурга. Леонов таких опытным глазом метит. На его счету много людей, которых он сумел защитить от бесправия, другое дело, что система не дает защищать многих, а потакает разного пошиба шурикам. Роман Сергеевич помог выиграть два дела у Лысого, еще с двух Shura bald соскочил, побоявшись являться в суды. Получилось: четыре судебные победы при двух заказных проигрышах.

Так вот. Многолетний опыт борьбы с уродствами на районном уровне говорит: не надо клевать всех сразу – они встанут в стойку, и сплотятся. Надо выбрать наиболее яркую, характерную персону «vip», и колошматить ее по мозгам, пока те не выплывут из черепашки. По одному! По очереди! Рассчитайсь! В ином случае журналисты совершают одну и ту же, понятную и объяснимую ошибку, в нее впадают и те оппозиционные издания, которые хотят воевать с шашкой наголо. И погибают сами.

Жаль, потому что могли бы помочь очень многим людям. Это вопросы тактики и стратегии.

Лесные братья

В результате чьей-то провокации, я чуть было не породнился с братьями Зингаревичами. Братья Зингаревичи – Борис и Михаил – очень крупные лесопромышленники, отцы-основатели группы «Илим». Той самой группы, юридические услуги которой оказывал некогда будущий президент Дмитрий Медведев. Кто-то не хило закрутил провокацию, потому что глава района Борисов, был немало удивлен содержанием подметного письма от моего имени губернатору Матвиенко. Удивились и в Агентстве журналистских расследований, да еще поначалу не поверили, но копию «моего» письма с ответами прокуратур разных уровней на Фонтанку.ру выложили.

Письмо было весьма похабным, суть сводилась к тому, что раз Вы, дорогая Валентина Ивановна, никак не реагируете на мои статьи о коррупции господина bald Shurik из администрации Курортного района, то самое время вас тревожить журналистскими расследованиями. В скором времени будут пассажи о вашем сыне-миллионере, а для разминки сообщите, пожалуйста, как это так получилось, что братья некие, Зингаревичи, взяли да без всякого конкурса, а распоряжением правительства города – да-да, Валентина Ивановна, родного вашего правительства! – без всяких положенных конкурсных процедур получили под обустройство отелей исторические здания в центре города. Например, в самом начале Невского проспекта, где располагалась Федеральная антимонопольная служба, но по договору мены ее отправили прозябать на Васильевский, речь шла и о зданиях на Марсовом поле, и на большой Конюшенной... Эка куда хватили!

Впрочем, о братьях Зингаревичах я никогда до этого и не слышал, даже не догадывался об их существовании. А здесь такая мощная телега.

Наконец-то вызвали в горпрокуратуру. Пришел с облегчением, в конце концов, надо было поставить точку в интересной ситуации. Меня внимательно выслушали, даже попросили раз десять расписаться, что и сделал: подделка подписи была очевидна. Забавно, но мне сказали, что еще есть три письма на имя губернатора, аналогичных «расследований». Показывать не стали, итак понятно, что я к провокации никакого отношения не имею.

Рано радовался. На мой адрес в Сестрорецке продолжали поступать пачки писем – из прокуратур, всяких антимонопольных служб и заинтересованных организаций. Вы не поверите: писем, в которых рассказывалось о ходе крупных коммерческих споров в связи с будущими отелями в центре Петербурга, мне пришло не менее двухсот (!!!), и все как на подбор – заказные. Я как дурак (а, может, дурак и есть) дисциплинированно ходил на почту за письмами, заранее зная, о чем они. В конверты были вложены варианты решений, возбуждений и отказов, разбивки на мелкие группы ответчиков – обалдеть от такой ерунды и свихнуться. Наконец, года полтора спустя меня пригласили в Арбитражный суд. Я приехал.

Морили голодом в коридоре. Потом полчаса разбирались. Когда дело шло к концу, я не выдержал и попросил слова. В конце концов – заинтересованное (по документам) лицо.

Я сообщил суду, что никакое я не заинтересованное лицо и никогда им не был. Мне бы в Сестрорецке с Shura bald разобратся. Но было очень интересно узнавать, как движутся дела у братьев Зингаревичей, потому, что я их считаю почти родными, и мы когда-нибудь встретимся. Тем более, чует сердце, они дело выигрывают (через 10 минут и выиграли). Был рад помочь правительству родного города, да и без меня бы справились, по подметному-то письму. И даже газеты не помогают. В интернете была подробно описана вся история. И деловая газета Петербурга «Ведомости» у меня интервью брала, и печатала про то, что я не причем. И крайне удивляют чиновники, антимонополисты, которые, получается, не читают деловых газет, в которых про их дела пишут.

Счастливый вернулся домой. А зря. Чиновники начали меня бомбардировать новым потоком заказных писем, в которых про

то, как идут разбирательства с другими зданиями в центре Петербурга. Такие вот у нас в городе большие начальники.

Провокация, кто ее задумал, безусловно, получилась. Снимаю шляпу. И совсем не исключаю, что представиться возможность даже с помощью братьев узнать – чья такая забава, что имелось ввиду?

«У нас все в порядке, товарищ министр!» и судебные тяжбы

Самый громкий скандал в 1990-м в Сестрорецке случился в разгар лета. Тогда в газете «Ленинградская здравница» появилось Открытое письмо директору Инструментального завода Евгению Николаевичу Соловьеву. Автор письма – известный сестроречанин Юрий Андреевич Цатурян, в то время он трудился главным метрологом завода. Это классическое само по себе (в жанровом смысле) Открытое письмо было корректным, написано с чувством собственного достоинства автора и обнажило огромное количество проблем, связанных с заводским коллективом – от справедливых обвинений в хамском поведении директора и несомненном злоупотреблении служебным положением, выражавшихся в гипертрофированных формах. Обстановка на заводе была накалена до предела, не забудем – бушевала горбачевская перестройка, простые рабочие люди поднимали головы. Почти за год до этого воспользовался редким правом на забастовку один из цехов завода – 6-й, коллектив настаивал на внедрение кооперативных начал и, надо отдать должное мастеру этого цеха Геннадию Толстым, у рабочих все получилось как нельзя лучше. Добрый пример заразительней дурного.

Назревавшее недовольство директором, методами его руководства и хозяйствования, стали главным содержанием письма Цатуряна, его позицию однозначно разделял и поддерживал профком завода, которым руководил тогда Андрей Костров. Незадолго до публикации письма в «Здравнице» состоялась кон-

ференция трудового коллектива, где и был выражен протест. 160 делегатов значительным большинством голосов осудили деятельность директора завода и его заместителя Людмилы Николаевны Рябчихиной, выразили Евгению Николаевичу недоверие. Одна из главных тем, которая подверглась коллективному ору – несправедливое распределение автомашин, купленных в Бельгии на валютную прибыль завода. Евгений Николаевич старался подкормить своих ближайших сподвижников, расписал авто и госпоже Рябчихиной, против которой решительно был профком. И она была не одна такая. Самым скандальным оказалось требование Соловьева выделить автомобиль лично ему. Выяснилось, что годом раньше он обманул своего заместителя Николая Гейгера, отстранив его от причитающихся колес. Дело прошлое, сегодня многое можно и нужно переосмыслить, все мы дети другой эпохи, советская была тоже с выкрутасами, и Евгений Николаевич на каждом углу, к месту и не к месту талдычил: «Я человек государственный, меня на мой пост поставило государство, а профсоюзы – скоты, меня на колени не поставите!»

(Здесь надо добавить, что Евгений Николаевич до последнего «не вставал на колени». Вместе с сонмом прикормленных юристов всюду старался доказать неправомерность результатов заводской конференции. Напряжение не спадало еще целых полгода, пока профсоюзами не было принято решение о проведении 10 декабря предупредительной забастовки. Ее были готовы объявить не менее четырехсот заводчан. Предвидя массовые неприятности, профсоюз станкостроителей надавил на министра отрасли, и решение было принято: назначить выборы нового директора. «Здравница» тогда вышла с моей статьей «Перед взрывом»).

На той же бурной конференции он винулся с трибуны: «То, что я хам – бывает, но то, что и дело делаю – бывает». Секретарь обкома профсоюзов станкостроения и приборостроения сообщил, что накануне министр имел телефонный разговор с Соловьевым, и тот ему доложил: «У нас все в порядке, товарищ министр!» Зал гудел и топал ногами. Я так и озаглавил большой отчет с конференции – «У нас все в порядке, товарищ министр!», газета переходила из рук в руки, прочти и передай товарищу.

Финал газетного отчета оказался еще более взрывоопасным: оказалось, что в то самое время, когда бурлила конференция

в зале, за его пределами, в заводской бухгалтерии по-тихому принимались деньги за автомашины от людей, преданных Соловьеву. Так мимо рабочего класса напоследок и уплыли девять машин из десяти, купленных в далекой Бельгии на валюту, заработанную всем заводом.

Вскоре Евгения Николаевича с должности директора сняли. Его заместитель Рябчихина явно перенервничала, подав на меня в суд за новый имидж «злого гения завода». Это тот самый суд, который и запомнился чудесным казусом, когда Сахновский (общественный защитник от газеты) попросил на четвертый день заседаний объявить перерыв, чтобы статью прочитать...

Новым директором предприятия выбрали Николая Федоровича Гейгера. Аргументировали главным образом так: три года стажировался в Германии, нужны менеджеры с коммерческим подходом, и т.д., и т.п. Все это правильно. Потом завод все равно пришлось продать, самое обидное – американцам. Впрочем, Гейгера здесь вины немного, против предательской экономики государственного масштаба было не устоять. Соловьеву, возглавившему остатки коммунистов на сестрорецком уровне, оставалось лишь сетовать на эпоху.

А однажды коммунисты вышли из подполья и возродились...

* * *

Птичка киви на снегу, которую преподнесла в словесных поисках начальник похоронного бюро Галина Николаевна Бойко, очень долго смешила меня, но, как я говорил, в этом образе и скрыта главная проблема журналистики, т.е.: о чем писать можно, должно и нужно, а о чем не можно, не должно и не нужно. В присутствии или отсутствии птички киви в твоём журналистском арсенале и кроется суть. Для чего ты пришел в профессию? Чиркать в газету о прыгающей птичке киви или о проблемах и неправде, на которые обрекли наше общество власти? Смотреть в рот власть предержащим или критиковать существующие порядки, вернее, беспорядки?

Журналистика меняется, особенно это ощущалось во время и после перестройки, но сегодня уж слишком часто превращается в пародию. Успех журналиста все-таки не в таланте (журналистика – всего лишь ремесло, это мое глубокое убеждение), и не в том, как он излагает то или иное событие, важнее, какой вывод делает. Соучаствует или нет.

По определению и предназначению своему журналистика

должна оппонировать власти, причем, любой власти – исполнительной или какой другой. Даже судебной. Все определяет нравственный выбор человека, его позиция. Читатели быстро сумеют разобраться, где черное, а где белое, на мякине не проведешь. В то же время журналист имеет право на свое личное мнение, не совпадающее с взглядами большинства.

Всегда считал - журналист должен уметь стоять в судах. За время практики в Курортном районе, на газеты, в которых я работал, на мои статьи подавали судебные иски не меньше десятка раз, т.е. по одному-два дела в суде мне было обеспечено ежегодно. И совсем не потому, что неаккуратно пишу, просто люди ширмой «защиты чести и достоинства» пытались приструнить газету или меня лично. Я судов никогда не боялся, хотя они отнимали много времени. Потому что стратегия всех «обиженных» в попытках реабилитироваться, или припугнуть. Среди журналистов районного масштаба во всей России я, пожалуй, единственный, кому в самые разные годы всучили три иска по миллиону рублей. В первый раз такое случилось, когда в районе куролесил небезызвестный Вячеслав Козырицкий, тогда дело слушал председатель Сестрорецкого суда Николай Александрович Костецкий, человек чрезвычайно порядочный, проиграть дело против вороватого главы района я не мог по определению. Второй раз выскочил с претензией глава Солнечного Александр Гришин, местный пивовар по совместительству – в поселке тарыхтел пивной заводик. В третий раз, много лет спустя, решился меня разорить заместитель главы района Скворцов, Александр Николаевич побил рекорд борьбы со мной, на самом деле – с газетой: в течение года он подал на меня и редакцию шесть судебных исков. И когда только работал! Именно поэтому он «человек особого назначения», командирован махровым чиновничеством.

Как проходят судебные разбирательства? Вспомню случай двадцатилетней давности в нашем Сестрорецке.

В самом начале перестройки, когда вся страна становилась на новые рельсы (оказалось, на лыжи), за одну из публикаций в «Ленинградской здравнице» на меня как автора подала в суд Людмила Николаевна Рябчихина, коммерческий директор инструментального завода. Тогда к заводу было приковано большое внимание: предприятие искало новые формы хозяйствования, процесс сложный, но публичный. В статье были фразы, что Людмила Николаевна «развалила завод», она «злой гений

завода». Госпожа Рябчихина очень обиделась, подала в суд, выставила плату и за моральный ущерб – одну тысячу рублей. Тогда это была очень большая сумма, тысяч сто на сегодняшний день. Адвокатом Людмила Николаевна «наняла» своего сына – Костю, что было само по себе необычно и забавно. А так как предполагалось обсудить экономическое состояние заводских дел, я попросил выступить с анализом в недавнем прошлом председателя народного контроля района Наталью Борисовну Губину, женщину замечательную, человека честнейшего – эти ее человеческие и гражданские характеристики были известны всем (и сегодня известны – Наталья Борисовна главврач детского санатория «Дюны»). А предыстория была такова: когда Ельцин запретил органы народного контроля, у Натальи Борисовны оставался единственный шанс сохранить правду о неблагоприятных делах в районе: она, запершись в кабинете на втором этаже администрации на площади Свободы, почти сутки копировала документы, перед тем, как опечатать кабинет. Навечно. Правда это или нет, мне доподлинно неизвестно, но меня очень обрадовало, что Наталья Борисовна согласилась выступить в судебном заседании.

И вот суд идет. День идет, два идет, три идет. Солнце за окном, ветерок свежий. А меня судят. Выступила свидетелем Наталья Борисовна, оперировала цифрами и фактами, приводила неопровержимые доказательства экономического неблагополучия на заводе, и далеко не праведную роль играла руководитель Рябчихина.

Анекдот случился на четвертый день заседания. Слово предоставили общественному защитнику Максиму Сахновскому, его делегировала на суд «Здравница».

– Граждане судьи, объявите, пожалуйста, перерыв. Ну, понятное дело. По нужде и пяти минут хватит.

– Да нет, граждане судьи, я уже четвертый день в суде, так интересно, так интересно, что мне захотелось статью прочитать. Можно?

Челюсти отвисли буквально у всех. Юмор еврейский, но настоящий. Зал грохнул от смеха.

– Объявляется перерыв.

Заявленную тысячу рублей Людмила Николаевна до сих пор ждет. А вот насчет «злого гения завода», решили, что погорячился. В одной из ближайших статей («В огороде бузина, в Киеве дядька») пришлось исполнить решение суда, я так и написал:

«Гений Рябчихина добрый». «Ах, зачем, зачем я в суд подала, народ смеется!» – причитала госпожа Рябчихина. Действительно, зачем?

* * *

Кстати, для себя самого удалось сформулировать впечатления о работе Сестрорецкого суда, за двадцать лет наблюдения. Они благоприятные, эти выводы. Несправедливые решения случаются, но что справедливо для одних – неприемлемо для других. Мне кажется иногда, что в здании суда в Сестрорецке, пусть и новом, до сих пор дух Николая Александровича Костецкого, которого любили многие.

Помню, как он умирал в больнице. Я пришел накануне, на подоконнике лежала библия, которую тихо читала его жена Татьяна Серафимовна. У Николая Александровича засветились глаза, когда я вошел, он долго не отпускал мою руку: «Если не ты, то кто?». Я говорил, что скоро весна, все будет хорошо, но предательские слезы наворачивались у меня на глазах, я все уже понимал. Утром его не стало.

Помню просьбу, ставшую последней: он, тяжело больной, очень хотел увидеть визитку, где было бы напечатано, что он председатель Федерального суда, именно «Федерального», эту просьбу выполнил Евгений Петрович Питовка, он и завез визитки ему домой на Федотовскую дорожку в Разливе.

Хоронили Костецкого совсем рядом со входом на кладбище, и председатель городского суда вручил у гроба ключи от квартиры внукам: была история, когда квартиру Костецкого в Сестрорецке заселила многодетная семья – незаконно, но рука у судьбы не поднялась семью выселять... Было много, очень много людей в день похорон. Именно после этой смерти я понял, что люди не умирают, они уходят. Каждую весну (ушел Николай Александрович 21 марта 1998 года) стараюсь побывать на могиле этого замечательного человека, принести гвоздику, и вот уже рядом появилась могила Татьяны Серафимовны, его жены. Брат Николая Александровича – Виктор Костецкий, заслуженный артист России, работал в Александровском театре, снимается в кино, живет на Кораблестроителей в Петербурге.

* * *

Не закикливаясь на разного рода судебных тяжбах, коих в моей журналистской практике хватит на несколько газет районного уровня, я почти ни об одном не жалею, искренне считаю,

что журналист должен уметь отвечать в судах за свои публикации, просто очень многие коллеги боятся связываться с судами, зачастую справедливо считая судебные передрыги тратой времени с бесперспективным исходом. Отчасти поэтому, впрочем, даже не отчасти, а именно поэтому, журналистика у нас в стране какая-то трусливая, до неприличия подхалимажная, ровненькая и серенькая. Такие, например, газеты исполнительной власти. У меня давно сложилось убеждение, что они почти никому не нужны, пустая трата денег и времени. Газеты должны стремиться к самостоятельности, к финансовой независимости, что практически, однако, невозможно. И тогда у журналиста остаются его совесть, ответственность, а это совсем немало, а очень даже много в наше-то поддобострастное время.

Одной из самых интересных журналисток в районе была Катя Кириллова из Зеленогорска со своей частной газетой «По случаю», газетой зубастой, палец в рот не клади, чертовски талантливо сделанной, и если бы не ошибка Кати в оценке окружающих людей, политических провокаторов, чудесной газете жить бы да жить долго, на такие издания деньги находятся, сторонники помогают. Но заблудившись в политических интригах, сделав неверный в принципе выбор. Катя перестала выпускать газету, загубив росток свободной прессы в отдельно взятом курортном городке.

До нее там было некое изданыце – отвратительное по сути, лживое и оскорбительное для нормальных людей, многие справедливо считали уродливую газетку лишь творческим испражнением некоего непознанного гада. Этого гада однажды подкараулили у выхода из калитки собственного дома и стукнули по голове железной трубой, так он дополз до больничной койки, вызвал телевидение и продолжал оплевывать людей, которые не имели к неблагоприятному действию ударников по головам никакого отношения. Потом он написал донос на сотрудников нашей газеты, в итоге же возбудили уголовное дело по авторским правам, причем инициатором выступил даже не он, а не менее мрачная фигура местного бомжатского бомонда. Когда же зеленогорский адвокат Володя Данилин пытался найти компромисс, чтобы дело замять, мрачная фигура, которую местный священник о. Викентий в разговоре со мной назвал не иначе как сатаной, честно признался, что дело заказное, что это глава района душит газету, и поэтому идет такая вот лабуда. Лабуда, между тем, – уголовное разбирательство – в Сестрорецком суде

длилась несколько лет, в своем последнем слове я с юмором сказал, что за те пять лет, что хожу на судебные заседания, я успел отметить 50-летний юбилей и даже женился, поэтому пора заканчивать. Фамилия судьи – Яковенко, рассудительная и честная женщина, она вынесла оправдательный приговор. К огромному сожалению, это было ее последнее судебное решение в Сестрорецке, уже на следующий день она была уволена, вокруг говорили, что не ладила с председателем суда, утверждать не берусь. Но то, что довелось иметь дело с честным судьей и человеком, у меня сомнений никаких. Я думаю очень просто: если бы таких судей было больше, нам не приходилось бы стыдиться за свои суды, куда люди идут как на Голгофу, заранее обреченные. Справедливости ради надо обязательно сказать, что Сестрорецку с судьями – и Федерального суда, и мировыми – очень даже везет. Из своей журналистской практики я могу назвать судей Александра Малышева и Александра Емельянова, мировых Светлану Моргунову и Анастасию Максимову, Наталью Богданову – все они в разное время вели газетные дела, гражданские и даже уголовные (например, по авторским правам или за «оскорбление»), и судьи очень тщательно рассматривали вопросы.

Рассуждая о подлецах, которые пытались затеять судебные тяжбы с газетой с одной единственной целью – ее удушения, да еще науськиваемые чиновниками – что о них можно сказать? Зеленогорского уродца до сих пор презирают в его городке, несмотря на то, что прошло много лет и, казалось бы, должно все забыться. Не забывается. И уже никто не удивился, когда узнали, что свою жену он выгнал из дома зимой в одной рубашке. И если бы за этот поступок его железным прутиком по чану пригрили еще разок, никто бы не удивился и даже не пожалел. Как никто не пожалел, когда у него загорелись дворовые постройки. На пожарных злились, что приехали, был такой общий грех.

* * *

Безобразное отношение к старикам, ветеранам войны, прежде всего, в нашей великой и могучей принимает часто совсем уж гротескные формы, не поддающиеся здравому восприятию. Случаются такие истории и в нашем районе – здесь мы не исключение, да и можем ли быть исключением?

Летом 2001 года я узнал из газеты «Московский комсомолец» грустную историю про то, как всемогущий «Логоваз» пытается

выселить из дачи в Комарово вдову летчика, Героя Советского Союза Владимира Покровского.

Была некогда в этом элитном поселке «площадка Героев» – когда-то питерские власти (имевшие в советское время остатки совести) дали на улице Осипенко несколько дач героям Советского Союза – летчикам, артиллеристам, танкистам (по легкой дачке на две семьи). Хорошо, правильно. Но годы шли, и герои умирали... Пришло время, в 1998 году умер последний герой – летчик Владимир Павлович Покровский. Соседние-то домики, освободившиеся, уже заселили скромные труженики корпорации Березовского, радостные такие, розовошекие сволочи. И вот осталось «Логовазу» завладеть последним домиком, он уже почти восемь лет на него наезжал, еще при жизни Владимира Павловича, да не получалось: оказалась подписанной значительная часть бумаг на приватизацию хибарки заслуженным человеком, но где-то наверху бумаги тормозились, а Герман Греф дурку гнал, занимался отписками в адрес героя. Старались вмешаться и помочь Покровскому Собчак, Болдырев со Старовойтовой, писатель Михаил Чулаки. «Логоваз» же вел себя агрессивно, наггел.

После смерти мужа вдова Мария Михайловна решила сделать в домике небольшой музей, посвященный подвигу мужа и его товарищей. Такое действие было неприкрытой попыткой спасти летнее жилище от лап «Логоваза».

Подвиг летчика-истребителя Покровского, его товарищей Павла Орлова и командира Бориса Сафонова был воспет в известной книге Валентина Пикуля «Караван PQ-17» – в ней подробно и обстоятельно описан воздушный бой трех наших летчиков-истребителей против 45 фашистских «юнкерсов», и они вышли победителями. В воздушном бою 30 мая 1942 года над Кольским заливом погиб Борис Сафонов, он ушел под воду на глазах экипажа спешившего к месту падения корабля «Валериан Куйбышев» – помочь было уже невозможно. Это был караван «PQ-16», сколько их тогда было, этих северных конвоев, которые под огнем пикирующих немецких «юнкерсов» гибли, унося в холодные воды Северного моря жизни героев-моряков. 45 фашистских самолетов не выдержали тогда, 30 мая, атаки всего троих смельчаков и ретировались к берегам северной Норвегии...

Много чего было в то лихолетье, а вот уродливых «Логовазов» не было. Хорошая статья появилась в защиту вдовы Покровско-

го в зеленогорской газете «По случаю» – «Логоваз» хочет жить на даче героя». Хочет, и все тут!

Потом Мария Михайловна обратилась за помощью к местным газетам, я, понимая всю сложность, привел старушку за руку к знакомым в «Российскую газету» – куда уж дальше. Мы же, вместе с Катей Кириловой, напечатали несколько статей в наших изданиях – и что? «Логоваз», румяный, наглый, самоуверенный подал на газеты в суд. Судья (кто не верит – может поспрашивать у участников той давней истории, у того же Юрия Николаевича Гладунова, он был свидетелем) два дня разгадывала кроссворды, мимолетно слушая стороны, и даже объявила перерыв на несколько минут, чтобы секретарь ей принесла новую порцию газет.

Смешно, но это так! Понимая весь абсурд происходящего, я попросил судью вызвать в суд Бориса Березовского, когда привезут из Лондона. Но в планы судьи такое не входило, это мешало разгадывать кроссворды. «Вы не уверены в Путине?» – спросил я судью.

Но на очередном заседании случилось непредвиденное: вдова героя вдруг отказалась от всяких претензий на дачу, заявив, что к нам, журналистам, вообще за помощью не обращалась, у нее с «Логовазом» все хорошо и дружно, полюбовно все решено.

– Сегодня ваш муж перевернулся в гробу! – резко отреагировала Катя Кириллова, обращаясь к вдове-предательнице на выходе из суда.

И тысячу раз была права Катя.

Газеты выплатили иски «Логовазу». В сучьи конторы Березовского наша редакция заплатила 13 тысяч рублей, Катя – три тысячи, пусть, в общем, скоты подавятся.

К счастью, случаи, когда люди обращаются в редакции за помощью, а потом так вот подленько открещиваются, крайне редки, их почти не бывает.

Расстрелять, как бешеную собаку!

Попался как кур в ошип. Попался совершенно неожиданно, потеряв всякую журналистскую бдительность.

Но сначала чуть-чуть о другом.

В августе десятого года я вместе с коллегами выступал в прямом эфире кабельного телевидения, весьма рискованном для власти мероприятии (потому что эфир прямой), но ведущий Алексей Кириянов, художник вольный не только в картинах, но в своей телепрограмме «Диалог у озера» разбавил мое присутствие в эфире редакторами сестрорецких газет Ларисой Шаймухановой и Алисой Лисициной – или настояли, чтобы разбавил, я сначала планировался в воздухе один, но получилось даже лучше. Я же передачу вспомнил потому, что сказал в эфире: в советское время давление власти на прессу ощущалось меньше, чем сегодня, когда кругом якобы демократия.

Потом я, конечно, себя корил, ведь и в советское время давление было, правда, переносил лично я надругательства эти как-то играючи, воспринимал как должное, и неизбежное зло в профессии, которое ремесло. Относился к случаям наставлений и вычеркиваний довольно спокойно, было четкое понимание, о чем можно писать в газете, чего нельзя. В журналистике советского времени на все сто преобладал конформизм. Мы были детьми системы и, надо сказать, вполне серьезно, доверчиво и до смешного трепетно относились к «материалам очередного съезда партии» очень долго, пока не пришло понимание истинной сути происходящих вокруг событий (через те же кухни и ночные бдения на поэтических тусовках).

Очередной, далеко не первый к тому времени, шаг в сторону оппозиции местной администрации случился в бытность главой района Александра Дмитриевича Беглова, человека своеобразного и уж точно неординарного. Началось с момента, когда Евгений Петрович Литовка, гендиректор «Курортэнерго» и отец родной газеты «В курортном городе С.», привез в редакцию на Морскую улицу Беглова, поздравить с первым днем рождения газеты. В двух комнатах были накрыты скромные столы и прозвучали нескромные речи. После добрых и дежурных поздравлений главы я сказал, что лучшим подарком будет, если глава вмешается в судьбу роддома на Володарского, его буквально утром неожиданно закрыли и работники роддома просили помочь.

Александр Дмитриевич угрюмо потирал подбородок, ничего не обещал. Тогда депутаты-муниципалы выступили с открытым письмом в адрес власти в газете. Позиция была однозначной. Началась бодяга с выяснением отношений.

Надо сказать, Беглов старался сделать так, чтобы точка зрения газеты изменилась. Стратегический замысел был таков: газета администрации и моя, как весьма независимая в суждениях, по важным для власти вопросам должна гнуть одну линию, потому что официальной газете люди почти не верят, а если и верят, то в меньшей степени. Поэтому надо «играть в футбол», т.е. «пасовать друг другу» – дословный инструктаж господина Беглова. Мне предложение не очень понравилось, если не сказать, не понравилось вовсе.

С тех пор на газету начали давить. Гнобили просто: дали команду рекламодателям не давать в газету никаких объявлений. Это был существенный финансовый удар, газета была почти готова к закрытию.

Надо отдать должное Евгению Петровичу Литовке: он стал давать деньги на газету из собственного кармана. Так поступали и другие руководители и бизнесмены, не все, правда. Делали это тайно, не афишируя помощь, предполагалось, что о ней никто знать и не должен. Кстати, в газетах это довольно частое явление, когда спонсоры просят не афишировать их имена. Ты и хочешь человека поблагодарить на страницах номера, а он категорически протестует.

Первый звончок раздался довольно скоро. Вдруг позвонила следователь прокуратуры Л. Через пятнадцать минут я был у нее в кабинете.

Заполнила какие-то бланки.

– Вы работаете с порносайтом «Голубая орхидея»? – спросила она строго.

– Не понял, – ответил я, – ну и шуточки.

Показала мне газету с веселой статьей про десять способов соблазнить одноклассницу, Замечу, что номер газеты вышел 1 июня, в День защиты детей.

Шла пятая или шестая страница протокола.

– Ну, про статью о соблазнах.

– «Московский комсомолец», номер такой-то, перепечатка. У следователя выпала из рук авторучка.

– У вас дети есть? – спрашиваю.

– Есть, мальчик 12 лет, а что?

– Дайте ему прочитать, пусть посмеется, – говорю. Вскоре я вновь был в редакции. Только уселся за стол, затрещал телефон:

– Приемная главы района, секретарь. Мы же не хотели ничего плохого, вы нас понимаете?

– Отлично я вас понимаю.

Но все равно влип. Вдруг пригласили на коллегию администрации. Тема – работа власти с прессой, порочные связи. Пришел, дурак. Уселся почти в последнем ряду.

Сначала выступила Лена Лапицкая, редактор «Вестей». Минут десять рассказывала, как работает, совершенствуется газета чиновников. Хорошо работает, в правильном русле совершенствуется. Потом на трибунку пригласили меня. Что-то там рассказал, и про то, что газета должна критиковать и конструктивно буйствовать, не быть белой и пушистой, об этом тоже вбивал. И спокойно вернулся в калашный ряд.

Вдруг кто-то стал выступать и обрушил на газету кучу гадостей.

Из ряно выступавших помню кое-кого из муниципальной власти и одного юриста, который на мой возмущенный выкрик в зал, что позор – устраивать 37-й год, заорал как недорезанный свин: «Сталина на него не хватает!».

Имя этого человека я называть не буду, он очень уже стар.

Председатель Совета ветеранов Павел Андреевич Кузьмин вышел на трибуну и стал говорить как-то примиряющее, по-доброму, умудренный опытом был человек, царствие ему небесное и светлая память!

Ошарашенный истерией местного Вышинского, я вышел из

зала совершенно оплеванный, но как ведь попался на удочку, пришел на чиновничий сходняк, на который не следовало ходить в принципе!

Не чиновникам газеты учить.

Как говаривал бывший министр обороны Иванов, газеты финансировать надо, а не воевать с ними.

В отставке теперь.

Петрович

Евгений Петрович Литовка, ныне пенсионер, в жизни многих людей, которые его окружали и окружают, в должности генерального директора «Курортэнерго», да и после, всегда был искренне любим сестрорецким народом. Я познакомился с ним много лет назад, когда напечатал в «Здравнице» какую-то мелкую заметку про «Ленсвет», нарушив одну из букв в его фамилии, тогда в редакции и раздался его телефонный звонок: «Литовка я...».

Мне почему-то это запомнилось, были в разговоре какая-то добрая интонация, добродушие. Потом, познакомившись с Евгением Петровичем ближе, не раз убеждался в этих его превосходных человеческих качествах, и о них знали сотни людей, кто с ним сталкивался.

Потом мне пришлось уйти из Сестрорецка. Я жил с матерью в одной комнатке метров 12, это было на Введенской (Олега Кошевого) улице, сестре Ольге с моими племянниками Олегом и Пашкой (ее сыновьями), предоставили две большие смежные комнаты в этой же коммунальной квартире. Понятно, что необходимо было вырываться из нашей маленькой комнатки на двоих, что-то делать.

Начиналась дикая перестройка, вперед вырывались те, у кого мозги были посвежее и на месте, я решил создать рекламную газету. Шарикоподшипники в мозгах завертелись с уклоном в сторону экономики и финансов. Вместе с рекламным агентом Антошей Шиловым, мы организовали АОЗТ на подножке ухо-

дящего поезда, невесть откуда взявшиеся проходимцы помогли нам зарегистрировать частное предприятие, аккурат

в день резкого повышения Ельциным платы за регистрацию, на нашу закрыли глаза... Рекламная газетка в городе застрекотала квадратными сантиметрами, через некоторое время я и Антоша уже ворочали миллионами (по меркам тех лет), рекламное колесо завертелось и не было никакой возможности остановиться. Было много веселых и печальных историй, бывало, и нас кидали, все как полагается в диком бизнесе, дело прошлое, и неизвестно, чем бы все завершилось, если бы не ошибка налоговой. Нам всадили какой-то штраф, он стал расти в катастрофической прогрессии. Через две недели мы с Антоном собрали рекламных агентов, накрыли стол, и подвели черту: бизнес кончился. Все танцуют, все довольны, веселы, счастливы, талантливы.

Буквально за полтора-два года рекламных авантур купил двухкомнатную квартиру, решил другие вопросы, хватит. Ту же задачу выполнил и Антоха Шилов. Сегодня он издает несколько газет районного масштаба.

Тогда же, когда мой новый (совместно с сестрой) проект не очень-то ладился, в редакции газеты «Нева-курьер» неожиданно раздался звонок. Звонил из Сестрорецка Литовка, попросил к телефону меня и спросил, могу ли я приехать на разговор. О чем речь, конечно, могу. И на следующий день сидел в кабинете Евгения Петровича на Коммунаров, он долго мне рассказывал об одной из проблем храма в Тарховке. В свое время в «Здравнице» я напечатал несколько статей, в них призывал власти отдать храм верующим, не ставить палки в колеса.

Часа два сидели с Евгением Петровичем и разговаривали, обо всем договорились, а когда собрался уходить. Литовка, почему-то краснея, протянул мне пачку денег: «Это верующие собрали, на помощь газете». Я удивленно отодвинул деньги: «За помощь в церковных делах брать нельзя». Он опять пододвинул пачку. Я – обратно: «А верующие в банковских упаковках жертвуют?». Евгений Петрович краснел, чувствуя неловкость, я же не мог взять искренне. Мы пожали друг другу руки, и я уже, направляясь к двери, вдруг говорю:

– Евгений Петрович, вы знаете про первые муниципальные выборы?

– Нет.

– Будут такие. И будет наезд криминальных структур на го-

род, это как дважды два. Давайте участвовать, сопротивляться, газету создадим под это самое дело.

Так родилась газета «В курортном городе С.». Возвращаясь в ту позднюю осень 1996 года, когда состоялся разговор в «Курортэнерго», задаю себе вопрос: а согласился бы Литовка создать газету, если бы я взял тогда банковскую упаковку «от верующих»? Думаю, нет.

Статья в одной из городских газет тогда появилась, но она никак не помогла решить возникшую в Тарховском храме проблему, а вот к разговору о газете и выборах мы с Евгением Петровичем вернулись. Он посоветовался с друзьями-директорами других предприятий (прежде всего, хлебозавода и «Спектранса»), увлек их. Я несколько дней придумывал название газете, обсуждал с Евгением Петровичем логотип. И, наконец, вздохнул с облегчением: тяжелое и нудное-рекламное дело осталось позади, а здесь появилась возможность делать газету практически частную, во многом свободную, это подбадривало.

И надо же такому случиться: в самый момент, когда газету зарегистрировали, произошла смена власти в районе – руководить пришла Нина Васильевна Кукурузова, до этого возглавлявшая банк «Санкт-Петербург». Женщина, как оказалось, замечательная во всех отношениях, а пока ее еще не знали, ко мне на площади Свободы подошел Володя Кореньков:

– Пойдем, познакомлю с Ниной Васильевной, газету создадим, редактором будешь, все решим.

Я не открылся Коренькову, что уже через несколько дней выйдет первый номер новой газеты, сказал Кузьмичу спасибо. И через несколько дней – 15 февраля 1997 года – первый номер газеты вышел, власти были ошарашены: передовая статья (на две полосы) называлась «Вверх по лестнице, ведущей вниз» и была посвящена выкрутасам чиновникам нашей администрации, вернее администрации Козырицкого. Нина Васильевна к грехам предшественника, естественно, никакого отношения не имела, на первое же предложение интервью согласилась, назначила встречу в своем кабинете. За несколько часов до знакомства, собрались директора у Литовки, были Сергей Александрович Гудков, Константин Николаевич Давыдкин, Александр Александрович Ваймер, Татьяна Сергеевна Федюнина, еще руководители, человек десять, о чем-то говорили, скорее всего, о будущих выборах. И кто-то рассказал, что у Кукурузовой на пальцах чуть ли не пять огромных перстней с бриллиантами, и

что же нам делать с такими дамами в руководстве? Я говорю – через пару часов у меня встреча с главой, я посчитаю, сколько на пальцах колец с бриллиантами, и какого они достоинства. Дружно посмеялись.

Вчетыре дня я был в кабинете. Нина Васильевна встретила приветливо... – нарочито, ну настолько нарочито! – постукивая пальцами по столу, что невозможно было не понять сигнал: никаких бриллиантов, молодой человек, никаких. Я улыбнулся.

Нина Васильевна оказалась приветливым, очень дружески настроенным человеком. Уже через пару номеров в газете появилось большое с ней интервью, и все время у редакции были конструктивные отношения с чиновниками. Одним из самых главных достоинств Нины Васильевны было умение сплотить, сдружить, сделать так, чтобы все обнялись, забыв распри и недоброжелательность. И директора стали также относиться к Кукурузовой.

Можно вспомнить о казусе, который случился на праздновании ее пятидесятилетия. Он, этот казус замечателен.

Нина Васильевна принимала поздравления целый день, попеременно приглашая к столу в рабочем кабинете делегации и колонны поздравляющих. После глав городских районов, в зал вошли директора, некоторые руководители, был среди гостей и я. Сел за стол рядом с Литовкой, тамада Ваймер пообещал провозгласить 33 тоста. И дошел-таки до конца! Последний спич был необычен:

– Жалюзи поднять! – приказал он непонятно кому, но они были подняты. – Пятьдесят залпов в честь юбилея?

Ваймер махнул рукой куда-то за окно, в этот момент все сгрудились у окон кабинета Кукурузовой. На площади Свободы стояли солдатики и палили в небеса. Лицо Нины Васильевны побледнело.

– Я не просила! Я не заказывала! – схватилась она за голову.
– Хорошо, губернатор не видит!

Губернатор Яковлев был в Канаде.

А перед этим с тостом поднялся Литовка:

– Я, Нина Васильевна, сейчас отдыхаю в «Белых ночах». Книгу читаю, про камни. Вот камень лазурит означает борьбу с коррупцией. На вас платье лазуритовое. Я хочу вас, расцеловать как самого верного борца, таких в районе еще не было.

Замечателен подвыпивший Петрович! Он был всегда симпатичен, по-человечески притягателен.

К нему люди тянулись. К нему можно было придти и поплатиться. Он помогал многим и мало кому отказывал. Кажется, не умел отказывать.

Тогда, осенью 97-го, состоялись первые выборы в муниципальный совет. Директора без особых проблем прошли в депутаты, это было неудивительно и как-то естественно. Но волну клеветы и неправды на них все же погнало. Рассказывали байки про какие-то дома Литовки, бредни про Гудкова и Давыдкина. На вторых выборах, через два года, директора так вырвались вперед, что рядом никто не стоял. Имею в виду команду Толика Кривенченко. Но результат тех выборов оппонентам удалось оспорить, директора обиделись и в предвыборных играх-гонках больше не участвовали. Особенно обиделся Сергей Александрович Гудков, директор хлебозавода, но тогда все имели право на это. Начиналось укатывание муниципальной власти. И история, когда депутаты совета выступили с протестом против закрытия роддома в Сестрорецке, единственного на всю округу и окрест, куда возили даже рожениц из Рошино, была тем самым поводом, с которого все началось. В необорудованных «скорох» по пути в кронштадтский роддом умирало до четырех младенцев в год... Эти факты скрывали. Позорно повели себя в то время журналисты из газеты администрации, которые убеждали читателей сказками о грибке на стенах и гниющих несущих балках. Правда же была в том, что на это здание «положила глаз» жена губернатора Яковлева, Ирина Ивановна. Но губернатора потом ушли, а роддом не вернули.

* * *

Петрович оказался тем человеком в моей жизни, который сделал, казалось бы, невозможное, то, что не удавалось моим любимым, родственникам и друзьям – он вынудил меня бросить пить. Увлекался я этим делом крепко, единственным плюсом было, что никогда не боялся, когда меня брали в оборот врачи. Мы временно понимали друг друга – организму то и дело требовалась передышка. А так... Не выпить, не покурить – странный, нездоровый образ жизни. До белого каления тоже напивался.

А тут началась первая выборная кампания в Сестрорецкий совет, а я завис. Искали меня пару суток. Нашли у Баймера в ресторанчике, неожиданно приехал Петрович, приказал садиться в машину и увез в город. Спросил, где любимые врачи и доставил прямиком к ним. Несколько часов сидел рядом у

койки, пока откапали, держал за руку. Откапали, а на следующий день я имел с Петровичем серьезный разговор. Без подробностей, но после медицинского вмешательства, на котором Петрович и настоял, я бросил пить уверенно и надолго. С тех пор и не пью, прошло пятнадцать лет, а не пью. Не тянет. За столом лишь посмеиваюсь над теми, кто поднимает стаканы и провозглашает смертельные тосты.

Забавно. Иногда грустно. С кем-то поговоришь, посоветуешь отречься от спиртного. Советы мы слушаем, а не внемлем.

Про курение кто только уши не прожужжал. Однажды встретил в коридоре администрации директоров – Литовку, Гудкова, Давыдкина. Они были в белых шарфах и сосали трубки. Трубки были холостыми, но они боролись тягой к никотину. Потом Литовка и Гудков бросили. У Давыдкина не вышло.

А я не собирался бросать. Сначала: выпить и не закурить – как такое возможно? Никак! Сторонников такого оправдания порока среди мужиков много, даже чересчур. Так что остается ждать, пока рак свистнет. А он обязательно свистнет. Мы просто в это не хотим верить, а когда инфаркт хватит, то и выбор проще, ближе и убедительней – не пить, не курить. А куда болячек нет, самоистязание продолжается.

Когда узнал, что Петрович курить бросил, очень тому удивился. Но на мое решение не курить это тоже, несомненно, повлияло.

Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет. А если серьезно, и победа над недугом курения одна из самых больших побед в жизни.

* * *

Самым главным делом перед своим уходом на пенсию Литовка определил строительство храма. Храм решил воздвигнуть в поселке Александровская, неподалеку от платформы. Место выбрал удачное, на легком холме. Его долго не согласовывали, но упорства Литовке не занимать.

К тому времени уже был восстановлен и засиял во всей первозданной красе Храм великомученика и целителя Пантелиимона в Тарховке. Уже шли богослужения, совершались крестные ходы, и очень далеким казался день, когда вокруг будущего храма совершили первый крестный ход, свечи стояли на снегу, помню тот святой рождественский день января 92-го. И люди молились тогда, плакали, веря и не веря, что пришла правда к порушенному в сталинское лихолетье храму.

Литовка хотел построить храм, с чистого листа.

Петрович истинно верующий, как-то сказал: «Такие вещи не обсуждаются». Очень достойный, праведный взгляд. Евгений Петрович подключил к делу сторонников – из санатория «Сестрорецкий курорт», друзей-директоров, помогла великая оперная дива Ирина Богачева, она соседка Литовки через забор. И через несколько лет Храм Рождества Пресвятой Богородицы возвысился, воссиял, но как бы всегда здесь и стоял, такое ощущение у людей. И когда видишь в храме Евгения Петровича с супругой Ядвигой Аркадьевной, всегда радуешься этим святым людям.

Два Ленина

Отец Сергея Александровича Гудкова, многолетнего директора нашего хлебозавода и с недавних пор пенсионера, Александр Никитович – двойник Ленина. Еще как похож! Еще удивительнее, что двойником вождя оказался и дядя Сергея Александровича – Валентин Никитович.

Судя по отзывам, Гудковы вжились в образ вождя мирового пролетариата весьма основательно, особенно гордился сходством Александр Никитович, получив даже международное признание. Он до того вжился в роль, что стал искренне верующим коммунистом, в отличие от брата Валентина. Отец же братьев – Никита Евстратович – был в Петрограде депутатом первого созыва, комиссаром по борьбе со спекуляцией на Балтийском вокзале. Он видел настоящего Ленина, восторгался им, как и тысячи, миллионы людей того времени.

В одной из статей рассказывалось, как во время семейных застолий часто исполняли «Интернационал», «С нами Ленин впереди». Видимо, для маленького Саши (того самого, который много лет спустя и возглавил Сестрорецкий хлебозавод), ставили в граммофон пластинку с «Лунной сонатой» Бетховена.

Два Ленина в одной семье – случай уникальный сам по себе. И замечательный.

Александр и Валентин Никитовичи увлеклись эстрадной деятельностью, много снимались в кино, становились натурщиками для советских скульпторов, даже для самого Аникушина.

Однажды в «Курортэнерго» отмечался праздник – открытие новых помещений на улице Коммунаров. Столы были расстав-

лены прямо в холле. Литовка пригласил и Нину Васильевну Кукурузову, которая была главой района к этому моменту уже целых три дня.

И вдруг «с балкона» (со второго этажа) разнеслась громкая речь Ленина. Вздروгнули все, глядя наверх. Эффект был достигнут.

Потом Ленин спустился и сел за стол. С ним с удовольствием чокались фужерами с водкой. Ленин и тосты сопровождал революционными лозунгами. Нина Васильевна Кукурузова тоже соглашалась: «Долой буржуазное правительство!».

Ленин понравился всем. И глаза такие у него были добрые-добрые, искрились хитринкой.

С детского сада знакомый портрет.

Вишневский

Андрей Вишневский одна из самых интересных фигур на сестрорецком политическом поле. Доподлинно известно, что у Андрея немало недоброжелателей, завистников, против него то и дело кто-то плетет паучьи сети, он же умело избегает западни, лавируя между нитями паутин. Человек, который научился обороняться, не допуская ситуаций до громких разборок оппонентов и конкурентов, которые спят и видят, как тому насолить. И это уже немало, к тому же способствовал опыт работы в кафе «Былины», которое когда-то прилипло к Сестрорецку в самом начале улицы Воскова, неподалеку от вокзала. Конечно, он что-то делал, вертелся и крутился, крутился и вертелся, но у оппонентов и недругов только и осталось «в аргументах» его любовь к игре на бильярде. Впрочем, в бильярдных шарах он точно знал и знает толк, но почему для кого-то такое занятие видится пагубным и ставится в упрек? А потому, что нет аргументов более сильных, чтобы «свалить в борьбе». Вишневского многие пытались укусить, например, даже коллеги в рамках муниципального «сотрудничества».

Я не собираюсь рисовать ангела. И Вишневский без белых крылышек. Да и все мы далеки от ангельских примет.

Оценка людей, которые живут и работают рядом, не благодарное занятие, и в тумане ежику понятно, что у всех и плюсы, и минусы, полный набор хромосом.

Ведь нельзя же, например, о человеке говорить только в положительных или отрицательных тонах, несмотря на разного рода чудачества.

У нас любят мазануть бякой, особенно во время выборных компаний. Если ты кандидат в депутаты, даже муниципальные, то у тебя уж точно скрывааемый от народных глаз особняк. Где-нибудь даже недалеко, в Монако. Обыватель на это дело ведется, но так иногда и достигаются результаты. И карьеры многих неплохих людей рушатся, гибнут.

Но я не о надоевших до оскотины выборах разного рода, в коих моя газета дока и заслуженный инвалид с детства (потому что и была создана под первые муниципальные выборы в уже далеком 97-м). Я все-таки об Андрее Вишневском.

Многие спрашивали о наших отношениях, особенно после того, как я перестал быть выпускающим муниципальной газеты «Здравница». Конечно, расставание с почти родным и любимым изданием было не очень корректным, когда меня отстранили от газеты без малейшего разговора со мной, Андрей признал эту ошибку и некорректность. Мне же понятно, что надули в уши в чиновничьих кабинетах на площади Свободы. Но не перечеркнуть куда более тесные добрые отношения, какие сложились между нами за несколько лет общения.

Гораздо важнее, что удалось сделать вместе. Первое и главное: получилось создать «сестрорецкую библиотеку», нам удалось сдвинуть с мертвой точки краеведческий и литературный пласты, когда в городе и районе впервые появились хорошие и солидные издания на военную тему, вышли четыре тома «Истории Сестрорецка и его окрестностей», книги местных авторов, в том числе и стихотворные сборники. После инициатив Вишневского и Зеленогорск, и поселки стали выпускать книжки о своей истории, это замечательное дело раскопчегарилось.

Многое зависит от лидера, даже от его пристрастий. Сестрорецку повезло в равнодушии Вишневского к истории, к литературе, к которым он вместе и со всеми приобщается, повезло и в его любви к спорту, в первую очередь, к футболу. Именно его настырность и настойчивость дали толчок к созданию футбольных стадионов и полей в Сестрорецке, он крепко дружит с ветеранами «Зенита».

Гараев

Владимир Закирович Гараев, один из тех людей, в ком сразу же ощущаются надежность, твердость, уверенность. За долгие годы общения мы по-настоящему подружились. Водолаз по воле и милости божьей, он увлеченно рассказывал о подводных подвигах и приключениях. В последние годы его водолазная команда, где он, естественно, командир, трудится в Кронштадте, и Гараев крутится между Сестрорецком, островом и Рамбовом, и ему не надоело, хотя достиг пенсионного возраста.

Жена Закирыча работала много лет в библиотеке пансионата «Взморье» в Солнечном, Володя трубил на спасательной станции на самом знаменитом пляже побережья, там же. Потом его выбрали председателем муниципалитета, на следующий срок он уже не пошел, но завязалась долгая борьба с депутатами-расхитителями, вернее, с членами их административной команды. Эта команда умудрилась построить на улице Вокзальной, под видом баньки под народные нужды, кабак, а потом еще и блок танхаузов. Возмутительную эту историю Гараев и газета «В курортном городе С.» довели до суда, нерадивый Муниципальный совет разогнали.

Раиса Гараева перешла в библиотеку в Сестрорецк, создала здесь краеведческий центр, стала издавать краеведческие сборники и написала прекрасную книжку про историю Солнечного.

А Закирыч – символ настоящего крепкого мужика, порядочного, не сдающего позиций, не жалующегося.

Его любили жители Солнечного. Он как-то незаметно всем помогал, кого в магазин в Сестрорецк подбросит, кого в баньку попариться, кого в поликлинику. Тепло к нему относилась семья Павла Кирилловича Билик, последнего в поселке фронтовика. Павел Кириллович любил надевать на лацкан пиджака боевые ордена, я его фотографировал с этими наградами на пиджаке.

А потом Павел Кириллович умер. И хоронили его в Песочном, здесь на кладбище хорошая земля, сухая. Склонился Закирыч над гробом у развернутой могилы и тихо сказал: «Вот и твой последний окоп, Павел Кириллович!» И так тепло сказал, с такой любовью к ушедшему товарищу, я сразу понял – Закирыч произнес самые точные и нужные слова последнему фронтовику Солнечного.

Теплые и доверительные отношения связывали Закирыча с семьей великого оперного певца Бориса Тимофеевича Штоколова. В огромном деревянном особняке Бориса Тимофеевича я побывал пару раз уже после смерти певца. Помню, как узнал о смерти: 7 января у Пасхальной библиотеки в Сестрорецке собралось множество верующих, отмечали Рождество Христово, Игорь Коневиченко тогда еще только начал организовывать в Сестрорецке церковные празднества. Кто-то в народе и сказал, что по радио сообщили о смерти Бориса Тимофеевича. Я понял, что Владимир Закирович будет участвовать в организации прощальных печальных дел, и еще понял, что Солнечное потеряло очень много с уходом из жизни Штоколова. Жители поселка всегда гордились именем своего земляка, что он их сосед. Гордятся и его потомками: замечательная внучка Бориса Тимофеевича – Катюша, была первой выпускницей из Солнечное, кто окончила школу с золотой медалью, а внук Константин стал депутатом местного совета, вслед за отцом, безвременно ушедшим из жизни. Смерть сына Александра Штоколова, тоже депутата Муниципального совета, также сыграла горькую роль в судьбе Бориса Тимофеевича.

Огромный деревянный особняк в Солнечном – символ уходящей эпохи искусства, великого оперного искусства, понимание которого сегодня, скорее всего, уходит. Но кажется, над поселком, чтобы с ним не происходило, как бы он не менял свой облик, какие бы особенности с ним не случались, будет раздаваться голос великого певца:

Гори-гори, моя звезда...

Мне очень хотелось, чтобы юбилейный вечер газеты «В курортном городе С», когда ей исполнилось десять лет, вела вместе со мной юная Катя Штоколова, она волновалась, но справилась: мы по очереди довольно весело читали историю газеты. После чего уселись за праздничный стол.

* * *

Изумительный анекдот из жизни Володи Гараева, водолаза по жизни и по призванию, но однажды в силу обстоятельств поработавшего в музее «Пенаты» в Репино электриком.

Директор музея (дело случилось давно, поэтому не будем называть это имя), уходя на несколько часов, вскользь этак, невзначай говорит Гараеву:

– Владимир Закирович, вот придумать ничего не могу: трава вокруг фонтана нескошена, а Лев Гумилев через час придет, сил нет, рук нет, ничего нет, никого нет, денег нет.

И ушла. Приходит часа через четыре, видит сцену: Закирыч траву косит.

Шашкой! А шашка со стены! Со второго! Этажа! Музея!

Это с нее, именно с нее великий Репин писал шашку на поясе казака с чубом, писавшего письмо самому! турецкому! Султану! В Запорожье! На острове! Хортица!

– Во... Во... Володя! Что вы делаете, Во...!

И уже в обморок готова упасть хранительница сокровищ репинских пенат.

– Траву кошу, газоны ровняю, чтобы красивше было! – гордый за доброе дело, отвечает Закирыч.

– Да это ж... Да что ж...

– Да не волнуйтесь же вы понапрасну! Я клинок наточил, шашка остра, как коса настоящая!

Обморок.

«Благодарная, благородная женщина!» – решил Гараев, сгреб траву в стожок, и пошел навстречу экскурсантам, вешать раритет на законное место.

Березы ее детства

Суть истории: несколько лет назад в редакцию «В курортном городе С.» стали приходить письма из далекого украинского города Измаил. Писала пенсионерка Изабелла Петровна Воронова. Она в каждом письме присылала стихи, среди них есть посвященные Сестрорецку. Эти стихи пылали горестью и ностальгией, потому что история самой Изабеллы Петровны трогательна и печальна. О ней рассказывала редакции и Зинаида Никитична Мартынова, сестроречанка, награжденная многими орденами и медалями за участие в войне.

Родилась и выросла девочка в Сестрорецке, жила на улице Коммунаров в доме номер пять, том самом, который был первым по улице от вокзала и который сгорел дотла всего несколько лет назад. Как полыхал дом, видели многие, пожар произошел среди бела дня, и я видел, и жена Марина.

За несколько лет до начала войны погибла мама Изабеллы, она работала в гостинице «Астория» в Ленинграде и, возвращаясь домой, попала под трамвай. Изабелла помнит, что на похоронах было очень много народу.

Началась война, отец поцеловал спящую дочь и ушел на фронт. А до этого работал в гаражах на инструментальном заводе. Девочку он оставил на попечение сестры.

Маленькая Изабелла однажды проснулась и побрела по железнодорожному полотну к станции Разлив. Заблудилась, здесь ее и подобрали. Изабелла оказалась в эвакуации в одном из сибирских детских домов. Такова была судьба десятков, сотен, тысяч ребятишек военного времени.

После войны Изабелла много работала, даже оказалась в

Гусь-Хрустальном, вышла замуж, но неудачно. От мужа ушла, на руках двое сыновей. Вот и уехала далеко – в Измаил, на Украину, здесь в селе Муравлевка у нее глиняная белая хата, огород.

Один из сыновей пропал без вести, второй успешно врачевал в Измаиле – лечил от влечения к курению, построил здесь огромный дом, с садом и бассейном. В дом вела очень большая и очень крутая бетонная лестница.

Изабелла Петровна была известным в здешних краях поэтом, выпустила большой сборник стихотворений, среди самых первых стихов – стихи о Сестрорецке, городе ее детства, в который она так и не смогла вернуться, но по которому плакала, вспоминая березки на кладбище, где похоронена ее мама.

Редакция обратилась к главе района Виктору Кузьмичу Борисову с просьбой пригласить пожилую женщину на праздник Победы, 60-летие. И он ее пригласил.

Изабелла Петровна приехала в сопровождении внучки Дианы. Встретили их на вокзале я и Кривенченко, мы довезли гостей до пансионата «Дюны», подключилась Наталья Валентиновна Чечина, гостей заселили. Потом я сопровождал их на ветеранские мероприятия, очень внимателен был председатель Совета ветеранов Павел Андреевич Кузьмин, царствие ему небесное. Изабелла Петровна стояла на доте во время митинга 9 мая, а потом я смотрел, как она вглядывалась в имена, высеченные золотом на стеле воинского захоронения, имен там около трех тысяч. Я знал, что есть и имя ее отца – Петра Кульдюрова, знал, что она его найдет. Она увидела и заплакала.

Потом ее пригласил на ужин предприниматель (тогда еще) Игорь Коневиченко, мы все сидели на площадке перед кафе «Белое и черное» в Александровской.

А утро выделили для поиска могилы матери Изабеллы Петровны на Сестрорецком кладбище. Могилки мы не нашли. Но я видел, чувствовал, что Изабелла Петровна инстинктивно, сердцем тянется именно к тем местам, где хоронили в тридцатых-сороковых. Где помнила березку у могилки, о которой в ее стихах...

Вот за такие минуты и можно говорить властям спасибо.

Потом Изабелла Петровна с Дианой пожили несколько дней у меня дома. И пригласили меня и Марину нанести ответный визит – в Измаил.

Ближе к осени мы приехали в Измаил. Жара стояла неимо-

верная, никакой Дунай не спасал. Мы поехали в Муравлевку, а здесь нас, почти ночью, ждал народный хор с хлебом-солью, в местном ДК нам посвятили концерт. Ночевали мы в белой хате, в десяти минутах Китай-озеро, в котором никто не купается, до того мутное, по пути к нему – старообрядческий храм, в которой зашли – я, Марина и ее дочь Алина, но здесь на нас смотрели совсем недружелюбно – мы не так крестились, вот уж поистине – в чужой монастырь со своим уставом не ходят...

Зато? Зато через несколько дней нас ждала удивительная встреча в другом любопытном городке юга Украины. Нам посоветовали съездить в Вилково, городок, испещренный водными каналами, по которым можно плавать на лодках, как в Венеции. С Венецией действительно можно сравнивать – грязиша кругом, что в Италии, что здесь. Помню, в Венеции, раскачиваясь на гондоле, я призывал сюда на губернаторство Яковлева, навести чистоту и порядок, все смеялись, но в принципе были согласны.

Вилково появилось неожиданно и сразу же. При выходе из автобуса мы оказались рядом с белым православным храмом, был Яблочный Спас, шел крестный ход вокруг церкви, священники были в бело-зеленых праздничных одеяниях, множество народу столпилось вокруг, все стояли с корзинами яблок и винограда, светило солнце и было очень красиво. Я был впечатлен. Потом вошел в храм, встал у иконы, зажег свечку.

– Соловьев? – услышал я вопросительный голос женщины в черном платке. И убедившись, что я – это я, женщина представилась:

— Я из Сестрорецка, приехала сюда с сыном. В Сестрорецке работаю в детском саду. А эту церковь построил мой отец, он погиб в годы войны, и его здесь поминают каждый день, каждую службу...

От Вилково до Сестрорецка 2200 километров.

На следующий год эта светлая женщина неожиданно умерла, совсем молодой.

В Вилково люди живут нескучно: чтобы насолить, досадить соседу, надо рано утром принести ему корзину винограда – тому свои ягоды девать некуда, весь городок в виноградниках. А ребяташки, мальчишки пятилетнего возраста, по каналам-улицам плавают в тазах, используя вместо весел дощечки, и у них получается. В городке сеть местная художественная галерея и там на стене висит картина с таким жизненным сюжетом.

В Измаиле мы нашли остаток крепостной стены, посидели на ней, покурили. Крепость разрушили по общей договоренности с турками, чтобы больше не воевать. Здесь в земле, на глубине меньше метра, десятки тысяч убитых. А когда-то гарцевал на белом коне князь Суворов, Александр Васильевич, так на панораме.

Поехали в Одессу – я, Марина, Алина, Диана с сестренкой Наташей. Несколько дней по Одессе гуляли, я здесь когда-то в молодости тоже был. Покатались по Черному морю на катере, бродили по Дерибасовской и Пушкинскому бульвару, по Потемкинской лестнице знаменитой. Здесь встретились знакомые из Зеленогорска, если быть точнее, из Ушково.

Далеко Сестрорецк, а отступить некуда.

Вратарь Республики

Первого вратаря Республики – Николая Евграфовича Соколова – я знал с самого детства. Вернее, его книжку «Записки вратаря». Я сросся с этой книжкой, читал и даже перечитывал ее несколько раз.

Меня всегда будоражила история футбола и истории великих футболистов. Не для всех болельщиков футбольные летописи увлекательны, а мне вот интересно. Из небольшой книжки я знал весь жизненный, вернее, спортивный путь мастера кожного мяча начала прошлого века.

Он родился в Москве и поэтому играл в столичных командах, за сборную Москвы, РСФСР и страны. У него были футбольные бои со сборными Германии, Норвегии, Швеции и Турции. Об этом обо всем есть в книжке.

Удивительно, но много лет спустя я познакомился с Юрой Соколовым, геологом по профессии. Он оказался приемным сыном известного вратаря, жил в Разливе. Дом оказался довольно ветхим, на всем лежал отпечаток старины. Юру интересовало анархистское движение, белогвардейщина, он увлеченно собирал материалы об офицерстве того времени, уделяя этой теме пристальное свое внимание. Конечно же, показывал мне и старые фотографии и открытки, где запечатлен знаменитый вратарь во время матчей. Снимки, конечно, любительские.

Он дал мне как-то ознакомиться с рукописью «Записок вратаря» – несколько школьных тетрадей, испещренных быстрым и уверенным почерком, с многократными перечеркиваниями тек-

ста. К печати книгу готовил какой-то журналист. Он слишком заидеологизировал заметки – Николай Евграфович был крайне недоволен и раздражен. Все время мечтал переиздать книжку, сегодня Юра Соколов этим и занимается.

Когда Николай Соколов переехал жить из Москвы в Ленинград, играл сначала за ленинградское «Динамо», а в 1925 году приехал в Сестрорецк и после Лесного института (это сегодня Лесотехническая академия), работал в нашем леспромхозе. Лишь война прервала его работу в сестрорецких лесах (его многочисленные посадки лесов и кустарников стали органичной частью лесов нашего района). В годы войны он служил начальником химической службы одного из аэродромов Северного фронта.

Умер первый вратарь республики 15 декабря 1988 года, в возрасте за 90. В честь него депутаты назвали улицу в комплексе «Рай в шалаше» в Разливе, здесь же улица Всеволода Боброва – так удалось увековечить память знаменитых земляков. Во многом благодаря Андрею Вишневному – заядлому спортсмену и футболисту-любителю.

Однажды журналисты-районщики придумали проводить весенние субботники в поселковых дворах. Я предложил провести субботник во дворе дома Соколова, чем абсолютно перепугал Юрия. Он несколько дней подряд считал, что это зловредная чиновничья провокация, мол, дом на крючке... Потом я его понял: большой ветхий дом оказался в долевом участии работников уже несуществующего леспромхоза.

Субботник мы провели, собрав кучу-малу молодежи, мне было приятно, а геолог, «белогвардеец» и потомок великого вратаря успокоился лишь, когда на его дворе оставили огромные кучи листвы и сухих веток с прошлой осени.

Каскадер

Все, кто знает Николая Зосимовича Павлова (а живет он в Сестрорецке вот уже тридцать пять лет), вряд ли поверит, что этот высокий, крепкий человек, от которого за версту веет силой и бесстрашностью, в детстве был хлюпиком. Ну, если не хлюпиком, то на кого-то в этом роде был очень похож. Николай Зосимович рассказывал о своем детстве: родился под Архангельском, во дворе был самым слабым мальчишкой, но потом проявил недюжинную силу воли – самолично соорудил во дворе спортивные снаряды, стал упорно накачивать мышцы и пресс, и вскоре мог дать сто очков вперед любому ровеснику.

Он мечтал выучиться на хирурга, но на армейской службе в Монголии понял: спасать себя нужно раньше, чем на операционном столе.

Такая вот метаморфоза случилось с его юношеской мечтой, и он поступил на кафедру единоборств в институт Лесгафта. Но и здесь хотелось большего. Вот и нашел себя Зосимыч (неожиданно для себя самого) в трюковом кино. Он стал каскадером! Да еще каким - международного класса: десятки (или больше) фильмов, в которых снялся Зосимыч, делались в самых разных странах известными киностудиями с мировым именем. Вечный риск и постоянно переломанные руки-ноги для Павлова норма.

Он снимался в английском «Приключения королевского стрелка Шарпа» (15 серий, а на самом деле фильм снимали в Крыму), в «Человеке с бульвара Капуцинов», в «Русском транзите». Некоторые фильмы создавались даже в Сестрорецке или совсем рядом с ним: «Мафия», «Духов день», невзоровское «Чистилище» на развалинах бывшей туббольницы у платформы Разлив.

Много лет работая с ребятней в спортивном клубе «Восход», он и привлек пацанов к каскадерству. В это трудно поверить, но сестрорецкие мальчишки уже снялись почти в ста фильмах. Трюки им подбирают, конечно же, не смертельные, но каков восторг!

Между тем. Между тем, о наличии в Сестрорецке детской школы каскадеров мало кто знает.

Зовут Николая Павлова в народе просто «Зосимыч», с любовью и так вот запросто, подружому его имя и не выговаривается. А раз не выговаривается, то абсолютно точно – Зосимыча любят.

Силад

Любопытно, как некоторые люди – и дай Бог, чтобы таких было больше! – находят свое предназначение, благодаря случаю, удачному стечению обстоятельств. И кто-то оказывается рядом, кажется на первый взгляд – случайно, а на самом деле вовсе нет.

Александр Оховенко сестроречанам знаком. Праздник Крещения на берегу озера Разлив тогда проходил с казацкой сестрорецкой общиной «Петербургская станица», возродил его для города Игорь Коневиченко, отсюда и участие казаков во время всеобщего купания, вернее, окунания – именно казаки крепко держали шесты, с помощью которых и опускали верующих в

прорубь. Здоровые молодцы в течение дня сменяли друг друга, помогая людям безопасно окунаться. Сила все же нужна богатырская, и больше других доставалось Саше Оховенко, настоящему казаку и силачу.

Он работал в торговых точках «XL-холдинга» и продавцом, и грузчиком. Иногда разгружал в одиночку одну-две машины с пивом. Туда-сюда, а усталости как не бывало. Может, конечно, и было тяжело, конечно же, было, но виду не подавал. На это и обратил внимание Коневиченко, зная, что тот увлекался борьбой на любительском уровне, предложил Александру заниматься джиу-джитсу более серьезно, целеустремленно, и...

И пришло время, когда Оховенко стал чемпионом России по джиу-джитсу, потом чемпионом страны еще три раза подряд. Стал тренировать мальчишек из клуба «Восход», передавая повзрослевших пацанов в группы Цатуряна и Павлова (того самого Зосимыча). Говорят, талантливый тренер получается.

Еще сюжет с Димой Мирским (сценический псевдоним Димы Быструхина): Игорь на полную катушку раскрутил казацкие песни в исполнении талантливого музыканта и певца. Это признают все.

Значит, так: в нужный час и в нужном месте. Один из законов жизни.

Бал сатаны

С первого же года своего существования (вернее сказать – в первый год существования) газета «В курортном городе С.» повела отчаянную борьбу с тоталитарной сектой «Свидетели Иеговы», чей управленческий центр с легкой руки Собчака обосновался в Солнечном. Под него была отдана заброшенная территория бывшего пионерского лагеря. Кроме того, здесь находились склады литературы, которая и распространялась по всей России.

На улицах появились молодые женщины и юноши, совавшие в руки всем встречным и поперечным журнальчики «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!». Православные люди от таких подарков открещивались – свят! свят! свят!, но многие и попадались, делая первый неосознанный шаг в сети тоталитарной секты.

Я знал двух женщин, которые попали в страшную ситуацию, они на глазах становились буквально невменяемыми, с пеной у рта доказывая истинность Бога Иеговы. Это одна из них и преподнесла Егору Гайдару библию от Иеговы, когда известный политик наедал харю в «Белых ночах», а вот со второй девушкой – Мариной – было гораздо сложнее, у нее был ребенок лет двух, и надо было спасти девчущку.

Конечно, я часто и много разговаривал с Мариной, стараясь уберечь ее от ошибочного пути, писал про секту в газете, была целая серия публикаций под общим названием «Бал сатаны». Рассказывал о том, как в одном из общежитий на Володарского женщин клали на пол и били их палками по спинам за непослушание, сектанты проникали во все поры общества, дело дошло до школ.

Однажды прознал о том, что в одной из школ собрались выступать мормоны. Литовка попросил меня поприсутствовать. Я побывал, директор школы, узнав о моих впечатлениях, впала в ступор, и походы в школу мормонов прекратил. Тогда выяснилось, что помещения под занятия предоставляет и одна из зеленогорских школ, возникла конфликтная ситуация и директор был уволен. На коммерческие мероприятия иеговистов в зал кинотеатра «Победа» в Зеленогорске (здание бывшей кирхи) тоже ходили дети, возник скандал. И деятельность тоталитарной секты в чем-то удалось пресечь.

Редакция нашей газеты, на протяжении года предостерегавшая жителей от опасных и неадекватных людей, получала сначала приглашения на дискуссии в свой центр в Солнечном (предостерег от любых контактов и споров отец Олег Нецветаев), потом газете пригрозили судебными разбирательствами и тяжбами. На подобные угрозы мне было равным счетом наплевать.

Вскоре поздно вечером я встретил Марину у платформы в Солнечном, она улыбалась, была светла и радостна, и я все мгновенно понял: с сектой покончено.

– Навсегда! – порадовала она. – Встречаюсь с молодым человеком, у меня с ним все хорошо.

Совсем другая жизнь пошла у Марины, а дочка давно выросла.

Между тем, иеговисты пользовались малейшими проблемами в наших православных приходах, дабы завладеть ситуацией. Из коллективного письма в редакцию прихожан Тарховской церкви, например, было понятно, что «иеговисты буквально ликовали в Светлую Седмицу, когда храм оказался закрытым». Развязал язык и о. Геннадий, заявивший, что «хорошо, что у нас много иеговистов, а то в Тарховской церкви балки лопнут». Странного, мягко говоря, батюшку скоро митрополит Петербургский и Ладужский Владимир от прихода отстранил, прислав служить в храм о. Олега (Нецветаева).

Жители Сестрорецка однажды были взбудоражены тем, что по городу бродит бородатый человек в рясе, с кружкой в руках собирает деньги на храм, при этом он так напился, что упал на зеленый газон. Подняла милиция, доставила в отделение, стали документы проверять, те оказались фальшивые – от якобы Московской епархии, при нем было несколько фальшивых паспортов. Притянули за мошенничество, что справедливо, но вот не-

задача – среди людей тут же пошел слух, явно злонамеренный, что это в таком виде «служит» отец Владимир Чупов. Вопрос: было ли появление лжесвященника в Сестрорецке событием случайным или кто-то подстроил? Между тем, к тому времени отец Владимир уже нес службу в одном из богоугодных приходов Шлиссельбурга.

* * *

А вот происшествие с известной в Сестрорецке... как бы это помягче сказать (женщина жива), страдальцей Надей Х., больше трагично, хотя и комично тоже. Главный герой - Егор Тимурович Гайдар, приехал тихой сапой в санаторий «Белые ночи», вес нагулять, царствие ему небесное. Сидит в столовой, нагуливает этот самый вес, а тут к его барскому столу уборщица подобралась, взяла да и подарила библию, прочитав мораль и осуществив над пиршеским столом должный речитатив. Или, вернее, не должный, потому как была Н.Х. прожженным членом «Свидетелей Иеговых». В тот же вечер Н.Х. оказалась в психушке, в Сковорцова-Степанова.

Как вскипела демпресса! Можете только представить, особенно если учесть, что «Свидетелей» посадил в Солнечное сам Собчак: свобода вероисповеданий и пр., свобода совести и права человека.

Я позвонил психиатру в больницу, спросил, понимает ли он, как теперь будут полоскать его имя в «демократической» прессе? Тяжело промолчал психиатр, грустно все понимая.

Заблудшую гражданку Х. он выпустил. Гражданка вскоре подала в суд. Написали статьи «Смена», «Час пик», а «Здравница» смеялась над ситуацией (серия заметок под названием «К Гайдару с библией не ходят»), радиостанция «Свобода» слюнями обрызгала весь божий и не божий мир. Перетрусивший Гайдар прислал в суд письмо, в нем он возмущался действиями руководства санатория «Белые ночи», на них всех собак и повесил.

А тут еще Невзоров в судебное заседание команду прислал, правдами и неправдами заседание шло закрытым. И решили гражданку Х. все же проверить на голову.

История длилась долго, осенью 94-го началась, и лишь через год закончилась.

Пресса разная нужна

При появлении в районе Козырицкого в местной прессе возник настоящий бардак. Первым делом Вячеслав Владимирович уничтожил «Петербургскую здравницу», как газету, поддерживающую депутатов, и с помощью зеленогорского пишущего уродца создал угодливую газетенку, которая гнилыми статейками «объясняла» читателям, что «Здравница» приказала долго жить, потому что барствовала за счет РК КПСС или райсовета. Стандартный набор гнилых помидор.

Между тем, надо было что-то делать, не сидеть же сложа руки и смотреть. После убийства Эдика Колесникова его приемники поддержали газету. Какое-то время выходило то же издание – «Бизнес-клуб 2». Оно было не менее интересным, даже держалось во многом благодаря рекламе. Вот тогда и пришло понимание, что зарабатывать на газету надо самому. Родилось желание попробовать себя в рекламном деле, как факторе, необходимом для выживания. Именно таков был мотив моего ухода из Сестрорецка года на три.

Родилась экспериментальная газета «Реклама-плюс». Нашлись спонсоры, стали приглашать рекламных агентов. Это оказался целый строй людей, желающих заработать. Со временем я вывел некие формулы. Первая: хороший рекламный агент – один из десяти. Непреодолимая статистика. Закон второй: легкость агента в общении с клиентом. Немного авантюризма. Чи-и-з! Заметил одну странную особенность: из девушек хороших агентов зовут Оксанами. Одну такую Оксану привел в небольшую редакционную комнатку на улице Комсомола мой приятель-телевизионщик.

– Вот, – сказал друг, – девчонка из Белоруссии. Без денег, без всего.

Был жаркий день, Оксана стояла в какой-то черной маечке и с рюкзачком за спиной.

– Поставь рюкзачок в угол.

Часа два объяснял, что такое реклама, как и с чем едят.

– Все поняла?

– Все. Только еще раз скажите – что такое квадратный сантиметр. Это как?

Для смеха сил не оставалось.

Оксана стала суперагентом, потом сама говорила: реклама для нее – как песня. И это было действительно так.

Потом, после краха другой газеты, «Бизнес-экспресс», она создала свою рекламную контору, удачно вышла замуж за какого-то бизнесмена.

Случаи удачи были регулярными. Запомнился молодой Алеша Гусев. Его попросил пристроить в газету один знакомый телевизионный мастер со Зверинской улицы, привел сына прямо в редакцию, тогда она была на Лиговском, напротив Некрасовского рынка. Парнишка оказался смышленным, я его послал на рынок за рекламой, и он сразу притащил текст и деньги.

Алешку было не остановить. Молодой, энергичный, бегал на радость всем, и мне в первую очередь: я тогда ворочал миллионами, поставил задачу решить квартирный вопрос. Задачу решал вместе с Антоном Шиловым, он тоже когда-то был способным агентом, с ним и затеяли очередное рекламное шоу. Задачи свои решили. Потом наехала налоговая, посыпались штрафы, стремительные и неподъемные, мы с Антоном собрали прощальный банкет в редакции, поблагодарили всех и распустили. Через две недели пришло письмо из налоговой: извините, ошиблись!

Я пошел в Александро-Невскую лавру, постоял у иконы с полчаса, помолился. И вышел с легким и радостным сердцем: рекламой заниматься не надо, вечное колесо позади, не мое! Остались смешные воспоминания, как занимались рекламой по бартеру, когда привозили в редакцию ящики с водкой, а мало кто пил, машины с лампочками и прочей ерундой, миллионный контракт с «Трансаэро»: летай по миру – не хочу, обмен печатными площадями с неким журналом, который расплачивался с типографией женскими прокладками. Были же чудные и чудесные времена!

Алло, мы ищем таланты!

Несколько слов о детских газетах: то и дело возникают разговоры (и, слава Богу, что возникают), что в районе необходимо делать газету для ребятишек. Умилительные предложения не могут вызывать отторжения, больше того, в нынешней экономической ситуации вполне реальная идея, когда-нибудь она вновь воплотится. Вновь потому, что в последний день 1998 года в Сестрорецке такая газета вышла, прожила почти год, пользовалась интересом у ребятишек. Тогдашний начальник образования Ирена Понизовская придумала для газеты название – «2х2=5», ребята стали писать заметки и с удовольствием рисовать, а наш коллектив – взрослых журналистов – верстал и выпускал.

Ребятам вправду было интересно. Но Ирена ушла из района. Забылась и неплохая газета. Кстати, сама Ирена пошла тогда в издательский мир, стала коммерческим директором спортивной газеты, весьма успешным.

Потом детская газета появилась в Василеостровском районе с замечательным названием «Васька», верстал ее мой племянник Пашка, но газета провалилась, не по экономическим причинам, а из-за бездарности – ее пичкали своими отчетами-статьками чиновники, люди от газетного ремесла далекие, а потому хорошая идея была изначально обречена на провал.

Существует мнение, что детские газеты, тем более с участием детей, дело бесперспективное, так как всю детскую жизнь безжалостно накрыл интернет. Но именно поэтому и нужно бороться за создание детских изданий, с участием самих ребят – это обязательное условие. Пусть для них газета будет игрой, но полезной. Кто вычеркнет славное общение сотен детей моего поколения с газетой «Ленинские искры», с ее волшебной редакцией на Фонтанке, творческие встречи с Николаем Садовым, воспитателем самых юных писак – где теперь таких людей найдешь? Он мне напоминал Маршака на портретах, был даже похож на него всей своей доброй внешностью, очень похож...

Оса

О газете «Разливская оса», родившейся в нашем городе в 2003 году, ее редактировал юрист Александр Осипов.

Адвокат, занимающийся коммерческими и хозяйственными

ми спорами в судах, как правило, в арбитраже, Саша Осипов оказался одаренным журналистом. Писал зачастую витиевато, вкладывая в тексты особые смыслы, часто нужно было читать между строк. Но это не была лихость журналистского пера, это были интеллектуальные изыски, лишь подчеркивающие талант Александра.

Саша очень помог мне в конфликте с негодяем Гулькиным, этим фальшивым человеком, умудрявшимся цеплять на лацкан пиджака орден Красной Звезды, принадлежавший умершему ветерану войны из города Львова. С большим трудом с помощью Александра Ваймера и депутата Госдумы Героя России Андрея Шевелева (он теперь тверской губернатор) удалось разоблачить липового «Борца с коррупцией», использовавшего награду героя для продвижения своего в горпарламент. Моя помощь ему в избирательной кампании (когда Гулькин рисовал себя безвинной овечкой Долли) – одна из самых больших ошибок в отношениях с людьми. Уже через четыре года люди поняли «ху есть ху», политическая карьера Гулькина была «успешно» завершена.

Саша Осипов стал выпускать очень даже интересную газету, весьма и весьма серьезную, ей бы развиваться и дальше расти, но не случилось. Я понимал: газеты, начинающие свой путь на мелованных тиражах, не долгожители, очень скоро канут в Лету. Издательские дела – дорогостоящие забавы, несколько десятков тысяч рублей за выпуск одного только номера не каждый богатый дяденька выдержит. В этом, увы, и была заложена будущая кончина, с самого первого номера. Но газета, выходявшая года два, была неплоха. В ней понемногу участвовали и я, и Марина Пименова (стихи, рисунки, логотип).

Газета резко выступила против Гулькина, когда разобралась в нем, в его лживой и предательской к Сестрорецку позиции. Выпустил Осипов и документальный фильм на эту тему.

Годы прошли, Александр остается хорошим моим товарищем. Уезжает иногда в заграничные командировки, где защищает коммерческие интересы различных российских фирм.

– Строим в Африке завод, кругом туземцы и вигвамы из соломы, персики и бананы – ежедневная бесплатная еда. И вот надо дорогу к заводу проковырять. Пригоняется строительная техника, туземцы тут как тут, с копьями наготове: захватчики мы или кто? Рассказываю про дорогу, как хорошо им будет, радостно шагать по просторам своего Мадагаскара. Отряд воинов падает на колени, начинает молиться, желает успеха белым

людям из России, бери банан, бери персик, все отдать готовы, упакуем стрелы за пояс. Общественные слушания закончены, объявляю, поднимайся с колен, порабоженный народ.

Такого рода веселые истории. А однажды привел меня в гости к соседу. Меня, жену Марину и сестру мою Аню. Хозяин показал хозяйство – сад, огород, кругом зелено, овощи, фрукты, сам босиком по земле ходит – райский уголок на всем побережье. Счастьем так и светится. Познакомились. Олегу Григорьевичу Бирину было уже семьдесят лет, а крепыш. Еще бы! Человек сросся с природой, видно невооруженным глазом.

Присели на завалинку. Хозяин стал рассказывать, как стоял в армейском оцеплении при испытании атомной бомбы на полигоне под Тоцком, как кувыркались танки и прочая бронетехника, как моментально гибли стада коров.

– Нас оповестили только в день испытаний, сообщили о времени сброса бомбы с самолета. Его звук был очень неприятен, самолет летел с каким-то надрывом, гудением. Вдруг мощный удар и вспышка. Мы были в противогазах, глаза защищены темным стеклом, солнышка не видно, а вспышка от взрыва буквально врезалась в зрачки, смотреть невозможно. Были мы в траншее, под перекрытием, нас закачало как в люльке, а от эпицентра взрыва находились в километрах семи-десяти. Траншеи осыпались, те, что были вырыты перед нами – скорезились в ниточку, их сжало. Там впереди, на заданном расстоянии, стояли стада коров, баранов, свиней – подопытная скотина. Кругом много техники. Горели танки, самолеты, пушки. И представьте себе – я даже не инвалид! И за льготами государственными не рвусь. У меня в саду хорошо.

Очень хорошо было в саду у Олега Григорьевича Бирина. Сросся, сросся с природой, и все тут!

С шашкой наголо

Неважная, прямо скажем, история приключилась с Алексеем Кирьяновым, бывшим телеведущим прямого эфира Сестрорецкого кабельного телевидения. Талантливый ведущий, не менее интересный художник. И даже принял участие в газетном деле, поначалу редактируя газету Ромы Леонова «Не все так просто». А затем собственную – «Зеркало».

И тут Алешу понесло, явно не туда: в статьях стал размахивать шашкой – всех порублю, в итоге залихватская манера изложе-

ния не могла не привести к грустным последствиям: читатели стали обижаться. И правильно обижаться, власти-то – чорт с ними, они на то власти, чтоб обижаться. Куда труднее находить правильный тон в разговоре с читателями. А этого не получилось. Плюс полное непонимание того, что необходимо соблюдать Закон о печати – проверять информацию.

С критикой в районе трудно, но есть и пример, когда на том же кабельном ТВ-Сестрорецк в программе новостей (ведущий Стас Радионов) немало критических публикаций, власть на замечания реагирует, принимает меры. Значит, можно... если осторожно, а вернее – с умом. Такое понимание приходит только с многолетним опытом, а Стас больше десяти лет в телевизионном кино.

Не плати

Смешной разговор с неизвестными мне сестрорецкими представителями т.н. криминального сообщества. С утра отличное настроение, пришел в редакцию на Морскую, где «Курортэнерго» выделило сразу две хорошие комнаты. Только пришел и сразу звонок:

– Это редакция? – Да?

– Кому платишь?

Замешательство длилось секунды. Раскрываю телефонный справочник.

– Вы меня слышите?

– Угу. Говори.

– Возьмите в руку бумагу и ручку. – Угу.

– Пишите.

Наобум листаю справочник. Читаю:

– Жилкомсервис. Кассовые аппараты. Канцтовары. Успевайте?

– Угу.

– Хорошо. Продолжаю. Дом культуры. Кинотеатр. ГАИ.

– Не понял?

– Так вот они-то, гады, мне все и не платят. Разберись, братва! Раззудись плечо! Доля ваша!

На том конце провода гробовое молчание.

– Ну, ты даешь! Ну-ну! Бросили трубку.

Я рассмеялся. Только что узнал историю, как несколько бандитов нагрянули на Коммунаров, в головной офис «Курор-

тэнерго». Человек шесть. Охранник выхватил пистолет, приказал всем повернуться спинами к стене. И все повернулись, как миленькие, руки вверх.

Вызвали милицию. На том рэкет и закончился.

Ко мне потом никто не приставал, не угрожал, не вымогал. Оценили юмор.

Трудно первые сто лет

В жизни посчастливилось побывать на двух столетиях, и оба раза в районе – сначала у учительницы Лидии Николаевны Губинской, она жила в Сестрорецке на улице Мосина, здесь ее и поздравляли ученики и чиновники. И в скором времени в Белоострове, у Елены Павловны Савиновой. Но если Губинская предстала слабенькой старушкой, плохо слышашей, но радостной – от того, что пришло поздравить много народу, то Елена Павловна выглядела настоящей бодрячкой. Опираясь сразу на две палочки, встречала всех на старом крыльце (потом, по просьбе нашей газеты, депутаты новое крыльцо поставили), приглашала за круглый стол на кухню, где уже стояли графины с наливочкой – она ее обожала до последнего дня. Но сначала усадила меня играть с ней в карты, в дурака. И обыграла пару раз!

Комната у нее была маленькая, кровать да телевизор.

– А это-то зачем? – спросил я старушку, указывая на телевизор.

– Все новости смотрю, про политику.

Подивился. Живут же люди, политикой в сто лет увлекаются.

– Газеты тоже читаю, – добила меня юбилярша. Продолжила:

– Помню много говорили про смерть Льва Толстого и помню как несли красные гробы по Петроградской на Марсово поле в 17-м году. Дворников в белых передниках хорошо помню, отец мой был кучером на Большой Монетной. Войну помню, блокаду. В январе 42-го мне сорок лет исполнилось, отмечала кусочком блокадного хлеба...

Трудно первые сто лет!

Всего через месяц после столетия Савиновой исполнялось пять лет газете «В курортном городе С». Поздравила нас и Елена Павловна: «Пой, Соловушка, пой!» – напутствовала столетняя старушка. Умерла через три года, когда родственники переезжали ее жить в Рошино.

...и первые десять

15 февраля 2007 года случился казус – газете «В курортном городе С.» исполнилось 10 лет. Казус потому, что частные, авторские газеты столько не живут. Да еще в никому непонятном экономическом болоте, в котором уже два десятилетия болтается страна.

Помещение для праздника нам любезно предоставило предприятие «СКАТ». Гостей собралось много, подарков тоже было немало, сразу в кошелке не унести, ну и добрых слов целая поленица. Помогала вести вечер школьница Катя Штоколова, внучка легендарного Бориса Тимофеевича, она уже училась почти в выпускном классе. Под конец с ужасом обратилась к маме: «А что – здесь пьют?». Наивная дитя, но была хороша и ответственна.

А сегодня газете уже 15.

На самом деле, частные газеты имеют весьма и весьма старинные корни. Первая такая газета, известная в России, называлась «Гений времени» и вышла под патронажем Н.Греча и Ф.Шредера в 1807 году, гораздо позже была «Северная пчела» – 1825 год, Ф.Булгарин и Греч. Она была наиболее влиятельна. Правительственные газеты стали выходить в губерниях пятью годами позже, повсеместно назывались «Губернскими ведомостями» и с 1838 года накрыли всю Россию.

Об истории газетного дела в стране и за рубежом, слава богу, известно много. Реже упоминаются курьезные издания. Но стоит, пожалуй, посмеяться: в музее турецкого города Конвья находится единственная во всем мире газета, вытканная на ковре. Датирована она 25 апреля 1900 года. Представляет из себя ковер (1,6 x 1 м), на нем черной шерстью вытканы новости. Еще в истории был номер французской газеты «Либерасьон» с одной страницей-вкладышем, отпечатанной на полотне. А один из номеров этого же издания был пропитан ароматом парфюмерии известных французских фирм. Бред, конечно. Другое дело – Россия. Здесь однажды (17 мая 1921 года) даже газета «Известия» была напечатана на холсте – исключительно из-за нехватки бумаги. В войну (Великую Отечественную) брянские партизаны тоже выпускали газету необычным способом – на бересте. Называлась она «Народный мститель».

Истории газет не менее удивительны, чем истории многих

других видов деятельности. Комичны, трагичны, иногда убийственны. И сдается мне, что никогда интернет не заменит печатное, на газетной бумаге запечатленное слово.

Людмила Лившиц
Юбиляру Вадиму Соловьеву

*Ох, не просто, как не просто
Расписать свежо и броско
Бег раскованной Невы,
Глубь небесной синевы,
Запах персика фривольный.
Пес березовый, раздольный,
Трель, что чудо хороша.
То природа. А душа?
Как же с нею быть, с голубой,
То упрямой, то не глупой.
То могучей, то кривой.
Краской мазать, но какой?
Где найти нюансы цвета
Для бессонниц до рассвета.
Для счастливых кратких дней.
Для величия Людей,
Мудрой прозой естества,
Для вершины мастерства?*

«Влезть в его шкуру»
(из разговора)

*Зачем влезать в чужую шкуру,
– Хватает дела со своей.
В нее ты мысли нашинкуешь,
Добавив несколько страстей,
Бессонницу, болезни, нежность
Веселье впрямь и напоказ,
Добавишь некую небрежность,
Тоску и кучу всяких фраз.
Другие ткнут в нее обиду,
Разлуку, боль, тревожный сон,*

*И, будто шкура – для обеда,
В нее обильно сыпят соль.
Глядишь – продукт уже получен:
Вот шкура спереди, вот зад.
А кто решит, что в ней получше.
Ты отсоветуй им влез*

** * **

*Сердце. Глупое сердце.
Странное сердце.
То смеется, то сердится.
То волнует, как детство.
А куда деться?
Уберечь? tie уберечься.
Остеречь? Чем остеречься?
А, может, отречься?
(Было – не было.
Поросло былью,
степной ковылью).
Но только странное сердце:
То смеется, то сердится,
То лезет драться.
Ну как отказаться?*

** * **

*Еще мороженым манящим
В лесу искристо снег лежит.
Но что-то в воздухе пьянящем
Уже легонечко дрожит.
Уже коты в истоме риска
Решают свадебный вопрос.
Уже южанин к нам редиску
На рынок свежую привез.
Уже Вадим «остаканиться»
Зовет знакомых и друзей.
(Не каждому дано родиться
На Сретенье). Уж веселей
«Мочить» кого-нибудь в сортире,
Писать «В курортный город С».
И хочется в добре и мире
Продолжить жизненный процесс.*

Наталья Авдеенко
Из книги «Вода из родника», СПб, 2007

И был ты стройнее...

В.Соловьеву

*И был ты стройнее,
И дни были выше,
И голуби тише
Садились на крыши.
Под их воркование
Стихи я читала
И голубя облик
Я в небе искала.
А небо бездонно.
Беспомощен голубь.
Бросалась я в жизнь,
В леденящую прорубь...
Но ты, посмотри:
Быстрокрылые птицы
Над миром летают,
Минуя границы.
И что же в них есть,
В этих славных пичугах?
Попытка свободы?
Любовь к высоте?
И что же мы значим
Теперь друг для друга
В дневной толкотне
И в людской суете...*

Кира Марач
Из книги «По случаю и без...»
На десятилетие газеты «В курортном городе С.»
В.А.Соловьеву

*Времена нас не выбирают,
Это нам суждено в них жить.
Только очень немногие знают,
Как непросто в газете служить.
На потребу писать не хочется –
В драке станешь невольной мишенью.
Ну а штиль – не набросок времени –,
Просто сказочное сочинение.
Вот и пишешь, что ждут читатели.
То сражаясь, а то – смеясь.
И меняются почитатели,
И сменяет друг друга власть.*

2005

Все хорошо

Удивительно красиво началась весна 2001 года в Сестрорецке.

Рано утром молодой человек под самыми окнами дома №14 по улице Токарева высадил клумбу из пылающих алых роз в форме большого сердца.

Стоял синий апрель, 10-е число, с голубого неба сыпались мягкие лучи весеннего солнца.

Слух о чудесной клумбе моментально разлетелся по городу, самые любознательные горожане устремились увидеть настоящее чудо Любви.

Речь шла о неизвестном молодом человеке, а вот те, кто немного знал тайну, потом рассказывали: когда девушка, для которой и было совершено это чудесное сумасшествие, выглянула в окно, с ней случился приступ настоящей истерики – любовь оказалась безответной с ее стороны, или что-то было уже решено. Не знаю. Но все равно: в нашем Сестрорецке в то утро случилось настоящее чудо, которое согрело сотни и тысячи сердец. И лишь немногие приходили к клумбе, чтобы сосчитать число роз, штук четыреста – у них-то были свои мысли и свои представления о жизни.

Спасибо тебе за это утро, неизвестный наш паренек!

Нереальная политика

Выборы под трели соловья

Журналистское сообщество отнюдь не жалуется профессионального соперничества, и часто в параноидальном угаре начинает воевать с оппонентами по перу, когда начисто теряется чувство корпоративности.

В яростные штыки было встречено появление в районе новой газеты «В курортном городе С.». Неожиданно для меня эта ярость была выплеснута на страницах «Здравницы Санкт-Петербурга», которую я когда-то спасал, а теперь дотошно и единолично курировал в тот момент депутат ЗАКСа Анатолий Кривенченко. За три недели (!!!) до выхода в свет первого номера газеты (номер вышел 15 февраля 1997 года) в «Здравнице» появилась инспирированная им публикация «Выборы под трели соловья», и совсем неважно кто ее автор, куда важнее – кем заказана. Тот год был самым первым в устройстве местного самоуправления, с белого листа начиналась создаваться муниципальная власть, люди еще совсем мало проникались идеями будущего самоуправления, никто не знал, что это такое и с чем эту новую власть можно есть. А умудренный политическими интригами Кривенченко понимал: власть надо брать любую, даже самого нижнего уровня.

Ошетинился весьма грубо, на первой полосе выступив с интервью с гортанным кличем «Разделяй и властвуй», в очередной раз обозначив свое кредо разрушителя. Дальше шла статья про мои «выборные трели» – просочилась информация, что скоро в районе появится новая газета, в ее планах поддержать на выборах руководителей ведущих предприятий. Это было именно так, основанием для создания новой газеты служило стрем-

ление обезопасить город и район от попадания во властные структуры криминала во всех его видах и ипостасях, что произошло особенно броско в то самое время в Выборге. Такое решение было продуманным и выверенным: Евгений Петрович Литовка из своего рабочего кабинета в «Курортэнерго» сделал целый штаб дня обсуждения этих вопросов, к нему подтянулись другие руководители предприятий и организаций – директор хлебозавода Сергей Александрович Гудков со своим предшественником Сергеем Ивановичем Воробьевым, руководитель «Водоканала» Татьяна Сергеевна Федюнина, директор «Спецтранса» Константин Николаевич Давыдкин, директор автошколы Александр Александрович Ваймер, бывший предисполкома Виктор Станиславович Капустинский, командир воинской части в Горской Владимир Константинович Скорняков – все люди известные и очень достойные.

Кривенченко с командой быстро сообразили, с кем придется иметь дело на выборах, при этом опасность реального появления криминала в новой власти их совершенно не беспокоила.

Атака на новую газету, необоснованная и неприличная, во многом определила многолетние отношения между мной и Кривенченко, не спасали даже временные перемирия: Анатолий то и дело принимался отстаивать свои и чужие дурные принципы, переступая нормы этики – так случилось много лет спустя на выборах в поселке Солнечное, когда еще до начала выборной кампании он торжественно объявил в узком кружке революционеров, что согласен только на должность председателя. И сколь бы я не внушал потерявшему нравственные ориентиры политику, что это попросту неприлично, он честно не понимал. В результате получил сокрушительное поражение в маленькой, но славной деревеньке за Сестрорецком. Избиратели просто шелкнули политического Нарцисса по носу.

Огромное счастье для города, что в первый Совет вошел значительной частью директорский корпус, именно руководители свои авторитетом прикрыли город от криминального раздора. На вторых выборах через два года они же показали сокрушительный результат, но так сложились несправедливые обстоятельства, что второй состав был распущен судом. Жаль. Тем не менее, дело сделано, муниципальная власть в городе была создана, начала действовать.

Про «Здравницу». Анатолий Николаевич про нее быстро забыл, Витя Калашников из последних сил тянул газету, как мог,

и именно директора согласились с идеей Евгения Литовки учредить «Здравницу» как орган муниципальной власти. «В курортном городе С.» осталась частной, и потому во многом независимой газетой до сих пор.

Я всегда был сторонником рождения новых газет, и никто в районе лучше меня не знает, как они создаются и почему умирают, что из себя представляют, и чем дышат, почему подхалимничают и кто старается держать марку, отстаивая хоть какие-нибудь идеи.

Ведь можно писать и про птичку киви на белоснежном поле, а можно переживать и даже страдать вместе с читателями, и это честнее.

* * *

Редкая удача: схватить «за хвост» сразу двух сверхпопулярных личностей начала перестройки – опального генерала КГБ Олега Калугина и следователя по особо важным делам Николая Иванова. Оба они депутаты Верховного Совета, приехали в Ленинград, в Мариинский дворец делиться опытом государственных переворотов.

Николай Вениаминович, припертый к колоннаде толпой журналистов, возможность госпереворота всячески отрицал, бронзовый от генеральского загара Калугин наоборот, подчеркивал возможность скорой расправы над политическими оппонентами. Такими как Анатолий Собчак и Гавриил Попов. Оба говорили убежденно, с пеной у рта, но все получалось как-то заучено. Обращаю внимание – на лицах мало эмоций, безжизненные какие-то лица.

Прошло время, на многие ситуации смотришь через призму нынешних ощущений: Калугин, как не крути, а предатель. Он всегда будет в самом центре внимания органов, пожизненно. На то и шпион. Удача от Иванова тоже куда-то отвернулась, пропал с политического горизонта.

«Позвездили» и хватит.

* * *

Именно историю с закрытием роддома в Сестрорецке в 2000 году стоит считать неким водоразделом, который на долгие годы определил в районе отношение людей к чиновникам, и если до этого случая жители еще могли искать какие-то жиденькие компромиссы, то с весны именно того года люди стали агрессивнее, резче в высказываниях. В начале марта с Заявлением на страницах «В курортном городе С.» выступили депутаты Сес-

трорецка Гудков, Давыдкин, Литовка, Матвеев и Романьков, они так и написали: «Чиновники готовы обречь наш город на постепенное вымирание».

Тогда смертность превышала рождаемость в нашей округе в три раза, такой показатель был характерен и для всей страны. Чиновники ссылались на нерентабельность роддома, не задумываясь о нравственной составляющей. Сначала придумали, что дом необходимо поставить на проветривание (это-то зимой!), потом якобы обнаружили какой-то там грибок на стенах. Был бы повод.

За «грибным сезоном» последовал целый ряд трагических случаев: рожениц в необорудованных специальной аппаратурой машинах возили в Питер или по раздолбанной дамбе в Кронштадт. Иногда роды принимали прямо в «скорых». В первые три года до родильных домов не довозили живыми трех-четырех младенцев, эту статистику тщательно скрывали, но не могли опровергнуть: редакция имела копии некоторых документов. Напряженными и опасными были летние месяцы – число отдыхающих резко возрастало. В то время рожать в Сестрорецк возили не только из Зеленогорска, но и из Рошино. Привозили к закрытым дверям, еле успевали переправить рожениц в приемный покой сестрорецкой больницы – таких случаев было несколько. И многие мамы не избежали трагедий.

Все это вспоминать горько, но необходимо. Власти и чиновники от медицины не раз обещали открыть в больнице родовое отделение, но этого до сих пор не случилось.

А когда случится – власть другая будет. Народ тот же, а власть другая.

* * *

Вмарте 1990-го шли выборы в Ленгорсовет, весьма похожие на демократический эксперимент. Это когда собирали избирателей, перед ними выступали кандидаты, рассказывали и обещали, обещали и рассказывали, поочередно выкаблучивая танцы с сабелями.

Потом стала получаться заезженная пластинка. Это когда в Сестрорецк, например, приехал Анатолий Собчак и на встрече в кинотеатре «Курортный» торжественно сообщил,

... что решение идти на выборы он принял исключительно потому, что проснулся рано утром, посмотрел на спящую дочку (Ксюшу) и сокрушенно подумал: неужели и ей в этой стране жить, мучиться и страдать...

Вот и решил выдвигаться в депутаты Верховного Совета СССР. И как далеко оказалось смотрел отцовским глазом!

Через несколько лет по сцене того же самого кинотеатра в Сестрорецке расхаживал взад-вперед лидер «Яблока» Григорий Явлинский и вещал о том,

...что проснулся он утром, посмотрел на спящих сынишек и решил баллотироваться в Госдуму...

Как оказалось, правильно решил: сыновей отправил учиться в Англию.

Когда еще через несколько лет на этой же сцене (!!!) кандидат в ЗАКС Гулькин орал как недорезанный в зал, про то, что

... проснулся утром, посмотрел на спящую дочку, и решил...

Вот тут я выскочил из зала, потому что многолетний предвыборный бред просто невыносим.

...Итак, в жилконторе Зеленогорска идет встреча с кандидатами в Ленгорсовет. Вперед выходит старушка:

– Вот вы просите, просите все у советской власти, а я всю жизнь ничего не просила. Ведро с углем на второй этаж таскаю, никто не поможет.

Старушку звали Мария Платоновна Смирнова, было ей 85. Взвился один из кандидатов:

– Скажите адрес, завтра же разберусь!

Через две недели я решил провести старушку. Прихожу на улицу Новая, нахожу дом, поднимаюсь на второй этаж. В небольшом коридорчике пирамида ведер штук из двадцати.

– Этот-то, болтун... Так и не пришел. Вот и плачу мужичкам, за то, чтобы ведро с угольком на этаж подняли. Кому рупь дам, кому на папироски.

Я выхожу во двор и начинаю таскать ведра с углем, с запасом. Старушка счастлива.

– А эти то... лоботрясы... все просят у советской власти и просят... Белые-то когда придут, сынок? Заждался!

Простите их, Мария Платоновна! Они уже здесь.

* * *

Когда будущие депутаты самого первого Муниципального совета Сестрорецка, а если быть точнее – директорская группа, говорила об опасности прихода в местную власть криминальных структур, они не занимались пугалками. Они знали ситуацию с законодательной властью в городе Выборге, напроочь пронизанную криминальными спорами в те самые времена. И

в Курортном районе сразу же возник, пусть и отдаленно, но напоминающий об опасности, сюжет – он случился в Зеленогорске. Поначалу посмеялись над тем, как один из кандидатов при подсчете голосов на глазах у всех с истошным криком потребовал засчитать бюллетень, где в квадратике напротив его фамилии было написано слово «мудак». Пусть такой, но честно заработанный голос!

Может быть, подобные надписи в документах и привели к депутатству гражданина Р., который затем возглавил Зеленогорский совет. Этот человек считался весьма тенденциозной личностью, как и другой его товарищ Б., несколько лет спустя его убили. Оба прошли на выборы в составе кривенченковского объединения «Родной Зеленогорск», это был клон объединения «Родной Сестрорецк».

Сегодня уже трудно судить, какая борьба развернулась в муниципалитете Зеленогорска, за какие такие места и за какие коврижки, однако вскоре судья Галина Николаевна Белюсова, человек в Зеленогорске и в судебном корпусе авторитетный, отменила результаты выборов. Но по какой-то традиционной для России чиновничьей запарке муниципалитет продолжал финансироваться, а когда все же этот денежный поток решением суда был пресечен, со стороны Р. посыпались телефонные угрозы в адрес судьи. Вечером того же дня (был конец октября) дачный домик судьи Белюсовой сгорел. Не надо быть семи падей во лбу, чтобы вычислить заказчиков преступления, о чем судья открыто и рассказала телеведущей питерского ТВ Марианне Бакониной, назвав имена подозреваемых ею людей. «Телевизионная служба безопасности» взяла под контроль ситуацию, отметив попустительство вышестоящих властей в Зеленогорске. Вот только каких?

К сожалению, я не знаю конца этой криминальной истории.

Собчак

Был целый год, когда я уже жил в Сестрорецке, у довольно известного человека на Инструментальном заводе.

Однажды ночью раздался телефонный звонок. Ровно в полночь, минута в минуту. В комнату, где я уже спал, раздался стук хозяйки квартиры:

– Там вас Собчак...

Я отмахнулся: со всяким может случиться. Через пару минут стучит еще раз:

– Там Собчак...

Боже, не пришлось бы вызывать скорую, уже ночь. Опять отмахнулся.

Еще две минуты проходит:

– Там Нарусова...

Выхожу в коридор. Действительно, звонит Нарусова:

– С вами будет говорить Анатолий Александрович. Анатолий Александрович даже не извинился за столь позднее вторжение, но уверенно налил елею:

– Мне сказали, что вы в Сестрорецке популярный журналист. Мне необходимо срочно дать интервью. Вы можете приехать ко мне домой, часов в восемь утра, на Сиреневый бульвар?

Я на секунду представил, что утром тащиться в неизвестную Америку, но журналистский рефлекс, подразумевающий подобных персон «брать» на бордаж, не думая, сработал.

– А с фотокором можно?

– Нужно.

Тут же звоню Мише Новаку в Питер, вторгаюсь в личную

жизнь по эстафете, договариваемся встретиться у черта на куличках у какого-то метро, встречаемся. Ровно в восемь утр, звоним в квартиру Собчака.

Он легко одет, приглашает в маленькую квадратную комнату. Пока раздеваюсь в коридоре, вижу и понимаю, что это обыкновенная совковая квартира, без всяких излишеств и припампасов.

На рабочем столе лист бумаги с выведенным чернилами заголовком: «Кровавое воскресенье». Понимаю, что речь о последних событиях в Тбилиси. С них и начинаю.

– Пишите на диктофон.

– Анатолий Александрович, я диктофоны ненавижу, мне легче записывать на бумагу.

Минут через тридцать беседы смутное подозрение: что-то легко интервью идет, так бывает нечасто. Не понимаю. И вдруг осеняет: он же – преподаватель, надиктовывает, а я конспектирую. Очень даже удачно. Интервью сделал в этот же вечер, быстро и без проблем.

Собчак варит кофе, приносит, Мишка Новак фотографирует. Снимки явно удачные. Вдруг легкий толчок в дверь:

– Папа, тебе сделать яичницу?

Девочка лет двенадцати, в трусиках и маечке, заглядывает в комнату. Ксюша. Я толкаю Мишку Новака: дуй на кухню, когда еще такой сюжет подвернется! А сам продолжаю разговор с Собчаком.

– Принесите интервью на юрфак, там у меня завтра лекция, завизирую.

Утром спешу на лекцию, слушаю вместе со студентами. Потом ловлю Собчака на лестнице. Он спускается завернутый в шарф, скрывает лицо. Меня не узнает, но я сую ему несколько листов бумаги. Не читая, подписывает.

А тогда в квартире, когда прощались, случился казус.

– Вы меня до Домжура подбросите? Там через час пресс-конференция.

– Да мы на своих двоих. И вам советуем. И тут меня дернуло:

– Анатолий Александрович! Можно вам дать совет?

– Валяйте!

– Через день сессия Ленсовета, вас изберут мэром города. Но вы не меняйте эту квартиру. Не надо!

Собчак сокрушенно и нелегко вздохнул.

...Несколько лет спустя, читая «Собачье сердце» Юрия Шутова, скандальную книжку, которую мне подарил сам автор, я наткнулся на эпизод, когда после первого визита в квартиру на Сиреневом бульваре, Юрий Титович говорит Собчаку: «Анатолий Александрович, я дам совет: не меняйте эту квартиру!». Я прочитал и подпрыгнул. Вот и думайте, что хотите.

Интервью с Собчаком напечатали несколько небольших питерских газет, а вот из демократического журнала «Радуга» из Эстонии пришел вежливый отказ – там был несколько иной взгляд на кровавую бойню в Грузии и роль российских демократов в бурных событиях 90-х.

На самом деле, я рассказываю эту историю совсем не потому, что довелось, как журналисту, пообщаться с такой мощной политической фигурой, какой при всех недостатках был первый мэр Санкт-Петербурга. В конце концов, мало порадует сюжет, когда под сигнализацией его могила на Никольском кладбище Лавры, врагу такого не пожелаешь.

Примечательна та история, конечно же, другим: фразой двенадцатилетней Ксюши Собчак: «Папа, тебе сделать яичницу?», а не «Папа, сделай!». Был просто Дом, до Дома-2 Ксюша еще не выросла.

Предатель

Надо сказать, депутаты, случается, высказывают резкую, противную точку зрения «вышестоящиепридержавшие». А «вышестоящиепридержавшие» это уже чиновники и районного уровня, и городского, не говоря о московских высотах. В Сестрорецке депутаты громко протестовали против закрытия родильного дома, против московских новаций намыть в Финском заливе никому ненужные и пагубные острова, еще раньше, в начале 2005-го, выступили против монетизации, этой уродливой финансовой авантюры правительства, за которую расплачиваются нищетой и бедностью десятки миллионов жителей.

В своей книжке я стараюсь как можно меньше писать о политике, процесс этот сам по себе гнилой и паршивый, однако он помогает высветить души настоящих людей и душонки предателей.

Гулькин, человек оказавшийся душевным фальшивомонетчиком, носивший орден Красной Звезды, принадлежавший герою Отечественной из города Львова, мутивший народ популист-

скими лозунгами о борьбе с коррупцией, остался верен себе, гаденькому, и в вопросе о монетизации льгот: в одном из политических журналов изрыгал словоблудие в пользу правительственных авантюристов. Оранжевые мозги и ввергли психику депутата в расчленение личности. Надо ли говорить, как хохотал Сестрорецк, когда «В курортном городе С.» напечатала сатиру великолепного Владимира Вишневецкого из Москвы, которая сопровождала статью «День сурка. Оранжевый рассвет», про нашего негодая:

*Если меня пригласят в правительство.
Все получают большое удовольствие.
Если, конечно, мне развяжут руки.
Если только
мне развяжут руки,
то уже через неделю
наступит финансовая стабильность,
то уже через месяц
мы отдадим все долги,
если мне развяжут руки,
а уже через два месяца
Международный Валютный Фонд
будет бегать за нами
с протянутой рукой
и пытаться всучить кредиты.
Если только мне развяжут руки.
А уже через полгода –
слово офицера! –
наступит всероссийский оргазм,
Если мне развяжут руки.
Но для начала развяжут ноги
и отвяжут от кровати.
Спасибо.*

Президент

Забавный случай произошел с одним из моих коллег в одном из районов Петербурга, когда вот-вот должна была начаться очередная выборная трескотня, кажется, в Государственную думу. Понятно, что на некоторых выборах нужно опираться на власть, и это случается правильно, хотя не всегда. Вот его рас-

сказ, и поэтому кусочек главки пойдет от первого лица.

...Я постучал в дверь кабинет образцовой чиновницы Н., причем без всякого подкола – образцовой, потому как она всегда была человеком-задачей, человеком-функцией. Такие получают из школьных отличниц, когда дети бывают юными коммунистами. И поэтому они вменяемы. И внушаемы.

Надо сказать, что должность чиновницы по умолчанию определяла идеологическую составляющую, неестественную, по сути и содержанию, со времен перестройки.

– Нина Викторовна, мне сегодня приснился Путин. Чиновница удивленно поднимает глаза.

– Да-да, приснился. Именно Путин. Я не мог его спутать ни с кем другим.

Удивление на лице чиновницы неиссякаемо ободряюще.

– Его невозможно спутать ни с кем. Невозможно. У меня еще в коридоре портрет Путина висит, после третьей стопки гляну – мироточит. Ей богу, мироточит, я проверял.

– Подожди, – говорит чиновница и поднимает трубку телефона.

– Кузьма Викторович? – (это глава района). – Чиновница торжественно улыбается, улыбается и торжествует, – Синицыну наш президент снится. Как это какой? Вот пришел в кабинет и рассказывает.

На том конце провода молчание. После кашля из трубки слышится:

– Это хорошо, что Путин, а никто другой. Пять номеров газеты по тридцать пять тысяч.

Чиновница:

– Готовь документы.

– Но по тридцать пять было на прошлых выборах. Деньги уже другие.

Однако без особой грусти бреду от стола к выходу из кабинета. Берусь за дверную ручку, и тут осеяет. Возвращаюсь к чиновнице:

– Нина Викторовна, если глава говорит, что Путин по ночам – хорошо, то зачем меня по утрам эта девушка будит, мешает хорошим снам?

– Жена что ли? Марина?

– Да не жена. В бок так и толкает: вставай, кашалот, на работу пора. Очень похожа на губернатора.

Улыбка с лица образцовой чиновницы слетает по мановению

волшебной папочки оно становится непроницаемым и отрешенным.

– Подожди, еще раз позвоню. Кузьма Викторович? Ему сны мешает смотреть... Кто-кто? Только не вслух. Пять номеров по сорок?

Негусто. Но победно уйду из кабинета.

Это лишь один из многочисленных анекдотов про выборы. Говорить о выборах в нашей стране серьезно сегодня совершенно невозможно, потому как их просто нет.

Власть есть, а выборов нет.

Остается выбор.

* * *

Абсолютная чушь, а ведь жаль, что не вешая.

Снится под утро сон: в стеклянном бизнес-центре на 17-й линии Васильевского (построенного вместо какого-то разрушенного завода, пугавшего своим демократическим оскалом прохожих), почему-то в коридоре я и Анька разговариваем о чем-то с президентом Путиным. Владимир Владимирович готов дать много денег на газету, но в кармане только на один номер, тысяч пятьдесят, и он отдает купюры сестре.

Аня уходит, я о чем-то еще разговариваю с президентом, он обещает через своих людей передать много денег. Много-много, как Абрамовичу. Я уйду и иду по бульварчику, но вслед за мной вдруг вылетает Владимир Владимирович и сует мне пачку тысячерублевых, вот, говорит, в карманах нашел. Владимир Владимирович слегка навеселе, его пошатывает, но страна любит своего президента, в любом виде любит.

Но ведь Путин не пьет, значит, все-таки сон коварный, и я просыпаюсь, в хорошем настроении, потому, что верю – президент у нас не пьет, не как до него некоторые, ну, а денег, пусть даже и не даст, вертикаль все-таки, борьба с коррупцией беспощадная.

Просыпаясь, вспоминаю, как спортивный обозреватель газеты «Смена» Юрий Коршак много!» лет тому назад рассказывал о своих впечатлениях об Америке: выступает Картер по телевизору с традиционным обращением к нации, в Овальном кабинете (прямой эфир) заканчивает речь, а телевизионщики не успевают отключить камеры. Картер лезет под стол за бутылкой: «Страна любит своего президента! Страна гордится своим президентом!» – и хлоп фужер в прямом эфире.

Казус. Вот и сон мой – казус, не в руку сон.

Еще одна история с выборной кампанией в 2000-м году в городе Лахденпохья в Карелии. Литовка попросил помочь его товарищу – Борису К., служившим в том карельском городке заместителем главы администрации. Предполагались выборы главы, а Борис отвечал за ЖКХ, в общем, полный завал. Но опыт выборной борьбы у меня накопился, сам черт не страшен. Напросился поехать со мной сестрорецкий журналист К., Петрович об этом не знал.

Поехали. Коллега наглогался еще до всякой Карелии.

В небольшой деревянной гостинице (оказалось, по соседству останавливался при наездах в этот городок и Петрович), одноэтажной, из дерева, как и положено в карельских краях, мы выбрали себе комнатку. И тут произошло непредвиденное. Хозяйка гостиницы услужливо поинтересовалась, нужны ли девочки. А то вон финик заезжий в номере напротив развлекается, пять девиц в комнате, и неделю из комнаты не выходит.

– Это может быть провокацией, – заявил я напарнику, – у нас выборы.

– Это у тебя выборы, а я от жены улизнул. Пронырливая консерж тут же убежала, и через десять

минут... Через десять минут милиционер уже выгружал из подъехавшей машины девиц легкого поведения. Помятые, нетрезвые, среди них малолетка. Мент выстроил жриц любви в коридоре гостиницы по стойке «смирно». Дальнейшей трагикомедии удалось избежать лишь применив к коллеге кулачную силу, прогнав его по коридору в номер.

Там долго не задержались. Друг захотел есть, и я пошел, подерживая за руку товарища, искать какой-нибудь кабачок. Кабачок стоял на высоком холме, к нему вела крутая узкая лестница, когда же мы преодолели все препятствия, мне удалось усадить товарища за крайний стол в углу.

...Медленно в нашу сторону повернулись десять стриженных квадратных голов на раздетых и разукрашенных синими наколками торсах, массивные золотые цепи раскачивались, как на пушкинских дубах. Официант спросил шепотом: «Вы-то как здесь оказались, ребята, откуда?» «Из Питера», – шепотом ответил я.

Коллега пил с удовольствием, его было не тормознуть, ни после третьей, ни после четвертой, а после пятой он упал в центре зала – шел за шестой. Я грустно осознал свое бессилие – не под-

нять и не вернуть в гостиницу. Да и боя (мордобоя в одну харю) не избежать.

Квадратные головы на могучих обнаженных торсах развернулись и с жалостью посмотрели на меня. Подняли тела с мест, подняли и моего упавшего, обезноженного алкоголем Витюху, вынесли товарища на крыльцо.

– Дальше сам.

Еле-еле поймал машину. Доставил в гостиницу и усыпил товарища по сестрорецкому перу. Спал он дня три, пока я занимался выборами.

– Приехали-то вы приехали, только ничего не получится. Здесь жириновцы все давно оккупировали, – сразу же сказал мне представитель президента Карелии Кантонистова.

Я стал гоняться вместе с Борисом К. по городкам и весям. Побывал в Сортавале, в деревеньках.

В Пахденпохья я столкнулся с пасторальным сюжетом: Борис Сергеевич Коняев рассказал мне об умирающих карельских деревнях.

В одном из поселков, недалеко от его городка, в Ринтале, есть школа, там учится всего один ученик и что целую школу открывают ежедневно для одного единственного второклассника, я не поверил и попросил меня убедить. Я настоял, чтобы мы непременно туда поехали, ведь факт для журналиста прелюбопытный.

Светило яркое весеннее солнце, дорога была коричнево-рыжая, вся в лужах да колдобинах, бурно таял снег, но добрались. Крохотная деревушка, два десятка деревянных домов и один каменный, в два этажа, эта и была школа.

Я вошел в маленькое двухэтажное здание деревенской школы, вошел в класс и сел за парту. Второклассник Сережка Вахрушев отвечал урок своей единственной – по всем предметам – учительнице. Жириновцев в деревне не было.

Всего один ученик! А школа для него открывается каждый день, учитель ведет уроки, ставит отметки за выученные или невыученные уроки!

Паренек, единственный второклассник – кругленький симпатичный мальчишка. Он даже не знал, что такое списывать уроки – не с кого! Такая вот ученическая девственность. Потом мы пошли к нему во двор и все вместе фотографировались с цветастым шикарным петухом.

Восторги поутихли, когда узнал, что за пятнадцать лет в этой

двухэтажной деревенской школе учились всего сорок пять учеников (до четвертого класса, потом их забирал ежедневный автобус в другую, «взрослую» школу).

Ринтале – деревенька умирающая, сразу за ней рубили деревья: угоняли шаланды в Финляндию.

И я увидел умирающую Россию.

Эх, яблочко!

Не помню, как и случилось, но в 2003 году мне предложили делать муниципальную газету на Васильевском острове с традиционно скучным названием «Муниципальный вестник округа №8», впрочем, почти у всех газет подобного рода названия скучные, неинтересные, но такова их судьба, часто похожая на своих хозяев-депутатов. Срабатывает напускная «серьезность», «ответственность» за каждую напечатанную строку, отсюда и неистребимое желание «свою» газету подвергать жесточайшей цензуре. Она, как известно, давно запрещена законом, но депутатам и чиновникам любого уровня объяснить это невозможно в принципе – они же «свои» деньги на газетку тратят. Правда, абсолютно точно – не свои, а народные.

Обижаться на статусную пришибленность даже как-то не хочется, доказать что-то обратное депутатам и чиновникам в принципе невозможно. Может, и бывают исключения, мне они почти неизвестны.

В округе (западная часть Васильевского острова – от Тучкова моста до Смоленского кладбища) около сорока тысяч жителей, на свою газету они имели полное право, ну, я было и взялся. Скорее всего, потому, что неподалеку живет Марина, жена, и она тогда хотела в газету писать. Она сделала очень неплохую статью о Смоленском кладбище, потом писала о ветеранах, стариках и старушках, у нее неплохо получалось. Я же занимался политикой, выборами и прочей муниципальной лабудой.

Поначалу среди депутатов преобладали «яблочники». Андрей Сергеевич Борисов, а было ему за шестьдесят, оказался,

как ему самому казалось, убежденным демократом и подвиг за собой в пучину еще нескольких депутатов. Перед очередными выборами приехал политолог Борис Вишневский и научил, как сделать газету под простым и доступным каждому лозунгом «Ни одного голоса «Единой России!»», и Борисов провел всех своих с огромным отрывом.

Конечно же... Конечно же... Не обошлось без традиционного политического предательства: на первом же заседании Совета почти все решили перепрыгнуть в партию единороссов. Борисова председателем не избрали, я был шокирован заговором, послал всех на... и из газеты ушел. Через пару лет депутаты той же самой оравой вступили в «Справедливую Россию».

Андрей Сергеевич Борисов закончил свою депутатскую карьеру еще раньше и жена ему родила третьего ребенка, настоящее яблочко, когда ему исполнилось 58.

Борисов оказался мужиком упертым, эта упертость помогла спасти Большой проспект Васильевского острова от застройки его ларьками прямо на газонах – некоей фирмой «Просперити». Это была территория соседнего муниципалитета, но там руки вверх выкинули. А Борисов вмешался, дело довел до победного, в него потом стреляли из травматик бандиты, предупреждали. Спрашивали: кто ответит за взятку, данную чиновникам, 5 миллионов (чего)?

Тем не менее, в «яблочнике» Борисове было меньше всего от демократа, он был стопроцентный узурпатор власти и диктатор. Любил переписывать мои статьи, нудя над каждой строкой и буковкой. В конце концов, я придумал анекдотичный способ подготовки газеты: приходил к нему в кабинет и говорил: «Время пошло, диктуйте!». И он, довольный собой, диктовал, сам себя корректируя, изнемогая, а когда совсем плохело, приглашал в кабинет коллег-депутатов и начиналось групповое она-нирование текстами. Бред полный, а когда всем становилось невмоготу и дурно, расходились, шатаясь от бессилия.

Так и писалась газета. Большей паранойи по отношению к «собственным СМИ» я, слава Богу, уже нигде никогда не встречал, ни при каких обстоятельствах.

Поговорили...

Курьезная встреча с губернатором «тетей Вале́й» Матвиенко, летом 2008 года.

С Васильевского острова ехал к матери на Большевиков. Самый удобный и проверенный путь – перебраться через Тучков мост, сесть на метро на «Спортивной», отсюда по прямой. Вхожу в подземный вестибюль, вижу издалека - много народа, ну, думаю, собирается группа туристов. Ближе подхожу – кругом операторы с телекамерами, значит, что-то снимают. Уже любопытно. Еще ближе. Вижу: губернатор Валентина Ивановна, что-то говорит в микрофон, отвечает на вопрос корреспондента. Речь ведет о проблемах метро, куда какие ветки тянутся, и где будут строиться и за сколько, в общем, о светлом будущем темного подземного города. Субботний губернаторский объезд, по традиции власть как бы к народу прикасается.

– Последний вопрос! – угрожающе крикнул журналистам какой-то там ответственный товарищ. – Всего один!

Вылезла какая-то девчушка, совсем птенчик, блокнотик в руках и авторучка.

– Валентина Ивановна! Валентина Ивановна! – зазвенела очередная надежда петербургской журналистики.

– Как вы относитесь к предложениям переименовать метро «Проспект большевиков» и Дыбенко в «Оккервиль», и так далее?

– Очень дорогое мероприятие, моя девочка, город к таким затратам не готов. А мнение горожан мы точно знаем, но, конечно, будем советоваться.

– Это был последний вопрос! – завершал ответственный.

Пресс-конференция на маршруте губернатора была окончена. Толпа журналистов и просто зевак расступилась и... о, ужас!

– Валентина Ивановна двинулась прямо на меня, и мне никуда не деться, шаг влево, шаг вправо, расстрел уже не поможет, поздно. Телекамеры всех возможных телеканалов были направлены прямо на нас, на меня с губернатором или на губернатора со мной – уже все равно, поздно. «Тетя Валя» чуть ли не уперлась в меня грудью. «Какая загорелая!» – пронеслась первая, ужасающая и бестактная, а главное – единственная мысль.

Валентина Ивановна, отдаю должное губернатору, человеку с греческо-политическим опытом, не растерялась:

– А вот у жителя нашего города сейчас прямо и спросим – как он относится к переименованию метро «Проспект Большеви-ков»?

Я понял, что другого случая высказать свое мнение просто не будет:

– Живу как раз на этом самом проспекте, туда и еду. Думаю, надо переименовать, это требует время. Раз переименовали Ленинград в Петербург, то и надо двигаться дальше, не тормозить.

– Так и «Дыбенко» переименовывать? – спросила удивленно губернатор.

– И «Дыбенко».

– Тогда и сам проспект Большевиков надо тоже по-другому называть.

– И проспект. Денег у города много, хватит.

(Разговор случился за два месяца до мирового экономического кризиса).

– И Подвойского тоже? – с последней надеждой на иную позицию спросила Валентина Ивановна.

– И Подвойского!

Удрученная ответами Валентина Ивановна под телекамеры двинулась дальше.

– И Коллонтай не забудьте! – с последней надеждой выдохнул я в спину Валентине Ивановне. – Коллонтай!

Процессия колыхнулась куда-то дальше, вслед за губернатором. Я вступил на ступеньки эскалатора и рассмеялся: всего через три дня должна состояться презентация «Петербургского арсенала» – нового строительного образования на месте уже бывшего Инструментального завода в Сестрорецке, у меня было на нее приглашение, должна была приехать и губернатор. Еще одна встреча получалась почти неизбежной. Презентацию по каким-то причинам перенесли дней на десять. Но она состоялась.

Я приехал к самому началу, прошел на территорию завода и в цех, где и должно было состояться торжество. Или заклание, или похороны – кому как милее. Нацепил на пиджак пейджик «Пресса».

Губернатор приехала и пошла мимо приглашенных. Минуя меня, на секунду задержалась, сработала историческая память. Ее лицо на мгновение и недоуменно передернулось, но тут она увидела Виктора Михайловича Михайлова, когда-то, давным-давно, в седые еще времена, их объединяла комсомольско-партийные молодость, о которой по городу ходили невероятные слухи, один другого краше и гаже. Тепло поздоровалась с Михайловым и, слава Богу, на этом наше визуальное свидание прекратилось.

«Тетя Валя» говорила недолго и красиво. Настолько складно, что рука мастера, составившего речь, чувствовалась мгновенно. Думаю, Матвиенко была на сестроречском заводе первый и единственный раз, но ее выступление на тему грядущих перспектив нового строительного жилого и делового комплекса в центре города казалось безоговорочно убедительным. Настолько безоговорочным, что хотелось соглашаться. Но внутренне – знаю точно – многие содрогнулись, не могли не протестовать – с историческим Оружейным, затем Инструментальным, заводом почти три века неразрывно связана история города. И для тысяч его жителей уничтожение завода, его продажа американскому бизнесмену – как удар в сердце, как самое большое в жизни унижение и оскорбление. Но уже поменялась эпоха, и слезы оставались крокодиловы.

Пока же в цехе вдоль стен красного кирпича были расставлены картины на продажу, очень интересные картины с историческими сюжетами из жизни уходящего в никуда старинного Петербурга, высоко на балконе, под самыми сводами полуразрушенного цеха, играл оркестрик скрипачей, очень талантливо и красиво играл, между прочим, и, между прочим, играл тот оркестрик Вивальди. Я подтолкнул знакомую коллегу из другой газеты:

– Вот и заголовок – «Под музыку Вивальди».

Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди...

Где-то неподалеку был расстелен искусственный травяной ковер, вокруг с трех сторон водрузились белоснежные палатки, а с одной стороны – сцена, на которой кучковались очередные музыканты для радостно-восторженного прощания с истори-

ческим прошлым завода, а на изумрудном травяном покрытии стояли небольшие круглые столы с виноградом и яствами, и к каждому гостю подходили официанты с белоснежными салфетками наперевес, поклонившись, спрашивали – чего угодно, и не принести ли рюмочку водки, чистой как слеза, или вина изволите, и не положить ли вам вишенку в рот. Это была презентация на европейском уровне, пожалуй, лучшая из всех, на каких я бывал в районе. Или на торжественно-траурное мероприятие, если хотите. Потому что среди закладных кирпичей, из которых соорудили презентационную кладку будущего «Петровского арсенала», кирпич с инициалами губернатора Матвиенко – всего лишь красный кусок каленого камня, а вот кирпич с инициалами Петра I – это, пожалуй, уже кощунство, неосознанное, но весьма циничное: царь Петр в 1724 году закладывал на этом самом месте камень для совсем иного дела. И если три века спустя, летом 2008-го года, случилось в Сестроречке не мракобесие, не затмение, то, что тогда?

И зазвучат
с небес
колокола

И воссияют золотые купола!

В Солнечном готовят чертежи для воссоздания Церкви иконы Смоленской Божией матери. Еще в самом начале прошлого, двадцатого века, ее изображение было напечатано на открытке, сами открытки той эпохи давно считаются раритетом. Мне неизвестно, когда и как была разрушена эта церковь, только в середине века в Оллила был молебельный дом, протестантского толка. И каким-то злым роком стала скандальная передача земли под центр «Свидетели Иеговы» в Солнечном в самом начале перестройки. Православный Петербург был шокирован и оскорблен таким разрешением мэра Собчака, но тогда все донесли о религиозной толерантности. Десятки тысячи людей попали в сектантские сети псевдо-религиозных организаций.

Как журналисту мне пришлось разбираться в судьбе некоторых жертв, а эти люди были именно жертвы, от общения с ними становилось тяжело. Участь этих людей печальна. В свое время я написал серию статей про иеговистов из Солнечного (пять больших публикаций под общим названием «Бал сатаны»).

Какая у газеты могла быть позиция, какие взгляды, кроме исконно православных? Я вырос в православной семье, все были верующими, да и главный создатель газеты Евгений Петрович Литовка человек истинно и глубоко верующий, для которого отношения с церковью, с Богом, личные и выстраданные, потому и светлые. Евгений Петрович всегда говорил, что одна из главных целей его жизни – построить в поселке Александровская, где живет, храм. И такой храм – Рождества Пресвя-

той Богородицы – появился, и воссиял на невысоком склоне, и был большой праздник, и было радостно. Ядвига Аркадьевна, жена Петровича, всегда была верным спутником в большом строительстве, к которому Евгений Петрович сумел привлечь и руководителей всех крупных предприятий района, санатория «Сестрорецкий курорт» тоже. Вот выполнил человек в своей жизни главную, предначертанную ему задачу, и спокоен, душа чиста. Сотни людей стекаются в Александровскую на службы в православные праздники.

А самый первый храм, который восстановили в районе – Храм иконы Божией матери в Зеленогорске. Помню, как его в 1990-м возвращали прихожанам. Приехал митрополит Алексей, были молебен и крестный ход.

Много лет спустя, когда в Зеленогорске (и тоже на базе «Курортэнерго») находилась редакция, я в свой день рождения пришел в храм. 15 февраля, сретение Господне, когда зима встречается с летом, красивый солнечный день, и вот вхожу в храм, а там венчание, и с небосвода солнечные лучи на новобрачных, зрелище было волшебным.

На следующий год, в ноябре, я венчался в этом же храме, и ноябрьский день был тоже солнечным и волшебным.

Но это было потом, а в самом начале 90-х, когда неожиданно для многих в стране поднялась великой высоты волна по возврату церквей и церковных ценностей, по восстановлению порушенных коммунистами и чекистами храмов, тема возрождения стала одной из главных, бурно начала подниматься и в Курортном районе, в Сестрорецке. Уже на первых своих заседаниях депутаты стали ставить вопрос о возвращении и восстановлении Храма целителя и великомученика Пантелиимона в Тарховке. Я работал тогда в «Здравнице», газета стала настойчиво поднимать вопрос о возвращении порушенной церкви верующим. В 1934-м году, когда рушили и храм Петра и Павла в Сестрорецке, порушили и тарховскую церковь (известно, что устояла только одна церковь – князя Владимира в Лисьем Носу, там не дали надругаться жители, среди которых очень многие были вооруженными охранниками). Я поставил себе задачу – помогать отстаивать интересы верующих, обошел почти все дома вокруг храма в Тарховке, разговаривал с людьми. Старые люди вспоминали: была церковка красивая, как игрушечка. Вот это «как игрушечка», мне запомнилось тогда больше других слов.

Ситуация осложнялась тем, что сразу после войны в здании церкви сделали дачные комнаты Управления пожарной охраны Ленинграда, начальники там обжились основательно. До войны и во время войны в бывшем церковном здании располагался народный суд. Судить-то судили, да вот увозить в «Кресты» не получалось – не было элементарного бензина на машины. Людей запирали в плохо приспособленные камеры-каморки, осужденные умирали в них от голода, потом тела выносили во двор и тут же закапывали. Получалось, что и отдыхали-то горе-дачники на костях.

Взбеленились, однако! Несколько раз приезжали в редакцию, что-то там доказывали, грозились судебными разбирательствами. Я им про божью кару, они мне про законность летних утех. И так далее. Но потом отступили. Решение райсовета было исполнено.

Первый крестный ход проводили по снегу, в Рождество. В снегу стояли свечи и светлы были лица прихожан. Потом стали собирать деньги на восстановление церкви. Подключились предприятия, организации, предприниматели и бизнесмены. И сегодня храм – как игрушечка, таким вспоминали его старожилы.

Помню, ездил в Лисий Нос, к о. Бекаревичу, мы говорили с ним о возрождении церквей. Много лет спустя он умер, в больнице. У меня были записки сестроречанина Евгения Каменщикова, он писал рассказы, лежал он в больнице в одной палате с отцом Бекаревичем, и написал об его уходе из жизни, спокойном и смиренном уходе.

О Храме иконы Тихвинской Божией матери, который воздвиг у самого вокзала предприниматель в не таком уж далеком прошлом Игорь Коневиченко (сегодня о. Гавриил), немного ниже. Добавлю лишь, что рядом находится Православная библиотека, вторая во всем Санкт-Петербурге, таких больше нет, и для ее создания Игорь Леонидович пожертвовал рестораном (добавлю от себя – уютным и недорогим), потому что определился в дальнейшей своей жизни. Но рассказ об Игоре, как человеке, много сделавшим и делающим для церкви, будет неполным, если не сказать о чем не знают сестроречане. А не знают они, что на счету Игоря спасенный храм св. Ольги в Петродворце, а при храме – церковь святого мученика Юрия Новицкого. Профессор кафедры уголовного права Петроградского университета Юрий Петрович Новицкий был расстрелян вместе с митропо-

литом Вениамином (казанским), был причислен к лику святых. Храм св. Ольги оказался на территории Университета, его хотели снести. Коневиченко воспользовался обстоятельством, что в тот момент был руководителем районного исполкома одной из партий, вмешательство по этой линии и спасло церковь от сноса. И это невозможно отнести к случайности: Коневиченко числится прилежным благотворителем и устройтелем храмов Московского Патриархата – Рождества Иоанна Предтечи в Старой Ладоге, святых апостолов Петра и Павла в Знаменке, святой равноап. кн. Ольги в Михайловке. Отметим, что помог Игорь Леонидович и в отливке колоколов Храма Петра и Павла на Перепадской набережной в Сестрорецке. Восстановлению этого храма способствовало понимание Нины Васильевны Кукурузовой, а конкретное воплощение произошло при патронаже Александра Беглова. В октябре 2009 года храм освятил митрополит Кирилл. Посвящен он подвигам моряков-подводников, обозначили на берегу озера Разлив и начальную историю подводного флота России в виде макета первого «потопленного судна» крестьянина Ефима Никонова, испытания которого проходили якобы в здешних водах. Только каких – озера Разлив, которого не было в 1721 году в природе (появилось в 1724-м), или в реке Сестре – столь глубокой и столь широкой?

Тайна сия мудрена.

* * *

Мало кто помнит и знает, как начиналось возрождение православного движения в Сестрорецке. А ведь именно оно и стало первым кирпичиком множества богоугодных дел, случившихся в нашем районе за последние двадцать лет, когда только в Сестрорецке и ближайших поселках служат уже в четырех церквях – храмах Тихвинской иконы Божией матери, православных первоапостолов Петра и Павла, Рождества Пресвятой Богородицы в Александровской и Святого целителя и великомученика Пантелиимона Тарховке.

Создать православную общину в Сестрорецке призвал Клуб избирателей Сестрорецка во главе с фармацевтом Владимиром Солодовником. Митинг, который назвали митингом Милосердия, состоялся на заводском стадионе 10 июня 1990 года, эту дату пусть и сохраняют краеведы на все времена. На нем была создана православная община из первых 77 человек. Депутат Бронислав Лукосяк из Тарховки, царствие ему небесное, положил первые десять рублей в казну общины, присовокупил в

казну 1 тысячу рублей и настоятель из Князь Владимирского собора в Лисьему Носу о. Олег Бекаревич. Этот замечательный священнослужитель уже давно умер, а я помню свой долгий разговор с ним в Лисьем Носу, он был очень печален – умерла супруга, а говорили мы о возрождении Храма в Тарховке. С именем о. Олега Бекаревича связаны десятки лет его служения и верности прихожанам Лисьего Носа.

Очень скоро община стала собирать пожертвования на восстановление Храма Пантелиимона. Сегодня он уже намолен. Позади трагедия храма.

* * *

Тот давний разговор в кабинете Литовки занял часа два, касался он будущего Тарковской церкви. Именно в то самое время в Санкт-Петербургской епархии проходила массовая «перемена мест служения» священников, меняли приходы, и число таких перемен мест достигло в тот год 60-ти! Необъяснимо большое число, мне неизвестны причины такого массового «исхода», впрочем, это дела внутрицерковные.

В нашем случае вместо полюбившего сестроречанам о. Владимира (в миру – Чупова) прислали некоего отца Геннадия (в миру – Емельянова). Тот сразу предложил значительную часть икон (а их приносили из домов верующие, когда храм воссоздавался)... сдать в комиссионный магазин. Возмущению прихожан не было предела, церковная десятка выступила с заявлением о невозможности быть рядом с таким «батюшкой», да еще жена его занимается своего рода бизнесом – изданием разного рода литературы.

Скандал не мог не вспыхнуть, слишком дорогой и долгой ценой досталось Сестрорецку возвращение Храма целителя и великомученика Пантелеймона.

Участвовавшая в нашем разговоре архитектор Ольга Рунтова (одна из авторов восстановленной Тарховской церкви, по ее же проекту, была построена и часовня князя Александра Невского на сестрорецком кладбище), с грустью сказала:

– Роковая какая-то фамилия для Сестрорецка – Емельяновы. То в шалаше кого-то скрывают, то активист Василий Емельянов рабочих на субботник ведет на берег залива и берется за разминирование, не будучи сапером – двадцать человек гибнет. То вот священник, в миру Емельянов, со своими нелепыми проектами...

19 января 2004 года на водах озера Разлив состоялся первый праздник Крещения Господня, наш «Сестрорецкий Иордан» потряс тогда весь Петербург. О значительном и знаковом событии в жизни сестроречан написали практически все городские газеты, не отставали и центральные издания.

Я хочу нанести столбовую зарубку в историю нашего города, вот почему считаю невозможным не отметить это событие, по масштабам Сестрорецка оно стало действительно грандиозным. Подготовили его «XL-холдинг», его руководитель Игорь Коневиченко и о. Сергей (в миру Коломиец). Участвовала казачья община «Петербургская станица», угощали чаем и пирогами, праздник перерос в красивые народные гуляния, в них не было ни капельки фальши, была искренняя радость на лицах людей. Крестный ход к озеру совершался от Храма Пантелеймона в Тарховке, на берегу озера, там, где сегодня на Перепадской набережной стоит Храм Петра и Павла, была подготовлена огороженная деревянными подмостками прорубь, людей в воды окунали казаки. Собрались несколько тысяч человек. Молва разнеслась по всему Петербургу и с каждым годом все большее число верующих приезжали сюда на Крещение.

Игорь Коневиченко рассказывал петербургскому телевидению: воды озера Разлив осквернены Лениным, это его убеждение, а праздник Крещения предполагает очищение. Это не заказанная политическая позиция, как могло показаться некоторым, такое у Игоря отношение к истории России.

Коневиченко не раз организовывал в Православном центре казачьи праздники. Один из них был посвящен двухсотлетию Собственного Его Императорского Величества Конвоя – событию мало кому знакомому, в этом как раз истинное отношение к истории, к сохранению традиций казачества: на банкете в честь события подавали кухню по рецептам царского банкета в честь столетия Конвоя, который в свое время дал Николай II. Лучшее подтверждение сохранения традиций – великолепно изданный альбом «Казачество как часть нашей истории...». В альбоме великолепно проиллюстрирована и казачья история семьи моей жены Марины Пименовой – ее прадед был на службе графа Воронцова, сопровождал семью графа в многочисленных поездках в Крым и за границу.

Через шесть лет Крещение на озере, на том же месте, провел настоятель Храма Петра и Павла о. Михаил Петропавловский.

Однако не произошло преемственной передачи крещенского окунания. Предложения (которые почему-то обсуждались в высоких кабинетах администрации района, а не в церковных кругах), чтобы праздник Крещения провели совместно с отцом Сергием (Коломийцем), при главном попечительстве которого и строился храм на берегу озера, остались не услышанными. Случай в корне неправильный, это мой личный взгляд, однако без казацких и народных песен праздник как-то угасает и беднеет, искусственные финансовые вливания помочь не смогут, потому что искусственные и есть.

Верю: за такие скромные замечания в адрес церкви (или исполнительной власти района) меня от церкви не отлучат, анафеме не предадут, все-таки не Толстой.

Коневиченко (о. Гавриил)

Один из самых противоречивых, а правильнее сказать, непонятых, или неправильно понятых людей в сегодняшнем Сестро-рещке – Игорь Коневиченко. Он уже не считает себя предпринимателем, отодвинул бизнес в сторону, сделал это довольно решительно, посвятив жизнь иному делу – служению Богу. Игорь, он же отец Гавриил, ведет православные службы в Храме Иконы Тихвинской Божией Матери, совсем рядом с городским вокзалом, храм по праву считается казацким.

Но в глазах тысяч жителей города Коневиченко по-прежнему остается успешным бизнесменом, пришедшим в район в самом начале перестройки с Украины и, видимо, требуется время, чтобы люди прониклись в другое предназначение Игоря.

Отношение к нему у меня несколько иное, чем, прости Господи, так называемое «официальное мнение» чиновников. Это «официальное мнение», насаждающее порочные слухи о человеке, зачастую откровенные неправда и ложь, и неправда делает свое черное дело. Людям неординарным приходится нелегко в предлагаемой чиновниками системе координат. Самое любопытное (и абсолютно точное), что злопыхательством в отношении «чужих» (не по родине, а по духу, нравственным критериям) пышут люди, не способные своим трудом достичь тех вершин и успехов, которые венчают труд их неприятелей. Я пишу «неприятелей» с полным пониманием этого слова, потому что успешных людей и хотят видеть лысые шурики именно неприятелями, если не сказать «врагами».

Я знаю Игоря лучше многих, так сложились мои журналистские отношения. Знаю, бытовавшее мнение, что в бизнесе Коневиченко бывал жестким. Жестким или нет, а резок уж точно был, без этого все его торговое дело просто-напросто развалилось бы на корню. И совсем не буду утверждать, что в предпринимательстве Игорь был честен. Начал свой бизнес в районе Коневиченко со строгания табуреток, мастерил деревянные конструкции в каком-то сарае в Репино. Потом удалось построить небольшой отель «Белое и черное» напротив платформы Александровская, очень приличный и уютный, открыл несколько продуктовых магазинов «Сфера». Понятно, что и утруски-утряски с криминальными структурами были неизбежны в начале бандитских 90-х. Но уж как глумились чиновники – не то слово. То ларьки с автобусных остановок убери, то остановки по новому оборудуй, у чиновников в голове всегда каша и высокомерие, мыслей немного да карманы широки. Но даже не из-за этих вечных вымогательств и препон отношение власти к предпринимателю осложнилось. Просто пришло время, незаметно и само собой, когда Игорь стал слишком яркой (значит, всегда неудобной) фигурой в общественной жизни Сестрорецка. А началось все с момента, когда он стал спонсировать детские и прочие праздники в городе. При этом бывал щедр, как никто другой, это и радовало, и пугало – Игорь-то делал все с большим удовольствием, вот в чем беда, это никак не укладывалось в чиновничьи стереотипы.

Коневиченко с товарищами создали Христианскую экологическую организацию и вычистили детский пляж у «Тайм-аута», чистили они и знаменитую бочагу, создали продюсерский центр, направленный на поддержку молодых дарований, казачье общество «Петербургская станица» – чисто культурный проект, пригласили выступить в день города Сестрорецка известнейшую группу «Земляне»... Стоп! Вот на этом самом месте и случилась заминка с властью: молодежь, она недурная, она праздника хочет, вот и рванула от площади Свободы бегом к «Тайм-ауту», где на танковых понтонах, установленных на вечерней глади озера, сверкая фейерверками, выступала группа рок-музыкантов, а еще Корнелюк, и еще Салтыкова. Вот этой самой «шалости» Коневиченко и не простили. С этого момента началось обострение вялотекущей шизофрении власти, потом все превратилось в тайную войну против Коневиченко и «XL-холдинга».

Начало военных действий Игорь Леонидович встретил с легким сердцем. Ведь пока милицейские войска и когорты, колонны, шеренги, цепи, стягивались к молодежным гуляниям у «Тайм-аута», Коневиченко провел блестящую операцию по водружению луковицы с православным крестом над маленькой церковью у вокзала. Появление новой церковки, милой по виду и доступной всем верующим, начальство района встретило как неизбежное: Санкт-Петербургский митрополит такое событие мог только приветствовать. И сотни людей стали прихожанами этого храма Иконы Тихвинской Божией Матери, казачьего храма.

Однако. Вполне естественным для такого обеспеченного и удачливого бизнесмена как Игорь Коневиченко, подключившегося к восстановлению храмов (в Тарховке, например), была организация крестных ходов и купаний в праздник Крещения на озере Разлив. Больше того: Игорь сумел создать огромное поле в средствах массовой информации, поддержавших инициативу, и уже через год-два на Крещение в Сестрорецк стали съезжаться тысячи людей, а святой день Игорь Леонидович сумел превратить в настоящий праздник, верующим преподнесли не только угощения, но еще казачьи песни и пляски. Рассуждать о том, что во время праздника наливали по рюмочке или песни были «не те» – по сути своей оскорбительно, но власти и этот аргумент выкладывали, когда происходил переход крещенских празднеств под другое крыло. Это случилось после того, как был построен Храм Петра и Павла на Перепадской набережной, но сделать все тактично, дав возможность провести хотя бы первое Крещение сразу двум священнослужителям – о. Михаилу Петропавловскому вместе с о. Сергием (Коломийцем), который и стоял у истоков строительства храма, власти не сумели. И это было замечено верующими людьми.

Здесь, пожалуй, стоит сделать отступление: в народе барражируют слухи о пропаже десяти миллионов рублей, выделенных на обустройство территории вокруг храма Смольным. Историей занялся учредитель газеты «Не все так просто» адвокат Роман Леонов, он настойчиво добивается ответа от лысых шуриков с площади Свободы, прокуратуры, прочих правоохранителей. Не реагирует толком и Смольный. И пока ответа на вопрос о воришках нет, чует мое сердце, прихожане Храма Петра и Павла будут долго еще обеспокоены.

Игорь (о. Гавриил) по-прежнему несет службу в своем небольшом храме у вокзала, принимает участие и в Тарховской церкви. Сегодня он отошел от бизнеса. Кстати, кто не знает: одна из лучших газет нашего Курортного района «Сестрорецкие берега» – детище Игоря. И «Вкурортном городе С.» он помогал многократно.

Повторюсь: личность Игорь непростая, но и получить звание Почетного гражданина Сестрорецка не каждому дано.

Открою и маленькую тайну, которую мало кто знает.

Вырос Игорь на небольшом хуторе в Украине. И когда ему было шесть лет, пас свиней. Представьте себе украинского хлопчика с прутиком в руках на зеленом лужку, такая вот пастораль, пастушкова идиллия. По вечерам мальчик любил приходить в церквушку и местный священник ему много рассказывал и многому обучал.

Пусть этот замечательный факт успокоит недругов Игоря окончательно, и они зададут себе вопрос: а смогли бы они сотворить такую вот сказку в своей жизни? Вряд ли.

Вот поэтому он и сильнее.

ВОЗРОДИТЬ

Начну издалека. С дореволюционной карты 1915 года, которую разыскал для меня Юра Соколов, внук легендарного в прошлом ленинградского вратаря Николая Евграфовича Соколова. Передо мной «Планъ Сестрорѣцка».

Совершаю маленькую экскурсию по далекому курортному городку. И нахожу знакомые очертания. Вот «Оружейный заводъ», ныне завод имени Воскова. Вот «Дубовая роща, насаженная императоромъ Петромъ I». Неподалеку — «Лѣсная биржа Смолкина». «Лѣсная биржа Гутерманъ». Районы называются «Зарѣчная часть», «Курортъ», «Канонерка», «Новыя мѣста». «Новыя мѣста» — это уже в сторону Разлива и Тарховки. В этом месте карта обрывается.

Окрест города — «Гагарка». «Зимникъ» и «Дубки» — «огороды сестрорѣцкихъ обывателей». И еще «Участки, введенные благотворительнымъ учрежденіямъ».

Интересно изучать старинный план. Знакомые улицы носят совсем другие названия. Но сегодня меня интересуют церкви. Старожилы говорят, что их в городе было несколько. Сегодня, как мы знаем, ни одной. На богослужения ездят в Лисий Нос, во Владимирскую

церковь или в Зеленогорск, где в прошлом году вновь освятили Собор иконы Казанской Божией матери.

На плане нахожу: церковь во имя Спаса Преображения (в районе станции Дюны), с таким же названием — в самом городе, в районе Канонерка, северней церкви Святого Николая и Петра и Павла, еще Лютеранская кирха, костел, Приюты и богодельни. Два небольших еврейских и одно православное кладбище...

Эта небольшая экскурсия по карте дореволюционного Сестрорѣцка пусть будет прологом к нашему путешествию в Тарховку; В Тарховке тоже была церковь святого Пантелеймона. Но ее нет сегодня, как нет и тех церквей, кирхи, костела, которые я перечислил выше. Они давным-давно были закрыты, разграблены, уничтожены.

Пытались уничтожить веру, вступали в ряды непримиримых атеистов, боролись с малейшими проявлениями религиозности, уничтожали, не только церковные богатства — людей.

Но веру искоренить невозможно. Она уходит в глубокие тысячелетия прошлого. Над русской душой только надругались. И осталось одно — Скорбь.

В Тарховке нахожу дом Тани

Свиреповой. Таня, еще совсем молодая женщина, встречает гостеприимно. Ставит чай. Мы пьем чай и разговариваем, а Николай, Татьянин муж, поливает огород — хозяйство большое, добротное. Максимка, сынишка, ползает по полу, чего-то канючит.

Таню Свирепову в Тарховке знают все. Она — председатель уличного комитета. «Наш самый активный боец!» — потом сказал мне о ней старожил поселка, секретарь территориальной партийной организации Григорий Львович Липовецкий. К Григорию Львовичу мы и отправились в гости. Он ставит на стол кофе, его жена Антонина Андреевна хлопочет над пирогом.

Разговор начинаем сразу: Григорий Львович знает, о чем сейчас беспокоятся больше всего жители Тарховки и Разлива — жители организуются в православную общину, по поселку собираются подписи. Люди хотят возродить церковь Святого Пантелеймона, полвека назад разоренную. Не забыли они оскорбления, нанесенного властью, пусть и более полувека назад. Веру во власть потеряли, а вот в Бога только окрепла вера — спаси и сохрани!

Так начались монологи жителей, скорбные, печальные, я записывал их в блокнот и все

больше понимал, насколько необходима человеку вера. В святое. Вечное.

Антонина Андреевна Липовецкая, смахнув слезу, рассказывает. Воспоминания, чувствую, даются с трудом, горькие воспоминания.

— А потом все порушили...

Пришли, и все порушили. Я местная, здесь родилась. Я с двадцать второго года. Мать — Анастасия Андреевна — верующая была, отец — Андрей Ильич, тоже в Бога верил. Нас, детей, было трое — я и два брата. Но нас в церковь не водили родители. Боялись за нас. Я тогда училась в школе, потом в коммерческой школе (была такая, нашел я ее на карте 1915 года — В.С.), так родители боялись: если бы в школе узнали, что мы посещаем церковь, могли и исключить. Иконки дома держать нельзя было. Время такое. Иконы в доме долго еще порицались, и до, и после войны. Я, конечно, в церковь с подружками тайком забегала, интересно было. Красиво. Сейчас сама верую.

Григорий Львович Липовецкий показывает в соседней комнате образа. Такие углы в избах нарекают красными.

Григорий Львович:

— Я сорок пять лет в поселке. Раньше тихо было, спокойно, отношения между людьми красивее, сосед соседу рад был,

помогал. Не было зависти.

В поселке жило очень много старух, большинство из них верили. А когда церковь перестала существовать, старушки часто ходили к нам в дом. И после войны ходили. Отмечали разные религиозные праздники. Чаще всего праздновали по ночам. А потом я старушек возил в церковь в Лисий Нос. Они молиться идут, причастится, а я метрах в пятидесяти за церковью ходил. Страшны были воинствующие атеисты, биографию могли попортить запросто. И так годов до шестидесятых...

Я уверен: раньше нравственные качества у людей были лучше, выше и чище именно благодаря церкви. И молодежь была приветливей. Шапки перед взрослыми даже снимали. Не было такого хулиганства, как сейчас. Да и в школах дисциплина была настоящая. У нас в Тарховке народ всегда трудолюбивый, честный был. Сегодня народ в Бога не верит, как раньше. Это многих погубило. Я секретарь территориальной парторганизации, работаю не за зарплату, с народом общаюсь, знаю его нужды. Я знаю, что в поселке очень много верующих и они хотят, чтобы церковь тарховскую им вернули. Как ее рушили, не видел, в 1937 году еще не жил в Тарховке. Но вот помню, когда в те

годы уничтожали в Москве храм Христа Спасителя, люди ходили грустные, как туча нашла, но люди ничего, ничего не могли сделать. Даже слова поперек сказать не могли!

Вот здесь, в Тарховке жил Данилочкин, простой рабочий завода имени Воскова. Так после убийства Кирова его кто-то спросил: «За что его убили?» «А может, в чем виноват?» — ответил. И исчез Данилочкин на долгие годы. Лозунг такой был: «Враг рядом с тобой!» Соревнование было — кто больше врагов разоблачит. А доброта должна петь. Я Евангелие, Библию читал — самые человеческие книги.

— Григорий Львович, когда библейские заповеди подменили моральным Кодексом строителя коммунизма, тоже во что-то верили. Ведь вы коммунист, это знаете.

— Конечно, верили в светлое будущее, в социализм. В коммунизм тоже верили. Но уничтожать души верящих в Бога, души страждущих, было нельзя. Мы сегодня платим за это моральным разложением общества. Я думаю, что каждая религия имеет право на существование, а ее служители имеют полное право проповедовать свои идеи. Сегодня мы дошли до озверения, потому что подавляли веру. Заставляли верить в коммунистические

идеалы, а они оказались, мягко говоря, эфемерными.

Я еще вернусь к разговору с Григорием Львовичем Липовецким, человеком, которого в поселке уважают и любят. А пока беседую с Николаем Михайловичем Лапотниковым, коммунистом, пенсионером, коренным тарховцем.

— Да, я из династии Лапотниковых! — подтверждает мне Николай Михайлович, когда я спрашиваю его: почему в Тарховке так много людей с этой фамилией? — Наш род корнями здесь, я генеалогическое древо рисую, до семнадцатого века добрался.

Мама моя, Александра Акимовна была верующая. В церковь тарховскую водила все время. Помню, как крестный ход смотрели, колокола звонили, очень красивая была церковь. Как игрушка...

В нашем доме жил священник с женой. Добрые люди, все время с нами разговаривали. А в 37-м забрали священника. Помню: декабрь, снег, и вдруг в наш дом вошли двое в штатском. Я с улицы наблюдал. Вышли из дома втроем, священник — в легкой накидке. Неподалеку стоял воронок...

Той зимой приход и закрыли. Долго церковь стояла запертая. Только мы, мальчишки, туда лезли, свечки таскали. А потом приехала бригада НКВД. За-

помнилось: купол церкви подпилили, обрушили, сбросили колокола. Иконостасы, иконы, алтарь, кресты — все куда-то исчезло. Народ плакал, но молчал.

...Короткое отступление. Из газеты «Час пик». №12 от 14 мая:

«В храме Христа Спасителя патриархом было совершено всенародное моление о спасении погибающих от голода, оглашено было здесь же и Послание главы Русской церкви. Это была едва ли не последняя служба, совершенная здесь патриархом Тихоном.

26 февраля 1922 года ВЦИК была утверждена (не без колебаний и сомнений) инструкция «по изъятию церковных ценностей», которая говорила уже об изъятии всех ценностей, независимо от их богослужебного предназначения.

Патриарх особым посланием принужден был указать на неизбежность имеющихся церковных ценностей.

Однако между 17 и 25 марта вместе с повсеместному изъятию церковных ценностей, что и вызвало стихийные «неорганизованные выступления» против изымавших в Шуче, Москве, Петрограде, Смоленске. 19 марта 1922 года Ленин пишет весьма решительное письмо членам Политбюро ЦК РКП(б) о необходимости дать беспо-

щадное сражение церкви и духовенству и подавить их сопротивление «проведению в жизнь декрета».

(Из статьи доктора философских наук. зав. кафедрой истории и философии ЛГУ Сергея Савельева «ОГПУ против патриарха. О последних событиях из жизни первого советского святого»).

Этот исторический отрывок говорит о многом. Из него ясно, что уже на пятый год советской власти русская церковь была взята на вооружение как источник доходов для пополнения казны. Но, если в тот далекий 1922-й, когда в стране был голод нечеловечески страшный и жестокий — и нужно было золото, чтобы покупать за границей хлеб для голодающих России, если те изъятия церковной утвари и несметных богатств русских церквей были все-таки оправданы ужасом положения, то что двигало в 1936-м, когда страна по утверждению историков, расцвела, когда «торжествовал» социализм?

Двигала алчность системы, и послушные щупальца НКВД разоряли святые места уничтожая инакомыслящих, выполняя «атеистическую» установку партии и правительства Души людей черствели, горели, обугливались. Образа прятались подальше от глаз доносчиков, крестики нателные и те в тря-

пицу, и тоже прятались.

Бронислав Викторович Лукосяк — депутат нового состава райсовета, преподаватель в сестрорецкой школе, историк. На пороге стряхивает с плаща капли дождя, присоединяется к разговору.

— Тарховка — место удивительное, в прошлом по красоте неповторимое. Не случайно с конца прошлого — начала нынешнего века здесь иностранные посольства стали обустраивать свои дачи. Здесь были дачи японского посольства, китайского, французского, итальянского, испанского... Было даже казино. Дача японского посольства и сейчас цела. И все это было в сосновом лесу, звонком и прозрачном. Потом стали прокладывать трубопровод, и все испортили.

Что касается истории церкви Святого Пантелеймона... Уже до войны здесь был организован народный суд. И в блокаду работал. Переспрашиваю удивленно:

— В блокаду?! И за что же в блокаду судили?

— А вот за что: забивать скотину, которая еще была в округе, за Ленинградом, запрещалось. Ленинградцы пухли от голода, неминуемо умирали. В один из январских дней 42-го (исторический факт) в городе умерло свыше одиннадцати тысяч человек. Это был страшный

счет смерти. Конечно, никакая имеющаяся за городом живность исправить положение не могла. Но не дать умереть с голоду хоть части местных жителей, селянам — это было, может быть, и реально. Но по законам военного времени... В общем, судили за забой скота. А люди иначе уже не могли — голод косил нещадно. Приговаривали к длительным срокам заключения. После приговора заводили всех в замкнутое помещение, здесь же, в здании суда, бывшей церкви. И люди ждали этапа в печально знаменитые «Кресты». Не дожидались. До них ли, приговоренных, было? И их не кормили. Они умирали с голоду, здесь же. Трупы не захоранивали, просто относили на опушку возле церкви.

— Я помню! — вмешался в разговор Николай Михайлович Лапотников. — Скелеты на опушке помню. Много человеческих скелетов.

...Потом мы вышли на улицу, раскрыли зонты — над Тарховкой нещадно хлестал дождь. Огибая лужи, отправились к дому рядом с бывшей церковью Святого Пантелеймона. Нас встретила хозяйка — Зинаида Никифоровна Никифорова, ладная и приветливая старушка.

— В тридцать шестом я в Тарховку приехала, дочку в церкви окрестить успела. А в этом

доме мой свекр жил. В окно смотрели, как церковь рушили: купола вниз летели, мы плакали. Свекр мой сторожем служил при церкви. Видим: крест, что на куполе был установлен, на землю падает... Свекр из дому выскочил, крест потащил к дому.

Он у вас сейчас под ногами, в подполе крест...

И тогда я поехал в Лисий Нос в Князь-Владимирскую церковь, чтобы встретиться с ее настоятелем отцом Олегом.

Была суббота. Холодное утреннее солнце освещало золотые кресты на синих куполах церкви. Церковь аккуратненькая, церковный дворик прибран и опрятен.

Утренняя служба закончилась, поэтому захожу к отцу Олегу домой. Олег предупрежден о моем приходе, поэтому готов ответить на все интересующие меня вопросы.

— Я смотрю на сегодняшнее положение с храмами так. Правда и истина всегда должны торжествовать. В нашей стране эти понятия были уничтожены. То, что было отобрано у верующих людей по всей стране, должно быть возвращено истинным хозяевам. Я особо подчеркиваю слова «возвращено». Дело в том, что мы каждый день слышим: храм, собор, церковь переданы народу. А это неправильно. Представьте себе:

идете по дороге, вас разбойник ограбил, отобрал у вас что-то, а потом вдруг раскаяние, ну Бог сниспослал прозрение, а он решил вам награбленное вернуть. И возвращает. Не передает, а возвращает. Так и в нашем случае. Мне часто приходится беседовать с архиереями, митрополитами. Говорим о возвращении церкви, государство нам не препятствует. Так и должно быть в правовом государстве, а я вижу, что в этом направлении, в создании правового государства, страна движется семимильными шагами. Церкви, храмы, соборы, отобранные у русской православной церкви, нам возвращают. Но они в таком плачевном состоянии, что мы просто не знаем, что делать. Нет средств на их восстановление. Вот, например, нам отдали часть Валаама, там раньше рай земной был, а теперь что?

Сердце верующего человека всегда будет оскорбленным и останется таковым, если он будет знать, что храм, собор, церковь до сих пор находится не в ведении церкви, а отданы, например, под склад или еще что-нибудь. Оскорбленная вера, оскорбленное чувство — это боль в сердцах верующих мирян до конца жизни.

— Вы имеете в виду те церковные здания, которые отдать практически невозможно?

— Или трудно возвращать. Я имею в виду и тарховскую церковь Святого Пантелеймона.

— Отец Олег, разгромлены, разворованы, уничтожены церкви в Сестрорецке, в Дюнах, в Курорте, в Горской, в Тарховке. А как же вашу, Князь-Владимирскую, удалось сохранить?

— Чудом. Когда в конце тридцатых годов был нанесен удар по церквям, пришли закрывать и лисьеносовскую. Прибыли чекисты, вооруженные и в кожанках. Но дело в том, что, по стечению обстоятельств, среди большого числа верующих Лисьего Носа было очень много работников военизированной охраны и они имели право носить при себе оружие. Дважды чекисты приходили закрывать церковь и оба раза верующие предупреждали, что применят оружие, если попробуют осквернить храм. Согласитесь, читатель, совсем неординарная ситуация для конца тридцатых! Это могло быть путем на Голгофу, так ведь не убоялись!

— Вторую лисьеносовскую церковь, на мызе, сберечь не удалось. Печальная была церковь, тюремная. До революции на мызе была тюрьма, небольшая, но страшная, расстрельная. В тридцатых и эту церковь разграбили, разобрали по досочкам. Вокзал в Тарховке из ее стен построен.

Вот какие интересные вещи я

узнал из уст настоятеля Князь-Владимирской церкви!

— Я за время службы в церкви стал изучать историю Храмову нашего края. В Сестрорецке до революции было, в общем-то, три больших храма, остальные церквушки крохотные. Церковь Петра и Павла разобрать не смогли, пришлось взорвать. Сейчас на этом месте памятник Ленину. Но народ тот храм помнит. Даже хранит в памяти имя отца Сергия Дремяцкого, который вел службы еще до революции и после нее. Его сын Василий трудился в нашей церкви, в Лисьем Носу. И еще скажу: власти знают мнение наших верующих и верующих в Тарховке тоже. Даст Бог день, даст Бог пищу...

На лице отца Олега тень печали. В феврале он похоронил жену, в сердце — скорбь об утрате.

...С Таней Свиреповой снова идем по Тарховке. Мама Тани — Маргарита Дмитриевна Голикова, благословляет нас: «С Богом, святое дело задумали!» и перепоручает двухлетнего Максимку зятю.

Маргарита Дмитриевна помнит, как сбрасывали колокола с церквушки под Ярославлем, где жила. («Весь народ сбежался, плакал, колокола — в осколки, я осколок хранила за образом долгие годы»).

Заходил в семью Розовых.

Пожилые уже братья Геннадий Иванович и Борис Иванович вспоминают, как мальчишками перед самой войной лазали в запертую наглухо церковь. «Там стрижи гнезда вили». Людмила Николаевна Розова, жена одного из братьев — внука митрополита Ленинградского Григория, посвятившего за последние три года десятки книг о сталинских репрессиях, о лагерях, о бесчисленных этапах на советские фабрики смерти, все же спрашивал: почему так произошло, мне люди, пожилые и много помнящие, отвечали: от безбожия! Безбожниками были чекисты в кожанках, дававшие команду рушить церкви, разграбившие их несметные богатства. Безбожниками были и судьи, выносившие приговоры в здании бывшей тарховской церкви в наглухо запертой комнате. Безбожниками были и те, кто не хоронил их, умерших, а относил на опушку в нескольких десятках метров от здания «суда».

Нужно в школах всем желающим преподавать Закон Божий. Или при церквях, соборах открывать классы для ребят — так говорили все, с кем я говорил об этом. И это не блажь перестроенного времени. Это необходимость возрождения лучших нравственных начал в человеке. Вспомните слова Григория Львовича Липовецкого: «Еван-

гелие, Библия — самые человеческие книги». Георгий Львович-коммунист. Коммунисты Николай Михайлович Лапотников, Бронислав Викторович Лукосяк. Лукосяк — депутат нового состава райсовета, и работа по возвращению Тарховской церкви Святого Пантелеймона — это наказ его избирателей.

Из дома Г.Л.Липовецкого все отправляемся к бывшей церкви. Обходим ее, осматриваем со всех сторон. Крепок фундамент — выдержал взрыв (перед тем, как порушить, подложили динамит, чтоб осела). Пристроены к зданию три веранды.

...Да, уважаемый мой читатель, нет церкви Святого Пантелеймона, которая на нынешних планах и картах давно не значится, а есть спецдача. И живут в этой даче «генералы» ленинградские от пожарной службы или полковники — ниже чинов не бывает. С 1948-го года, когда суд выселили, Главное Управление пожарной охраны организовало для летнего отдыха своего начальства дачу «на базе» бывшей церкви Святого Пантелеймона, присовокупив, конечно же, и угодья. Угодья занимают территорию, ну, примерно, такую, какую занимают пара детских дач. Только здесь, на такой территории — блаженствуют летом всего три семьи. Подкатывают сюда черные «Волги» и ворота спеш-

но закрываются. В Тарховке так и говорят: «Генералы приехали». Мне не удалось установить фамилии «пожарного генералитета», во-первых, потому, что и местные жители их путают, во-вторых, потому, что при попытке поговорить со сторожем (спецсторожем: выписан из другой области, прописали его в общежитии неподалеку, а живет в домике на территории дачи), тот моментально запер дверь на ключ, с той стороны, установка, видимо, такая. И собака на цепи надрывалась, бедная — спустить некому было.

Это был наш второй визит в «генеральские кущи». Первый был беспрепятствен: сторож укатил на машине, оставив открытым гараж. Гаражей здесь три. Две теплицы, несколько грядок. Курятник, душевая на улице. Отопление в доме паровое — к зданию бывшей церкви протянуты трубы. Рядом с тенистой беседкой качающиеся скамейки. Вместо креста — антенны на крыше.

С Таней Свиреповой заглядываем в окна веранд. Подключенные телефоны. Жаровня-шашлычница. Стены обложены импортным кафелем.

В Тарховке нет ни одного детского сада. На первое февраля малышевая очередь составила 140 человек. Но это я к слову. В конце концов, вообще что-либо устраивать в поме-

щении церкви кощунственно. Просто есть и еще в Тарховке «хитрые» дачи.

Я очень хочу, чтобы номер нашей газеты с этим материалом попал к неизвестным мне «генералам», которые вот уже свыше сорока лет, уходя по очереди в отставку, передают друг другу «по эстафете» эту «базу» отдыха. Я хочу, чтобы люди с лампасами узнали: в помещеумирали голодные,

жестоко осужденные жители Тарховки, чтобы узнали: рядом с церковью было кладбище, на том самом месте, где разбиты гряды и клумбы, стоят гаражи для их черных «Волг». И хочу, чтобы знали: больше полувека оскорблены сердца тарховцев. Да поможет им Бог.

**«Здравница
Санкт-Петербурга»,
/1990 год**

КазакИ

«...Казачество – это то горчичное семя, которое на благодатной почве Церкви Христовой дает плоды во сто крат.

Созидательное настоящее всегда бережно хранит память прошлого, и на пути духовного деланья закладывает краеугольные камни истинных ценностей в основание будущего...»

Архимандрит Гавриил (Коневиченко)

Откуда вообще казачество в Сестрорецке? Сугубо северный край и разэтакая экзотика.

Но! Не надо поспешных реплик, лучше спокойно подумать, понять и принять. Я говорил: мало, кто помнит, что Федор Токарев, знаменитый наш оружейник, был в звании есаула командирован на Сестрорецкий Оружейный завод из Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме, был казаком и считал себя таковым всегда, даже будучи одаренный и усыпанный орденами и медалями СССР. В честь него и названа улица в Сестрорецке. Так что экзотика экзотикой, а правда правдой.

Почему у нас Курортный отдел Ставропольского казачьего войска? Вопрос правильный, место имеет быть, но и ответ убедительный: инициатором создания казачьего сообщества в нашем городе стал известный некогда предприниматель Игорь Коневиченко. Сам он родом из поселка Копайска Барского района Винницкой области, а вся семья его, деды и прадеды по отцу и материнской линии были казаками. И сегодня корни его рода можно найти среди казаков Запорожья и Донецка. Осенью 2005-го на казачьем круге в Ставрополье Игорь был

выбран атаманом Курортного отдела. Самый же зачаток отдела в Сестрорецке появился тремя годами раньше, в его состав входили всего пять человек. Поэтому «Петербургская станица» имеет полное право на скорый десятилетний юбилей. Обо всей истории культур но-просветительского казачьего сообщества подробно рассказано в великолепно изданном альбоме «Казачество как часть нашей истории и возможность для новых свершений» под редакцией архимандрита Гавриила, войскового священника Ставропольского казачьего войска. Отец Гавриил и есть Игорь Коневиченко, но уйдя на служение в церковь, казачьим атаманом в Сестрорецке стал его товарищ Игорь Фоменко. Был бит при этом по спине плетью – полезная традиция.

Традиции здесь чтут. Казачьи праздники, религиозные, участие в православных ходах и шествиях по всем дорогам России, празднования Крещения в Сестрорецке, в Киеве на Днепре и в Иерусалиме на историческом Иордане, встречи в православной библиотеке – это и есть культурная жизнь Сестрорецкого казачьего сообщества.

Храм Иконы Тихвинской Божией Матери по праву считается казачьим храмом. Здесь поминают атамана Ставропольского казачьего войска Виктора Федоровича Шаркова, ему на могиле после смерти установили красивый памятник.

Отношение к истории и традициям казачества самое внимательное и трепетное. Берегут корни. И совсем не случайно моя жена стала казачкой «Петербургской станицы», уж ее-то корни казачьи, терские. И прадед ее на фотографии на могильном памятнике на Шуваловском кладбище – в казачьей форме.

Нет ничего случайного. Противникам же казачества стоит напомнить не только историю про знаменитого Токарева, но и про маршала Жукова, который в далеком 39-м прошлого уже века командовал казачьей дивизией, и про Пушкина Александра Сергеевича, который с пикой наперевес ввязался в бой с черкесами и был в казаки торжественно приглашен и принят.

«Петербургская станица», как уже говорил, общественная культурная организация. И кто же против мастеров культуры?

СОБИРАТЕЛИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Накануне празднования Дня России 12 июня, во многих средствах массовой информации появились публикации о роли казачества в истории Российского государства. Например, смольнинская газета «Петербургский дневник» обозначила эту роль как выдающуюся. А мне как раз удалось в эти дни подробнее изучить (насколько это возможно) историю казачества, признаюсь: от двухтомного фолианта писателя Рональда Нелепина «История казачества», изданного еще в 1995 году, трудно оторваться. Потому, что очень много открытий. Да каких!

Художник Илья Репин, написавший знаменитое полотно, где «казаки пишут письмо турецкому султану», «наше все» великий русский поэт Александр Пушкин, маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков - все они были либо казаками, либо имели к казачеству самое непосредственное отношение. И не от лениности нашей мы много не знаем. Просто такой была политическая установка на многие десятилетия вперед, после того, как политический уродец Яков Свердлов в 1919 году подписал директиву Оргбюро ЦК РКП(б), предусматривающую ликвидацию казачьего сословия

и получившую неофициальное наименование

«Указ Свердлова о поголовном уничтожении казачества». Она и послужила толчком к появлению Белого движения. А после его разгрома, в лучшем стиле советской идеологии, практически все казачество мазалось черной краской.

Тема столь велика, что охватить ее в одной публикации невозможно. Можно лишь штрихами пройти по некоторым фактам из славной и горькой истории тысяч, сотен тысяч, миллионов воинов и защитников Земли Русской. Но больше славной истории: «Казаки создали Россию» — это Лев Толстой.

Есаул Федор Токарев

По незнанию ли, по беспамятству, мы, сестроречане, как-то и не обратили внимание на тот факт, что 11 дней назад исполнилось 40 лет со дня смерти выдающегося создателя стрелкового оружия Федора Васильевича Токарева. Того самого, чья интереснейшая биография связана с нашим Оружейным заводом и чьим именем в память о его заслугах названа одна из самых больших улиц в Сестроречке. Умер Токарев в 1968 году 7 июня, похоронен в городе оружейников Туле. Жизнь прожил

огромную — умер в 97 лет. Среди его почетных званий — Герой Социалистического труда и лауреат Государственной премии, трижды награжден орденом Ленина, имеет четыре других ордена, среди которых орден Суворова. Последний орден был вручен Федору Токареву в военном 1944 году. Великую Отечественную войну Токарев встретил уже в 70-ти летнем возрасте, но трудился для фронта и для Победы. В звании, отметим, есаула казачьих войск.

Федор родился в бедной казачьей семье на Дону, в станице Егорлыкская. Работал пацаном в кузнице, потом у станичного ружейного мастера Краснова. Не случайно на вступительных экзаменах в Новочеркасскую военную ремесленную школу он показывал свои первые изобретения — затвор к ружью, набор слесарных инструментов, а на выпускных экзаменах — оригинальное одноствольное курковое ружье. Затем учился в Военно-казачьем юнкерском училище, потом в офицерском звании был направлен на курсы при Офицерской стрелковой школе в Ораниенбаум. Отсюда и началась сестрорецкая часть его биографии. Уже конструкторская. В 1908 году из Ораниенбаума он был прикомандирован к Сестрорецкому Оружейному заводу. Надо было переделывать трехлинейную винтовку в автоматическую.

Управляющий делами Артиллерийского комитета генерал-майор Негволобов в своем предписании начальнику завода рекомендовал сотника Токарева в самых высокообнадеживающих эпитетах. После успешно выполненной работы, уже есаул 29-го Донского казачьего полка Токарев был прикомандирован к Сестрорецкому оружейному заводу еще раз — «вне привил артиллерии» в 1916 году. Шла Первая мировая война. И во всех рапортах и приказах начальника завода того времени Токареву выдаются отменные характеристики. Например, из рапорта от 4 августа: «Отличное знание есаулом Токаревым всех деталей огнестрельного оружия, огромный технический опыт, приобретенный им в течение шестилетней работы на заводе, его выдающаяся трудоспособность и трудолюбие побудили меня назначить есаула Токарева заведовать отделом проверки и сборки заводских изделий... Одновременно ему поручено... руководство сборкой 12 автоматических винтовок его системы, оставшихся недоконченными по случаю наступления военного времени. Выдающиеся служебные качества есаула Токарева как отличного техника и конструктора оружия делают его весьма ценным для службы в артиллерийских войсках и технических заведениях, и по этим

соображениям я ходатайствую о зачислении его вне правил артиллерии и в штат завода».

Токарев участвовал в боях Первой мировой, а в 1917-м перешел на сторону революции. Усовершенствовал станковый пулемет Максим, а в 1930 году успешно прошел испытания пистолет его изготовления. Это был закат иностранных Парабеллума и Браунинга. С 1933 года начался массовый выпуск ТТ, в Великую Отечественную им были вооружены советские офицеры. Были и винтовки, получившие применение, начиная с советско-финской войны, в качестве снайперского и автоматического оружия.

Интересно, что до 1936 года казаки имели некоторые ограничения по военной службе, почему — понятно, все еще висел дамоклов меч над казачьим сословием, даже после разгрома казачества, которое произошло в 1920 году. И лишь в 1936-м году были возрождены казачьи войска — Сталиным.

Сталин и Жуков

О малоизвестной странице из биографии выдающегося советского полководца Георгия Константиновича Жукова лучше всего рассказано во втором томе «Истории казачества» Рональда Нелепина.

«Возрождение И.В.Сталиным казачьих войск и назначение

Георгия Жукова командиром 4 Донской казачьей дивизии (1936).

В 1936 г. И.В.Сталин приказал ввести в Красной Армии казачьи войска, одеть их в казачью форму. Одним из первых советским казаком стал будущий маршал Г.К.Жуков, который в это время был командиром 4-й Кавалерийской дивизии, дислоцированной в Белорусском военном округе. У этой дивизии была славная история - она была сформирована в 1918 г. и была ядром 1-й Конной армии Буденного. В 1936 г. ее переименовали в 4-ю Донскую казачью дивизию, одели в традиционную форму с лампасом и цветным околышем на фуражке. Казачью форму одел и комдив Г.К.Жуков. На маневрах 1936 г. в районе реки Березины с участием многих частей и соединений Белорусского военного округа 4-я Донская казачья дивизия под командованием Г.К.Жукова показала отличное взаимодействие с моторизованными частями. Казачьи тачанки дивизии Жукова летали, как стрелы. Жуков командовал 4-й Донской казачьей дивизией 2 года, в 1938 г. он был назначен зам. командующего Белорусского военного округа (по кавалерии).

Таким образом, Георгию Жукову выпала особая честь. Благодаря Сталину он стал единственным маршалом в истории

России, который сам служил в казаках.

Надо, однако, отметить, что фактически возродить казачество Сталину не удалось, да он и не предпринимал такой попытки. Ведь казачество - это не только форма одежды и лихие, хорошо обученные кавалеристы, даже если ими командует такой выдающийся военачальник, каким был Жуков. Казачество — это еще и особые традиции и привилегии, выражающиеся в выборности атаманов, в системе землепользования, в особой психологии, складывавшейся столетиями.

Все это было разрушено в 1919 и последующие годы и возродить вдруг, приказом сверху, это было невозможно, да и цели такой не ставилось. Тем не менее, сам факт реабилитации слова «казак», введение казачьих войск в Красной Армии сыграли положительную роль в подготовке к грядущим битвам Великой Отечественной войны. Впрочем, следует уточнить, что реабилитировано было именно слово «казак», реабилитации же казаков, репрессированных по директиве Свердлова 1919 г. о поголовном уничтожении казачества, сделано не было».

Однако светлый исторический «казачий» эпизод, оказывается, есть и в советской биографии страны!

Царское дело

Наследник-цесаревич Александр Николаевич, атаман всех казачьих войск России, будущий император Александр II, в середине XIX века был одним из столпов казачества, уже имевшего богатую многовековую историю. Были Стенька Разин и Пугачев, были казаки сибирские, кубанские, терские, донские — много какие, противоречивые и шальные, но всех объединяло одно. Это характер, многие черты которого стали неотъемлемыми признаками казачества.

Что же касается второй половины XIX века, то полотно казачьей жизни и войн того времени предстало перед нами в произведениях Льва Толстого в полной красе - «Севастопольские рассказы», «Хаджи Мурат»... Героем кавказской войны стал командир Сунженского полка Николай Павлович Слепцов, успешно воевавший в Чечне (там и убит шальной пулей чеченцев).

В крымской войне с турками, при взятии Измаила, без казаков было не обойтись. Два года назад я был в Измаиле, посетил диораму, разговаривал с историками: казаки подкрепили русские войска, перед штурмом крепости Суворовым «взявшись ниоткуда», а на самом деле ночью подтянувшись по Дунаю: об этом говорят и музейные экспозиции в Вилково — удивительном городке километрах в двухстах

от Измаила, «южной Венеции», пересеченной каналами и где на Дунай мы выходили из города на лодках. Там ту казачью эпопею 1790-х помнят, передавая из уст в уста потомкам. Крепости Измаил в природе сегодня не существует, она разрушена по мирному договору, а вокруг больше тридцати тысяч погибших, мальчишки косточки собирают и сегодня, сколько среди них казачьих?

После трагической гибели Александра II на престол вступил Александр III, и сразу же после его гибели (март 1881 года) атаманом всех казачьих войск стал новый наследник Российского престола Николай Александрович Романов, будущий император Николай II. Было что наследовать: уже к началу царствования Александра III только Донское войско должно было в случае войны давать 66 полков и 22 конно-артиллерийских батареи. Царь видел в казаках опору империи, проявлял заботу об укреплении казачества. А к началу царствования императора Николая II в области Войска Донского проживало 1 миллион 22 тысячи казаков. Как его отец и дед, Николай II любил казаков. При нем было создано Уссурийское казачье войско.

Благосклонное отношение к казакам во времена царствования дало плоды и в других, невоенных областях. В конце позапрош-

лого и в прошлом веках научные труды создавали ученые-казаки П.Короленко, И.Попов, Е.Флицын, Ф.Щербина, творили художественные произведения Ф.Крюков, А.Серафимович, Я.Кухаренко. Из казацких родов вышли писатели Г.Данилевский, Д.Мордовцев, В.Гиляровский. Кубанский казак Ф.Коваленко собрал уникальную коллекцию живописи, она и стала основой Краснодарского музея, а художники В.Суриков и И.Репин – они тоже из казацких родов.

Илья Репин

Тот самый Илья Ефимович Репин, чье творчество стало не только достоянием России, но и всего мира, чьим именем назван поселок в нашем Курортном районе, был из казацкого рода. Слобода Осиновка в пригороде Чугуева, где отец будущего художника Ефим Репин был военным поселенцем, а поселенцы вскоре были образованы в казаки, охранявшие в Петербурге самого Императора. После военного похода в Западную Европу (война с Наполеоном) они были объявлены уланами. За время похода многие лишились своих обиходов – так придумал Аракчеев, а протестовавших хозяев дворов засекали до смерти. Аракчеев расстреливал чугуевцев из пушек, это была трагедия. Свидетелем трагедии казачьего крепостничества и

оказался маленький Илья. В память о своих пращурах — казаках Репин и написал своих знаменитых «Запорожцев». Тех самых запорожцев, которые писали письмо турецкому султану.

Собственно, Запорожская Сечь — наиболее известная страница истории казачества благодаря именно великому полотну художника. Именно эту тему невозможно было обойти даже в советские времена «правильных» идеологических установок. Поэтому, что Сечь, возникшая в XVI веке в низовьях Днепра, как-никак, а вольница, напроць отвергавшая какую-либо власть над собой, в ее состав принимали самых отчаянных головорезов, совершенно не интересуясь, кто перед ними — беглые крестьяне или арестанты. Были бы люди хорошие, сильные и ловкие. Но эти самые люди умели отстаивать православную веру и независимость, когда в конце века боролись с польско-литовскими шляхтичами и католичеством, поднимая восстания и создавая повстанческие войска.

Сами запорожцы писали письмо турецкому султану на острове Хортица. Удивительное по красоте, доложу Вам, место. Сегодня это заповедная зона, несколько лет назад абсолютно чистая от захватнических нападений новоукраинских нуворишей. Раза два-три я бывал на острове, пройдя по красивой-

шему мосту через Днепр в Запорожье, и оказывался в лесном царстве-дубраве, потрясающей своей свежестью и густотой зелени. На том самом историческом месте стоял неработавший (несколько лет назад, по крайней мере) ресторан «Хортица», но заброшенность не доставляла проблем: какие-то элементы прошлой казацкой жизни присутствовали — что-то вроде ядер и пушек, не помню точно. Помню, что тогда, когда наткнулся все-таки на два спиленных дуба, вернее, на пару огромных пней от них оставшихся, подумал: неплохое лобное место для проамериканских Виктора Ющенко и девушки с косой — Юлии, а топорик в руках Януковича будет играть в солнечных лучах очень даже искорками.

Чуден Днепр при тихой погоде, чуден и город Запорожье со своим Днепрогэсом и проспектом Ленина длиной в 22 километра. А Хортица — заповедник, вековая казацкая история.

Самой престижной премией в области искусства в Советской России, подчеркивает автор «Истории казачества», была Государственная премия РСФСР имени Ильи Ефимовича Репина.

С Дона выдачи нет

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин — вздохните и выдохните! — донской казак. В 1829 году после

поездки на Кавказ он был принят в казаки Таганрогского округа Войска Донского. Есть тому делу документ - специальная грамота. Предшествовало этому событию давнее знакомство Пушкина в Новочеркасске с войсковым атаманом Адрианом Карповичем Денисовым, с которым его познакомил Н.Н.Раевский-старший. Это был 1820 год, первая поездка поэта на Кавказ через донские степи и казачьи станицы. Станицы, фольклор, казачьи песни – все это не могло не понравиться Пушкину. Особенно песни про Стеньку Разина.

Второй раз на Донской земле поэт побывал уже в 1829 году, отправляясь все на тот же Кавказ. И здесь случилось тайное происшествие: он внезапно ночью на верховых лошадях прискакал в Новочеркасск к наставному атаману Дмитрию Кутейникову, которого знал еще с детства, встречался с ним в Петербурге. С атаманом Пушкин проговорил всю ночь и оставил ему на сохранение ценную и секретную часть своего архива на длительное хранение. Почему? Да потому, что казачья честь гарантировала его сохранность.

На Кавказе, с 11 на 12 июня,

Пушкин ночевал на казачьем посту в Гумрах, потом выехал в Арзрум. И вот представьте себе: уже через день цепь казаков, в которой находился Пуш-

кин, была атакована кургинцами и делишабами, и «наше все» поскакал в контратаку с пикой в руке. Пикой он схватил после одного из убитых казаков. Это была настоящая поэзия! Число убитых не сообщается. Однако, известно, что по возвращении с Кавказа Пушкин вновь посетил имение атамана Кутейникова и по представлению атамана был принят в казаки. На одном из рисунков поэта той поры мы видим его автопортрет, профиль невесты поэта Натальи Гончаровой и самого поэта на донском иноходце - в цилиндре, в казачьей бурке и с пикой в руках.

Ну, а секретный архив Пушкина? Что же с ним? Его сохранил и хранит до сих пор род казаков Кутейниковых. Уникальность архива безусловна, в нем несколько сот тысяч (!!!) исторических документов, старинных рисунков, фотографий и более 200 старинных книг и рукописных сшивов. Большинство этих рукописей и документов никогда не публиковались, а «наезды» пушкиноведов десятилетиями остаются безуспешными. Кутейниковы сумели сохранить архив великого поэта даже в годы революции, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Архив хранит уже шестое поколение Кутейниковых: «С Дона выдачи нет!». После 1917 года архив был расчленен на части и хранится в разных городах Рос-

сии, естественно, тайно, до сих пор. По завещанию самого поэта он должен открываться частями через 150 лет, что казаки и выполняют - его первая часть была открыта в Таганроге 27 января 1979 года и выставлена в музее А.С.Пушкина (копии из архива).

Пушкин знал: казаки — самые надежные люди в России, самые верные слову и клятвам, делу, самые жертвенные, если судьба...

Шолохов отдыхает. «Тихий Дон», конечно, великий роман о казачестве, кто бы спорил, писателю и Сталинскую премию 1-й степени за него присудили (слово-то какое, по-настоящему сталинское!), а вот в казаки

Шолохова так и не приняли. Несправедливо.

Мир полон тайн, тайны пушкинского архива, тайны Шолохова — все это тайны Земли Русской.

Нет только одной тайны — она понятна и лежит на ладонях: именно казаки веками собирали Землю Русскую, они собиратели, они создали Россию, через кровь и трагедии, через жертвы — свои и чужие, и они никогда ее не предавали, даже когда мчались на захват обезумевшего Петрограда, когда шашки наголо — это все от любви к своей Земле, к Родине.

**«В курортном городе С»,
2008 год**

Что-то не так

*«Что-то не так» – название романа
сестрорецкого эколога
Вячеслава Беликова.
В библиотеке журнала «Нева»
вышла лишь первая часть.
Наша редакция сверстала роман
полностью, он был готов к печати.
Но Слава умер.
Остался роман, осталась память о Славе.
И осталось вечное недопонимание жизни –
что-то в ней все же Не так...*

Где ночевал

*Остановиться, оглянуться,
Внезапно, вдруг, на виражи,
На том случайном этаже
Где вам доводится проснуться...*

Леонид Жуховицкий

Где ночевал?

Помню совершенно обезумевший от вьюги и непреодолимого ветра Магнитогорск, и я с бутылкой водки в кармане прячусь в ближайшем теплом подъезде, и на последнем этаже, выпив, засыпаю. Утром нахожу рядом с собой упавшую в обморок дворничиху.

Помню телевышку в Киеве и на стометровой почти высоте я безуспешно пытаюсь прикорнуть, облокотившись на рабочий стол телевизионщиков, но башню раскачивает, как на качелях или при штормовом предупреждении, и я несколько часов кряду, стоя, смотрю на город с высоты, вижу, как пробуждается и медленно рассеивается туман над Бабым Яром.

Помню шкуру огромного белого медведя, убитого где-то в Антарктиде, и я раскидываюсь на ней на полу, шкура – единственное, что заменяет в этой московской комнате мебель, а Юра Щекочихин мирно дружит с друзьями на кухне, коллегами по «Комсомолке».

Помню, как трое суток добирался с похорон на кладбище в Сестрорецке до перрона на вокзал, двадцатиминутный путь проходил через квартиры друзей и знакомых по всему Приморскому, и везде говорили о жизни и что она вечна.

Помню ужасно неудобный и мучающий тело автобус какой-то туристической фирмы и его тряску: однажды ночью я проснулся над Генуей, она была под нами низко и вся светилась ниточками висячих мостов, желтым плато огней уходила в море, и гроздь желтого винограда, упавшего в райском Монако тоже помню с высоты шоссе, и желтые, сталинского ампира, дома в центре Лиона помню, но очень хотелось спать.

Помню, как в Москве один уважаемый журналист и очень хороший человек, он уже ушел из жизни, оборудуя мне постель на большом диване из черной кожи, рассказывал, как на этом самом диване спала сама Инесса Ибаррури, легендарная коммунистка легендарной Испании, когда приезжала в Москву. Но-пасаран!

Помню музей Сарай в Разливе, и мы с Сашей Царегородцевым, директором, тихо-мирно ведем беседу, разливая водку из тяжелого «чайника Ленина» в металлические кружки и, нашептавшись революционных тостов, я засыпаю в «кровати Ильича», и это не кошунство, потому что Ильич ночевал на чердаке, а я на кровати, скорее всего, Емельяновых, внизу. Зачем в сарае нужна кровать? Бой курантов, утро.

Вставай, страна кудрявая.

* * *

Предназначение человеческой жизни – по капельке выдавить из себя не раба, а все плохое и темное. Задача априори невозможная, хотя бы потому, что мир построен на контрастах, на черном и белом, на «что такое хорошо, а что такое плохо», одно без другого не бывает и быть не может. В этом суть всего мироздания, но если внутренняя, нравственная задача человека в совершенствовании и бегстве от зла, то получается – миссия невыполнима.

Вот ведь и вся философия.

Не всяк оказавшийся в тюрьме попал туда по закону и грешен в том, в чем его обвинили, как и ложно утверждение, будто человек, оказавшийся в казематах, выносит из них лишь накопившийся негатив. Отнюдь. Сильный сохранит в себе добро, что временно оказалось взаперти, не даст ему иссякнуть, и только эта целительная сила дает возможность выжить в нечеловеческих условиях.

Мне нравятся священнослужители, к каким обращается иной раз человек и говорит: «Я в Бога не верю, батюшка!». «Ничего, родной, последняя минута останется – поверишь!» – отвечают

они, абсолютно спокойно, без надрыва и негодования.

Самое интересное, подобным ситуациям я был два-три раза свидетелем, священники вели себя одинаково спокойно и уверенно, и в спокойствии этот и скрывался непререкаемый ответ, не требующий никаких душеспасительных наставлений. Такая позиция церковников меня и восхищает, и радует.

Лошадь Пржевальского

Смешно, но мне всегда хотелось напечатать в какой-нибудь сестрорецкой газете заметку, что в районе Разлива, там, где когда-то археологи обнаружили следы стоянки первобытного человека, нашли и косточки лошади Пржевальского, уж очень веселой и несуразной казалась мне эта самая приземистая лошадь на картинках, да еще с седоком. Люди бы удивились и посмеялись, а кое-кто стал бы на полном серьезе говорить о невозможности (или наоборот – возможности) подобной находки. Ведь одной из самых дурацких историй в моей корреспондентской практике был как раз случай с заметкой-мистификацией в «Ленинградской здравнице».

Был солнечный день, я и Миша Повак, фотокорреспондент, с которым мы долго работали в дружеском тандеме (я пишу, он фотографирует), шли вдоль озера Разлив по бережку аккуратно напротив проходной завода. Я увидел перед собой и подобрал стальной шар из подшипника, сантиметров пять в диаметре. Решили поохотиться. Зашли в мастерскую заводских художников, среди них был Воропаев, и стали там фотографировать находку, искусственно затеняя ее. И напечатали снимок в газете.

Ну, напечатали и напечатали, бумага все стерпит. Только вот текст был своеобразный: «НЛО над Сестрорецком». Шли, в общем, никого не трогали, а тут тебе с неба, чуть не на голову.

Посмеялись и забыли бы. Но в редакцию «Здравницы» стали поступать письма, их пришло сразу несколько, про то, что люди

часто видят необычные аномальные явления в небе над городком. То это яркие или не очень всполохи, то вдалеке взлетают неизвестные объекты, даже назывались даты видений, и они даже совпадали у самых разных читателей! Вот это-то и настораживало. Газета с удовольствием печатала всю эту народную лабуду. Потом пришло разъяснение... из Москвы. Дело в том, что газету с притворной заметкой кто-то умудрился переправить в столицу, в какое-то общество уфологов, да еще потерянный нами (за ненадобностью) шарик из подшипника приложить. В письме в редакцию на полном серьезе сообщалось, что проведены исследования объекта, сталь очень качественная, падение с неба необъяснимо. А всполохи, которые видят сестроречане иногда в вечернем или ночном небе – отблески после запуска ракет с северного космодрома Плисецк, представьте, они видны даже у нас!

Чудесный ответ из Москвы убедил нас, что не только мы идиоты, и работать стало чуточку веселей.

А про лошадь Пржевальского на разливских курганах я заговорил потому, что некоторые историки и краеведы уж очень серьезно относятся к фактологическим точностям или неточностям, но всегда ли это полезно?

Многие знают в Сестроречке замечательного краеведа Бориса Еремеевича Ривкина, историка от Бога. Его краеведческие поиски и находки, знание истории Сестроречка, вряд ли кому превзойти. Это человек, крайне щепетильно относящийся к каждому искаженному факту из нашей местной истории, тем паче искажений этих – пруд пруди, их тем больше, чем больше газет и газеток, разного рода брошюр и публикаций – это неизбежная и вполне естественная ситуация. Такая оценка относится к заметкам и корреспонденциям и в моей любимой «В курортном городе С». Краеведческие публикации всегда привлекают интерес и любопытство читателей, эта тема бесроигрышна почти для любого издания. Жаль, что Борис Еремеевич не очень жаждет сотрудничать с краеведческим центром, он бы помог краеведам и журналистам избежать массы исторических ошибок. Многие приписывают Борису Еремеевичу трудный характер, считают человеком сложным. Может, оно и так, но дело Борис Еремеевич для нашего города делает великое, его лекция и его изыскания, безусловные находки и открытия, еще ждут своего часа – ведь когда-нибудь появится в Сестроречке настоящий краеведческий музей?

Однако должны существовать и легенды, и мифы нашего городка. В этом я абсолютно убежден. Эти мифы и эти легенды украшают жизнь, они – весомый довесок к имиджу Сестрорецка.

Не имеет значения, сажал Петр Первый в Дубковской роше молоденькие дубки или крошил просеку к заливу, а заодно и головы непокорным рубил, но укоренилась абсурдная легенда, что посадил он в парке двести дубков – ну и пускай себе, только в здравом уме ли был государь?

Про потаенное судно Ефима Никонова, который проводил испытания бочки (и бочки ли?) в озере Разлив в 1721 году, тоже полная непонятка, потому как озеро «разлили» лишь в 1723-м, то есть двумя годами позже. Значит, утверждает находчивый местный краевед нового поколения Яна Храмцова, бочку погружали в воду широкой реки Сестры. Родился миф, красивая легенда родилась, и хорошо, даже здорово! А вокруг макета бочки на Перепадской набережной малышня так и вьется.

Вот еще одна легенда, выросшая из звукового, судя по всему, казуса – беседка Шаляпина. Она уже развалилась в Курорте по полной программе, а между тем, простояла на своем месте больше ста лет! Марина Пименова, жена, как-то показала вырезку из журнала, про эту самую беседку, и следовало из нее, что деревянной будочке вот-вот, буквально на следующий год, стукнет сто лет! Я этот факт сразу заприметил, а здесь как раз Андрей Вишневский, глава муниципалов, размышляет, какой бы подарок ко дню города приурочить, да так, чтобы всем понравилось. Сделай беседку, говорю, копию, на въезде в Сестрорецк установи. Зажегся. Позвал Юрия Чуркина, учителя, он много лет мастерил замечательные макеты утраченных зданий Сестрорецка, настоящий искусник таких поделок. Так и родилась красивая голубая беседка на въезде в наш город, всем она пришлась по душе, так и называют ее беседкой Шаляпина, в какой-то мере и она символизирует историю нашего города оружейников. Тем более что настоящая беседка, в Курорте, через год-два безвозвратно рухнула от ветхости.

Но это не беседка Шаляпина, вот в чем фокус и вопрос. Сказки про то, что в ней Шаляпин когда-то пел, лишь милые сказки. Да и бывал ли великий певец в Курорте, тоже большой, оказывается, вопрос. А беседка в Курорте получила имидж шаляпинской потому, что располагалась на частной территории купца Шелепина, и таких беседок было пруд пруди в свое время на

каждом частном дореволюционном подворье, они стояли в углах. Об этом не все, естественно, знают, а вот Шаляпин-Шелепин – вполне сочетаемые звуковым орнаментом фамилии, грех не спутать. Но и это еще не все. Глубокие знатоки утверждают, что беседка стояла на участке даже не Шелепина, а некоего Шляпникова!

Легенде о беседке Шаляпина много десятков лет, она кочует из одной газетной статьи в другую, из одной книжки в следующую, никого не травмируя, ничьих чувств не задевая. Шаляпина так Шаляпина. Красиво и благородно. Все-таки не пил, а пел. А пел Шаляпин, стоя на скале, омываемом волнами бурного Черного моря в Гурзуфе, там, где мечтал построить замок, выкупив полосу побережья у некоей госпожи Соловьевой вместе с полюбившейся скалой (готов был и с госпожой).

Нет, как хотите, а мифы, легенды, сказки должны быть, без них никак. Бот затоплены на дне озера Разлив ящики с золотом партии, еще Лениным с Зиновьевым спрятаны, и никто не ищет, но Слава Беликов, рано ушедший из жизни эколог, от души и искренне посмеивался, когда посвятил этой нелепой сказке в своей книге «Тайны озера Разлив» целую главку -я помню: он писал и задорно смеялся, я издавал эту книгу в 99-м, и смеялся еще больше...

Калачев и Леонтьев

Многие сестроречане, несмотря на многократные упоминания в самых различных печатных источниках двух самых известных достопримечательностей города – исторических зданий, некогда принадлежавших купцам Калачеву и Леонтьеву и расположенных на нынешней улице Володарского, путают эти самые дома. В этом нет ничего удивительного и даже досадного: все равно купеческие некогда дома срослись в понимании жителей в единый ансамбль в самом центре Сестрорецка. Одно из них – упрек постсоветским властям, рушите» на глазах, вызывая недоумение и даже изумление перед бесконечной бестолковостью чиновничества нынешнего: уж за несколько-то десятков лет можно было что-то придумать для спасения дома Леонтьева!

А пока. Чтобы читатели не путались, следует отослать их к замечательной книжке сестрорецкого краеведа Владимира Дмитриевича Яковлева «Мой Сестрорецк» (издана в 2006 году), в главке «Кто в городе живет?» довольно подробно рассказано о

купеческих семьях Петра Егоровича Калачева и Михаила Евдокимовича Леонтьева.

Купец второй гильдии Калачев построил в центре города, на улице тогда Выборгской, красивое двухэтажное кирпичное здание, в котором теперь расположен военкомат. А в 1918 году это здание, как водилось, национализировали, в 30-е годы поселили сюда милицию, после войны в нем обустроились партийные органы. Мне поведали забавный случай: когда сюда переехала милиция, людей, живших в доме, выселили, предоставили им квартиры, а одна древняя бабушка так и приходила в милицию каждый вечер, не понимая, где же теперь ее дом? Сердобольные милиционеры сопровождали старушку на новое место жительства очень долгое время.

Купец Петр Егорович Калачев был человеком, безусловно, талантливым и деловым. Не случайно, он стал первым почетным гражданином Сестрорецка – факт исторический, и на могиле Петра Егоровича на сестрорецком кладбище на плите это отмечено. Купец Калачев был председателем правления Сестрорецкого общества взаимомелких кредитов, казначеем общества для содержания и развития общего коммерческого образования, основал первое пожарное общество, библиотеку, приют для одиноких и престарелых граждан. И даже открыл в Сестрорецке первый кинотеатр. Умер в 1923 году.

Семья Калачевых – знаменитая и достойная. Один из сыновей, Николай Калачев, работал в ГПУ, в 1929 году был убит бандитами в перестрелке. «Вчера в гастрономе на углу улиц Некрасова и Восстания, в 11 часов дня, 29 октября 1929 года убит бандитами-грабителями в затылок, в упор сотрудник ГПУ, адъютант командира Петропавловской крепости Николай Петрович Калачев...» - сообщала тогда «Ленинградская правда». А в 1938 году по ложному доносу был арестован другой сын купца Калачева – капитан первого ранга Черноморского флота Владимир Петрович Калачев. Он был начальником оперативного отдела морского штаба РККА. В 1939 году его расстреляли, в 1957 реабилитировали.

Был и третий сын – Борис. Соратник Николая Ивановича Вавилова. Он организовал и руководил первой в России семенной селекционной станцией – в Лужском районе Ленобласти, а с 1928 года стал главным агрономом Порховского уезда. По воспоминаниям современников, это был человек высочайшего авторитета, именно поэтому партийные органы доверили ему

организацию подполья в самом начале войны. Оно работало на войсковую разведку, чекистов, партизан. Погиб Борис Калачев в застенках гестапо в октябре 1943 года, а в городе Порхове был открыт музей – «Домик Калачевых» – филиал местного музея-заповедника.

Такова трагическая судьба старших сыновей купца Калачева, только младший сын – Михаил Петрович, артист цирка, дожил до преклонных лет. Правнучка знаменитого земляка живет в Сестрорецке и сегодня.

Михаил Евдокимович Леонтьев тоже был купцом второй гильдии, имел сразу несколько домов по соседству с коллегой Калачевым. Вот дом Леонтьева и вызывает свяшенное негодование у местных жителей, а век назад здесь были торговые лавки, продовольственные и хозяйственные. Дома напротив, где в одном из них сегодня находится УВД, тоже некогда принадлежали купцу Леонтьеву, были трактир, пекарня, во дворе этих зданий работал крытый рынок, а после войны эти дома были разрушены.

В 1912 году Михаил Евдокимович перед самой смертью оставил завещания сыновьям. Но сразу после революции семейство Леонтьевых предпочло эмигрировать в Австралию.

В начале нынешнего века сестрорецчане все же смогли познакомиться с одним из наследников брошенного на произвол судьбы хозяйства – в гости приехал потомок Август Леонтьев – внук купца. Сначала, рассказывают, загорелся идеей дом восстановить, но довольно скоро понял всю бессмысленность деловых отношений с российским чиновничеством. И горько умер.

Арест пропагандиста

Всегда поражался Солохину, а когда помогал издать его книгу «Исторические миниатюры. Этюды о современности» (в 2011 году) еще раз убедился его превосходным знаниям старой русской истории, ее глубин. Умение увидеть общее в многомерных процессах, соединить в одну нить, казалось бы, несоединимые факты, тогда и приходит понимание банальной истины, что все в мире взаимосвязано и вряд ли что бывает случайно. Так и в соединении людских судеб, в их соприкосновении.

Очень давно Николай Дмитриевич написал историю Всеволожска вместе с Игорем Владимировичем Венцелем, они ког-

да-то работали в «Невской заре». Игоря Владимировича Венцеля помнят многие заводчане – он работал в многотиражке инструментальщиков.

Много лет спустя Солохин рассказал весьма любопытную историю семьи Венцелей. Когда-то и семейная фамилия писалась через «т» – Вентцели. Николай Николаевич Вентцель – дед Игоря Владимировича – некогда представлял либеральное крыло дворянской чиновничьей интеллигенции, был адвокатом и литератором. Два его сына были людьми весьма интересными – актерами, поэтами, драматургами, третий – химик, жил во Франции. Дед соединил свою судьбу с Татьяной Николаевной Вентцель, актрисой эксцентрического кино. В сталинские времена она была репрессирована. И рассказываю я эту историю, в частности, потому, что дед Игоря Владимировича – Николай Николаевич Вентцель – стал прототипом главного героя широко известной картины Ильи Репина «Арест пропагандиста».

Мне кажется, вот именно из таких замечательных и удивительных деталей и соткана вся наша жизнь. А эту небольшую историю помог сохранить мой учитель Николай Дмитриевич Солохин.

Невезучий Зошенко

Самый замечательный рассказ (или, скорее, эссе) о Зошенко я прочитал у своего друга – Всеволожского поэта Николая Тамби (Берлева). Он как-то напросился приехать в Сестрорецк с одной единственной целью: чтобы я показал ему могилу Михаила Зошенко. Я попросил об ответной услуге – написать для «Здравницы» свои впечатления.

Конечно, я рассказал, как оскверняют память о большом прозаике местные недоумки. Как они украли «на цветмет» со стены библиотеки Зошенко барельеф с его изображением, как чуть ли не в первую ночь после установки скромного памятника на могиле писателя срезали голову, полагая, что она сделана из бронзы. Но тогда где-то демонстрировался и макет домика Зошенко с улицы Полевой, уже к тому времени сгоревший...

(Что касается сегодняшнего памятника на могиле – он появился осенью 1994 года, в день закрытия Петербургского фестиваля сатиры и юмора «Золотой Остап». Тогда было два события: на Фонтанке праздновал свой первый день рождения чугунный Чижи́к-Пыжи́к, злключения которого после регулярных похищений становились достоянием всей общественности, а второе, куда более значимое: открытие памятника на сестрорецком кладбище. Приехали Михаил Жванецкий, Эльдар Рязанов и главный сатирик города Анатолий Собчак).

Коля написал великолепное эссе, всего на одну газетную полосу, но было не оторваться! Искрометный юмор, помноженный на искреннюю грусть, все было в статье о том, как хранят (или не хранят) память о большом писателе в Сестрорецке.

Я принес десятистраничную рукопись, напечатанную на ма-

шинке, редактору Морику. Она ему очень понравилась, но сразу он ее не напечатал, зачем-то откладывая на потом. А потом она пропала.

– Не восстановить, – сокрушался потом огорченный Николай.
– Некоторые вещи пишутся на одном дыхании, не восстанавливаются. И рукописи горят.

После смерти Николая в доме его жены Тани спрашивал, сохранились ли какие наброски. Увы. Сохранилось кое-что из воспоминаний о Николае Рубцове, с ним Тамби общался много.

На выставке, посвященной 275-летию Инструментального завода, я познакомился с Ниной Пантелеймоновной Марецкой. Замечательная, сразу же расположившая к себе женщина, она долго водила меня по заводскому музею, от экспоната к экспонату. Пока не остановилась и не показала мне пиджак Зошенко. Его долго хранил бывший директор завода Михаил Иванович Васильев, он Зошенко хорошо знал, бывал у него дома на Полевой.

И мы разговорились о писателе. Нина Пантелеймоновна настолько увлекла меня своим рассказом, что не хотелось останавливаться, потом я сделал большое с ней интервью. Она знала жену Михаила Михайловича Веру Владимировну, навещала вдову писателя, изучала его творчество и судьбу. Творчество Зошенко очень интересовало и сестрорецкого писателя Сергея Николаевича Казимировского. Я вспоминаю потому, что они рассказывали о своей мечте сделать из дома Зошенко на улице Полевой, 14-а музей писателя, культурный центр. И после того как дом сгорел (несчастье произошло 14 сентября 1991 года), вопрос о музее встал еще острее. Единственным законным наследником дома был внук писателя Михаил Валерьевич Зошенко.

Чтобы привлечь внимание к теме, я даже сфотографировался с зажженной сигаретой на останках дома, ее напечатали некоторые петербургские газеты. Версия пожара даже не обсуждалась: известно, что в заброшенном доме, в котором внук писателя бывал редко, все время терлись подростки и ночевали бомжи. Приезжая на дачу, Михаил Валерьевич находил одну и ту же картину: выбитые стекла, груды окурков и пустых бутылок. Дом окончательно осиротел и запустел после смерти жены писателя в 1981 году. Да и о пожаре он узнал несколько дней спустя, его еле нашли.

Тогда очень громко стали раздаваться голоса писательской и иной общественности: восстановить дом, сделать в нем музей. Витала идея и о создании квартиры-музея на канале Грибоедова в Ленинграде, в доме ⁹9, квартира 119. Готовность выкупить дом под музей у законного наследника выражал и сестрорецкий исполком – редкий случай. Давали тысячу рублей. На эту тему я и позвонил Михаилу Валерьевичу. Он сказал, что готов продать дом под музей, при условии, что будет его хранителем до конца дней своих.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Внук писателя упрекнул меня, что именно из-за моих статей в «Здравнице» и поднялся такой шум. На самом деле, Литфонд предложил под музей зошенковскую квартиру на Грибоедова. Этому предшествовала долгая борьба, дабы после смерти Веры Владимировны квартира никуда не уплыла, ведь она числилась литфондовской и на нее уже претендовали писатели со смотровыми ордерами на руках. Вмешались Георгий Марков и Михаил Дудин. Тогда Литфонд выставил условие: квартиру на Грибоедова оставим под музей сделаем мемориальной, если Михаил Валерьевич продаст дом и землю вокруг под писательские коттеджи. На том и сошлись. Только вот денег у Литфонда не оказалось, и тогда внук писателя продал дом некому НПО «Айсберг», опять же, при условии, которое и вынуждена была принять администрация района – дать НПО возможность построить рядом культурно-оздоровительный комплекс для сотрудников. Все дело закончилось тем, что через пять лет дом и территорию выкупил некто С.Н., человек весьма авторитетный в определенных кругах.

– Кто-то интересуется домом? – спросил я С.Н., сидя с ним за чашкой кофе.

– Уже нет. А так лет десять назад позвонили, ворота открываю – пионеры стоят, с вожатой, галдят. Мы хотим табличку повесить, говорят, на память. Больше не ходят.

– От дома-то что осталось?

– Двенадцать больших камней фундамента и больше ничего.

– Вы хоть не отказывайте, кто придет, спросит. Все-таки место историческое.

– Конечно. Я там и живу.

На очень привлекательной и постоянно действующей выставке о Михаиле Зошенко в библиотеке его имени (весь коллектив Людмилы Минаевой, который и собрал выставку уникальных

экспонатов, заслуживает самых добрых слов!) сегодня и пиджак писателя, и чудом сохранившийся железный номер сгоревшей дачи. У библиотеки великолепный памятник писателю, хорошо изваяние и на могиле, за ней ухаживают.

А эссе Коли Тамби так и звучит в памяти, как предупреждающий колокольный звон. Друг мой Коля Тамби умер, умер и внук писателя Михаил Валерьевич.

Казалось бы, несчастья закончились.

Ан нет... Много лет спустя к хранительнице личных вещей Зошенко писательнице Зое Томашевской, человеку очень старому (а муж, литератор Борис Томашевский, к тому времени умер), приехали люди из Смольного, и положили перед старушкой три миллиона рублей за раритеты. Обрадовалась старушка – великие деньги!

Правда, вот на такое благородное дело Комитету по культуре выделили чуточку больше средств – двадцать два миллиона.

* * *

У каждого талантливого человека свои странности.

Впрочем, и талантом не отмеченного – тоже.

Но на странности людей неординарных мы обращаем внимание.

Стараемся даже брать с них пример.

Но. Но.

Совсем необязательно напиваться, как это делал Ги де Мопассан в очередной парижской забегаловке, где, стоя за высоким столом и осушая бокал за бокалом, он писал свои сентиментальные драматические рассказы и повести. «Жизнь», например.

Чайковский не садился за рояль, не осушив пару бокалов сухого вина, тоже известный факт. Утверждали, что в состоянии легкого опьянения он только и мог творить свои шедевры.

Аналогичных примеров великое множество. Но они лишь украшают наши представления о великих и известных людях.

Почти никто не знает, что некоторые свои рассказы Михаил Зошенко написал, сидя в пустой ванне.

Рассказываю.

С Сестрорецком Зошенко был хорошо знаком задолго до покупки в 1939 году дома на улице Полевой, номер 14-а, у Луизы Ивановны Витте. Семья Зошенко снимала дачи в Сестрорецке каждое лето, начиная с 22-го года. Он жил в Курорте, жил на Литейной (сейчас Токарева) улице, да и на улице Полевой лет

восемь кряду снимал соседний дом – №16. А самая первая дача была почти на берегу залива, там, где улица Ермоловская. Он с женой Верой (на Вере Владимировне Кербиц-Кербицкой Михаил Зошенко женился в мае 1920 года) жил в совсем крохотной комнатке – людской, ну, а с рабочим кабинетом пришлось придумывать.

И придумали, в духе великого сатирика: в бывшей ванной комнате в ванну наложили досок, которые и изображали письменный стол, в саму чашу поместили матрасик, набитый сеном – вот и сиденье. Сидя в ванной, Зошенко написал рассказ «Коза», включенный потом в книжку «Сентиментальные повести».

Размышляя о судьбе писателя, его творчестве и жизни, выскажу догадку, которая преследует меня уже много лет. Догадка о причине его несчастий. Не особо верится, что причиной для гонений стал какой-то там веселый рассказик «Приключения обезьянки», пусть и нашли в нем «что-то не то» политические окололитературные шавки.

Догадки стали закрадываться после моей встречи с сыном советского писателя-фантаста Юрия Гора Геннадия Гора (его уже нет в живых). Когда Сталин в сорок шестом искал жертв среди литераторов на поругание самими литераторами, он, узнав, что Геннадий Гор в годы войны проявил себя доблестным партизаном, заставил вычеркнуть его из списка потенциальных жертв. А Зошенко подходил: во-первых, все его награды, кресты железные на груди, были заслужены им не на красной стороне окопов, а на стороне царской армии, во-вторых, когда в стране наступил великий голод, а Зошенко занесло работать в уголовный розыск следователем, он оказался в центре событий вокруг поисков золота с затонувшего судна «Черный принц» в Балаклаве. История эта описана в его повести «Черный принц», история туманная, интересная, до сих пор окутанная тайнами. Но не слишком ли много знал следователь Зошенко? Да еще при Сталине Иосифе Виссарионовиче? Обратите внимание: Зошенко переиздают много, очень много, а вот «Черный принц» почему-то переиздают крайне редко.

Так и оказался писатель в одной обойме с Анной Ахматовой. Впрочем, повторюсь: совсем не утверждаю, просто предлагаю новую версию.

Сталин и Гор

Несколько интересных дней я провел с сыном известного советского писателя-фантаста Геннадия Гора – Юрием Геннадьевичем Гором. Обстоятельства нашим встречам сопутствовали нерадостные – и он, и я, находились в сестрорецкой больнице на лечении: у обоих хандрило сердце. Юрия Геннадьевича уже нет в живых, а когда мы общались, ему было 72 года, он был доктором геолого-минералогических наук, проработавший в институте геологии Арктики сорок лет.

Из многочисленных рассказов о Комарове о живших там по соседству писателей и поэтов, безвестных и знаменитых, великих и не очень (имена завораживают, ситуации интригуют), самым большим открытием стал рассказ о судьбе своего знаменитого отца. Как я понял из рассказа Юрия Геннадьевича, случай спас отца от тяжелых гонений.

Сталин спросил у Александра Прокофьева:

– Что делал Гор в сорок первом году? Прокофьев ответил:
– Три месяца пробыл в тылу врага, участвовал в важной операции.

Сталин:

– Вычеркните, Александров, его из списка.

Было лето послевоенного сорок шестого. В августе появилось известное Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград»...

Очень показательный диалог, на грани жизни и смерти беседа.

От Валеры Базанова

Самые неожиданные детали, факты исходят от людей, которые сами стали свидетелями или участниками того или иного события, происшествия. Такие случаи и надо воспринимать как абсолютно достоверные, даже если они не нравятся, не всем по нутру. Но ведь жизнь пестра в своих проявлениях, комична и трагична, прекрасна и безобразна.

Интересные записки о детстве в Комарово принес в газету Андрей Базанов, внук Василия Григорьевича Базанова, который около 11-ти лет (с 1966 по 1976-й) был директором Пушкинского Дома. Почти тридцать пять лет он постоянно жил на даче в Комарово, с 1956 года и почти до самой смерти в 1981-м.

Надо ли говорить, что маленький Андрюша окунулся в мир известных людей, литераторов и поэтов. Нет смысла перечислять звездные имена советских литераторов, на кого восторженными глазами глядел маленький Андрей, понятно одно – это был счастливый жребий судьбы. Об очень многих писателях и поэтах Андрей может рассказывать часами, и свою статью по воспоминаниям детства на комаровской даче деда он написал к 100-летию со дня его рождения. Среди гостей деда была однажды даже родная сестра Сергея Есенина Екатерина.

Впрочем, среди множества эпизодов, которые цепко хранит в своей памяти Андрей, немало и курьезных случаев. Один из них:

«Интересная история связана с появлением на даче известного поэта Глеба Горбовского. Дело было холодным зимним вечером. В дверь постучались два знакомых деду пожилых писателя, проживавших тогда в Доме творчества. Они рассказали, что в сугробе на Большом проспекте лежит в нетрезвом состоянии и не может подняться известный филолог, сотрудник Пушкинского дома доктор наук М. Ни нашедшим его писателям, ни деду, который был уже немолод, его было не дотащить. Взяли со двора большую тачку и позвали на помощь также проживавшего в то время в Дома писателей молодого еще поэта Глеба Горбовского. С его помощью М. погрузили на тачку и благополучно довели до дачи. А благодарные писатели познакомили деда с начинающим поэтом. На следующий день всей компанией вечером они вновь пришли на огонек, и Горбовский читал свои стихи. Василию Григорьевичу они очень понравились».

Еще эпизод, на этот раз шокирующий, но имевший место быть.

«...к сожалению, не со всеми соседями отношения были безоблачными. Очень ссорился В.Г.Базанов с Федором У. У последнего была большая черная овчарка Абкар, с которой он гулял без поводка и намордника. Дети ее очень боялись, и дед при встрече постоянно делал ему замечания. Кончилось все это тем, что Василия Григорьевича вызвали в Зеленогорск, где в отделении милиции показали донос на него. В нем утверждалось, что Базанов является создателем и руководителем некой сионистской организации. Подпись стояла – Ф.У. Времена, слава богу, были уже не столь жестокие, и, потрепав нервы, сотрудники правопорядка отпустили его на все четыре стороны. Через некоторое время, когда дед попытался обвинить заявителя в клевете, письмо таинственным образом из отделения милиции исчезло. Зная об этом и некоторых других поступках известного хирурга, я с немалым изумлением слушал, как в своих интервью он объяснял причины своего долгожительства тем, что он всегда делал людям добро».

Кстати, этот же известный хирург объяснял причины долгожительства и правильным (на его взгляд) сексуальным поведением. В восемнадцатилетнем возрасте ему попала на глаза белогвардейская брошюра, в которой утверждалось, что половой жизнью с женщинами надо жить ровно раз в неделю и ни капли больше, строго по графику. Впитав в далекой юности эту фигню, известный хирург так и делал всю свою жизнь, прожив 105 лет.

Как это влияло на дурной характер профессора, история умалчивает.

Наивный Браун

«Маленькие детали», которые могут отразиться на судьбе человека, вещь, в общем-то, грустная. Иногда какой-нибудь, на первый взгляд совсем незначительный, незаметный случай может переломить всю жизнь через колено. А может и по иному, это когда «в нужный момент и в нужном месте».

Если (лишь по моему наитию) в судьбе Зошенко злую историю могло сыграть его участие в разбирательстве судьбы затонувшего в Балаклаве «Черного принца», вернее, затонувшего золота, то в судьбе сына военного поэта Николая Леопольдовича Бра-

уна – Николай Николаевича – такую зловещую роль мог играть факт непосредственного свидетельства – именно отец вместе с друзьями выносил остывшее тело убитого поэта из гостиницы «Англетер» декабрьским утром 1925 года. Достаточное обстоятельство, чтобы дальнейшая судьба Николая Леопольдовича складывалась по политическим лекалам того времени, в которых предусмотрительно имелись нары в каком-нибудь лагере на Колыме.

Но Браун был советский морской офицер - решительный, смелый, отчаянный, в самом начале войны стал участником обороны Таллинна и гибельного перехода каравана боевых кораблей в Кронштадт. Два из них были потоплены – один торпедирован, второй попал под бомбежку. Поэт бросался в воду, спас многих из ледяной пучины, сам считался какое-то время погибшим среди 33-х тысяч исчезнувших навсегда.

Морская стихия – стихия Брауна, он стал автором знаменитого в те годы Гимна морской авиации.

Мне рассказывал сын поэта Николай Николаевич Браун: в 1940-м году отец был в списке писателей, подлежащих аресту и расстрелу. Несколько раз приезжал ко мне в гости Николай Николаевич, человек экспрессивный, в разговорах и оценках довольно жесткий. Рассказывал и о своей матери – поэтессе Комисаровой, отец и мать похоронены в некрополе в Комарово. Встречались мы на одну, волновавшую сына поэтов, тему: он мечтал, настаивал, требовал, чтобы один из безымянных переулков в легендарном поселке назвали именем его заслуженного отца. Идею поддерживали писатели, что-то обещали чиновники, но что от них толку, когда много позже «будку Ахматовой» чуть не снесли, обустроивая элитный поселок под свои поганые нужды.

Кстати, сам Николай Николаевич отсидел в тюрьме в печально известный диссидентам застойный брежневский период, может, потому он излишне нервничал, излишне был в общении агрессивен. Но ведь как старался оставить в истории литературы имя родителей, найти для сохранения их памяти даже топонимическую лакуну!

Как наивны, как хороши, как достойны бывают в своей наивности поэты – Николай Николаевич тоже пишет стихи.

Звезда полей

Про Николая Рубцова.

3 января 11-го года, день его рождения. Маленькая главка – о моей с Мариной поездке в Вологду и Тотьму. Из Тотьмы у Марины подруга, поэт Люда Новикова, с жильем вопроса не было, мы ехали в дом ее родителей.

Тотьма в четырех часах на автобусе от вокзала в Вологде, путь весьма неудобный, дорога раздолбана, особенно на подступах к самой Тотьме. Провинциальный городок с десятью тысячами жителей, однако, с пятью действующими храмами и огромным красного кирпича двухэтажным музеем.

Дом, в котором остановились, чисто деревенский, на окраине городка, с огородом, а по утрам мимо забора вела старушка куда-то пасти коз, это было трогательно, потому что где еще увидишь сельскую идиллию в столь мажорных тонах.

В Тотьме я лазал на колокольню, на самую верхотуру, в звонницу, зрелище на городок оттуда симпатичное, внизу река Сухона, знаменитая тем, что всего две реки на земном шаре в один и тот же год текут в двух разных направлениях, по полгода туда и обратно. Такова здешняя особенность водного природного устройства. Вторая такая речка есть где-то в Южной Америке. Но в Америке нет памятника поэту Николаю Рубцову на берегу.

А памятник хорош, Рубцов задумчиво сидит на камне. Скульптурная композиция интересней, чем в Вологде на набережной, где поэт с чемоданом в руке.

В Тотье Рубцова помнят многие, отец Люды Новиковой рассказывал:

– Поэт-бродяжка. Приходил в городскую столовую, хлеб-то бесплатным был. Садился за столик с газетой, помню, сидит и ест хлеб с горчицей, газету читает.

С Мариной мы отправились в Суморинский монастырь, на окраину городка, уголья его достаточно велики, развала хватает, нас же интересовала монастырская келья, приспособленная некогда под ученическое общежитие, в одной из комнат здесь жил Рубцов. Нас встретила хозяйка общаги: да жил, в какой-то из этих комнат, но никто и не знает в какой.

– Я-то его самого помню, – заключила хозяйка, огорченная, что не может помочь.

В Вологде мы, конечно, отправились искать дом, где произошла трагедия с поэтом. Но сначала пошли в музей, в том же двухэтажном домике находится и Союз писателей, и лишь потом отправились на поиски последнего дома поэта. Здесь рубцовский дом все знают, еще бы. В самом же музее потрясла фотография: к развернутой могиле несут гроб, а двое мужчин держат над могильной ямой тонкий березовый ствол, и ствол этот так потрясающе художественно вписался в зимнюю палитру печальной стужи, сам снимок – искусство, наверно, так и должно было случиться в последние минуты уже мертвого поэта на грешной земле, потому что сам Рубцов был художником, мастером.

Дом в четыре этажа, мемориальная доска на торцевой части фасада, вялые цветы, красные гвоздички. Обыкновенный, ничем не выделяющийся вологодский двор, дом в четыре подъезда, двери нараспашку, и только в крайнем массивная металлическая дверь с кодовым замком. Не надо объяснять почему: можно лишь представить бесконечные толпы поклонников и истеричных девиц сразу после трагедии, ринувшихся в квартиру, где поэт был удушен банальной перьевой подушкой. Впрочем, только Бог тому свидетель.

Удивительно, но с Рубцовым не перегнули палку, а как-то негромко признали, что это был сегодняшний наш Есенин, по чистоте звука, по ясности струн. Далеко не баловень судьбы, напротив.

Напротив, наперекор – как все по-советски традиционно: соленый огурец с куском черного хлеба, настоящий поэт ведь должен не доедать, не правда ли?

Еще государству хочется, чтобы поэты пили, стихи-то можешь и не писать, а вот водку алкать – дело нужное, государственной важности дело.

Так убивают таланты.

* * *

Сели на речной катер и поплыли туда-обратно по реке, удовольствие немалое.

– А сейчас мы будем плыть мимо знаменитых казарм вологодского конвоя, – торжественно говорит экскурсовод, и ты тут же проникаешься всей значимостью этого охранно-стрелкового отряда в жизни страны. – Вы видите фасад главного здания казарм конвоя, это единственное здание в Вологде на котором сохранился барельеф Красной Звезды.

Только тут понимаешь, сколь важна для истории страны эта могущественная реликвия, каменное свидетельство на фасаде целой эпохи. Вернее, даже не эпохи, а вечности – и сегодня вологодский конвой считается самым жестким и жестоким.

Один из вологодских инженеров человеческих душ поработал конвойным несколько лет и написал о местных краях весьма популярную на Севере книжку «Вологодский конвой».

В лучах Куприна

Однажды ехал с сестрой в Сестрорецк из Питера на электричке, сидим, о чем-то болтаем, вдруг входит в вагон мужик, за плечом мешок с печатной продукцией. Традиционная картинка с вагонным коробейником, для многих надоедливая. Входит и говорит:

– Граждане пассажиры! Был такой писатель на свете – Александр Куприн. Так вот. Так вот. Так вот. Он рядом отдыхает с нашим писателем Соловьевым, покупайте и убедитесь!

Коробейник держал в руках мою книжицу, изданную пять лет тому назад – «Над пропастью, во лжи». Я уж и забывать про такую начал. Надо ли говорить, как вытянулись наши лица.

Кто-то купил экземпляр. Я вышел в тамбур вслед за продавцом.

– Где взял?

Мешочник узнал меня сразу, растерялся – моя фотография была на обложке. Пробормотал что-то невнятное.

Впрочем, мне было просто интересно, с тиражом первой книжечки я явно переборщил, ею был насыщен весь город, да и лет пять прошло, как я потерял след тиража.

– Да продавай, не жалко, – успокоил я встревоженного коробейника. – Про Куприна здорово зарядил.

Я и не сообразил сразу – почему именно про Куприна. Долго с сестрой смеялся. Не сразу и сообразил, что в книжке много о проституции, у мешочника-то ассоциация была с «Ямой», только и всего. Никаких литературных параллелей.

А жаль. Впрочем, я человек начисто лишенный малейшего

чувства зависти, это неплохое качество сопутствовало мне всегда. Не нужны ни богатство, ни слава. Бог миловал!

* * *

Я зря, конечно, возгордился, когда меня сравнили с Куприным. Экое тщеславие! Не сразу сообразил, что вагонный продавец имел в виду конкретное содержание книжки: в ней было несколько статей о проституции, например, таких как «Простим ли мы Таню Зайцеву, которая не любила, а вышла замуж?» – по мотивам, так сказать, кунинской «Интердевочки». Продавец-то сравнивал с «Ямой» Куприна!

Тогда с другой стороны зайдем: зачем простого журналиста толкать в лагерь писателя-белогвардейца? Приехала в 58-м году в Гатчину дочь писателя Ксения Александровна, предложила создать в городе музей, все-таки отец 13 лет в Гатчине прожил. А отказ поступил от председателя Совета ветеранов, некоего С, который так и заявил: таких как Куприн он в свое время стрелял.

Власти не сопротивлялись абракадабре самодура, такие тупоумные были власти.

(Это как в Пушкине случилось: умер первый секретарь райкома партии, на площади гроб, идет прощание. К гробу подходит второй секретарь, берет руку покойника, трясет, слеза по щеке: «Спи спокойно, дорогой товарищ!». Не анекдот – факт.)

Лишь в 1981 году в городке Наровчат, родине Александра Ивановича в пензенском крае, был открыт музей писателя и даже поставлен памятник. Ксения Александровна была, конечно, успокоена. Про белогвардейскую статью там никто не помнил.

Немногие помнят и необычные обстоятельства рождения маленького мальчика: дело в том, что три родившихся до него младенца у матери – все мальчики – умерли. Мать плакала, видя рок в своей судьбе, тогда знающие люди и подсказали ей обратиться к старцам, чтобы новый ребенок остался жить. Старцы посоветовали родившегося младенца положить на доску, обрезать ее по росту ребенка и написать на той доске икону святого Александра Невского: Куприн родился в день его именин. Такая доска – мерная – и висела над колыбелью ребенка.

В сегодняшней Гатчине, кстати, издается газета «Приневский край», ее первым редактором в 1919 году был как раз Александр Иванович.

Туалет с кипящим супом

Одну из самых замечательных, веселых и, пожалуй, невероятных историй из жизни предпринимателей и бизнесменов в Курортном районе я услышал много лет спустя после самого случая. Тем более, мое страстное стремление поерничать над властью районного пошиба, стало, вероятно, тому причиной.

В то самое время, когда «Здравница» действительно стала независимой от власти (т.е. власть перестала ее финансировать, надеясь, что газета загнется сама по себе), я написал вполне актуальную заметку про безобразный туалет неподалеку от зеленогорского вокзала. Заметка называлась «Очень хочется сс.б» и сопровождалась показательными фотоснимками Миши Новака: раздолбанные унитазы, грязнушие раковины, мрак полный. Надо ли говорить, что заметку обсуждали, ведь отсутствие или нормальное содержание отхожих мест - целая проблема не только в наших курортных городках, и в Питере она была животрепещуща. Справедливости ради: первый, кто стал по серьезному решать проблему - много лет спустя пришедший в район Александр Беглов, который буквально заставил туалетную реформу начинать со школ, и был тысячу раз прав! Как бы над ним не потешались. Засранцы.

Но тогда только стартовала перестройка, в головах у людей - полный бардак, кругом разруха, а здесь тебе заметки про туалеты подсовывают. Однако. Однако призыв районки заняться туалетной проблемой был услышан. Власти собрали предпринимателей и «повесили» на них туалетные точки, кому какую краше. Туалет неподалеку от зеленогорского вокзала поручи-

пи оборудовать и оснастить предпринимателю Л. Понятно, что для него, как и для других юных бизнесменов перестройки, туалетное дело было отнюдь непрофильным занятием, а вкладываться надо. Ведь власти все равно, профильное или нет для бизнесмена дело, главное – высосать деньги, ведь власть – она обладает всеми свойствами и качествами вампира, это дракула такая.

Предприниматель Л. тогда еще только начинал свою бизнес-деятельность, и для него строительство туалета было накладно. И порешил он туалет не ставить, а раздобыть вагончик строительный, его переоборудовать, довести до ума, учитывая интимные человеческие потребности. Но затраты минимизировать.

Придумал. Решил вагончик не покупать, а угнать. Время тогда было смешное, никто бы не удивился, такое было в порядке вещей. Присмотрели члены его команды строительный вагончик в районе Смолячково, там у леса велись какие-то работы. Подогнал машину с тросом, чтобы его подцепить, рвануть и угнать. Для надежности важного дела на всякий случай посадил в кабину машины мента, купив оборотню пару бутылок водки. В случае чего, тот бы отмазал, на то и оборотень.

Тросом вагон прицепили, машина рванула с места. Дело творилось средь бела дня, что особенно пикантно. Но угнанный вагончик надо было где-то отстоять до следующего дня, чтобы «все тихо прошло». Где-то в соседнем поселке его и ткнули, в нескольких километрах от места происшествия. Потом оказалось, прямо напротив дома милицейского начальника, но это потом узналось. А пока же предприниматель Л. дал команду вагончик вскрыть и глянуть, что хоть там внутри. Залезли и отзвонились: в вагончике на электрической плитке вовсю... кипел суп, хоть по тарелкам разливай. На полу валялось несколько бензопил.

Из всего следовало: когда угоняли вагончик, неведомый трудовой коллектив находился в лесу, а суп поставили готовить перед самым обедом. Когда же из лесу коллективом вышли, увидели лишь обрывки кабеля, тянувшегося от столба в вагон. Остались, в общем, без законного обеда, с вагончиком-то – шут с ним.

Этот вагончик, установленный за вокзалом, потом много лет спасал от конфузов зеленогорцев и гостей курортного городка.

Дайте фермеру трактор

А вот как «поддерживалось» малое предпринимательство в те шальные годы.

Жил-был на Приморском шоссе в Сестрорецке настоящий русский мужик – Сергей Тимофеевич Редкозубов. Родом из тамбовской области, деревни Кулябовка. Крестьянская хватка подсказывала, что надо всех кругом кормить, и мечтал он накормить весь Сестрорецк. Сам когда-то много плавал на морских судах, ходил по миру, в каких только портах не бывал. Тогда, в пятидесятые, Редкозубов побывал и в Индии, запомнились ему и Калькутта, и Бомбей, а особенно порт Мадрас. Кормили советских моряков на убой, подкармливали и нищих на берегу, в нарушение всех правил и законов. Грозил «подкормка» как минимум международным скандалом, но что делать, если видишь и понимаешь, что люди от голода пухнут! Потом Редкозубов рассказывал, что это с тех времен желание накормить народ, тем более, свой.

А тут перестройка. Правдами и неправдами добился Сергей Тимофеевич чтобы выделили ему под фермерское хозяйство в Ильичеве пять гектаров земли. Брал ссуды в банке на развитие дела, отдавал быстро, дело шло! Не хватало только трактора для полного счастья и развития, ходил Редкозубов по инстанциям требовал, доказывал, но видел лишь холодные глаза чиновников. В Смольном один такой душегуб с лицом мертвеца, глядя сквозь линзы очков в бумаги, процедил, прошипел даже: «Закройте дверь с другой стороны».

А между тем в стране царил ельцинская демагогия, а некто Руцкой отвечал за развитие фермерства в стране. Как писали «Известия», «...объявил в духе великого иудея: все это фермерство – суета сует и томление духа, а если цитировать генерала точно, обман и историческая ошибка». Такие вот были авиаторы во власти.

После многочисленных отказов дать фермеру трактор, я и Редкозубов поехали в Выборг, в исполком. И пять миллионов рублей ссуды на трактор выбили за десять минут, с прессой тогда считались. И вот уже осенью я увидел на Володарке Сергея Тимофеевича у раскинутого лотка, торгующего картошкой. И приятно стало, что хоть в чем-то помог, а мечта Сергея Тимофеевича накормить всех стариков и старушек Сестрорецка кар-

тошечкой сбывается на глазах. Мечтал он уже о пруде и карпах в нем, о свинарнике с поросятами – руки на месте, не смотри, что пенсионер!

Недолго музыка играла. Уже через три дня свернул торговлю: братки наехали – почему картошка дешевая?

Уже много лет спустя жену Сергея Тимофеевича Дину Александровну в поликлинике встретил, узнала меня.

– Так ничего и не вышло. А Сергей Тимофеевич еще крепок, живой.

На таких вот Россия и держится.

Травы зеленеют

Газета «Говорит и показывает Москва», вернее, ее ленинградское представительство, выпускавшее вариации на четыре прибалтийские республики, проводила рекламный вечер в Доме журналиста на Невском, 70. Тогда подобные вечера, привязанные к осенними подписным кампаниям, были в порядке вещей и иногда вызывали весьма большой интерес у публики. Авторитет прессы в семидесятые-восемидесятые был еще очень велик, старшее поколение отлично помнит казусы агитации и пропаганды, один за всех, все за одного.

«ГпМ», как солидное издание радиотелевизионных корпораций, где я служил обозревателем телепрограмм ленинградского ТВ, и где трудился с огромным удовольствием и даже наслаждением (случалось и такое), конечно же, не могло упустить сезонную возможность пропиариться перед читательской аудиторией, а так как центральная редакция базировалась в Москве, то без видимых усилий и пригласила известных людей на свой ленинградский вечер. На сотрудников же нашего корпункта, затерявшегося в весьма путаных коридорах радиокомитета на сегодняшней Итальянской, возложили обязанность встречать и сопровождать важных персон. На кого-то выпал великий диктор Юрий Левитан, на меня – композитор Владимир Шаинский, очень в то время популярный благодаря своим незамыслова-

тым, но прелестным песенкам про голубой вагон и крейсер «Аврора». Был 1977 год.

Мне позвонили: я должен доставить Шаинского в Дом журналистов к 19 часам. И в пять вечера был уже в «Европейской». На втором этаже меня встретила консьерж:

– В номере отдыхает. Вчера вот концерт устроил.

– На рояле?

– Нет, отказывались заселяться, пока в номере не сделают альков.

– Не понял.

– В конце коридора, там сами поймете. Стучу в дверь.

Владимир Яковлевич под высокого полета шафе. Мимо огромных размеров балдахина розового цвета (бедные горничные, я только на секунду представил, как они натягивали это прозрачное шелковое барахло над невероятных размеров кроватью!) двигаюсь к окну, у стены столик, на нем расставлены шахматы и бутылки с водкой в таком же шахматном порядке.

– Нам скоро идти.

– Не торопитесь, юноша. Выпьем. Пьем.

– И сыграем в шахматы. Время немного есть. Играем.

Играет Шаинский неплохо. Однако я уверенно побеждаю.

– Выдвигаемся.

– Нет! Ни за что! Я имею право на реванш! Молодой человек, продолжим!

Я в растерянности гляжу на часы и вижу – мы можем опоздать и непременно опоздаем. Соображаю: надо срочно проиграть следующую партию. Срочно и проигрываю. Шаинский счастлив, как ребенок, довольно потирает руки: а теперь, мил человек, выпьем на дорожку.

О боже, его развозит прямо на глазах, как меня в лучшие вечера. Какой уж там километр по Невскому! Он требует, и правильно, такси. Ловлю машину и мы выдвигаемся – сначала по Невскому в одну сторону, потом – в другую, потом еще раз в другую, чтобы прямо к входу. Прямо к входу мы приезжаем ровно на час позже.

Под руку поднимаю Владимира Яковлевича в зал. Чтобы попасть к сцене, в предбанник, надо пройти вдоль стенки зала, Владимир Яковлевич очень старается, за стенку держится аккуратно. Юрий Борисович Левитан, стоя на сцене, своим могучим голосом восторжествовал, увидав Шаинского, живого и неувредимого:

– Ну, я ж говорил, я верил, что он придет!

Казалось, работают радиостанции всего Советского Союза.

Как потом рассказал Левитан, он на сцене давно вышел за рамки своего выступления и гремел во временном пространстве уже за Шаинского, пока тот не появится, живой и неувредимый.

С чувством выполненного долга, уже в предбаннике, я освободил руки от композитора.

Владимир Яковлевич вышел на сцену, неуверенно поклонился и сел за рояль. Удивительно, но он еще был в состоянии парить над роялем! И играл неплохо, очень даже неплохо, черт побери, и сначала зал аплодировал. Травы-травы-травы зеленеют, катится-катится голубой вагон...

– А теперь подпевайте! – обратился он к залу, и заиграл, просны революционного крейсера «Аврора». – Не молчите! Вперед!

И тут произошло то, что не могло не случиться. Владимира Яковлевича развозило все больше и больше, он стал сползать чуть ли не под рояль. Зал понял причину и грохнул от смеха.

Смех был оглушительный, зрители хватались за животы, и только я сидел неподвижно и мертвенно бледный.

То ли Левитан, то ли кто из организаторов вечера вышел на сцену и, галантно поклонившись публике, под белы ручки вывел Владимира Яковлевича со сцены.

Аплодисменты.

На банкете в маленьком кулуарном зале ресторана Домжура тоже не обошлось без эксцессов, но здесь хотя бы был очень узкий круг собравшихся. С интересом слушали Левитана и председателя радиокомитета Ростислава Николаева. Шаинский сладко дремал.

Но только наивный читатель может подумать, что на этом мои злоключения закончились. На следующий день еще предстояло купить Шаинскому билет до Москвы. Была предтеча школьного учебного года, билетов не было и в помине, ни в Москву, ни обратно. С чувством обреченности прибыл на Московский вокзал и, конечно же, в кассе мне сказали, что билетов нет и не будет, а когда я добавил, что нужно отдельное купе, на меня посмотрели с искренним и неподдельным сожалением. Каких только вокзальных администраторов и начальников не уговаривал, они вняли моему несчастью, продали четыре билета в отдельное купе.

Еще предстояло доставить Владимира Яковлевича на вокзал, и это получилось без проблем, я помахал дяде ручкой, катится-катится голубой вагон!

Через пару дней в бухгалтерию радиокомитета позвонила жена Шаинского, требовала гонорар за выступление мужа. Как сейчас помню: цена вопроса – 30 рублей. Только не понял, почему все вокруг возмущались, ведь Владимир Яковлевич доставил невероятное удовольствие.

Царегородцев и шалаш

Одним из самых колоритных людей Сестрорецка в конце 90-х был директор мемориального музейного комплекса «Сарай и Шалаш В.И.Ленина» в Разливе Александр Царегородцев. Он был как две капли воды похож на Ильича, это замечали многие, и он бы с успехом выступал на всякого рода конкурсах двойников, вероятно, становился бы победителем, да должность не позволяла.

Сходство с Лениным вкупе с руководством мемориалом однажды сыграло с Царегородцевым злую шутку. С парой бутылок вина в карманах он буквально на минуту опоздал на электричку в сторону Сестрорецка на станции Новая Деревня. Здесь его и охмутила подружка, пригласив в квартиру неподалеку, там и выпили. Подсыпали ему клофелин или еще какой гадости, только очнулся Сашка ранним утром на лестнице, раздетый, без вещей и всего на свете. Полшестого утра двинулся в сторону метро, его здесь задержали милиционеры, сопроводили в отделение. Подивились сходству с Ильичей, а когда он заявил, что еще и директор ленинского мемориала, то с огромным удовольствием и, радуясь как дети, задержали и заперли в кутузку до выяснения.

Вместе с вещами у Царегородцева похитили и ключи от исторического «Сарая», это было куда серьезней. Вдоволь поиздевавшись, милиционеры все-таки позвонили в администрацию района, на всякий случай, подивились и выпустили, как бы потом не пришлось отвечать по всей строгости революционных законов.

Надо отдать Царегородцеву должное, был он человеком весь-

ма находчивым. На территорию вокруг шапаша в Разливе уже начали наезжать новые русские, а тогда она составляла 249 гектаров. И придумал он статейку весьма угрожающего содержания, но фокус в том, что основана она была на реальных фактах. В одном из номеров газеты Александр поведал читателям, что хорошо бы придерживаться правил Функ Сои, восточной мудрости, с помощью которой на Востоке избегают окаянных мест. И дальше изложил факты:

«В 1970 году к 100-летию Ленина был построен и введен в эксплуатацию для служебного проживания персонала музея дом.

Первой жертвой дома стала 3-х летняя Оля Анохина, в 1971 году она умирает от рака печени. Родители, не сумев подавить какое-то внутреннее чувство тревоги и дискомфорта – увольняются и покидают несчастливое жилище.

1980 год. Заведующий музеем Колосков Павел Владимирович, 52 лет от роду – умирает от рака крови.

1985 год. Сторож музея Павлова Зоя Александровна в том же возрасте умирает от рака легких.

1990 год. Рабочий музея Корсаков Дмитрий Антонович, 61 год – умирает от рака мочевого пузыря. Его сын до сих пор живет в доме, мучается с язвой желудка.

1995 год. В новогоднюю ночь умирает от рака легкого сторож музея Яковлев Михаил Васильевич – 77 лет.

1997 год. Сторож музея Кривых Михаил Никонович, в январе 1997 года крепкий, не знающий что такое больничный лист, 65-летний пенсионер, уже в сентябре умирает от рака языка. Это был мой отец».

Надо ли говорить, насколько шокирует такая информация, причем не придуманная! Саша Царегородцев никогда не ночевал в служебном доме, хотя комната ему была там положена по служебному статусу. 80-летняя экскурсовод музея Дарья Владимировна Зарецкая ни за какие коврижки не оставалась в доме, предпочитая добираться до платформы 5 километров пешком. А когда умер отец Царегородцева, вообще предпочла уволиться.

В чем причины? После последней смерти решили провести экологическую экспертизу на наличие радона, ртутных испарений и радиации. Ничего не нашли, тогда предложили проверить на существование неких патогенных зон, но не было средств. Ну, нет денег – так нет, значит, есть патогенные зоны.

О чем и стали мы с Царегородцевым шуметь. Я выдал статью в журнале «Калейдоскоп» миллионным тиражом, новых русских от потуг на мемориальное болото отшло моментально. Зато приехали из французской телекомпании снимать документальный сериал о великих людях современности «XX век», оставили в книге отзывов запись:

«Здесь Ленин, вдохновленный атомом, исходящим из недр земной коры, написал свой гениальный труд «Государство и революция».

Фильм крутили по всему миру, я угорал от смеха, видя в кадре озабоченного Сашку Царегородцева, но дело было сделано – претензий на землю у нуворишей долго не было.

Сам же музей «Шалаш» оказался в те годы заброшен властями, последний, кто уделил внимание, был председатель Ленгорисполкома Владимир Яковлевич Ходырев, было это давно. Да мужик, косивший сено на поляне, оставлял толику травы для шалашика каждую осень, уже по традиции, сам же предпочитал оставаться неизвестным.

В этой истории, закрученной как фантазия, но имевшей место в действительности, так и остались непонятны причины возникновения онкологических заболеваний у жителей именно этого странного домика. Но если вдаваться в историю более глубокую, то известно, что «канонизировать», то есть открыть «Шалаш» намечали еще в 1927 году, в честь 10-летия Октября. Секретарь местного райкома партии отбыл на торжество по глади озера Разлив на катере и... утонул. «Канонизацию» перенесли на год позже.

Сам Александр Царегородцев умер тоже для всех неожиданно, ему не было и пятидесяти. Онкология его миновала, слава Богу. Но умер не старым, а мужик же был совсем неплохой.

* * *

Но пока французские телевизионщики пытали Царегородцева на фоне шалаша о геопатогенных разломах в историческом месте и монтировали мировую премьеру (20 серий) о великих людях 20-го века, случилось еще одно ЧП, на этот раз в преддверие 70-летнего юбилея музейного комплекса на болоте.

16 июня, за месяц до торжеств, заместитель главы теруправления Лена Рахова вместе с неизвестным спутником на борту гидросамолета 4-22, совершавшим свой первый разбег от пирса в Разливе...

...и он через несколько секунд рухнул в воду...

По счастью, все остались живы и здоровы, спасательные катера оказались на месте происшествия через несколько минут.

Прошло несколько дней, на юбилейных торжествах, посвященных столетию санатория «Сестрорецкий курорт», Лена с ужасом в глазах спрашивала, откуда я знаю о происшествии, просила никому не рассказывать, и наотрез отказалась назвать имя второго пассажира, ходили слухи про высокопоставленного чиновника из Чечни. Самолет принадлежал одной из крупнейших российских алюминиевых компаний.

Тогда чиновники грезил и идеей наладить туристические перелеты на небольших самолетиках над озером по маршруту Разлив – Дюны, но после случившегося сумасбродные проекты пришлось похоронить. Возмущался Владимир Скорняков, командир летного полка в Горской: у спецов никогда не возникала речь даже о возможности появления над озером летного коридора! Творили, что хотели, не ведали, что творили.

К тому же времени относится и трагикомедия с упавшим дельтапланом. Тогда разрешили платные полеты на этих космических кораблях с пляжа санатория «Сестрорецкий курорт», услуга пользовалась популярностью у отдыхающих – адреналин! Полеты разрешали и над Сестрорецком, помню, делал рекламный ролик под выборы, так съемки вели с дельтаплана.

В районе ресторана, прозванного в народе «Последний путь» (рядом с домом 350 по Приморскому шоссе, на выезде из Сестрорецка, сегодня снесен), один из дельтапланов вдруг потерял управление и всякую небесную устойчивость, и камнем рухнул вниз. Нарочно не придумаешь, но упал он на рабочее место уличного шашлычника, который как раз занимался своим благородным делом, накалывая мясо на шампуры и укладывая их на большую шашлычницу. Вот на это самое место и рухнул несчастный воздухоплаватель. Изрезанного и пронизанного шампурами, его срочно доставили в реанимацию 40-й больницы. Все обошлось. Сама же история стала предметом бесконечных анекдотов в следственных кабинетах милиции.

– Спрашиваю шашлычника, что случилось, под протокол, – рассказывал следок, – а шашлычник азербайджанец.

– Ну... летит!

– Кто летит?

– Ну, эта самая... птыца!

– Какая птица?

– Ну... самолет! Самолет летит! И прямо падает на меня! Руками машет!

– Самолет руками машет?

– Не... эта самая... птыца.

– Так кто летит, мать твою?

– Самолет, самолет это был, не птыца, гражданин начальник. Я тебя шашлыком угошу, только правильно пиши, начальник: не птыца это была, самолет. Я птыц не жарил.

Ленин навсегда

Есть творческие изыски, стихотворные в том числе, которыми невозможно не восторгаться. Пишутся они от души, душа при этом обязательно нараспашку, искренне и от сердца. Такие рифмосплетения должны потрясать нас во все времена, одно из них я обнаружил в архивной уже «Здравнице» за 1985 год, автор – Валентин Сердюк. Я с удовольствием перепечатал это стихотворение лет тринадцать назад в своей газете, но давайте насладимся вместе.

НА ОТДЫХЕ

*Смех звенит колокольчиком детский.
Оглушая кипящий пляж.
Замечательно в Сестроречке,
Всюду чисто, куда ни ляжь.*

*Сколько здесь горожан и приезжих.
Позаботясь о новичках.
Солнце щедро в глаза им брезжит,
Загорающим в синих очках.*

*От залива подом пахнет.
Брызжа пеною волн в бока.
Машут крыльями острыми яхты
Сестрорецку издалека.*

*Нет меня сегодня счастливей,
Потому что в мире большом
Побывал я снова в Разливе
Перед ленинским шалашом.*

*Где вождя Емельянов прятал,
Где водился в озере сиг,
Ленин плавал, подобно ребятам,
И осоку косою стриг.*

*Дышут волны и движутся лавой,
Мне до гребней их не достичь.
Я горжусь, что сегодня плаваю
В той воде, где купался Ильич.*

С тех пор и думаю: с Лениным все понятно, с автором стихотворения тоже, а вот сиг-то куда из озера сиганул? Еще тот вопрос, к экологам.

Впрочем, сестрорецкий эколог Слава Беликов, царствие ему небесное, давно уже все объяснил в своих двух книгах про озеро Разлив. Эти книги разошлись среди сестроречан моментально, они давно уже раритеты, а половину тиража закупили научно-исследовательские институты разных родов озероведения.

Газетное ассорти

Первая скандальная статья, которая вышла из-под моего пера в «Ленинградской здравнице», случилась в октябре 1989 года, ровно через два месяца после прихода в газету. Конечно, писал я, не подразумевая никакого скандала, просто была публикация с серьезной критикой в адрес учителей одной из зеленогорских школ.

А произошло примерно следующее (нет никакого смысла вдаваться в подробности столь далекого конфликта): учителя, за год до того выбравшие директором школы члена своего же коллектива, стали воспрепятствовать тем новшествам, которые привнесла в педагогический коллектив Людмила Константиновна Колосова. Тогда, на заре перестройки возможны были и даже поощрялись инициативы снизу – выборы директоров предприятий, организаций и даже школ. Правильно так или нет, вопрос, безусловно, спорный. Многие считают, что Инструментальный завод в Сестрорецке именно так и профукали, что же касается учительских конфликтов, то, как и в медицинских учреждениях, они самые сложные, невероятные и непредсказуемые. Во-первых, в школах, в больницах и поликлиниках женские коллективы, и это накладывает бесспорный отпечаток, плюс особая специфика профессий. Весь мой газетный опыт говорит, что именно в этих сферах конфликты самые сложные и даже беспощадные.

В большой своей статье «Мятежная душа» я не называл кон-

кретных фамилий и имен, хотя понятно, что это лишь секрет Полишинеля. Когда тучи над Людмилой Константиновной сгустились, мы решили ехать в Москву, в «Учительскую газету», и приехали-таки. Выслушали нас с весьма скучающим видом, потому что открыли шкаф, из которого на пол посыпались сотни, если не тысячи похожих жалоб и негодований от педагогов со всей страны. Еще был Советский Союз. Однако позвонили в Ленинград своему собкору, и тогда мы на очередное собрание педагогов приехали вместе с сотрудником «Учительской». После бурного шума и гама, корреспондент устало сказала мне уже в электричке: «Они все больны... Они очень больны!».

Ситуация с прогрессивным директором Колосовой ушла вглубь разборок в РОНО, и однажды, полгода спустя, редактор Морик, дал мне неожиданно-негаданно пару дней выходных. Оказалось, он совсем не хотел, чтобы я видел, как в редакции верстается и сдается в печать огромная его статья «Без права на ошибку», где все как бы раскладывалось по полочкам, а на самом деле переворачивалось с ног на голову, и выходило, что директор Колосова – руководитель скандальный и негодный. Я был шокирован, открыв через пару дней газету, но отношения к замечательному директору не изменил. Сегодня Людмила Константиновна руководит ветеранами своего поселка Молодежный, где живет, и я совсем не думаю, что в той очень давней истории она была стороной проигравшей. Отнюдь.

Просто жизнь ударила, как бьет всех нас то и дело, не особо спрашивая, главное – удар выдержать и идти дальше.

Очень поучительная история.

* * *

Когда стали печататься статьи на ранее запрещенные темы буквально во всех средствах массовой информации, разоблачался сталинский режим, поносилась коммунистическая партия. Естественно, не осталась в стороне и «Здравница». Но даже правдивые публикации случались откровенно некорректными.

Зачем, например, было публиковать маразматические и ортодоксальные заметки бывшего начальника Сестрорецкого КГБ Петра Григорьевича Грищенко под названием «Я служил в СМЕРШЕ» именно 8 мая, в канун Дня Победы? Но хотелось сенсаций, я, как все коллеги, был грешен, и притаил редактору чудовищную абракадабру, родившуюся под пером пенсионера, прямо из его квартиры на Дубковском, 17. Да еще он подарил

мне на посошок портрет Сталина из старого «Огонька».

Остановиться бы, ан, нет – еще осенью «Здравница» напечатала большой отрывок из рукописи бывшего чекиста: «Сестрорецк-Хабаровск. КГБ». Спешно готовя материал к печати, никто и не обратил внимания, что у большинства «героев» отрывка не указаны имена, а есть лишь фамилии. Ну, понятно еще, если Грищенко рассказывал о том, как благодаря исключительно его бдительности в поселке Александровская был арестован изменник Родины эстонец Каризель Эльмар, он скрывался в лесном шалаше, почти как Ленин, да холодно стало, и тогда перебрался под бок к дамочке, где и был с этого бока снят, посажен или даже расстрелян.

Рассказал в рукописи бдительный Грищенко историю, как разоблачил предателя по фамилии Максимов. Этому предшествовала долгая работа, пока некий пленный немец по фамилии Кранц не указал на фотографию Максимова, перебежавшего из партизанского отряда на сторону фашистов. Подозревался Максимов, работавший на сестрорецком Инструментальном заводе. Его, конечно, арестовали и в присутствии районного прокурора допросили, Максимов во всем сознался.

После публикации разгорелся скандал: на заводе работало несколько Максимовых! Люди стали коситься буквально на всех! А одному из Максимовых напечатанный в газете отрывок из рукописи чекиста подарили на день рождения!

Редакция немедленно предприняла попытку установить имя и фамилию человека, о котором шла речь, обратившись со срочным запросом в сестрорецкий отдел КГБ, и не менее срочно опубликовала сообщение, что человека, о котором шла речь, звали Максимов Александр Иванович, работал он когда-то термистом в цехе №6, после ареста получил наказание – десять лет лишения свободы, затем уехал жить на юг, так что у сестрорецчан нет повода коситься друг на друга.

Судьба самого автора и так больше никогда не увидевших свет воспоминаний о своих чекистских подвигах, совсем не радостна: его командировали в Хабаровск наблюдать за спецпереселенцами, через год вернулся в Сестрорецк, но здесь предложили работать лишь в милиции – без объяснения причин, на самом же деле – критиковать КГБ не следовало, он долго не мог найти подходящей работы: как только смотрели в трудовую книжку, сразу вежливо отказывали. Наконец, где-то стал управхозом, потом рабочим в магазине, слесарем на заводе. Жаловался, что

долгое время жил под лестницей (говорил, что Хрушев туда поселил), а теперь вот больной, но верный партии и органам человек. Ходил на демократические митинги на площади Свободы, грозно потрясая своей палочкой в сторону ораторов, и грозил им карой... чекистско-небесной.

Давно это было, и нет чекиста в живых.

* * *

Чуть больше двадцати лет назад вместе с фотокорреспондентом Мишей Новаком мы приехали в психоневрологический интернат в поселке Смолячково (ПНИ-6), наша поездка была подсказана скандальным фоторепортажем Александра Невзорова об одном из подобных интернатов в самом центре Ленинграда.

В Смолячково мы увидели тоже самое. Ужаснулись. На триста больных – три врача, полтора десятка медсестер. Один из врачей – главврач, по большому счету ему не до больных людей, ему бы на плаву ситуацию держать. Всего десять процентов не умственно отсталых. Всего!

Тогда проблемами ПНИ занялся Ленсовет. Он начал скандальничать: вот, мол, в Павловске, в Доме ветеранов партии санаторные условия. Но почему деньги туда идут бюджетные, а не из кассы КПСС? Долго и стыдно базарили, публично, я уж не помню, до чего докричались. Может, просто покричали – и все.

По палатам и коридорам больницы нас водила одна из врачей. Симпатичная, милая, душевная женщина. Было видно, что ее-то пронизывает боль от всего, что мы видим вокруг. Все вокруг поражало своей бедностью, развалом, безысходностью. Люди здесь жили годами, кто-то десятилетиями, забытые и брошенные родственниками – почти всех отвозили в могилы на зеленогорском кладбище, там был специальный интернатский участок, а похороны оплачивал интернат.

В репортаже из ПНИ мы старались заострить внимание хотя бы на конкретной проблеме всего одной девушки, которая без ног, и которой государство отказывало в коляске – она ведь не домашняя больная, интернатская и, значит, «государственная».

От такого скотства становилось невыносимо.

Мы поместили в газете большой репортаж «Боль».

Потом нас упрекали: зачем выносить на всеобщее обозрение беду и нищету? Так говорил один мелкий чиновник в местной власти. Он просил больше не посещать интернат в Смолячково.

Дали команду больше нас «не пушать».

Через лет пятнадцать в одной из петербургских газет я прочитал шокирующую статейку про то, как умершего в этом самом интернате поместили в морг, а когда вдруг нашедшийся родственник приехал забирать тело, оно оказалось объедено крысами.

Власти не всегда любят журналистов, и даже в таких вот крошечных случаях безосновательно пытаются обвинить их в «желтизне», стремлению к скандалам и прочим «профессиональным» грехам. Такие обвинения зачастую голословны и истеричны, чиновники утирают руки.

* * *

В 1990-м году в «Здравнице» было напечатано несколько заметок и репортажей о Сестрорецком кладбище. Вернее, о могилах рабочих завода Воскова, погибших в результате трагедии 1 августа 1920 года. Тема возникла случайно: очень жарким майским днем вместе с фотокором Мишей Новаком, с которым наш творческий дуэт только начинался, мы выскочили из автобуса, шедшего из Зеленогорска, и оказались рядом с сестрорецким кладбищем. Потом я писал в статье, что нас что-то вытолкнуло из автобуса, какая-то сила. На самом деле было вполне объяснимое желание побывать на могиле Михаила Зошенко, до того ни я, ни Михаил возле нее не были. По пути к памяtnому месту мы и натолкнулись на неубранные, поросшие высокой травой могилы – их насчитали 21. Два неухоженных ряда могил оказались недалеко от памятника на могиле пограничника Коробицына. Коробицын был убит при задержании нарушителей границы в 1927 году, об этом еще рассказывали в школе, теперь же о подвиге красноармейца на уроках истории если и вспоминают, то только в Сестрорецке. Да нынешние депутаты шефствуют над заставой его имени в Светогорске.

Два ряда могильных раковин сопровождалась табличкой: «Могилы погибших рабочих и служащих на воскреснике при взрыве мины 1 августа 1920 года». Вот о запущенном их состоянии и появилась в газете корреспонденция, даже попросили (с малой надеждой – времени-то сколько минуло!) читателей написать, кто что знает и помнит. К великому удивлению, в редакцию пришло несколько писем, а один из читателей – А.Н.Чубаров – написал, что был свидетелем той давней трагедии. В десять часов утра от ворот завода в сторону станции Разлив двинулась

колонна рабочих, парней и девушек, вожакom некто Василий Емельянов, был он в кожаной куртке. Пели в строю «Смело, товарищи, в ногу!», мимо тогдашней тублечебницы двинулись в сторону залива. На берегу обнаружили круглую мину с рогами, старались ее обходить стороной. Емельянов хвастанул, что в минном деле мастак, вот и разминировал. Останки двух десятков человек снимали с ветвей деревьев, кругом много криков и стонов. На тот субботник автора письма взял с собой отец, мальчику было 8 лет, их взрывной волной отбросило в камыши... А вот дядя Чубарова тогда погиб. Погибла и мама сестер Устиновых, которые тоже помнят тот страшный день.

Неожиданные письма, редакция, конечно же, напечатала. И вдруг 1 августа, в день семидесятилетия со дня трагедии, в редакцию позвонил директор завода Евгений Николаевич Соловьев, пригласил журналистов на митинг. Он и состоялся у могил, под красными флагами. С Мишей Новаком мы много фотографировали в тот день.

Сегодня могилы окончательно заросли травой забвения.

* * *

Два раза мне приставляли нож к горлу – в прямом, не в переносном смысле, и оба раза в Сестрорецке. Эти оба раза были связаны с моими публикациями на тему Сестрорецкого кладбища.

Статья «Последний приют» вызвала большой резонанс у жителей. Вплотную надвинулось голодное время девяностых, что уж говорить о похоронном деле – число умиравших резко возросло (за год в районе хоронили больше тысячи человек), гроб достать – что кусок говядины, дефицит и поэтому трудно. Похоронное бюро Сестрорецка, возглавляемое Галиной Бойко, вело себя позорно и мало кто сомневался в принадлежности этой организации к неким мафиозным кругам, которые и начали прибирать все под свое крыло. Дело становилось оглушительно прибыльным бизнесом. На сестрорецком кладбище насаждался кооператив «Символ» по изготовлению памятников, изгонялись индивидуалы, такие как Стас Стельмах, талантливейший словоруб из Разлива. Он перенес свое производство на личное подворье. Однажды я у него ночевал и, выйдя ночью во двор, наткнулся на памятник знакомому милиционеру: «Ну, здравствуй!».

Противостоял похоронному бюро заведующий кладбищем Валера Козлов. Он старался сохранить государственную форму

хозяйствования во вверенном деле. Бывший офицер спецназа, Валера денег от родственников умерших не брал принципиально. От водки, правда, никогда не отказывался и кладбищенских рабочих за нее не корил. Такое вот удивительное и даже опасное в похоронном деле отношение.

В бурном конфликте между Козловым и Бойко газета была на стороне Валеры. О Галине Николаевне по всему городу ходили понятно какие слухи и комментарии. Статья «Последний приют» начиналась с много говорящего пассажа:

«И тогда мне стали угрожать.

... – Если тебя после публикации не угрохают работяги, то я организую это сама. И милиция поможет, – любезно пообещала мне Галина Николаевна.

...Г.Н.Бойко, узнав, что я собираю материалы о кладбище, сразу забила тревогу, развонила куда могла – в ОБХСС, прокуратуру, ну и, естественно, в коммунальную службу исполкома».

Такая оригинальная была в Сестрорецке похоронная «мама».

Понятно, что тема непростая, люди близко принимают к сердцу уход из жизни близких. А в тот экономически кошмарный период начала 90-х, тема воспринималась еще и как почти неизбежная. Увы.

На публикацию последовало много гневных писем от читателей. Они требовали разобраться, насколько возможно, навести хоть какой-нибудь порядок в похоронном деле. К тому же, Козлов начал судиться с похоронным бюро, о незаконном своем увольнении, но предсказуемо проиграл. Люди возмущались. ОБХСС попросил опубликовать в газете объявление, что принимает от граждан заявления, если их права были нарушены, если с них вымогали взятки. Результат был достигнут, кто-то отправился на нары, естественно, не Галина Николаевна Бойко. И поэтому, когда время спустя, позвонили из знакомой семьи в Тарховке, попросили вмешаться в ситуацию (люди пришли на могилку родных и увидели в родственной оградке чужое захоронение), я пообещал устроить очередной скандал. И только пообещал, как ночью, срочно, гроб с новоспреставленным выкопали и закопали в другую могилу,

...что тоже было невообразимо, но в начале девяностых и не такие чудеса случались, а прокуратура прошляпила...

Галина Николаевна в своей борьбе со мной оказалась женщиной весьма изобретательной: однажды она позвонила в испол-

ком и подробно рассказывала (в режиме реального времени!), как меня сажают в милицейскую машину совершенно пьяного: вот, уже погрузили, сейчас увезут в вытрезвитель. Ага, машина уже отъехала... Несколько сотрудников исполкома с недоумением слушали рассказ Галины Николаевны по громкой связи: я был одним из слушателей. Чудесная, необыкновенная женщина.

* * *

Случается, корреспондент, спустя время после публикации своей статьи (когда рано, когда поздно) испытывает чувство неловкости – перед читателями, перед собой. Такое случается с очень многими представителями журналистского ремесла. И со мной приключалось. Однажды поскользнулся на ровном месте.

Пришло письмо, женщина писала, что настало время уничтожать голодных бездомных собак – на дворе стояло несытое время для людей, не то, что для собак (шла зима 91-го года). Собаки, выкинутые из домов, носились по городу и поселкам стаями, угрожая прохожим и беззащитным детям. К той зиме число нападений на людей увеличилось, в стране было зарегистрировано 15 детских смертей от бешенства собак, такие животные стали представлять настоящую угрозу. Было нападение собаки на ребенка в Солнечном, мальчик подхватил бешенство.

Всех отстрелянных собак в ту зиму сначала везли в ветлечебницы и брали у мертвых кровь, проверяли на бешенство. Ситуация была настолько серьезна, что в районе создали чрезвычайную комиссию.

Природоохранными делами в районе тогда ведал молодой Михаил Шиловский, с ним я иногда ходил в рейды – то браконьеров-рыбаков ловим, то елки перед Новым годом на шоссе перехватываем. Конфискованные елки – в детские садики, рыбу – на сковородки.

А здесь – убийство живых существ. Сначала Шиловский дал пространное интервью в газете, подготавливая общественное мнение к массовому отстрелу собак, редакция получила массу писем и звонков, мнения людей были разными. Одни требовали отстреливать как можно скорее, другие категорически против.

Тема оказалась пикантной, шекотливой, неоднозначной. И я решил поехать на отстрел, чтобы все увидеть своими глазами.

В районе были созданы пять бригад, все из охотников. Все они имели своих собак, так что думать, что это какие-то там

живодеры, неправильно в корне. Мы объехали на машине много мест. В детском санатории «Дюны» ребяташки стаю собак только что видели, мы, конечно же, сказали, что гонимся за слоном, они восторженно поверили. В Белоострове какая-то хозяйка вышла на улицу и истошно кричала, что мы обязаны всех собак вокруг уничтожить, разоряют сараи с кроликами и птицей. Дверца нашей машины приоткрылась, из него высунулось ружье, какой-то кудрявый песик недоуменно остановился, встал на задние лапы и даже не залаял...

Я не смог все-таки этого видеть, попросил охотников отвезти меня в редакцию. Статью я поставил под рубрику «печальный репортаж», назвал ее «Дай лапу, друг, прощай...»

Но очень быстро понял, что лучше бы не писал.

* * *

Смешной случай в администрации района зимой 92-го года. Тогда в структуре депутатского корпуса, который состоял из 110 человек, был некий Малый совет, числом человек десять, чтобы решать оперативные вопросы, не занимаясь глобальной трескотней.

И вот идет заседание такого совета на втором этаже, вдруг дверь стремительно открывается, в зал врывается женщина и с порога требует от депутата Боярченко гуманитарную посылку из Германии для своего ребенка, которую депутат съел год назад.

Боярченко смертельно бледнеет, остальные депутаты падают со смеху или кричат: «Милицию!».

Женщина была не одна, с молодым нетрезвым спутником, тот, услышав призывы «Милицию!», упал навзничь и «вырубился», разбив при этом початую бутылку вина. Спасая товарища, подруга выдернула из сетки бутылку полную, замахнулась и истошно закричала: «Ложись!»

Вы бы видели эту сцену!

Все депутаты, кроме одного, пригнулись или попрятались ниже стола! Я был свидетелем комической ситуации. И лишь один депутат, немолодой офицер-отставник, в прошлом подводник, Борис Григорьевич Осипов не дрогнул, как сидел, так и сидел. Сфинкс!

Осипов занимался распределением посылок немецкой гуманитарки малоимущим, помогал ему Боярченко, вот почему и случилась казусная сцена. На самом деле молодая женщина

(звали ее Инга) все время нуждалась в помощи, на руках был маленький ребенок, которого почему-то не прописывали в квартире на Приморском. Кажется, она оставила мужа в Москве, высокого чина из КГБ, как она говорила, там оставалось пятеро детей. А может, врала вдохновенно. Инга много пила, была своеобразной блаженной с улицы Володарского, где ее знали все и во всех магазинах. Она обладала некоей чертовщинкой, гипнозом, могла, глядя в глаза продавцу, совершенно спокойно получить бутылку спиртного, да еще продавец и «сдачу» давал. Такие чудеса я наблюдал сам лично пару раз, а так бы не поверил. Женщина Инга была разбитная, слов нет, но безвредная, если не считать такие вот походы за вином или в рыбколхоз в устье Шипучки, который щедро подкармливал Ингу и ее хахалю, никому плохого не желала.

Потом поехала к кому-то в Белоостров и надолго пропала, компанией гуляла и дом сгорел. Инга погибла, и было ее жалко. Про судьбу ребенка не знаю.

* * *

Люблю людей, которые обращают внимание на детали, мне они кажутся не только наблюдательными, но умеющими сделать из своих замет далеко идущие выводы.

Один из сестрорецких корреспондентов всех подряд газет Женя Нифашев, безобидный и плодовитый автор мелких заметок, основанных на казусах и курьезах, как то разместил на страницах «В курортном городе...» небольшой рассказ-воспоминание о визите весной 1960-го года в Курортный район самого Никиты Сергеевича Хрущева.

По пути в Ильичево, где, судя по всему, Никитке хотели показать ленинский музей, он на специальном правительственном катере под именем «Альбатрос» причалил к берегу Парка культуры и отдыха в Зеленогорске. С ним была свита сопровождающих и специально отобранных гостей из местной знати – партийных начальников и на них похожих. Простолюдые стояло на расстоянии ста метров от колонны, которая неторопливо двигалась по аллее зеленогорского парка. На выходе, на шоссе народного Микиту ждал автокортеж, вдоль всего пути по парку стояли многослойные наряды милиции.

И вот, когда вождь был уже у самых машин, Никита Сергеевич снял шляпу – припекало ласковое весеннее солнышко. Тут же, как по команде, вся длинная вереница сопровождающих

человечков сняла головные уборы долой, а через минуту, как только Никита шляпу водрузил ее на лысину международного масштаба, также молниеносно поступили и человечки – стремительно водрузив свои шапки-кепки на место.

Только воспитанность зеленогорцев удержала толпу от смеха.

* * *

Никогда не интересовался нудистскими пляжами, а за годы работы в Сестрорецке, с темой пришлось столкнуться три раза. Многовато.

Нудистский пляж под Сестрорецком, в Дюнах, на границе с пляжем Ласковый в Солнечном – историческое место, оно служит натурастам более полувека, то есть родилось движение голых в наших краях еще в самом начале 60-х. Правда, нелегально.

Удивительная особенность пляжа – он бесплатный. И даже сегодня, в век золотого тельца, на людские обнаженные тельца волчьи законы бизнеса не распространяются. Детей на пляже – как горох рассыпали.

Кажется, Саша Царегородцев и подарил мне необычную фотографию: двое размалеванных под индейцев молодых людей стояли в обнимку, а на них любовались стоящие рядом голышом мальчик и девочка. Надо отметить, нательные рисунки были выполнены кропотливо и тщательно.

Группа художников разукрашивает тела всех желающих «индейскими» орнаментами, весьма профессионально, что невольно создает уважение к «боди-арту» – искусству разукрашивания тела. Сам процесс напоминает эротический массаж при множестве свидетелей, используются пастельные мелки или акварель. Затем следуют фотографирование или киносъемка, в обязанность художников входит и смывание узоров в воде залива.

Побывав в таком необычном месте как нудистский пляж в Дюнах, с недоумением узнаешь, что натурасты живут своими традициями... 1 и 2 мая отмечают день солидарности трудящихся, 1 июня – день защиты детей, 12 июня – день независимости, а 21 и 22 – праздник купальных дней. В августе выбирают королеву красоты нудистского пляжа. В этот день неизвестный меценат вытаскивает на песчаный берег несколько ящиков с шампанским. Может, легкая эйфория и становится катализатором многих мужских достоинств, но жалоб не поступает. Довольны

были и власти: ведь именно натуралисты предложили воссоздать на могиле Авенариуса, легендарного основателя Сестроредкого курорта и Приморской железной дороги, мраморную плиту. Правда, этого не случилось и уже никогда не случится, потому, что на месте упокоения великого инженера и его супруги, вырос коммерческий жилкомплекс... «Авенариус». Директор ТСЖ был в шоке, когда я рассказал, на каком месте он со товарищи качают деньги. «И что делать?» – спросил он меня сокрушенно по телефону.

После моей статьи о нудистском пляже в журнале «Калейдоскоп», прошло совсем мало времени, как случился смешной и удивительный казус. Представьте себе: взрослые дяди и тети, понимая, что наше Отечество всегда в опасности, всякими доступными средствами вбивают в головы молодых зерна патриотизма, проводят разного рода патриотические митинги и мероприятия, а тут – на тебе...

А тут – на тебе: только решили возродить несправедливо забытую игру «Зарница», когда школьники с криками, флагами и барабанами, «берут штурмом» какую-нибудь дутую «высоту» или крепость, как разразился скандал.

Дружно, с гиком, бежали пионеры в сторону берега Финского залива, преодолевая перелески и кустарники, канавы Маннергейма, красные флаги развевались по ветру, трещали барабаны и сипели горны, рубашечки белые, штанишки синие, как вдруг... о, ужас! За кустами стая атакующей детворы напоролась на обнаженную женщину, которая вальяжно и непосредственно так, поддавшись зову природы, грелась под лучами на песке самого краешка нудистского пляжа. Вмиг замолчали барабаны, пропал голос у золотистого горна, выпучились глаза мальчишек, у кого-то зашевелились синие штанишки. Героическая атака пионерского полка была сорвана всего одной женщиной, и та была без единой гранаты!

На том возрождение «Зарницы» в Курортном районе было надолго прервано.

Через несколько дней в Сестрорецкий суд поступил иск к детскому руководству от той самой обнаженной «махи»: мешали отдыхать, кричали, стучали в барабаны, сипели в горны, махали красными флагами. Суд столь необычное дело к рассмотрению принял, и с трудом удалось устыдить «маху», уговорить ее не предъявлять претензии к будущему поколению.

История, конечно, не афишировалась, может и зря: еще че-

рез несколько лет я стал свидетелем, как в нашем мировом суде адвокат Рома Леонов с трудом уводил от ответственности молодого мужика, который с кем-то там на нудистском пляже чего-то не поделил, стукнул в морду голому клиенту, окунул его тельце в песочек, синяками разрисовал – «боди-арт» в чистом виде. Отделался штрафом, но показал, что не всем натуралисты нравятся. Да и дети кругом.

* * *

И о культуре в отдельно взятом районе.

За два десятка лет она прошла целый ряд кризисов, на сегодняшний день их успешно преодолев.

Первый выставочный зал – галерея «Федор» на площади Свободы – пережила взлеты, и без всяких падений однажды грохнулась в пропасть навсегда, успев отслужить любителям искусства целых десять лет. Это целая эпоха. Причем, эпоха замечательная – организатор выставочного зала Александр Михайлов, человек с потрясающе тонким вкусом, эстет, организовал галерею прямо в здании администрации, власть обшалась долгое время с Сашей на безвозмездной основе.

Дело начиналось успешно. Я был приглашен на открытие зала, первая выставка, которая там была – художника Николая Сажина. Приехало много мастеров кисти из Питера, зал освятил батюшка Владимир Чупов, потом долго фотографировались на крыльце. Шампанское текло рекой, ночью купались в озере.

Название «Федор» зал получил по имени сына Александра, после развода жена увезла ребенка в Америку, а имя залу оставила. И на том, конечно, спасибо.

Выставочный зал приглашал к себе первоклассных художников, тех же Юрия Галицкого или Эрнста Неизвестного. Зал имел право экспонировать музейные композиции. К «Федору» привыкли тысячи людей, в сложные экономические моменты помогали предприятия, Нина Васильевна Кукурузова как могла содействовала. А при смене главы последовало настойчивое предложение найти новое поле для зала. После 80 (!!!) успешных выставочных показов за десять лет. Придумали: теперь здесь будет приемная ветеранских организаций. Вы против ветеранов войны и труда, уважаемый Александр Николаевич? Мы так и думали, что не против, премного вам благодарны.

Александр на историческом советском опыте сразу смекнул: сопротивление бессмысленно, переправил оборудование в разливский музей, чтоб не пропадало. Вел себя крайне достойно,

как не все умеют в критических ситуациях: выпустил специальный номер газеты, где поименно поблагодарил всех участников его культурного дела. Новый современный зал «Арт-курорт» игнорирует, имеет на это право.

Ходили слухи, что на самом деле вместо ветеранских организаций в бывшем зале откроют кафе - чиновники только еще приучались качать деньги всеми возможными и невозможными средствами. Но случилось еще пошлей: рассказывают, начальник местного ФСБ поставил туда лодочный катер на хранение. Такой вот экспонат.

Безобразно повела себя власть, когда допустила показ пьесы Ануя «Служанки» в детском театре «Муравейник» Антона Духовского – слюни капали на закрытом показе? Возмутились депутаты. Становилось ясно (людям понимающим): Духовской реализует свои внутренние проблемы через детскую психику, я даже одному родителю талантливого мальчика советовал побережь ребенка, он прислушался. Но это мое личное мнение. Духовской – человек талантливый, хороши были музыкальные фестивали «Доброе утро», пока не возник скандал – выступившим на сцене ребятишкам преподнесли пирожные (одно на два человека), и вот после этого чиновники гуляли-плясали в администрации полночи. Тогда и появилась в «В курортном городе С.» большая статья «Всегда ли «Доброе утро» доброе?», посыпались отклики возмущенных родителей. Культурный блок попал в кризис, причем, по вине самих же властных структур.

Разрядилась ситуация с совершенно неожиданной стороны, когда я познакомил руководителя дома «На реке Сестре» с предпринимателями их «XL-холдинга», они на большие мероприятия и надолго стали спонсорами культурных программ, ребятишки уходили со сцены нагруженные магнитолами и прочими радостями.

И все же не думаю, что культурный кризис, который давным-давно преодолен, был связан с вечным безденежьем, кризис был в головах чиновников.

* * *

Однажды меня и Марину один мой приятель, неплохой журналист, попросил поработать «мебелью»: уж очень опасался, что на встречу, за которую отвечал, мало кто придет или вовсе никто. Оказалось, предстояла беседа с известным телеведущим Андреем Максимовым (передача «Личные вещи» на 5-м). Мужик вроде культурный, одним словом, только выглядит как нечеса-

ный, а так интересные вещи рассказывает. Не последний персонаж культурного небосклона.

Поехал с Мариной в «Буквоед» на Невском с интересом, там намечалась презентация его книжки «Интеллигенция и гламур». Опасения моего товарища оказались напрасными, народ, в так называемом «Парке культуры» на втором этаже магазина, к разврату готов.

И пишу я так не случайно. Потому, что книжка, которую представлял читателям Максимов, начиналась буквально так:

*«Вход в книгу.
Я живу в говне.
Ты живешь в говне.
Мы живем в говне.
Все живут в говне.
Проверка связи.»*

Андрей Максимов, вальяжно развалившись за столиком, начал рассказ с того, что накануне ему была присуждена премия ТЭФИ, но относится к ней как к игрушке, несерьезно. Потому что это в жизни совсем не главное, а главное – большие деньги, которые могут зарабатывать успешные люди. Успешные люди, по словам Максимова, это люди гламура, например, идеальные представители сверкающего мира – Тина Канделаки и Ксения Собчак. Правда, общаться с ними ему неинтересно. Хотя совсем не удивится, если когда-нибудь и даже скоро (!!!), мы увидим Ксению на посту министра культуры России.

Здесь я не выдержал и вскочил:

– Вы в каком городе, Андрей Маркович? В Петербурге такие «образцы для подражания» как Канделаки и Собчак не уместны. У нас Лихачев. За будущего министра культуры, конечно, спасибо... не надо.

– Вот такие, как этот выступающий, и сидели когда-то на кухнях, повидал я таких...

Отвратительный получился у Максимова вечер. Целый час что-то долдонил небольшому залу, но чувствовалось растерянность от неожиданного начала.

Вечером позвонил журналисту-приятелю.

– Да правильно ты его. Мы в рамках газетных обязательств возим его по городам с рекламными компаниями. Книжка-то полное гов.о. Это в Туле он собрал чуть ли не целую площадь,

там на бородатого и волосатого пришли охотно, диковинка приехала. А в Питере пальцевать нечего.

Иногда и в «мебель» поиграть полезно.

С Серегой Алехиным мы встречаемся нечасто. А помнится его дивный рассказ про свою бабушку.

Бабушка Сереги жила в какой-то глухой деревушке. И так замечательно жизнь сложилась, что ни разу в жизни в городе не была. Телевизоры уже появились, а она в городе не была.

И видит по телеку бабка невероятное: по городским улицам негры ходят. Но этого не может быть никогда, потому что не может быть никогда, не бывает черных людей на свете.

Накопила бабка денег и впервые в жизни поехала в большой город. Город оказался Ленинградом, вот она приехала и вышла на Невский проспект. Идет, глазами бегаёт – негра хочет найти в широком людском потоке.

А вот и он, черный человек. И впрямь кожа темная.

Бабка семенит, обгоняет, вперед забегает и на живого негра глазами зыркает, удивляется. Опять obeжит, обгонит и опять смотрит. Даже потрогала.

Забрали бабку в милицию – за приставание к иностранцам.

А старушка не от этого ошарашена, милицией-то кого удивишь, а от чуда божьего. До смерти крестилась бабушка на образок.

* * *

Еще одна не грустная история приключилась в поселке Песочный. Работяги убрали свалку, и вот ковш экскаватора вытащил что-то странное и старинное. В ничем непримечательном старом берестяном бурачке, который к счастью развалился у всех на глазах, оказался целый клад русских и заморских монет. А также: кольчужно сплетенный кошелек, конфетница и подстаканник из серебра с позолотой, десяток нательных медальонов, сережки, цепочки, драгоценные камни...

Рабочие не позарились на дармовые раритеты, сообщили о находке в областной краеведческий музей. Оттуда срочно примчались, исследовали бурачек. И тут обнаружилась историческая бумага, да еще какая! Это был подлинник акта о сожжении и развеянии пепла самого Григория Распутина! Так нашелся документ бесследно исчезнувший в 1930 году. В бурундучке оказались и две медали, посвященные празднованию 300-ле-

тия Дома Романовых, а также жетон «Акционерное общество С.С.Томазов и К. СПб».

Что началось! Толпы кладоискателей собрались не только со всего Песочного, к утру свалку осаждал и целый десант из Питера! Началась свалочная лихорадка, в целях элементарной санитарии пришлось пригнать к месту происшествия бульдозеры и экскаваторы свалку засыпать и сравнять с землей.

Чудаки

Один из чудаков жил под Сестрорецком, сорока семи лет. Восемь раз пытался свести счеты с жизнью, как правило, в результате белой горячки. Трижды он глотал лошадиные дозы снотворного, но его «вычищало», однажды даже придумал весьма неординарный способ самоубийства: обмотав себя электропроводом, сел в наполненную горячей водой ванну, но тут перегорели предохранители в самый святой момент! Обрывалась и веревка под тяжестью обремененного алкоголем тела. Пытаясь отравиться газом, этот горе-самоубийца разбил газовую трубу, и поднес к ней спичку... Взрывной волной разбило стекла, повело крышу на барак, где он проживал с соседями. Итог: два года лишения свободы с обязательным лечением от алкоголизма.

А вот другой случай о неудачнике. Когда была опубликована заметка из одной питерской газеты, хохотал весь Сестрорецк. Суть сводилась к тому, что некий папаша решил выручить попавшего под суд сына, предложив взятку прокурору. А так как молва о прокуроре взяточнике уже гуляла, то и боялся прокурор влипнуть, почувствовал слежку. Но руки то чесались!

И вот говорит ему обезумевший от горя родитель: «На все готов!»

Назначил ему прокурор встречу в полночь на кладбище. «Теперь раздевайся, – говорит прокурор и сам раздевается догола. – Лезь на березу!». И сам на соседнюю лезет. И вот они ветви раскачали, пока папаша пакет с деньгами не передал из рук в руки.

Приходит папаша довольный на суд, сынку подмигивает. А судья возьми, да арестуй чадо. Прокурор, как ни в чем ни бывало, обвиняет и посадить требует. Папаша прибалдел от такого сюжета.

Отправили сына на Колыму. Папа решил отомстить и явки

с повинной пишет в разного веса органы. Там бумагу берут и читают: «Мы встретились в полночь на кладбище. Разделись догола. Залезли на две березы. Раскачались. И когда ветки соприкоснулись...» Дойдя до этих строк, во всех инстанциях дальше читали текст только вслух...

Потом прокурор все же попался на другой взятке и подтвердил вменяемость папаши. Уже все равно было.

Про пессимиста и оптимиста

Изумительная, бриллиантовая история, мне ее рассказал старожил Горской Вадим Николаевич Новопащенко.

Вот уже несколько лет он человек борется за сохранение своего дома на побережье Финского залива – известно, некие темные силы хотят завладеть береговой полосой, чтобы беспрепятственно намыывать острова напротив Сестрорецка. Жители почти ста сорока домов ошетинились, в ожидании недоброй участи, многие понимают тщетность сопротивления, но и предполагаемое наступление на свою собственность считают недопустимым.

Через год в береговой истории вдруг почти одновременно возникла картина полного безразличия и искрометного оптимизма.

Пессимистический пассаж: на одной из улиц в Горской несколько лет стоял заброшенный фундамент будущего большого строения, по масштабам – особняка. Говорят, владельца фундамента за что-то там посадили, так и не дав сотворить мечту, вот и стоял фундамент бурьяном поросший. Много лет стоял. И вдруг этот самый фундамент вырыли, бетонные тяжеленные плиты куда-то вывезли. Владелец хоть что-то постарался спасти от варварского нашествия. Наверно, имеет право.

Противоположная история, с директором «Театра сатиры на Васильевском», который имеет особняк на 2-й Луговой. Симпатичный такой особняк, со вкусом выложенный, он как раз напротив дома Вадима Николаевича.

В этом особняке вдруг закипели ремонтные и строительные работы. Он стал расти, как гриб после дождика, и вот уже вырос второй, затем, понятное дело, и третий этаж...

– Ничего со мной не случится, – с искрящимся оптимизмом объяснял соседям директор театра свою стройку.

Вот уж воистину – все умрут, а я останусь!

Матрихи времени

НАД ПРОПАСТЬЮ, ВО ЛЖИ

Эти короткие отрывки не претендуют на какой-либо анализ ситуации, складывающейся в среде наших детей и подростков, анализ проблем, которые сегодня нахлынули на юное поколение, на педагогическую среду, наконец. Скорее это отрывочные картинки из жизни молодежи наших двух курортных городков – Сестрорецка и Зеленогорска. Не более...

* * *

В одной из сестрорецких школ совсем недавно меня познакомили с восьмиклассником. Он вошел в директорский кабинет, стоял, потупив глаза, переминался с ноги на ногу. На вопросы директора отвечать явно не хотел, но и не хамил. Скромный, смазливый такой мальчик.

– Смотри, так дальше продолжаться будет – в газету про тебя пропишут, – на всякий случай сказала ему директор.

Мальчишка исподлобья посмотрел на меня. Не зло, с любопытством. Я пришел в школу выступить перед выпускниками по их просьбе. Одиннадцатиклассники, к удивлению моему (хорошему, впрочем), больше интересовала политика, нежели, скажем, журналистика или эротика. Ну, да это к слову. Мальчишка еще раз глянул на меня и тоскливо буркнул: «Хана, больше не буду.»

Он жил в подвале одного из близлежащих домов вот уже много дней подряд, а сейчас стоял в директорском кабинете в засаленных джинсах, физиономия помята и не мыта несколько дней.

Потом я говорил с директором. Семья у парня, оказывается, совершенно благополучная, дома никто не пьет, скандальных сцен не устраивает, родители в мальчишке души не чают. А пацан в подвале живет, стоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. «Трудный» мальчик из нетрудной семьи.

Мы не стали терзать мальчишку, отправив попросту в умывальник. А через несколько дней я с этим парнишкой столкнулся вновь. Он стоял на перроне нашей обшарпанной станции, на нем еще пуще лоснились джинсы, волосы свисали слипшими сосульками.

– Любовь... – выдохнул он тяжело – Да что вы в этом понимаете!

Действительно, что?

* * *

Вот уже несколько лет в инспекции по делам несовершеннолетних Сестрорецкого РУВД ее работники оперируют примерно одной и той же цифрой: 140. Чуть меньше, чуть больше, но именно столько мальчишек и девчонок стоят на учете. И

далеко не многих удастся вытащить из неустроенности, душевного юношеского дискомфорта, отчаянного отрицания так грустно начатого жизненного пути. Многие из них если не живут, то, по крайней мере, обитают в подвалах и на чердаках. Играть здесь в карты, иногда пьют вино, нюхают клей «Момент». И эти обиталища привлекают далеко не только юный «спецконтингент» (состоящих на учете подростков) - работники милиции по вызовам или в результате плановых рейдов извлекают из подвалов ребят гораздо больше — до двухсот в год. Печально, но факт.

Иногда ребятня учиняет в подвалах пожары. Такие случаи нечасты, но они есть.

Один из таких подвалов, в доме на набережной реки Сестры, мне удалось посетить вместе с сотрудниками милиции. Полупрогнивший диван, пара сломанных стульев и ящики, на которых пацаны «в картишки дулись» — вот что мы увидели. В углу стояла початая бутылка водки. Осатанело, из угла в угол, носилась дикая кошка Муська. На стене мелом большими белыми буквами: «Канонада».

Клуб безусых мужчин «Канонада».

— Девчонок у нас не бывает, — объяснялись задержанные пацаны в милиции.

В это время в отделение при-

везли паренька. Отправляли в спецшколу. Потом еще одного: попался на краже.

* * *

Мальчики из подворотни, девочки в пикантных джинсах «Ли»...

— Да что вы в этом понимаете?

Действительно: что?

* * *

— Детская и подростковая преступность в нашем районе, впрочем, как и везде, имеет устойчивую тенденцию к росту, — сказал мне начальник уголовного розыска Сестрорецкого РУВД Владимир Стефанович Хорошков. — Наряду с обыденными совершаются и тяжкие преступления, такие как грабежи и разбой. Это особенно тревожит.

Владимир Стефанович называет цифры, но приводить их нет никакого смысла: они растут каждый день. За окном лето, и, как ни грустно сознавать, солнце в зените — преступности всплеск. Пятна на солнце, если хотите.

Население Зеленогорска и Сестрорецка в летний период увеличивается в два раза, как минимум. Резко осложняется криминогенная обстановка. Причем, практически однопланово: возрастает число краж и угонов велосипедов, мотоциклов, авто-техники. Но если повальные кражи, скажем, газовых баллонов с дач и дачных домиков — «удел»

взрослых, то остальное, чаще всего, на совести нашего подрастающего поколения. Крадут нещадно во всех садоводствах подряд, когда хозяева в городе. Велосипеды — сушая напасть. С каждым годом их угоняют все больше. За счет дефицита и резкого подорожания. Но это — мелочи...

Еще на слуху у сестроречан злодейское убийство тремя подростками (среди которых была и несовершеннолетняя девочка) зубного техника Левина и его любовницы, совершенное три года назад в нашем курортном городе. Еще: то в Репино (в позапрошлом году), то в Тосно (в этом году) находят в лесу мертвых изнасилованных девочек. Ту, что в Тосно изнасиловали и убили, затащили в лес зимой из Сестрорецка. На днях хоронили.

* * *

...Так что как наркотик для забвения — блистательное телешоу «Утренняя звезда».

* * *

Ну, а наши семнадцать мальчишек из зеленогорского 69-го интерната? Пожалуй, по всей стране не было такого срамного судебного процесса, с такой длинной скамьей несовершеннолетних подсудимых, на которой оказались наши зеленогорские мальчишки. Грабежи, разбои, кражи, совершенные обездоленными детьми — на

чьей они должны быть совести? На их, детской? Или все-таки на нашей, взрослых людей?

В основном мальчишки грабили квартиры и дачи. Среди дач были и консульские. На чем и засыпались.

В 69-м мне довелось побывать не однажды. Прекрасно оборудованный интернат, со своими педагогическими плюсами. Здесь есть мастерские — и столярные, и швейные. Здесь дают ребятам зарабатывать — на будущую, после школы, жизнь. В двух вязальных цехах они делают свитера и колготки, изготавливают всякую всячину, в санаториях и пансионатах устраивают ярмарки — вязаные вещи и поделки идут нарасхват. Вырученные деньги ребята кладут на сбернички. Не «пустыми» выходят.

Только вот куда?

С одним пареньком, Сашкой С. из 69-го, я то и дело встречался в электричке по пути в Зеленогорск. По понедельникам он возвращался в интернат от родителей из Питера и, проходя по вагонам, стрелял курить. Набрал горсть папирос и приметив меня, Сашка зазывал в тамбур и рассказывал о своей нелегкой жизни. Об интернате. О врагах и друзьях. О директрисе и воспиталках. Особо, правда, не жаловался — этаким петушок. Но глаза его всегда были грустными, предельно горькими, укоряющими и печальными. Через два

месяца Сашка должен был покинуть интернат и куда он пойдет — учиться ли дальше, работать — совсем не знал.

— Но дома-то жить не буду, это точно. Притон! Падлы! — со злостью вырывалось у мальчишки и он заходил в кашле от табачного дыма.

* * *

...Вася дернул Машу за косичку. Хорошо ли сделал Вася? О, Боже, чему мы их учим?

* * *

А вот чему.

Выхожу из Детского дома творчества в Сестрорецке (бывшего Дома пионеров), заворачиваю за угол — ребятишки на горке катаются. Уроки прогуливают.

— Кто был такой Павлик Морозов? — спрашиваю.

— Как кто? — изумленно уставился на меня один из мальцов. — Антифашист, значит - наш.

— Он папку своего чекистам сдал. — поправил другой. — И правильно сделал.

Так чему же мы их все-таки учим?

* * *

Наверное, один из самых трогательных и страшных фильмов о детстве, показанных недавно по телевидению, это фильм под названием «Сэр» — о тринадцатилетнем мальчишке, попавшем в спецшколу и совершающем оттуда побеги. Юный узник стремится на Север, в колонию особого режима, где содержит-

ся его непутевый отец и которого он в жизни никогда не видел. Мальчишку ловят, возвращают в спецшколу, где сверстники насилуют и избивают, избивают (ногами) и надзиратели — бугаи из режимной части с погонями на плечах, а обозленный парнишка все убегает и убегает... По пути он ворует, грабит, даже хватается за нож. Он один в этом мире, маленькое несчастное существо, а мир кругом — лжив, коварен, жесток. И становится страшно за этого рыдающего в последних кадрах фильма паренька, стоящего на коленях в снегу перед милицейской машиной, которая повезет назад, в ненавистную спецшколу. А обратной дороги может уже и не быть. Общество отвергло его, свое же юное существо, оградило себя от ответственности.

* * *

Не раз спрашивал председателя Сестрорецкого райнарсу-да Николая — Александровича Костецкого: что он испытывает, когда судит подростков за их «подвиги»? Не жалко ли ему их? Может быть, проще — ремень, да выпороть?

— Очень часто это даже правильней. Но уж какой ремень, например, за разбой?

...У нас сотни, тысячи совершенно прекрасных картин о подростках. Казалось бы, все изучили мы в них, все в них поняли. И страдания их, и мечты.

Но, пытаясь раскрыть прекрасные качества юных душ, тут же эти души и растаптываем — в соседних кинозалах, смакуя сцены насилия, жестокости и разврата. Молодые подонки в кирзовых сапогах насилуют женщину, режут по ночным улицам мотоциклы с безусыми рокерами, обмотавшиеся цепями молодчики устраивают кровавую расправу над очередной жертвой...

Так чему же мы все-таки учим? Где та грань, которая отделит зло от добра и оставит нам красоту, ту самую, которой предначертано спасти мир?

Мы сами стираем эту грань. Если еще и осталось что чистого, так это литература, незыблемая веками классика. Но в библиотеки юные нынче не ходят.

Остается кровавый экран.

Кстати, слово «Сэр» расшифровывается в фильме так: «Свобода — это рай».

* * *

Кровь льется с экранов, травмируя юные души. Сцены жестокости и насилия ранят, зачастую, увя, навсегда. И если мы хотим успокоить себя, что все подобные сцены — знак предостережения, предупреждения о возможной опасности и что все зрелища подобного рода — в интересах безопасности самого человека, его личности, то приходится констатировать: мы круглые идиоты и оболваниваем сами себя. Зло никогда не по-

рождало добро. И наоборот. Но ведь это извечная истина. Когда мы ее, наконец, постигнем?

Судя по всему, мы решили переместить центр воспитания в видеосалоны прямо из школ. В Зеленогорске ребятня из 69-го интерната на «видики» бегала целыми классами, прогуливая уроки. Предприимчивые дельцы пичкали их там фильмами ужасов, боевиками, неприкрытой порнухой. Чем это кончилось для семнадцати интернатовцев, я уже говорил.

Попросите хоть однажды во время показа порнографического фильма, заgrimированного на афишах под «эотику», на минутку зажечь в зале свет, как однажды это сделать попробовал я. Тех, у кого молоко на губах не обсохло, здесь вы найдете, ручаюсь, не одного. Но рискните попросить их из зала. Вы такого наслушаетесь, что вмиг поймете: эра Уолта Диснея давно прошла, а эра милосердия не наступила.

На одном из сеансов полуночной «эотики» передо мной, в обнимку, сестрорецкие Ромео и Джульетта. Тискаются. При очередной сексуальной сцене на экране «Ромео», наконец, не выдерживает порнографического натиска и говорит четырнадцатилетней своей подружке, требовательно, на весь зал:

— Ну, а теперь — айда трахать-ся. И тянет девчушку к выходу.

Впрочем, о какой культуре я так надрываюсь? Не смешно ли? У нашей молодежи сегодня совершенно иные ценности, другие понятия и труднообъяснимые помыслы. Уже хорошо известно, по анонимным опросам старшеклассниц — довольно значительная часть девочек ставит профессию валютной проститутки (романтичнее звучит — «интердевочки») выше профессии, например, дипломата.

Кошунственный рейтинг социализма.

* * *

Два года назад довелось мне выступать в кинотеатре «Курортный» перед показом фильма «Интердевочка». Перед началом сеанса каждому зрителю были выданы два талона — один красного, другой — белого цвета. Зрителей пришло немного, всего 106 человек, но всем предлагалось оставить на кресле один из талонов. Если зритель оставлял красный талон, значит, он за то, чтобы в стране были разрешены публичные дома, если белый — против.

В зале сидели сестроречане разных возрастов — и пожилые пары, и молодежь. Вот результат, который не удалось опубликовать ранее: из 106 опрошенных — 45 за официальное открытие домов терпимости «под красным фонарем», остальные — против. Комментарии здесь излишни.

* * *

О, нравы! Гласность, демократия, перестройка.

* * *

Как безнравственны мы порой! Как отчаянно не замечаем недоумение в глазах детей наших, знак вопроса в них, знак обиды.

В одной из средних школ Зеленогорска разразился скандал. Повздорили учителя со своим директором, которая пыталась внести в учебный процесс хоть какую-то живую, новую струю. В той истории было все: и цензурные тирады педагогов, и «скорая помощь» под окнами школы, когда увозили в бессознательном состоянии директора, и бесконечные жалобы, и проверки вышестоящих организаций, и клевета. И матерные слова на стенах школы, которые писали ученики, протестуя против произвола педагогов.

И вот-вот готовая вспыхнуть забастовка учащихся — все это было.

А ко мне в редакцию приходил и приходил мальчик, девятиклассник из этой школы, милый, симпатичный Костя, и со слезами на глазах просил хоть чем-нибудь помочь директору.

И тогда я рванул в Москву. Я приехал в редакцию «Учительской газеты» — газеты крайне авторитетной в педагогических кругах, а там мне открыли шкаф и из него посыпались сотни... нет, тысячи жалоб и просьб

вмешаться в межучительские конфликты.

Где вы, наши Макаренки, Сухомлинские, Корчаки? Где вы? Потом собкор «Учительской» Нина Пижурина приехала со мной на собрание в эту школу. И привезла с собой... психолога.

— Лечить их всех надо, — констатировала психолог, когда мы поздно вечером после собрания возвращались домой на электричке.

Самое же удивительное, что слабым каким-то фоном просквозил на том собрании страшный факт — в течение одной недели погибли два ученика этой школы — мальчик и девочка, оба в нетрезвом виде...

Директора-новатора подвели под увольнение. В знак протеста школу покинули еще одиннадцать педагогов. А «победившая» сторона сумела провести в горсовет двух своих кандидатов в депутаты.

Так и живем вот. Крутимся.

* * *

Куда идти им, мальчишкам и девчонкам нашим, тревоге и надежде нашей?

В библиотеки они не ходят.

В кино — особенно не рекомендуем.

Остаются: видеосалоны, ночные дискотеки, где, как рассказывал мне один из юных любителей музыки, что ни ночь — свалка. И почти групповая «трахаловка».

Встретил депутата райсовета Льва Робертовича Иессена.

— Все! — махнул он рукой. — Хватит! Два года выбивал помещение под ансамбль, ничего не вышло. Теперь работаю в Питере.

А ведь у нас в Сестрорецке еще до недавнего времени был замечательный, по-своему уникальный детский ансамбль русских народных инструментов, лауреат многих престижных конкурсов.

И вот — нет ансамбля. Нет замечательного педагога-руководителя в Сестрорецке. Потому, что, начиная с первой сессии демократического райсовета, наставник так и не смог «выбить» нормального помещения для занятия со своим юным талантливым коллективом.

...Вы что-нибудь поняли? Я лично — нет, дорогой читатель.

* * *

Кто вытащит мальчишек из подвалов?

Кто приласкает «сэров»? Кто девчонок наших убережет — от гадости, мерзости, пошлости.

...И только «Утренняя звезда» по ЦТ — как наркотик.

Где ты, очаровательная Мария, юная королева фристайла?

«Ленинградская здравница», июль 1991 года

ЗАМОРЫШ

Дети, простите нас, дураков..

За будущее, которое вас ждет. За то, что не все смогут выжить, вырасти, выучиться. Не у всех будут любимая работа, дом и Родина. И будущее будет не у всех.

Простите за настоящее! За очереди, в которых стоим мы с вами из месяца в месяц. И нет у многих уже ни сил, ни умения, ни желания быть мудрыми и добрыми. Мы очень несовершенны, хоть притворяемся всезнающими, всемогущими и все-понимающими.

Мы не смотрим вам в глаза — мы смотрим в телевизор. Мы не учим вас правильно говорить, зато спешим к микрофонам, где можно всласть и покричать. Мы не читаем вам книг, потому что не можем оторваться от чтения, глотая запоем газеты и газетенки.

* * *

Мы встретились случайно на Финляндском. До поезда на Сестрорецк еще оставалось время. Решили перекусить. Нашли какую-то забегаловку, по-наглому обозвавшую себя «Кафе», — очередная торговая точка в век развития частного предпринимательства, где не столько закуски, сколько выпивки. Мужики здесь быстро «косеют», жалея сотню на сморщенный бутерброд на закуску.

Было холодно, но согреться водкой не стали. Взяли по куску холодной синей курицы, по стакану кофе. Неторопливо поставили провиант на столик. Говорили о каких-то делах, какие надо было решить в Сестрорецке.

Стояли, переговаривались. И тут я толкнул друга локтем:

— Смотри!

К соседнему столику подошел мальчишка. Лет двенадцати, волосы стрижены. Глаза осторожно бегают, воровато как-то, запуганно.

За столиком никого не было, только что из-за него вышла изрядно подвыпившая троица. Троица хлестала водку, закусывала рыбой в томате, по ходу пиршества курила и тушила о кости обглоданной рыбы окурки. Потом удалилась.

Мальчишка подошел к столику и, озираясь, схватил со стола огрызок хлеба, торопливо стал с грязных блюдец собирать на огрызок остатки томата, потом потянул это месиво в рот...

Я тихо шепнул приятелю:

— У тебя деньги есть? Подарим мальчишке хоть сотню.

Мы подозревали заморыша. Он нисколько не испугался. Доверчиво глянул на нас. Взял две по полсотни.

— Купи бутерброд, — сказали ему.

Мальчишка вытер руки о замызганный и лоснящийся ватничек и пошел к буфету. Буфетчица плескала водку в граненые стаканы, а змейка очереди ее поторапливала.

Заморыш подобрался к стойке буфета:

— Мне бутерброд. С сыром. Буфетчица, дородная, с пухлыми губами, зло выдохнула:

— Сопляк, а нахал какой! Шляются тут беспризорники, объедаки воруют. Собак кормить нечем стало. Вали в очередь, тебе говорю! Рвань подзаборная!

Испуганный заморыш послушно поплелся в конец очереди.

Народ безмолвствовал... Подло и пошло молчали. Мы переглянулись, взяли мальчишку за руки и вывели на улицу.

* * *

Наша страна разорвана в клочья: все живут в тревоге — скрытой и явной. Души больны и опустошены, головы задурманены, а желудки набиты суррогатами. В разваливающемся мире человек не может быть нормальным. Он зол, раздражен, суетлив. Он не умеет управлять собой. Простите нас — мы стали такими.

Мы срываем на вас зло, вымещаем раздражение, утверждаемся за ваш счет, топчем ваше достоинство, не имея своего.

Простите за глупые лозунги, бездарные проекты, политические фарсы. Мы подменили

Красоту конкурсами, Веру — кликушеством, Труд — болтовней. Мы приняли форму за суть, обещания — за реальность, ловушку — за ворота в рай. Наша слепота хуже воровства и сродни предательству.

Простите за прошлое — обогатившее, преданное, вымазанное дегтем. Вам трудно будет узнать правду и невозможно истину.

Мы терпим корыстных историков, хитроумных тиранов, судьбоносных владык. Они предали свое прошлое, что им чужое!

Мы старались забыть, что за нами — судьбы наших предков, их муки, их страсти, их сегодняшние слезы.

Простите: вы родились в одной стране, а жить и выживать вам придется в другой.

* * *

Мы пошли искать место, где можно было бы накормить заморыша. Нашли неподалеку, в здании самого вокзала. Приличное кафе. Правда, все дорого. Чертовски дорого, ну да пол России махнуло на цены рукой — что, кроме могилы, нас, горбатых, исправит?

Мы взяли мальчишке антрекот, поджаристый и душистый, ароматный кофе. Он сидел за столиком, жадно набивая рот.

Он не получал никакого удовольствия от пищи, он хотел просто ее поглощать — он хотел насытиться. Он не верил в

свалившееся на него счастье от двух дураков, взявших его за руки и усадивших за сытный столик дорогого кафе.

Вдруг заморыш наш побледнел. В зал вошли два милиционера, наметанным взглядом окинули публику.

Признаемся, мы растерялись, глядя на паренька, на его засаленную фуфаячку.

— Не бойся, — поняли мы его. — Один из нас журналист, другой — учитель.

Заморыш торопливо стал доедать антрекот.

Потом пошли в сквер напротив вокзала. Сели на скамеечку, разговорились. Нас подслушивал только Ленин, тот самый, на броневике.

Мальчишка нас совсем не боялся: в милицию не сдадим.

— Откуда?

— Из Выборга. Из дома сбежал. Жить невозможно стало. Батя бьет, мамка пьет. Зачем они мне такие? Больше недели как по Питеру гуляю, а из дома месяц назад ушел. В подвале жил.

— И не страшно? Крысы там...

— Не трогают. Люди страшнее.

— А в школе? Как с родителями живешь — знают?

— Так нас трое таких беглых.

Нас, что ли, стали ловить? А других учить — когда?

— Ночуешь-то где?

— На вокзалах. В Зеленогорске вот очень удобно. Милиционер у меня там иногда знакомый дежурит, не трогает.

— И не интересуется, почему ты ночуешь не дома, а за сотню верст от Выборга?

— Да я ж не шумлю, не хулиганю. И с сыном его дружу. Давно. Он о том, что я из дома ушел, и не знает. Не спрашивает.

— Так там же, на вокзале, скамейки неудобные.

— Я на полу, у туалета.

— Рядом с бомжами? С пьяными?

— Они не трогают. Бомжи тоже люди.

— В аэропорту ночевать не пробовал? Там уютней.

— Там много мальчишек. Человек двадцать беглых. Деньги у пассажиров выпрашивают, но милиция там гоняет. Опасно. В спецприемник отправят.

— Может быть, это лучше? Ведь ты же устал. И есть каждый день хочется.

— Еще как. Но мне иногда в буфете на Финляндском хлеб дают. И чаю.

— Слушай, у нас идея. Давай отведем тебя на Пушкинскую. Там что-то вроде приюта.

— Был. Человек десять впопалку на полу спят. Девчонки и мальчишки. Я оттуда в подвал ушел.

Признаемся, мы растерялись. Какой же это приют, где мальчишки и девчонки — впо-

валку? На грязном полу?

* * *

... Мы не сумели научить вас мыслить, творить и любить людей. Мы считали: главное — сытый желудок, доходное место и красивая жизнь. Мы провозгласили: «Все лучшее — детям!» — и никто не захотел становиться взрослым.

Простите нашу инфантильность и безответственность, голод страны и наше тщеславие. Мы воспеваем пошлость и поклоняемся глупости.

Мы оставили вас без Леса, без Луга, без Речки. Простите нас за разоренную страну, за нищих на улицах, за брошенных собак и кошек, за пьянство, разврат и циничные проповеди. За то, что жевательная резинка — ваша самая большая радость.

Простите нас, дети, за нас!

* * *

Стал накрапывать холодный дождик, мы спрятали заморыша под зонтик. Достали сигареты, не нашлось спичек. Вдруг заморыш как-то подобострастно и виновато вырвался от нас, подбежал к хмельному прохожему и попросил спички. Мы растерялись, стало как-то неловко. За такое вот пресмыкание юного несчастного существа, пресмыкания за добро и от добра. Заморыш хоть как-то хотел отблагодарить нас. Неуклюже, но ведь от сердца. Непорочного

детского сердца...

— А воровать не боишься?

— совершенно неожиданно для самого себя, спросил один из нас. От злости, наверное, что увидел неловкое пресмыкание заморыша. — Не прожить ведь на хлеба куске и чашке чая в вокзальном буфете...

Мальчишка вдруг сник, и нам обоим стало стыдно за эти слова.

— Не... Я не ворую. И воровать не хочу. В тюрьму не хочу. Не ворую я, вот честное слово.

Нудил мелкий дождь. Мы трое молчали. Молчал и чугунно-серый Ильич на своем броневике, рука куда-то вперед, с кепкой.

— Слушай, дружок. Хочешь

— с учителями твоими поговорим? Хочешь вернуться назад в Выборг? К друзьям?

— Нет у меня друзей. А те двое — из школы бегают.

Но заморыш ухватился за предложение как за спасительную ниточку:

— В школу бы вернуться! А жить все равно нигде. А в интернат не хочу.

Мы пропустили уже пять электричек на Сестрорецк. Чем помочь заморышу — так и не придумали. Уговорить его обратиться в милицию, в детскую комнату? Взять его за руку и привести самим? Никогда не поймет такого беглец. И не простит никогда, это уж точно.

Мы оставили ему телефоны

и адреса. Договорились: будет трудно, невыносимо, пусть позвонит.

— Дайте, если не жалко, еще пять рублей! — на прощание попросил заморыш.

Друг полез в карман, достал кучу мятых пятирублевок, протянул мальчишке.

— Я обязательно позвоню, — пообещал он.

Мы остановились у книжного коммерческого развала и как-то тупо, удрученно стали рассматривать блестящие обложки книг. Вдруг почувствовал: в задний карман брюк лезет мальчишеская, неумелая еще рука.

Я не стал оборачиваться. Я вдруг испугался.

Я испугался, что это может оказаться заморыш. И, дав своровать из собственного кармана несчастный жетон на метро, облегченно вздохнул: увидел — в другом конце зала заморыш жевал пирожок.

...Но он не позвонил. Ни на следующий день, ни через неделю. И не приехал по оставленным адресам...

* * *

Мы думаем одно, говорим другое, делаем третье. Мы перестаем совершать Поступки, движимые рефлексами и инстинктами. Мы не трудимся — мы делаем деньги. Мы не продолжаем род — мы делаем детей. Мы разучились любить! Среди нас все меньше Мужчин и все

меньше Женщин.

Желая первенствовать и наслаждаться, мы потеряли самих себя. Свои ничтожные цели и преступные средства мы прикрываем благородными, но пустыми словами, прикрываем лживой заботой о вас.

В своем воинствующем невежестве мы приняли демагогию за диалектику, а митинговый диктат за демократию.

Вместо того, чтобы каждый день строить будущее, мы трагитим настоящее на разрушение прошлого.

Простите нас — мы предали самих себя, а значит предали Время. Вы — наказание наше. Если сможете, простите нас и станьте достойнее нас. Если сможете...

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ:

Встреча с этим мальчишкой журналиста и педагога, кстати, доброго знакомого редакции, по их словам, произошла месяц назад.

Пацан так и не обратился за помощью, которую ему предлагали. И поэтому мы вынуждены раскрыть инкогнито сбежавшего из дома паренька: это Дима Ковалев из 5 «в» класса 37-й школы города Выборга.

Вполне вероятно, что юный беглец еще не вернулся домой, а помощь ему, понятно, нужна. Поэтому мы посылаем эту ста-

тью в его школу.

Всего же в подвалах и на чердаках петербургских домов обитает восемь тысяч (!!!) детей — бездомных или сбежавших из

дома, со всех концов России. Это статистика, страшнее которой не может быть.

**«Петербургская здравница»,
1993 год**

В ГОРОДЕ СОЧИ ТЕМНЫЕ НОЧИ...

Все факты, рассказанные в этой истории, имели место в действительности. Имена, фамилии участников изменены.

История, о которой я рассказываю, произошла четыре года назад. В курортном городе С. В городе Сочи, где темные ночи.

* * *

Телефонный звонок раздался в три ночи.

— ... Извини, Вадим. Беда. У меня сын пропал. Он в Сочи из санатория неделю назад вышел и не вернулся. — звонила знакомая пенсионерка, в прошлом врач-терапевт, сегодня — народная целительница. — Полетели вместе, я не осилю...

Начал успокаивать.

— Не надо. Я вчера к трем экстрасенсам обратилась. Одна говорит: не волнуйтесь, с ним ничего не случилось. Второй: тяжело ранен, в беспомощном состоянии лежит в овраге. Третья: он умер.

Успокаивать бесполезно. Звоню заму. Объясняю, что улетаю, на несколько дней. Чтобы там в редакции все тип-топ было. Тем более через день — Первомайские праздники.

С трудом достаю билеты на самолет. Рано утром уже в воздухе. Последний день апреля. На высоте — солнечно и кра-

сиво. В самолете — какие-то артисты, какие-то предприниматели-бизнесмены и какие-то бандиты.

В Сочи, странным образом, бывать не приходилось. Самолет делает полукруг над морем, идет на посадку. Посадка — в Адлере. Вот в межгорье взлетная полоса. Всем пристегнуть привязные ремни.

— Я тебе не сказала одной вещи. Очень важной. — говорит мне Л. В. — Стасик мой — наркоман.

Шасси ударяются о бетонку. ... Только прилетели — сразу сели, как говорится.

* * *

Стаса, сына Л.В. так получилось, я совсем не знал. Видел на фотографиях. Двойник певца Буйнова.

Из Адлера в Сочи — на частнике. Сразу и райотдел милиции. Капитан-розыскник на месте. Я прошу Л.В. при разговоре не присутствовать. Я уже представляю, о чем придется говорить, о чем просить. Показываю капитану пачку фотографий.

— Понимаешь, — недоуменно пожимает он плечами. — Несколько лет розыскником, вот сейчас за четыре месяца тридцать девять пропавших. Из других городов много. Вашего-то

уже искал. В больницах нет, в морге тоже. Он пропал, а обратный билет на самолет у него в кармане пиджака. Пиджак на стуле в номере. Все видал, но чтобы родственники и журналисты на поиски приезжали — что-то новенькое.

— Вот и поработаем, по-настоящему.

Начальник райотдела дал добро. Потом рассмеялся: выдались тебе, капитан, майские празднички!

Л.В. просим в наших делах не участвовать. Отправляем ее в санаторий, организовать номера.

Элитный санаторий, между прочим. Из окна — пальмы, в двадцати метрах от комнат — море плещется.

Говорим, что когда возвратимся — не знаем.

* * *

Все дороги ведут в морг.

Мы идем по солнечному Сочи, жарко, на пляж бы броситься, в воду бы бултыхнуться.

— По пути издательский комплекс, в редакцию зайдем? Фотографию сдадим, приметы. — говорит капитан.

Идем. До редакции метров пятьдесят. Рядом — ларьки. Вдруг останавливается BMW. Один из ларьков расстреливают в упор. В нем почему-то чет-

четыре трупа. На глазах. Милиция, скорая, журналисты.

Телевидение подкатило.

Все дороги ведут в морг. И в газеты.

Несколько дней, что был в Сочи, только об этом случае и писали. И по TV крутили.

Я видел и пострашнее. Потолкавшись в кругу собратьев по перу, иду с капитаном дальше.

* * *

В морге я вдруг понимаю всю нелепость ситуации. Я — в белом костюме. Летел все-таки на юг.

Трупы — на столах, на полу, в коридорах.

Мой костюм спасает капитан. Мертвых ворочает он. Я с фотографиями в руках.

Облегченно вздыхаю. Стаса нет.

— Подождите, головы принесу. В коробках. В трех.

— Без стакана у вас никак.

— Мы и не работаем без стакана.

— Сейчас еще четверых привезут. Опрокиньте заранее. — говорит капитан.

* * *

Вечером по местному TV, среди прочих ужасов, показывают фотографию пропавшего Стаса. Утром его снимок с приметами во всех сочинских и краснодарских газетах. Журналисты

показали свою солидарность. Вспоминаю с добром.

* * *

План моих с капитаном действий: притоны, рестораны и кафе, вокзал, гостиницы. И по сторонам смотреть — а вдруг?

Начинаем со знаменитой «Жемчужины». С казино. Договариваемся: он, как сотрудник милиции, разговаривает с барменами и официантами. Я — с кем попроще.

Бармены и официанты от капитана отшатывались: не видели, не знаем, не заходил. Мне было проще. Я был посетителем.

Выход искали через проститутки.

— Вон та, смазливая, между прочим, из Питера. На гастролях — шепнул капитан. — Шестнадцать лет.

— Замечательно. По моей части. Возьми на себя сутенера.

Вскоре сутенер о чем-то ласково беседовал в коридоре с моим капитаном. Я умудрился затащить малолетку на пляж, и под звездами ночного Сочи мы вспоминали Питер.

— Этого знаю — наконец говорит девчушка, глядя на фотографию. — Но он в другом кабаке крутится. Там действительно наркота.

Уже через час мы были в другом кабаке. Действительно, Стас здесь появлялся каждый

вечер. Сидел на «игле». Но вот уже несколько дней его никто не видел. Действительно — пропал.

* * *

Утром — притоны. Грязь, мрак. Вокзал. День, второй — беспросветно. Кажется, «опознали» «Буйнова» на улице. Под шафе. Затаскиваем прохожего в ближайшее отделение. Документы проверить. А там дежурный перед ним по-струнчочке. Честь отдает.

— Что случилось, товарищ полковник?

— Сматывайся, капитан. — толкаю в бок своего. — Кажется, старлеем будешь.

Оказалось, высокий чин из другого южного города на свадьбу к дочери прикатил. То-то я заметил: никакого первомайского шествия на улицах. Кругом — милицейские машины.

Опять — притоны и кабаки. Поздно ночью выхожу на пляж. Море плещется, звезды светят, йодом пахнет.

* * *

На третьи сутки проблеск — кассир на вокзале узнала Стаса по фотографии. Нервный какой-то был, в Ростов рвался. Да, билет продала.

— Все верно — вздохнула Л.В. — У него это уже было. Чтобы успокоиться, поправить здоровье, он пару раз уезжал на хутор Кондрючий. Там община

целителя Иванова, он по снегу босиком всю жизнь ходил, «девки» — это его программа...

Встречаем обратный из Ростова. Садимся в поезд и опрашиваем проводников. Наконец: да, ехал ваш Стас в Ростов. Психоватый какой-то.

Через черные тоннели поезд мчит в Адлер. На душе легко. На обратном пути забредаем на знаменитую сочинскую дачу Сталина. Куда только не занесет!

Успехом сами удивлены. Особенно капитан-розыскник. Мы пьем легкое вино и смеемся.

- Ну вы, журналисты, даете!
- говорит капитан.
- Быть тебе скоро майором!
- отвечаю.

* * *

Утром я сажусь в «Боинг». В Москве пересадка. С капитаном договорился: немедленно пошлет телетайп в УВД, где Кондрючий. Пусть Стаса задержат и маме вернут.

Среди пассажиров — артисты, бизнесмены, бандиты. Вдруг неожиданно узнаю свою шестнадцатилетнюю красавицу и вспоминаю звезды на пляже. Рядом с ней мужчина, солидный, в милицейских погонах. Точно — не сутенер. Бесславно закончились гастроли девочки. Жаль. Девочку.

Летим-летим, не прилетим. «Боинг» начинает лихорадить. В

иллюминаторе пейзаж — ох, как далек от Москвы. Сердце подсказывает — нелады. Пассажиры начинают нервничать.

Болтанка все сильнее и сильнее.

— Водки — говорю стюардессе.

— Не успеешь — лицо девушки покрывается испариной.

«Боинг» резко трянуло и выкинуло на поле.

Не было криков, была странная тишина. Молчали почему-то все: артисты, бизнесмены и даже бандиты.

— Я просил водки, девушка. — говорю громко.

И только в эту секунду салон взорвался всем пережитым ужасом.

Это случилось в уральском городе Е.

* * *

Вечером я все-таки в Питере. Живой.

Бросаю на диван дипломат. Скидываю пиджак. Звонок из Сочи. Это капитан.

— Мы получили телетайп из отделения, которое курирует Кондрючий. Там вчера в двух километрах от хутора обнаружили труп мужчины. По всем приметам — Стас.

Все дороги ведут в морг... И еще, наверное, в ад.

Капитан называет мне домашний телефон брата Стаса. В далеком северном городе он

директорствует на одном из крупнейших металлургических комбинатов России. Пусть летит на Украину, все организует как надо.

— Как Л.В.?

— Пока без сознания.

Глубокой ночью дозваниваюсь до брата. Да, завтра вылетит. Звоню ассистентке Л.В. — Ири-не.

— Лети завтра в Сочи, помощь твоя нужна. Билет не достанешь — звякнешь.

* * *

Утром Ириша действительно позвонила.

— Я из Пулково. Билет достала, вылетаю. Но... видишь ли... Пять минут назад я звонила на квартиру Стаса. К телефону подошел он сам. Чуть дар речи не потеряла. Он в Ростове с поезда сошел, его в психушку забрали. Сегодня утром вернулся на поезде.

* * *

Я рванул на квартиру Стаса. И действительно — как две капли

воды похож на Буйнова.

— Познакомимся, — говорю.

— Уже слышал.

— Тогда выкинь наркотики.

Уничтожь. Будем пить, все, что горит. Пока не вернется мать.

И мы пили все, что горит. Мать прилетела лишь через день, в сопровождении ассистентки Ирины. Ну и оплеуху же закатила она сынку!

... Стас сидел за столом и плакал. Он рассказывал о том, как в Сочи, ночью, в одном странном месте он познакомился с шестнадцатилетней девочкой, а она оказалась проституткой из Питера.

Я хохотал до упаду. Потом незаметно подсунул ему в карман пиджака телефон этой самой (или другой) дурочки. Мне его «определил» капитан из Сочи.

Стас вдруг резко бросил наркотики...

Ведут ли благие намерения в ад?

Или все-таки — в рай?

**«В курортном городе С»,
1998 год**

БРОДЯТ ЛИ ШПИОНЫ ПО СЕСТРОРЕЦКУ

Как я попал впросак

Впросак я попал с юмором и с хорошим настроением. Но этому предшествовали события бурной журналистской жизни начала 90-х.

Народные депутаты СССР (была такая страна) «особый» следователь Николай Иванов и опальный генерал КГБ Олег Калугин проводили в Ленинграде встречи с писателями и журналистами. Прижав «одемократившегося» генерала к одной из ротонд в Мариинском дворце, мы насели на него с вопросами о возможности государственного переворота в стране. Тем более, Иванов такую возможность отрицал начисто. Калугин был бдительнее. К тому же оказался продвинутым «коллегой» — он закончил факультет журналистики университета. Правда, колумбийского. Калугин выступил на сессии Ленсовета, в своей речи называл господина Собчака почему-то товарищем, и утверждал: нельзя верить, что говорят о его квартирных махинациях. Это, мол, провокация. Правда, в выступлении (цитирую по стенограмме) высказал несколько странные вещи: «Мы должны на время консолидации добиться, чтобы в нашей стране была создана мощная альтернативная правящая партия, а потом уже разберемся — кто есть

кто и что есть что».

Вот он, чисто советский менталитет. Сначала наломаем дров, а потом разберемся, кого куда.

Притащив интервью с Ивановым и стенограмму выступления Калугина в редакцию «Ленинградской здравницы», я зажегся окончательно. Отправившись в администрацию на площади Свободы, повстречал в коридоре Вячеслава Буренова, полковника Сестрорецкого отделения КГБ и по совместительству депутата райсовета первого демократического направления.

— Не дадите ли интервью?

— Запросто!

— Так ведь ни на один вопрос не ответите!

Поспорили: я через тридцать минут ему вопросы в письменном виде, он через два часа — ответы.

Уселся на подоконник и стал «подковыривать». И один из первых вопросов звучал, конечно же, так: «Ходят ли шпионы по Сестрорецку?». Попал, думаю, Буренов!

Через полчаса я вручил вопросы, а еще через 2 часа позвонил в заветную дверку. Дверка отворилась и... каково же было мое удивление: Буренов вручил мне четыре листка бумаги с плотным компьютерным текстом.

Цитирую:

«...скажите, неужели по территории нашего района ходят шпионы?»

— Чувствуя иронию в Вашем вопросе, понимаю существо сомнений в том, что иностранную разведку в нашем районе может что-либо серьезно заинтересовать. Однако факты — упрямая вещь. А из материалов реального дела по шпионажу на одного из ответственных работников МИД СССР (лежащего в основе романа Ю.Семенова «ТАСС уполномочен заявить» и одноименного фильма) видно, что завербованный американцами агент имел с ними заранее обусловленное место встречи в районе железнодорожной станции Разлив. Другой пример также большинству читающего населения хорошо известен: это захват с поличным на операции по изъятию тайника на 40 км Приморского шоссе в 1983 г. сотрудника ЦРУ Аугустенборга, работавшего под прикрытием генконсульства США в Ленинграде.

Так что вопрос, ходят или нет по нашей территории шпионы, перед нами не стоит».

Были и еще заковыристые вопросы. Но, согласитесь: убил чекист Буренов журналиста Соловьева наповал. Так появилось интервью в «Здравнице», редактор Морик, конечно же, его не правил, и в день начала работы второй сессии райсовета Буре-

нов подходил к председателю Кривенченко гоголем. Ну а я с тех пор по-настоящему зауважал депутата Буренова. Мы частенько возвращались домой в одном вагоне электрички и мне, и депутату Боярченко, который ездил также в Ленинград, было крайне интересно слушать ответы на наши непростые вопросы. И ведь наперед рассказал нам Вячеслав Валентинович все, что случится с нашей страной и что ее ждет!

Это я уже о прагматичности и о взвешенности деяний.

О Сиднее Рейли

С доброй улыбкой вспоминаю набережную Сены в Париже, когда два года тому назад стал свидетелем велогонки «Тур-де-Франс», и завел группу русских туристов скандировать «Вперед, Сестрорецк!», искреннее при этом полагая, что среди гончиков есть наши сестрорецкие ребята. Потом узнал, что ошибся, но разве можно жалеть о таких казусах?.

Вот фильм Тодоровского «Интердевочка». Помните, Таня Зайцева (которая мечтала и вышла замуж), инвалютная проститутка, собралась на встречу с отцом... в Сестрорецк. И сидит она с полупьяным папой ранним утром на убогой кухне, бутылки там на столе из-под водки, гадость всякая, и в это время раздается за окном...

звонкая трель трамвая. Так что мой парижский вклад в пропаганду любимого города — лишь малая толика.

Я люблю акцентировать внимание на таких штучках. У меня страсть — выковыривать самые разные упоминания о Сестро-рекке. Такая же страсть, наверно, и у краеведов, которые занимаются поиском изюминок более тщательно. Самый молодой член нашей журналистской организации Женя Нифашев — мастер на такие изыски. И вот он приволок шесть лет назад в редакцию заметку, которой я подивился. Она о шпионе Сиднее Джордже Рейли. 5 ноября 1925 года его грохнули на Лубянке. Наверно, за дело. Но ведь путь к священной стенке лежал через наш район!

Из заметки краеведа:

«Один из эпизодов деятельности Сиднея Рейли связан с нашим районом. В паре километров на северо-востоке от Репино, за лесом простирается гигантское поле, почти по краю которого протекает река Сестра. Ранее, до 1936 года, здесь была небольшая финская деревня Старый Алакуль. Сейчас эти места постепенно застраиваются загородными виллами.

После 1918 года, когда граница с Советской Россией закрылась, среди перебежчиков и шпионов эта деревня стала известна как место нелегального

перехода границы — «Раяйокское окно» («Раяйоки» — Пограничная река, т.е. река Сестра по-современному). В конце сентября далекого 1925 года ОГПУ организовало в этом месте инсценировку убийства Сиднея Джорджа Рейли, чтобы ввести в заблуждение иностранную разведку.

Как все происходило в действительности? Предоставим слово автору книги «Мертвая зыбь» Льву Никулину.

«До границы Сиднея Рейли провожали капитан Рузенштрем и Радкевич. 25 сентября в 10 часов вечера они были на станции Куоккала (со стороны Финляндии — авт.).

В начале двенадцатого отправились к границе.

У Рейли скрипели сапоги. Чтобы избавиться от этого, он намочил подошвы сапог в луже.

Добрались до Сестры-реки.

На другом берегу появилась тень. Это был Тойво Вяхи — один из опытейших сотрудников советской пограничной охраны, игравший роль «подкупленного» стража границы. Он имел точные инструкции, как принять Рейли: от границы доставить на телеге до станции Парголово, в семнадцати километрах от заставы, а там посадить на поезд.

Если бы Рейли изменил решение и стал бы сопротивляться, Тойво Вяхи предстояло приенить оружие. Когда Рейли пере-

правился через реку, он остановился и заговорил по английски с сопровождавшими его людьми на финской стороне. Рейли прекратил разговор, когда Вяхи сказал ему, что сейчас не время и не место для подобных бесед.

Начался утомительный переход по грязи до телеги, которая ожидала в лесу. Дорога была ужасающая. В телеге мучительно трясло. Рейли не выдержал, спрыгнул, пошел пешком, меся жидкую грязь. Итак все семнадцать километров. На станции Парголово Вяхи посадил Рейли в поезд, направляющийся в Ленинград. Там его принял Щукин (сотрудник ОГПУ) и Якушев. Щукин вручил Рейли паспорт на имя гражданина Штейнберга.

...Утром 26 сентября Сидней Рейли был в Ленинграде».

Согласитесь: изюминка!

Нифашев получил премию.

«Пианист»

Повезло единственному советскому разведчику из знаменитой «Красной капеллы» – Анатолию Макаровичу Гуревичу: он не попался в лапы гитлеровского абвера, когда тот затеял контригру и провел контроперацию «Красный оркестр», координировавшуюся самим Гейдрихом. В августе 42-го были арестованы супруги Харро и Либертас Шульце-Бойзены – руководители сети советской разведки.

Всех радистов – «пианистов» переловили и кинули в застенки. Гуревич выжил, даже вернулся в СССР. ГУЛАГ, амнистия, потом опять лагеря – в Мордовии – и, наконец, реабилитация в 1991-м. Сегодня Гуревичу 91 год, он живет в Петербурге. Это единственный живой на сегодняшний день участник легендарной «Капеллы». В недавно прокрученном по телевидению очень неплохом и полезном сериале «Красная капелла» он видит много неточностей, но достоинство фильма, его патетику это не умаляет.

Боевой путь разведчика тоже соприкоснулся с Сестрорецком, как раз в тот момент, когда сотрудника ГРУ Сиерру (очередной псевдоним Гуревича) переправляли в Германию.

«15 апреля 1939 года его отправляли до места, где он должен был засесть надолго. Этим местом была Бельгия. Не обошлось без приключений. С мексиканским паспортом его отправляли через Турцию. Но турки визу не дали. Теперь самым разумным было бы переправить разведчика через панскую Польшу у станции Нешгорелое западнее Минска. Но «дубы», занявшие место в ГРУ после репрессий 1937-1938 годов и ничего не смыслившие в разведывательном деле, рассудили по-своему. Гуревич поедет на Запад через родной Ленинград.

Дескать, пересечёт госграницу через реку Сестру за Сестрорецком. Через Финляндию, Швецию и Норвегию попадёт во Францию, где связник ГРУ обменяет ему мексиканский паспорт на уругвайский. Только после этого наш разведчик пересечёт бельгийскую границу.

«Дубы» уже на Финляндском вокзале подвергли Винсента Сиерру нервотрепке. Не предусмотрели ему покупку билета до Сестрорецка. А денег-то советских у латиноамериканца... не было. На ломаном русском языке стал изъясняться с дежурным милиционером, который, дабы не было греха (кровавые репрессии продолжались!), за собственные 30 копеек купил богатому иностранцу железно-дорожный билет.

Следующий «подарок» «дубы» подготовили нашему резиденту в Сестрорецке. Здесь документы оформляла сокурсница Анатолия по вузу. Они встретились глазами. Умная девушка всё поняла. Шлёпнула печать в паспорт и мгновенно отвернула голову...»

Умная девушка! Если Вас не расстреляли, отзовитесь!

Словесный портрет

Следователь Прокуратуры СССР, а затем известный писатель Лев Шейнин, вспоминает о своей работе криминалиста с нежной признательностью, по-

тому что ей обязан темами целого ряда своих произведений, многими сюжетами, характеристиками и конфликтами, которые он наблюдал, и в которых ему приходилось разбираться.

Речь, конечно, не о шпионах, но все равно будет уместно вспомнить эпизод из его рассказа «Волчья стая», и не только потому, что один из них рассказывает об удивительных профессиональных качествах сыщиков (которыми обязаны обладать, конечно же, и разведчики любого уровня), а и потому, что эпизод связан непосредственно с Сестрорецком.

Речь в рассказе идет о поимке хитроумного преступника Янаки, нэпмана, который преусмотрительно уничтожил все свои фотографии и искать которого пришлось по словесному портрету.

«Я так старательно разработал словесный портрет Янаки, что ясно представлял себе его внешность, хотя никогда еще лично мне не приходилось его видеть. Именно этот словесный портрет я и разослал в установленном порядке, рассчитывая, что в результате неуловимый Янаки будет, в конце концов пойман. В субботу я поехал в Сестрорецк, рассчитывая провести там и воскресный день. В те годы по воскресеньям в Сестрорецк обычно приезжало много публики, и великолепны

сестрорецкий пляж в теплые летние дни был сплошь усеян купальщиками.

На следующий день в самом разгаре купания, лежа на пляже рядом с товарищами по работе — следователем Рагинским и инспектором ЛУРа Бодуновым, я обратил внимание на двоих молодых людей, которые медленно шли по пляжу, внимательно разглядывая отдыхающих и, видимо, кого-то разыскивая. Бодунов, очень талантливый криминалист и наблюдательный человек, тоже обратил на них внимание и сказал:

— По-моему, это ребята из транспортного отдела, и они кого-то ищут...

Через три минуты они подошли нам, один из них сказал:

— Товарищ Шейнин, мы приехали за вами. В отделении детскосельского вокзала задержали по словесному портрету Янаки. Начальник просил вас приехать. У вас дома сказали, что вы в Сестрорецке и мы приехали сюда.

Я страшно обрадовался, быстро оделся и помчался в Ленинград. На детскосельском вокзале меня действительно поджидал начальник отделения, который сдовольным видом заявил:

— Ну вы дали нам жару!.. А хитрая штука этот словесный портрет, я впервые с ним столкнулся... И мои ребята тоже о нем раньше не слыхали... Ну я,

конечно, с утра собрал своих орлов, прочел им ваш словесный портрет, и начали искать этого рыжего...

— А где же Янаки? — нетерпеливо спросил я.

— Да их там уже больше десятка, — весело ответил начальник и повел меня в дежурную комнату.

— Уж один из них как факт Янаки, остальные, наверно, все его братья».

Замечательная история. И теперь остается только взглянуть в снимок 1935 года, сданный на пляже санатория «Сестрорецкий курорт». Люди в черном среди отдыхающих — не так ли искали и Льва Шейнина на этом самом пляже много лет спустя?

В публикации использованы материалы:

В.Соловьев, «О КГБ не по слухам», «Ленинградская здравница», октябрь 1990

Е.Нифашев, «Сидней Рейли месил грязь от Репино до Парголово скрипучими сапогами», «В курортном городе С», май 1999

Г. Набойщиков, «Герой «Красной капеллы» живет в Петербурге», «Новый Петербург», сентябрь 2004

Л.Шейнин, «Записки следователя», рассказ «Волчья стая», Москва, 2003

**«В курортном городе С»,
январь 2005 год**

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В октябре 1908 года в семействе казаков Гайдиных произошло пополнение: малыша Сашеньку — Александра Степановича Гайдина — кричащего завернули в накрахмаленный конверт с узорными кружевами и тесемочками и вынесли на порог в новую жизнь.

В 1910 году в этом же самом конверте встречала жизнь его сестра Зинаида.

В 1934 году в конверте с кружевами вынесли Аллу Александровну Гайдину, мать моей будущей жены Марины.

В 1935 году — ее брата Володю.

В 1961-м — в этом же самом конверте вынесли на порог родильного дома Марину, мою будущую жену.

В 1986-м она родила дочку Алину.

4 сентября 2011 года исторический, весь в завязочках и накрахмаленных кружевах, конверт принял еще одну новорожденную — Верочку.

Вера Андреевна Соловьева осенью отметит первый год своей жизни.

Все будет хорошо.

НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ

Вадим Соловьев родился 15 февраля 1953 года в Ленинграде. Имеет гуманитарное образование. Профессия – журналист.

В юности начал печататься в самых разных газетах города и области, особо отмечает газету «Невская заря» (город Всеволожск). Работал во многих городских изданиях, но самым значимым периодом творчества считает работу в районной газете «Ленинградская здравница» (затем «Здравница Санкт-Петербурга», Курортный район).

Был инициатором и редактором нескольких независимых изданий, в том числе и рекламных. Самое успешное из них – газета «В курортном городе С.», которое выходит в городе Сестрорецке уже ровно 15 лет.

Автор и издатель целого ряда книг. Кроме собственных («Над пропастью, во лжи», 1992 год) и «История Сестрорецка в рассказах для детей», в соавторстве с Я.Храмцовой и художником М.Пименовой, 2011 год), принял участие в издании книг по истории Сестрорецка – «Северный курорт России» В.Беликова в двух книгах (1999), «О себе, о людях, о времени» А.Бахвалова (2002), «Блокада. Непокоренный рубеж» (2004), «Непокоренный рубеж» в двух томах (2005), «История Сестрорецка и его окрестностей» в четырех томах (2006-2009), «Мой Сестрорецк» краеведа В.Яковлева (2006), «Солнечное-Оллила-Райяоки» Р.Гараевой (2007), сборник «Наша родная, курортная» (2008), «Исторические миниатюры. Этюды о современности» Н.Солохина (2011) и других.

Член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, секретарь журналистской организации Курортного района.

Член Санкт-Петербургской общественной организации возрождения культурных традиций и обычаев казачества «Петербургская станица» (Курортный отдел Ставропольского казачьего войска), атаман станицы «Стремя».

Член Совета ветеранов уголовного розыска Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Жена – художник и поэт Марина Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

К ДЕЛУ ПРИЧАСТЕН.....	4
БЫЛО.....	5
1. Когда деревья были большими.....	7
Это была Великая Страна.	
Она не бросала своих детей.....	24
2. Аты-баты, шли солдат.....	27
3. Как хоронили космонавто.....	37
4. Анька, Ольга и поезда.....	40
5. Солохин.....	46
6. Фонарев.....	50
7. Логиновы.....	54
 РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ.....	 51
8. Такая газетная карусель.....	64
 ОН УБИТ	 71
9. Первые похороны Шлиппенбаха.....	78
10. Профессор Бурсов.....	82
11. Меркурьев, Дворецкий, Дмитриев.....	85
12. Петя не Бог.....	88
13. За что Родину люблю.....	90
14. Почему Сестрорецк.....	93
15. Напишем книгу о Сестрорецке!.....	95
	101
БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ СЕСТРОРЕЦК. НУ И ШТО.....	101
 16. Вещий сон.....	 104
17. Алла Александровна.....	107

ПЛОЩАДЬ СВОБОДЫ.....	111
Мессия Кривенченко.....	113
2. Палочка Коха.....	120
3. Туз козырной оказался крапленным.....	127
4. Тридцать восьмой километр.....	135
5. Душегубы от демократии	138
6. Матлахов.....	141
Еще одна трагедия.....	143
Спекуляция на беде.....	145
7. Хорошков.....	147
8. Прокурор поколения PEPSI	154
9. Комар.....	157
10. Эд.....	160
11. Им на все и на всех наплевать.....	163
12. Shura bald (Шурик лысый)	167
13. Лесные братья.....	172
14. «У нас все в порядке, товарищ министр!» и судебные тяжбы.....	175
15. Расстрелять, как бешеную собаку!.....	185
16. Петрович.....	189
17. Два Ленина.....	196
18. Вишневский.....	198
19. Гараев.....	200
20. Березы ее детства.....	203
21. Вратарь Республики.....	207
Каскадер	208
Силач.....	209
22. Бал сатаны.....	211
23. Пресса разная нужна.....	214
Алло, мы ищем таланты!.....	216
Оса.....	216
С шашкой наголо.....	218
Не плати.....	219
Трудно первые сто лет.....	220
...и первые десять.....	221
Все хорошо.....	225

НЕРЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.....	227
1. Выборы под трели соловья.....	229
2 . Собчак.....	235
Предатель.....	237
Президент.....	238
3. Эх, яблочко!.....	244
4. Поговорили.....	246
И ЗАЗВУЧАТ С НЕБЕС КОЛОКОЛА.....	251
1. И воссияют золотые купола!	253
Коневиченко (о. Гавриил).....	259
ВОЗРОДИТЬ.....	263
2. Казаки.....	273
Собиратели земли Русской.....	275
Есаул Федор Токарев.....	275
Сталин и Жуков.....	277
Царское дело.....	278
Илья Репин.....	279
С Дона выдачи нет.....	281
ЧТО-ТО НЕ ТАК.....	283
1. Где ночевал.....	285
2. Лошадь Пржевальского.....	288
Калачев и Леонтьев.....	291
Арест пропагандиста.....	293
3. Невезучий Зоценко	295
4. Сталин и Гор.....	300
От Валеры Базанова.....	301
Наивный Браун.....	302
5. Звезда полей.....	304
6. В лучах Куприна	307
7. Туалет с кипящим супом	309
Дайте фермеру трактор.....	311
8. Травы зеленеют	313
9. Царегородцев и шалаш.....	317
Ленин навсегда.....	321
10. Газетное ассорти	323
Чудаки	339
Про пессимиста и оптимиста	340

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ	341
НАД ПРОПАСТЬЮ, ВО ЛЖИ.....	343
ЗАМОРЫШ.....	350
В ГОРОДЕ СОЧИ ТЕМНЫЕ НОЧИ.....	356
БРОДЯТ ЛИ ШПИОНЫ ПО СЕСТРОРЕЦКУ.....	361
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	367
НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ.....	368

ФОТОГРАФИИ

ОБЛОЖКА

Татьяна и Александр Курбатовы, Алексей Ткач.

ВКЛАДКА

Снимки из семейных архивов:
Вадима Соловьева и Марины Пименовой,
Ирины Логиновой.

Фотографы

Михаил Ширман,
Михаил Новак, Альфред Паулаускас,
Юрий Зайцев,
Татьяна и Александр Курбатовы,
Елизавета Лозновская,
Алексей Деменчук,
Вадим Соловьев,
Марина Пименова,
Борис Калашников,
Станислав Радионов,
Алексей Ткач.

Коллаж

Марина Пименова.

Вадим Соловьев
«Живите радостно, или Сестрорецкая скоропись»

Редакторы: Николай Солохин, Нина Косматова
Подбор иллюстраций: Анна Кондратьева, Марина Пименова
Корректор: Нина Солохина

© В.А.Соловьев, все права на тексты
© Оригинал-макет: Борис Калашников
© Обложка и рисунок на стр.3: Марина Пименова
© СПб, 2012

Отпечатано в типографии ООО «ТАРО»
Санкт-Петербург, 199106, 24 линия, д. 3/7
Формат: 60х90/16 - Печ. листов: 23,5. Печать офсетная.
Сдано в набор 23 января 2012 г.
Подписано к печати 25 января 2012 г.
Тираж 1000 экз. Заказ №839.

ISBN 978-5-88485-202-0

9 785884 852020 >